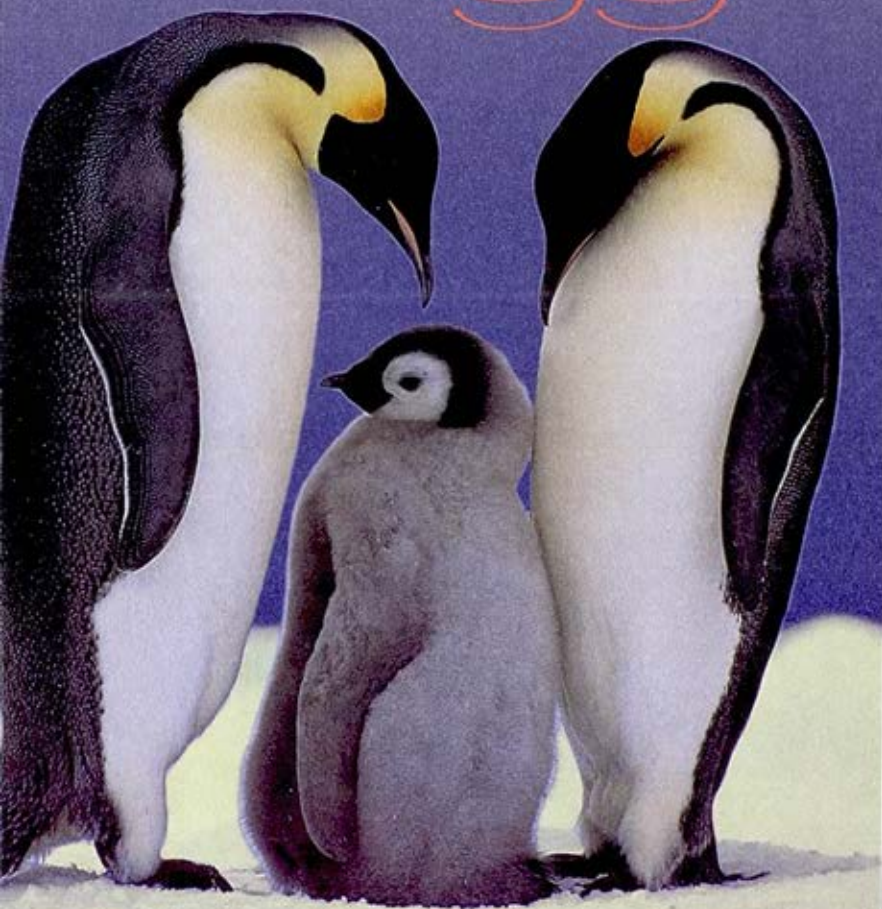

СМЕНА

март

- Анна Малышева **Тело в шляпе**
- Елена Брускова **Мир без Улановой**

СОВРЕМЕННОМУ МОТОРУ

МАСЛО

ЛУКОЙЛ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам.главного редактора

Борис Даниюшевский

Николай Левинев

зам.главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

Шамара Чинниа

3'99

март (1613)

Сдано в набор 28.1.99

Подписано к печати 19.2.99

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Заказ № 429

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per.№ 014832

Учредитель —

ООО "Издательский дом

журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 1999.

122 *Анна Малышева*
ТЕЛО В ШЛЯПЕ
Детектив

Фрэнк
246 *Лейбер-младший*
ЛУЧ РЕНТГЕНА
Мистический рассказ

4 *Галина Брынцева*
ВСЕМ —
“ДОБРОЕ УТРО”!

Светлана
46 *Бестужева-Лада*
БЕЗ ЗАДНЕГО ХОДА

53 *Игорь Гамаюнов*
МЫТАРИ
С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

62 *Наталия Феклисова*
ЧУДО ИЗ ЧУДЕС

88 *Тоги Надарейшвили*
ДИРИЖЕР СТОЛА

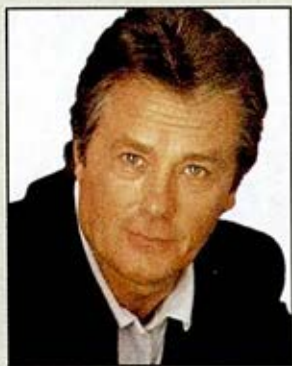
100 *Сергей Каленикин*
СВЕТИЛО ЗАКИПАЕТ

107 *Шатъяна Смольякова*
В ПОЗЕ СТРАУСА

В НОМЕРЕ:

март '99

3

стр. 40

стр. 68

13 *Елена Брускова*
МИР БЕЗ УЛАНОВОЙ

24 *Любовь Русева*
**КОРОЛЬ
ДИПЛОМАТОВ**

40 *Майя Орлова*
ЛЕДЯНАЯ ГРУДЬ

68 *Огюст Мариэльер*
АЛЬБРЕХТ ДЮРЕР

226 *Роман Белоусов*
**"И НЕЖНОСТИ
БЫЛОЙ Я СЛЫШУ
ДУНОВЕНЬЕ"...**

258 *Лев Кацевский*
ПЕРИКОЛА

стр. 62

96 *Шатъяна Смертина*

*Мэри Хиннис
Кларк*
**"ПОКА МОЯ
КРАСАВИЦА
СПИТ..."**

Совершено убийство писательницы и журналистки Этель Лабстон. Кто виновник? Бывший муж, из которого она тянула бешеные алименты, модельер, на которого собралось немало компрометирующего материала, племянник, мечтавший получить после ее смерти огромное состояние? Американская писательница Мэри Кларк — большой мастер детективных загадок. А разгадка, как обычно, — только в конце этого увлекательного остросюжетного романа.

*Борис
Сопельняк*
**ЗАГОВОР
ПОЛОТЕРОВ**

"Дело кремлевских полотеров", замышлявших в 1935 году уничтожение вождя народов и других руководителей государства, не получило тогда шумной огласки. Почему? Об этом - в расследовании нашего специального корреспондента архивных материалов КГБ-ФСБ.

апрель '99

4

АНОНС:

ВСЕМ “ДОБРОЕ

Галина БРЫНЦЕВА

фото **Игоря Яковлева**

Когда начинается завтра?

Поначалу никак не могла взять в толк: почему, чтобы узнать, как делается на ОРТ программа телеканала “Доброе утро”, идущая с шести до девяти утра во вторник, мне необходимо приехать в Останкино в шесть вечера в понедельник?

— Все очень просто, — разъяснили мне в “Добром утре”, — у нас сегодня — это завтра. Потом сама поймешь. Хотя, может, об этом не стоит писать?..

Все, действительно, оказалось просто. Страна у нас, а значит, и территория, на которую вещает канал, такая большая, что находится в разных часовых поясах. Поэтому в разное время транслируется четыре выпуска утренней программы. Первый эфир начинается, когда на Камчатке и Сахалине шесть часов утра, а в Москве 22 часа предыдущего вечера. Этот выпуск делается “вживую”, т.е. идет три часа в прямом эфире, который уже в записи смотрят потом жители других российских регионов — “по мере поступления к ним утра”. Любопытно получается. Выходит, все занятые в первом выпуске “Доброго утра” телевизионщики два часа из трех, что длится “живой” эфир, пребывают в некоем виртуальном 25-м часовом поясе Земли: еще “находясь

в понедельник”, с 22 часов до полуночи они одновременно “оназываются в утре вторника”. Чудны дела твои, XX век...

Сомнения же “писать о том или не писать” развеял генеральный директор дирекции телеканала “Доброе утро” Виктор Осолков:

— Ну, а почему нет? Почему надо скрывать от зрителя то, что для специалистов не более, чем секрет полишинеля? Существуют реалии, с которыми приходится считаться, потому что не располагаешь возможностями их изменить. В конце концов, независимо от того, живой эфир смотрят люди или его запись, — они видят коллективную работу наших профессионалов, которая, поверьте, всегда делается на совесть. А учитывая непростое время и наше, мягко говоря, телевизионное небогатство, можно сказать, —

УТРО"!

и на пределе возможности. Кстати, в 1999-м "Доброе утро" будет идти на Москву и Европу уже не в записи, а вторым "живым" эфиром.

"В конце концов, не в прямом эфире все счастье", — поддержал директора Осколнова и его заместитель Василий Антипов.

— А в чем оно, телевизионное счастье, Василий Иванович?

— В качественности продукции, которую телеканал выпускает. Качество же "держат" два очень важных для нас момента.

Первый — твердость позиции, на которую встали создатели утренней телепрограммы, когда все еще только начиналось в 87-м году, верность выработанной за одиннадцать лет философии. Нас не интересует то, что происходит на парнете в Кремле. Мы остаемся вне политических интриг и игр. "Доброе утро" — программа народная, она выходит для миллионов обычных людей, которые ее и смотрят. Поэтому наши журналист-

ские интересы — эти люди и то, что интересует и волнует их самих.

Второй момент, позволяющий не стыдиться за качество продукции — это высокий профессионализм тех, кто делает наше "Утро" таким, какое оно есть, — добрым. У многих за плечами большой опыт и прекрасная школа старой программы "Время". Дававшая такую профессиональную выучку, о которой может мечтать любой специалист-телевизионщик. Многие сотрудники телеканала, действительно, настоящие профи. Команда.

Команда

Утренняя программа идет на ОРТ пять дней в неделю, с понедельника по пятницу. Соответственно, "Доброе утро" делают пять бригад профессионалов. Нандную, закрепленную за определенным днем недели, возглавляет руководитель дня — так называется эта должность. В бригаде свой режиссер, ведущий (или ведущие, поскольку по средам три утренних часа с вами проводят, дорогой читатель-телезритель, молодые обаятельные ребята — супруги Стриженовы), свой шеф-редактор.

Представить себе, хотя бы в общих чертах, в чем заключается работа режиссера телепрограммы или ведущего, наверное, не труд-

но. А вот что за должности такие – руководитель дня и шеф-редактор?

Придумать за много дней до эфира, наной будет программа того или иного дня недели, какие темы для развлечения или размышления предложит она телезрителям, что за гости придут в это утро в студию — все это входит в обязанности руководителя дня. Словом, руководитель дня – это стратег, которому необходимо видение “своих” эфиров на несколько понедельников или пятниц вперед.

А за что отвечает шеф-редактор? “За все!”, — ответили мне. И почти не преувеличили, в чем я убедилась, понаблюдав чуть позже за работой этого члена бригады. Представьте себе “корзину” будущего телеэфира: в нее уже сложены все спланированные и снятые к этому дню недели сюжеты, материалы постоянных рубрик, видеонюжеты и рекламные ролики. Теперь из всех этих “продуктов” необходимо приготовить красивое и вкусное блюдо — “Доброе утро”. Для начала еще раз проверить их качество — не просночил ли, снажем, ляп в звучащем за кадром комментарии телерепортера? Убедиться в

совместимости — согласитесь, клип с "веселеньной" попсой, идущий вслед за рассказом о судьбе бывшего солдата, вернувшегося из Чечни инвалидом, - показался бы всем нам, мягко говоря, неуместным. Необходимо продумать (как заметила шеф-редактор вторичной бригады Галина Нуриная, "накие-то вещи просто животом чувствуешь") и время подачи того или иного материала в эфир — ведь, например, сюжет из зоопарка с особым восторгом посмотрят дети, значит, жалко ставить его одним из первых — когда ребятишки еще не проснулись... С точностью до секунд прохронометрировать все материалы и программу в целом, проследить, чтобы гость "Доброго утра" приехал в телецентр вовремя, чтобы оплаченные рекламодателями ролики были показаны в строгом соответствии с условиями договора и — упаси Боже! — ни про один не забыть... Все это и еще многое другое — работа шеф-редакторов утреннего телеканала.

От состава бригады в первую очередь зависит стиль, внутренний ритм, тональность программ,

которые, несмотря на единую концепцию, одинаковость алгоритма подачи материала, не похожи одна на другую. Во-первых, именно в бригадах чаще всего рождаются темы сюжетов "своего" эфира. Некоторые минимум за неделю обсуждаются и утверждаются на планерке у руководства канала, а потом становятся репортерскими заданиями. Во-вторых, именно от членов бригады черты индивидуально достаются и программам ее дня. Снажем, ведущий Андрей Малахов ведет свои программы в стиле раскрепощенной тусовки, он, этот стиль, его — по жизни. А Лариса Вербицкая и в роли ведущей остается хрупкой женственностью, ни на минуту не забывающей, что она — Женщина. И уже потому "Доброе утро" в пятницу никогда не будет точно таким, как во вторник.

За то, чтобы каждое ваше рабочее утро было добрым, кроме бригад, отвечает еще уйма телевизионного народа: звукорежиссеры, музыкальные редакторы, монтажеры, операторы, редакторы субтитров (которые, появляясь строкой внизу телеэкрана, представляют участников передачи) — назвать абсолютно всех просто невозможно. И, естественно, готовит любой эфир еще и служба штатных и внештатных репортеров, представляя в программу каждого дня по 10-12 отснятых телесюжетов.

Все вместе, — а всего в штате утреннего телеканала шестьдесят специалистов, — и есть команда "Доброго утра". Профи.

Вкусивши сладкого яда

Я уже объясняла, почему, попав в Останнинский телецентр в вечер понедельника, оказалась в

гостях у вторичной бригады утреннего телеканала ОРТ. Шесть часов вечера, за четыре часа до начала первого, "живого" эфира — в обычный день для бригады не самый напряженный период: для доводки программы, каких-то рутинных дел времени еще навалом.

Можно попить кофе за большим столом тут же, в редакционной комнате. Можно, не спеша, сверить эфирную папку, все сто с лишним ее страниц, поминутно расписанных на три часа: что за чем — какой клип, какой сюжет за какой подводкой (коротким предваряющим текстом ведущей) — будет следовать? Или просто потрепаться, рассказать байку, как пару лет назад муха, залетевшая в студию, где шел прямой эфир, устроила китайскую пытку ведущей, начав пикировать ей на нос. Плавно перейти от этой темы к той, что давно стала здесь сакраментальной: состояние рабочих студий, позволяющее мухам-террористкам беспрепятственно проникать в святая святых, устаревшее оборудование, которое может отказать в любой момент эфира, нехватка разгонных автомашин для съемочных групп...

Но все это можно — в **обычный** день. Этот же понедельник стал кануном похорон Галины Старовойтовой в Санкт-Петербурге. Что меняло многое. В том числе и всю возможную для этого времени ситуацию в редакционной комнате.

...Шла лихорадочная переверстка программы вторника, дня недели, о котором еще два дня назад не было известно, что он станет траурным. Неделю назад, когда планировалась программа, говорилось о темах, связанных с приятными событиями в жизни веселых и

известных людей — юбилей антри-сы Натальи Крачковской, юбилей детского юмористического киножурнала "Ералаш". Были отсняты и сверстаны сюжеты, занявшие в программе свои места и отхронометрированные до секунды...

Александр Школьник, руководитель дня, все это объяснял мне даже не на ходу — на бегу, курсируя между редакционной комнатой и находящейся этаном ниже монтажной студией: место "Ералаша" занимал эпизод из авторской передачи Оксаны Пушкиной "Женские истории", существенно менялся хронометраж всей утренней программы. Шеф-редактор бригады Галя Нуриная не поднимала головы от эфирной папки, внося в нее изменения. А режиссер Татьяна Ларчинова в это время обсуждала с тележурналистом, автором интервью, как "сминшировать смех Натальи Крачковской и этим хоть как-то поменять всю интонацию беседы". Позвонил по "громкой связи" Василий Антипов: "Саша, Лариса Вербицкая подводку к куску из "Женских историй" написала? Не успевает, другие переделывает? Пиши сам! О том, что сегодня похороны, что вечером, вместо ранее объявленной ОРТ программы "Тема", будет показана программа Оксаны Пушкиной с участием Старовойтовой..."

А довершала целостность картины всего этого сумасшедшего дома музыкальный редактор Татьяна Осипова. Отрешенная сосредоточенность ее лица заставляла поверить: кроме видеомагнитофона с монитором (некоторые музыкальные видеоклипы тоже необходимо было срочно заменить) она **по-настоящему** не видит и не слышит ничего из того, что происхо-

дит. Что для человека в здравом состоянии было бы совершенно невозможно.

Впрочем, нет. Вся атмосфера в этой большой комнате и поведение телевизионщиков, скорее, напомнили мне эпизоды хроники Службы спасения: та же предельная сосредоточенность, выверенность и слаженность действий. Когда каждый точно знает, что ему нужно делать сейчас, через минуту, через час. И точно все выполняет. Собственно, это и называют профессионализмом.

Признаюсь, происходящее завораживало: хотелось включиться в общий сумасшедший ритм, что-то сделать, что кусочком мозаики войдет в окончательный результат совместных усилий; пусть — маленьким, но без которого не обойтись.

"Все ваше телевидение — наркотик. Причем, сильный — с первого раза привязаться можно", — в шутку пожаловалась на собственные ощущения Игорю Денисову, руководителю службы репортеров "Доброго утра". Он "успокоил":

— Знаете, что говорила нам преподавательница на курсах при Гостелерадио СССР? Она говорила: "Запомните, мои милые, телевидение — это сладкий яд"...

"Съемка — это всегда стресс"

Планатини с таким содержанием руководитель службы репортеров рекомендовал повесить над рабочими столами своим подчиненным. Чтоб не расслаблялись, но и не впадали в панику по поводу и без повода. Сам он впервые попал в Останкино 19 лет назад. Сразу после школьного порога, совершенно случайно и, как через неко-

торое время выяснилось, очень долго, может, и навсегда.

Все же фигура номер один в любой журналистике, включая телевизионную, это репортер. Хотя Игорь Денисов считает, что репортер снимающий и репортер пишущий — две разные профессии:

— Любой, даже самый гениальный газетчик, если поставить перед ним задачу отснять телесюжет, "просядет" на эфире. К нам многие крепкие профессионалы из газет и журналов приходили, пробовали себя — не получалось. Дело, наверное, в том, что газетный материал предполагает изрядный допуск на восприятие описываемых событий, фактов, людей самим журналистом. И это дает ему дополнительные возможности. Ну, например, описывая жизнь беспризорников, он может рассказать о собственных чувствах и переживаниях, которые испытывал, общаясь с бездомными детьми, и этим усилит эмоциональное воздействие на читателя. Или, снажем, герой его репортажа или интервью — человек талантливый, интересный, но совершенно не умеющий ясно и логично говорить. В статье настоящего профессионала-газетчика этот человек "заговорит" хорошо, понятным языком, не потеряв при этом ни своей индивидуальности, ни точного смысла своих мыслей и идей. У тележурналиста такой возможности победить косноязычие человека в кадре нет. И на собственную рефлексию перед теленамерой он тоже рассчитывать не вправе.

Совершенно отличный у нас от пишущих коллег и сам характер работы с материалом. У газетчиков это, что называется, "индивидуальная трудовая деятельность": над

своими статьями они работают в одиночку. На телевидении — "артельный труд", командное творчество. Телематериал по пути в эфир проходит через десятки людей. Журналист выезжает на запись. С ним отправляются звукорежиссер, оператор, осветитель. Качество конечной продукции зависит от любого из них. И автору интервью или репортажа необходимо управлять всей съемочной бригадой, координировать действия, ренжиссировать съемку. Для того, чтобы каждый специалист сработал так, как это нужно ему, репортер должен быть неформальным лидером группы. Если репортер на это не тянет, сделать стоящий сюжет ему будет очень трудно.

Так что сама съемка — работа на точке, как это у нас называется, — всегда нервное напряжение, всегда необходимость брать нений психологический барьер. А в результате — с трудом и диними нервами гениально отснятый материал может испортить несправившийся монтажер или небрежность работника тон-ателье. Тон-ателье — это где происходит озвучка, наговор на видеоряд текста, написанного журналистом под сюжет.

Качество озвучки решает многое. Поэтому, идеально, если весь наговор репортер делает непосредственно на точке, синхронно со съемкой. Как это происходит в прямых репортажах, когда все сразу идет в эфир. Это, конечно, высокий класс! Такое не всем репортерам по силам. Здесь требуется хороший литературный язык, умение импровизировать, владеть интонацией...

— Игорь, а если говорить о качестве, много ли репортерских ма-

териалов идет в корзину, отбраковывается?

— Ничтожно мало. И чаще все же — те, авторы которых внештатники. Брака мало, потому что, во-первых, в нашей службе репортеров работают очень профессиональные люди. Во-вторых, телевидение — слишком дорогое удовольствие. Например, только один выезд бригады на съемку стоит, в среднем, 200 долларов. Так что мы не можем позволить себе халтурить даже по финансовым соображениям.

— А платить за информацию, как это стало сейчас принято в нашей журналистике, приходится? Я знаю газеты, где репортеры, отправляясь добывать, например, криминальную хронику, у себя в редакциях получают в конвертах приличную сумму, чтобы "прикупить" фактов в отделениях милиции...

— Нам это ни к чему, мы в жареное не лезем: не вписывается такое в идеологию "Доброго утра". А в других случаях... Ну, хотели было, к примеру, пригласить гостем в студию Шарля Азнавура, когда он в Москве был, пришлось отказаться — как говорится, за неимением лишних средств. Или поехала куда-то наша съемочная группа делать сюжет о выставке старинных патефонов в Измайловском парке, углядели там и симпатичный вернисаж фотографий львят, устроенный каким-то фотолюбителем. Хотели снять заодно, а парень им: "Платите бабки — тогда дам на съемку разрешение..."

— И что в таких случаях?

— Разворачиваемся и уходим.

— Игорь, а что за люди работают в вашей репортерской службе? Телезрителям всегда любопытно: что за человек стоит за коротень-

ким титром с именем автора сюжета.

— В штате — двенадцать журналистов, и все они — очень разные. Елена Ицеева — репортер, который умеет делать все: от эссе до "горячих" репортажей. Она сейчас ведет рубрику "5 минут с властью". Боюсь взглянуть, но, кажется, без слабых мест все получается... А Элеонора Неллер — человек необычайно творческий, великолепная фантазерка. У нас говорят о таких: "умеет надуть на точке мыльный пузырь". Знаете, как бывает, когда приезжаешь взять видеоматериал? "Улица, фонарь, аптека..." — скукота, одним словом. А она и в такой ситуации умеет построить интригу, ее сюжеты на одном дыхании смотрятся... Тамара Бочарова... Для начала, это просто очень добрый, спокойный человек. Что, между прочим, большая редкость для нас, репортеров — людей самолюбивых и нервических. На Тамару большой спрос в дневных бригадах; руководители дня, передавая мне свою тему, просят: "Дай это Бочаровой сделать". Дело в том, что ей слишком дорога своя фамилия, что значит в конце репортажа, никогда не позволит себе что-то недотянуть в материале. И уникальная работоспособность! Считается, что сделать больше двух удачных съемок в неделю трудно чисто физически. Тамара — делает. И все всегда качественно. И постоянно ищет и отнапывает что-то неожиданное, интересное. В Екатеринбурге нашла бомжа, который красными расписывает городские помойки. Представляете?.. Потрясающий был сюжет!

У этих журналистов опыт работы на TV очень приличный, а вот нашему Алексею Манееву 21 год,

и он всего год назад, как говорится "самотеком" пришел к нам на телеканал. Сделал один, другой репортаж... Здорово! Вскоре взяли в штат. Он первый ввел в программу костюмированные репортажи. Например, задумал сделать сюжет к 100-летию мирового кинематографа. Написал сценарий, накупил, достал — одному Богу известно, где — разных атрибутов типа старинной киноплёнки, костюмов конца прошлого века... Классный репортаж получился.

— Алексей Манеев — самородок?

— Алансей Манеев, пренде всего, работяга. Он очень много пашет, старается вобрать в себя массу самой разной информации. И наконец Леша — фанат телевидения.

— Даже проведя у вас "за кулисами TV" всего несколько часов, я его, кажется, хорошо понимаю. Игорь, а вы сами-то могли бы в этой жизни чем-то другим заниматься?

— Я попал сюда в 17 лет. Здесь жил. Это мой дом, я его строил. Мне просто не с чем сравнивать.

Не забудьте включить телевизор

...В тот вечер программа вторника была переверстана к половине десятого. Все видеозаписи сюжетов распределены по нескольким аппаратным, которые во время трансляции по команде режиссера станут давать их в эфир. 21.30 — время, когда все спускаются со своего пятого этажа на четвертый в АСБ-21 — аппаратно-студийный блок. Где и происходит то главное, ради чего они напряженно работали неделю, находились в состоянии стресса послед-

ние часы: "живой" эфир телеканала "Доброе утро". После окончания которого кто-то в совершенно измочаленном состоянии понинет Останкино в час ночи (вторника!), другие будут ждать девяти утра — до окончания московского выпуска программы, а некоторые смогут покинуть телецентр и пойти отсыпаться лишь в час завтрашнего дня. Каким к этому времени будет их состояние, — боюсь даже представить. Но говорят: "Привыкли, ничего страшного".

АСБ-21 (не такая уж и огромная, чтобы поразить воображение дилетанта) — комната, часть которой отгорожена звуконепропускаемым стеклом. За ним — студия, где уже занимается своей причесной Лариса Вербицкая, готовясь выйти в "живой" эфир. Все режиссеры, их ассистенты, операторы застыли у своих пультов с массой тумблеров, кнопок, рычажков и смотрят на противоположную стену, которая, как мне кажется, вся сплошь состоит из мониторов с одним, что побольше, — в центре. В дверях аппаратной маяются Галя Куринная и Саша Школьник: последние минуты самые томительные. Тем более, что вся власть теперь уже не у него, а у режиссера Тани Ларчиновой, которая все еще не "командным", а обычным, негромким голосом предупреждает: "Все... Последняя наша минута пошла..." И после минуты всеобщего молчания — "Мотор!.. Внимание, третья: первый сюжет — ваш..." На центральном мониторе напротив полетели голуби и начали выплывать на экран слова: "Доброе утро".

Кто-то на Камчатке и Сахалине в эту самую секунду нажал на кнопку, включая телевизор...

Мир У без Улановой

Год, как умерла Галина Уланова.
Великая балерина.

Та, кем гордилась и всегда будет гордиться Россия.

"Отчуждение" лебедей

Ничего более противоестественного придумать нельзя: сдержанная, замкнутая, не допускавшая в свою жизнь никого из посторонних, предельно аннуратная Галина Сергеевна Уланова и — перевернутая, перетряхнутая ее квартира.

Все правильно, все законно, все неизбежно: завещания нет, создана комиссия по сохранению наследия Улановой. Татьяна Насаткина и я, дружившие с Галиной Сергеевной и последние годы по-

могавшие ей, вошли в эту комиссию.

Нотариальная опись имущества — дело серьезное. Вскрываются все шкафы, вынимаются из конвертов все письма, выворачивается вся жизнь. "Лебедей запишем коллекцией? — Два севских — отдельно, а остальные можно коллекцией..." "А эта ваза? Вы не знаете, ее кто-то подарил? Она имеет мемориальное значение?.."

На мой взгляд, все в квартире Улановой, достаточно скромной по сегодняшним меркам, имеет мемориальное значение. Даже и

лебеди из простого стекла, дешевого фарфора, обыкновенного металла, дарившиеся Галине Сергеевне и — самое главное — сохранившиеся ею всю жизнь.

Описываются книги, мебель, фарфор, фотографии, автографы, сувениры, картины, одежда... Все, оказывается, имеет цену: подарки, подношения, память, любовь, привязанность, дружба — оценивается то, что, на самом деле, цены не имеет.

Простодушная, но очень решительная женщина из налоговой службы, вместе с застенчивыми музейными сотрудниками занимающаяся описью, все время возвращает нас с Таней на землю, рассказывая, как все "немузейное" будет вывозиться из квартиры. И продаваться. В каких-то таинственных магазинах, в которых, оказывается, продается "отчужденное имущество". Мы твердо надеемся, что этого не произойдет, говорим, что правительственное постановление называется "Об обеспечении сохранения наследия Улановой", что Галина Сергеевна и ее жизнь... Женщина смотрит на нас со снисходительным сожалением и спрашивает: "Когда умерла Татьяна Агафонова?" Вот тогда же вам и надо было обо всем подумать".

Мы разговариваем в комнате, где только что описали мебель и большое зеркало, привезенные Галиной Сергеевной из Петербурга, из родительского дома.

Такое трудное слово "должна"

Ее отец и мать всю жизнь были связаны с Мариинским теат-

** Журналист, близкий друг Г.С. Улановой, долгие годы помогавшая ей — прим. автора.*

ром, в котором много позже прославилась их дочь. Сергей Николаевич Уланов был артистом балета, а потом режиссером, ведущим балетные спектакли. Мария Федоровна Романова — сначала солистка балета, затем педагог хореографического училища.

Наверное, в застывшем после революционном Петербурге родители отдали маленькую Галю в балетную школу не только в силу традиции продолжения семейной профессии. Наверное, что-то угадали они в угловатой застенчивой девочке, подчинившейся родительскому решению и всю жизнь вспоминая, что она вначале не хотела учиться балету, а хотела стать моряком.

"Помню, как мама привела меня в маленькую часовенку перед экзаменами в балетную школу, помню, как мама молилась... Я поступала в школу, как поступают все: был просмотр, экзамен... Мама моя вела у нас класс. Она старалась меня не видеть. Ну, не совсем так... Она старалась не замечать меня: как бы я не должна у нее больше, чем другие, отнимать внимания. И она старалась — мимо, мимо взглядом... Но замечания мне, конечно, делала. Как всем.

Мне было очень трудно, хотелось домой и не хотелось заниматься."

В последние годы Галина Сергеевна часто вспоминала детство в балетной школе. Ледяную воду из рукомойников, маленькие кусочки хлеба вместо обеда, которые они, ученицы, разрезали с помощью ножа и вилки на тарелках с царскими вензелями из царского же буфета. И — желание убежать домой, и шепот Ма-

рии Федоровны: "Я не могу тебя забрать отсюда, ты должна остаться".

Маленькая девочка, воспитанная простым бытом дружной и работающей семьи с тем кодексом порядочности и чести, который в начале вена был неподдельным, знала значение слова "должна". Под знаком этого слова и прошла вся ее артистическая и педагогическая жизнь.

На одной из моих пленок с записью разговоров с Галиной Сергеевной ее голос: "Мне никогда ничего легко не давалось, вся моя жизнь — преодоление чего-то... Рядом со мной шло что-то, что мне мешало радоваться. Не было такого: ах, как все хорошо! Вся жизнь в отречении. Того нельзя, то — невозможно..."

Помню, как однажды в доме Улановой один из очень известных тогда режиссеров говорил — не без гордости — о комитетах, коллегиях, жюри, собраниях и заседаниях, в которых он должен принимать участие. Режиссер ушел, а Галина Сергеевна задумчиво сказала: "Если бы я жила таким образом, я бы не продвинулась дальше четвертого ряда в кордебалете".

... "и верной себе чистоты"

"Уланова — чудо. Несличима и несравнима с другими танцовщицами. По признаку самого сокровенного. По природе тайны", — говорил Сергей Эйзенштейн, которому так и не удалось снять Галину Сергеевну в роли Анастасии в "Иване Грозном".

"О, вы и представить себе не можете, что значит в Америке имя Улановой. Успех, триумф —

все это слишком невыразительные слова", — писал рисовавший Галину Сергеевну художник Борис Шаляпин, сын великого русского певца.

Одетта-Одиллия... Аврора... Мария... Жизель... Джульетта... Золушка... Любая роль становилась предметом исследования критиков и восторга поклонников. И для того времени, когда кумиры создавались не мельканием в телевизоре, когда слово "тусовка" в нашем языке еще не появилось, у Улановой была оглушительная, всемирная, подлинная слава. А она все в своей жизни объясняла случаем, совпадением. И — самое главное — бесконечным трудом.

Очень точно сказала когда-то ее ученица, Екатерина Максимова: "У Галины Сергеевны полное отсутствие влюбленности в себя".

Письмо от Бориса Пастернака к Галине Улановой, написанное в 1945 году, впервые было полностью опубликовано лишь в 1988-м:

*"Дорогая Галина Сергеевна!
Вы большая, большая артистка, и я все время с мокрым лицом смотрел Вас вчера в "Золушке" — так действует на меня присутствие всего истинно большого рядом в пространстве. Я особенно рад, что видел Вас в роли, которая, наряду со многими другими образами мирового вымысла, выражает чудесную и победительную силу детской, покорной обстоятельствам и верной себе чистоты. Поклонение этой силе тысячелетия было религией и опять ею станет, и мне вчера казалось (или так заставили Вы меня подумать совершенством ис-*

полнения), что эта роль очень полно и прямо выражает Ваш собственный мир, что-то в Вас существенное, как убежденье. Мне эта сила дорога в ее угрожающей противоположности той, тоже вековой, лживой и трусливой, низкопоклонной придворной стихии, нынешних форм которой не люблю до сумасшествия и так откровенно безучастен к ней, что позволил ей низвести себя до положения вши.

Желаю Вам долгой жизни и постоянного успеха в претворении спорных и половинчатых пережитков в новую цельную первичность, как удалось Вам извлечь пластическую и душевную непрерывность из отрывистого, условного и распадающегося на кусочки искусства балета.

Я не собирался сказать Вам ничего, что было бы неизвестно Вам, Вам, естественно и заслуженно привыкшей к более сильным эпитетам и похвалам и более пространным признаниям.

Старое сердце мое с Вами.

Ваш Б. Пастернак.

13.XII.1945".

Когда-то Галина Сергеевна сказала Альберту Кану, американскому писателю и фотомастеру, создавшему книгу "Дни с Улановой" и лучшую фотолетопись об Улановой: "Я сильнее, чем вы думаете". А он потом записал: "Я ушел от Улановой с уверенностью, что встретил женщину настолько же необыкновенную, насколько она казалась обыкновенной".

В хрупкой, назвавшейся на сцене неземной женщине угадывалась не только "верная себе чистота", но необыкновенная, действительно, тайная сила ее, вырастающая в силу сопротивления, в

"угрожающую противоположность".

О тайне, о загадочности, о непостижимости явления Улановой балерины писали и говорили много. И иногда за границей — если не лучше, то неожиданнее, чем у нас: "Если где-нибудь в космосе есть цивилизация выше нашей, Уланова была бы лучшим посланцем нашей планеты", — писала в свое время одна из американских газет.

Галина Сергеевна оставалась столь же загадочной и в другой своей жизни, когда она ушла со сцены и стала педагогом-репетитором в том же Большом. Феномен Улановой, мне кажется, в том, что ее сценическая чистота, естественность, предельная искренность не были сыграны. Это была ее сущность. Так же, как и полное отсутствие тщеславия, и удивительная скромность. Галина Сергеевна была необыкновенно искренним человеком, она могла промолчать и не сказать того, что думает, но никогда и никому не говорила того, что не думает, не чувствует.

Не любившая официальных признаний и не искавшая их, Галина Сергеевна Уланова была осыпана орденами и званиями. Звезды Героя Труда я видела на Улановой (думаю, что и другие — тоже) дважды: в день их получения. Четыре ордена Ленина и другие награды, не надеваемые и не замечаемые, так и пролежали в секретере у нее дома до тех пор, пока их не внесли в опись. И ни на одном из этих вручений не было такого, чтобы Уланова произнесла принятые в то время слова благодарности в адрес "партии и правительства".

От последнего своего юбилея в Большом театре Галина Сергеевна отказалась, сказав, что это не круглая дата. А потом: "Хватит, сколько можно сидеть в ложе на виду у всего театра?" В обычные дни на спектаклях она сидела в уголке, не видная залу. Но в театр 8 января собиралась. Накануне же дня рождения решила: "Не пойду я на "Лебединое". Хотя и надо бы — новая постановка. Но я знаю Володю (Владимира Васильева — **Е.Б.**), он выйдет и скажет: "У Улановой день рождения". А я прячусь от этого".

В последний день рождения Галины Сергеевны, который она провела дома, я дежурила у телефона и у двери — то и дело приносили телеграммы и цветы. Галина Сергеевна не очень хорошо себя чувствовала, полеживала, читала своего любимого Тургенева, подходила к телефону редко.

Звонков было сорок семь. Поздравляли не только из России — из Праги, Дюссельдорфа, Токио, Парижа, Вашингтона, Стокгольма. Растрогал ее звонок от участкового милиционера. "Какой милый, — сказала Галина Сергеевна. "Вы его знаете?". "Нет. Но все равно — милый".

Телеграммы с красной полосой — правительственные — вызвали удивление: "Откуда они все знают, что у меня день рождения?" Самый большой и красивый букет прислали от Бориса Николаевича Ельцина. Галина Сергеевна отнеслась к нему сдержанно и старомодно вежливо: "Надо бы поблагодарить, но мы не знакомы". Удивилась телеграмме от знакомого и уважае-

мого ею человека, подписанной всеми его титулами и постами: "Зачем это ему? Не понимаю..."

Остались визитки Галины Сергеевны, к которым она так и не привыкла. На них написано два слова: "Галина Уланова". И — телефон.

Право видеть мир по-своему

Правила советской, ушедшей эпохи она так и не усвоила. Но и в новом, наступившем времени не очень разбиралась. Иногда казалось: Уланова вне той жизни, что идет за стенами ее квартиры и ее второго дома — Большого театра, в котором до своей последней болезни занималась с солистами.

Она очень редко смотрела телевизор и слушала радио, разве что только — классическую музыку. Но и за время этих коротких включений, за быстрые поездки в Большой театр она успевала подметить многое. Те же вывески: "Почему мы стали нерусскими? У нас же есть свой язык!" Посмотрела случайно по телевизору кусочек каких-то политических дебатов и обронила: "Общество рассыпано, как песок". Послушала пять минут по радио выступление одного из политических деятелей: "Это неприлично — так говорить о президенте. Это какая-то новая нация!". Пришла из театра расстроенная: "Я видела из ложи: сидят и жуют жвачку. Как это можно — классический балет, а они жуют..." Увидела клип: "А это что такое? Это, как раньше, — четвертушку хлеба резали на 4-5 частей. Зачем это? Конечно, я понимаю: сейчас время скоростей. Понимаю, но не принимаю".

И вместе с тем защищала право молодых на свое видение мира, на эксперимент, на свое понимание искусства. С интересом следила за петербургским хореографом Борисом Эйфманом, защищала от нападок не очень ей близкую новую редакцию "Лебединого озера" Владимира Васильева. "На моем веку было много всяких редакций этого спектакля. Почему всем можно, а Володе нельзя?"

Всегда откликалась на любое предложение молодых поработать с ними — в Москве ли, в Петербурге. С большим интересом репетировала с Николаем Цискаридзе. Одной из самых больших радостей последних лет было знакомство с молодыми балеринами Мариинского театра. "Мы бы так не станцевали". Она находила для них особые слова: "В танце — обличность, беззаботность и мягкость".

После неожиданной болезни и смерти своей помощницы Тани Агафоновой, пережитой, как могло показаться, сдержанно и даже отчужденно, а на самом деле очень глубоко и тяжело, Галина Сергеевна сама стала часто болеть и чаще попадать в больницу. Как назло, это случалось и перед ожидаемыми ею событиями. А может быть, именно поэтому: волнения, переживания... Она не была на первом вручении премии "Золотая маска", которой ее наградили в номинации "За честь и достоинство в искусстве". Не смогла, хотя серьезно готовилась репетировать с Надеждой Грачевой "Сильфиду". Заболела в разгар репетиций новой постановки "Жизели", где была консультантом.

Последние годы дом Улановой пустел — была у нее идея, так до конца и не осуществленная: подарить, что хотелось, при жизни. Много было отдано театральному музею Петербурга. О том, что в музей можно что-то продать, Галина Сергеевна никогда в жизни не говорила и, как мне кажется, и не думала. И поэтому со своей детской любимой игрушкой — облезшим от старости плюшевым мишкой расставалась более трепетно, чем с веером Анны Павловой из розово-красных страусовых перьев и своими балетными туфлями, в которых танцевала последний раз. Отдала Галина Сергеевна свои костюмы и мемориальные вещи из дома музею при Петербургской Академии хореографического искусства имени Вагановой.

Последнее пребывание в санатории "Барвиха", где она была, как всегда, окружена любовью и вниманием всех — от горничной до директора, — было грустным. Галина Сергеевна по своим дорожкам уже не гуляла и к пруду, где еще прошлым летом сама гребла на лодке, не подходила.

Но дома ее последние дни были спокойными. Пришла милый и внимательный невропатолог, похвалила, сказала, что есть прогресс. И появилась надежда, что уйдет шум в ушах, головокружение, и вот тогда...

В это "вот тогда" вкладывалось многое. В том числе и оформление того, что обсуждалось последние недели: завещать квартиру Большому театру, чтобы, как не раз повторяла Галина Сергеевна, "чужие руки не копались в моей жизни". Назвать имена людей, которые должны будут за-

няться "все^м этим". Под "этим" подразумевалось — отдать то, что обещано, в петербургский музей, передать ценные книги в научную библиотеку Союза театральных деятелей, а часть архива — в Российский государственный архив литературы и искусства, не забыть про учеников и их детей. Основать на то, "что можно продать", стипендии для студентов балетных школ...

Ее не очень беспокоила официальная, бумажная сторона всего этого. Кроме того, Галина Сергеевна считала, что последнее письмо к ней Тани Агафоновой о необходимости заранее распорядиться судьбой дорогих ей вещей и не дописанная Таней же бумага, которая так и называлась "Завещание" и начиналась словами: "Я, Уланова Галина Сергеевна завещаю...", — имеет какую-то силу. А когда ей возражали, Галина Сергеевна с простодушием ребенка, абсолютно не знакомого с правилами взрослой жизни, говорила: "Неужели вам не поверят, что это были мои слова, моя воля?"

И самое горькое, что после ее ухода случилось то, чего она больше всего боялась.

Простите нас...

Уланова всю жизнь боялась публичности, чужого любопытства, чужих глаз. Сама Галина Сергеевна была человеком бесконечного такта, деликатности и ранимости. Иногда казалось: у нее нет кожи, защитного покрова. Она искренне считала, что ни в ней, ни в ее жизни ничего сверхвыдающегося не было. Из-за этого и книга ее, о которой она последнее время думала, ни надиктована, ни записана не была. Каждый раз, ко-

гда казалось, что можно приступить к работе, начинались сомнения вокруг одного и того же: "Это не интересно...кому это нужно?"

Она отказывалась от всех интервью. Решительно и иногда раздраженно. "Я со сцены ушла давно, о чем же писать?" Помню, когда я, присутствуя при таном отказе-разговоре, который коротким не был, предупредила Галину Сергеевну, что все может быть записано на магнитофон, а потом использовано, она ответила недоверчиво-удивленно: "Но так не поступают порядочные люди. Я же сказала, я не хочу давать интервью. Нет, они не посмеют".

При ее жизни не посмели. А после ухода — смогли.

Порядочные люди так, действительно, не поступают: не пишут про мифические "брильянты Фаберже", которых у Улановой никогда не было. Порядочные редакция не разрешают своим корреспондентам, близко не бывавшим Уланову и никогда не бывавшим в ее доме, сплетничать о том, чего они не знают и знать не могут. Порядочные журналисты не сочиняют небылицы о том, что Уланова — не умевшая готовить и не любившая говорить о еде — писала книгу... о вкусной и здоровой пище. Удивительно, но последнее было напечатано в газете, с которой Галина Сергеевна была связана дружбой и которая за день до этого напечатала прекрасную статью "Белая лебедь XX века" своего обозревателя Инны Руденко, много лет писавшей об Улановой и бывавшей в ее доме.

При ее жизни просто не посмели бы в статье с трогательным заголовком "Моя Уланова со сце-

ны не уйдет", написанной главным редактором популярного еженедельника, назвать элегантно, всегда со вкусом одетую Уланову "божьим одуванчиком"; уверять, что скромнейшая Уланова говорила о себе "мы", повторять обывательские выдумки о шинарной норровой шубке и роскошном надиллаке, "подаренном каким-нибудь иностранным президентом". И ошибиться, перепутать здесь что-нибудь было нельзя: никогда ни от одного президента не получила Уланова даров, имеющих материальную ценность.

Чистой или, вернее, — грязной воды фантазия, возникшая, очевидно, в силу собственных представлений авторов о жизни.

Те, кто, получив по телефону отказ в интервью, довольно часто подкрепляемый пространной мотивацией того, почему она этого не хочет ("неудобно, надо же человеку объяснить!"), — и, действительно, все записавшие на магнитофон, — не осмелились бы напечатать достаточно вольное изложение телефонного разговора. И при этом заявить, что это — последнее интервью, которое "удалось получить у великой Улановой" именно этой газете.

Одна из известных журналисток, получив отказ участвовать в ее телепередаче, звонила потом Галине Сергеевне еще не раз. Результат был прежним, но к редакционному телефону был подключен микрофон. После смерти Улановой в статье этого автора оказалась непонятно для чего история (действительно рассказанная

Улановой по телефону, но совсем не для публикации) о том, как было куплено кольцо, запомнившееся журналистке. И дорогой Улановой человек, далеко не безызвестный Иван Николаевич Берсенев — был назван "мужем Улановой, Иваном Васильевичем".

От всего этого — чувство горечи и вины. Впрочем, не только от этого.

Мы все в чем-то виноваты перед ушедшими от нас. Галина Сергеевна была человеком гордым и никогда ни о чем для себя не просила. И поэтому казалось, что ей ничего не нужно. Ни комнатки на даче среди зелени и тишины, ни особого внимания врачей в поликлинике, ни продления путевки в санатории... Впрочем, о чем это я? Ничего не изменишь, ничего не вернешь.

От тех тяжких, мучительных — иных, наверное, и не бывает — похорон до сих пор остались в памяти как утешение лица не очень хорошо одетых пожилых людей, шедших проститься с Улановой. Остались в памяти молодые лица тех, кто не мог видеть Уланову на сцене, но в их семьях, в их сердцах она была и останется эталоном красоты и чистоты.

Единственная документальная картина о Галине Сергеевне Улановой (сценарист Татьяна Агафонова, режиссеры Владимир Васильев, Алексей Симонов) называлась "Мир Улановой". У нас началась другая эпоха — мир без Улановой.

Так хочется, чтобы мир был достоин ее жизни, памяти о ней. ■

И божество, и вдохновенье

ФИЛИПП КИРКОРОВ:

Вся моя жизнь — это один большой безрассудный поступок ради единственной женщины в мире! Для подарка такой женщине не жалко никаких денег. А мое пожелание женщинам — если вы хотите нравиться, то должны хорошо готовить, хорошо одеваться, хорошо целоваться и... и... и...

АЛЕКСАНДР НОВИКОВ:

Однажды в интервью меня спросили: "Вы увидели красивую женщину. Ваша первая мысль?" Странный вопрос. Естественно, как у любого мужчины! Я вообще считаю, что женщины для того наряжаются и подчеркивают свои достоинства, чтобы побудить мужчину мыслить. Но в любом случае, всегда и везде, она должна оставаться Женщиной с большой буквы. Я сразу вижу, если женщина специально хочет понравиться. Я очень тонко чувствую фальшь. А в молодости, бывало, частенько из-за девушек безрассудствовал — в окна, на балконы к ним лазал...

ФЕЛИКС ЦАРИКАТИ: Я считаю, что нет плохих женщин — есть плохие мужчины. Ну, а я... Я всех женщин люблю. Красивых, конечно, больше. Всегда обращаю внимание на руки. Если женщина как картинка, а руки неухоженные, ногти неаккуратные — все. Вроде бы мелочь, а может испортить самое лучшее впечатление. Хотя вот я, такой любвеобильный, до сих пор не женат. Многие спрашивают: почему? А представьте — женюсь я на одной. А остальные? Они же тоже замуж хотят! За меня. Но если говорить серьезно, не нашел пока, наверное, свой идеал. Да и не ищу — считаю, что все в жизни, и любовь в том числе, должно прийти само собой в положенное время.

Ну вот и перезимовали — март на дворе! Как говорит один из сатириков, "Весна, весна! Распускаются листья, цветы и девушки". До листьев и цветов еще далеко, а вот девушкам в марте распуститься положено — женский праздник, как-никак. И, заметим, особо любимый мужчинами, потому что они — мужчины — получают возможность высказаться по поводу весны, любви и, естественно, женщин. Так что же сокровенное рвется из глубин их сердец? А вот что...

ИГОРЬ НАДЖИЕВ. Любовь к женщине — это испытание, потому что любовь не всегда бывает светлым чувством, она связана с переживаниями, с душевной мукой. Страсть, ненависть — все это любовь, все это одно слово. Как правило, каждая встреча с женщиной несет с собой гамму всевозможных чувств. Но проходит целая жизнь, прежде чем человек все это понимает, и только в конце пути он может сказать, что это действительно была его любовь.

АЛЕКСАНДР СЕРОВ. В моей жизни было много женщин — тысячи две, если сосчитать. Но это не значит, что с каждой возникали близкие отношения. Хотя, может быть, и близкие: общение, записи, разговоры, встречи, концертная работа... Конечно, каждая встреча и каждая женщина оставляют наной-то след как в жизни, так и в творчестве. У них вообще очень своеобразные взгляды, но со многими я согласен, хотя и пожилой человек.

ВАЛЕРИЙ ЛЕОНТЬЕВ. Как ни странно, но чтобы девушка мне понравилась, она должна быть... грустной. Почему? Не знаю. Это чисто интуитивное. В молодости я, случалось, совершал ради женщин безрассудные поступки. Помнится, как-то из-за любимой даже с работы увольнялся.

ЯРОСЛАВ ЕВДОКИМОВ. Женщина — это вдохновение. Она — трогательность, верность, скромность, преданность, беззащитность и мягкость. Живите и радуйтесь, что вы такие, наши милые девочки! Я желаю, чтобы каждой девушке и в этот день, и в любой другой, ее любимый говорил такие слова: "Роза красная моя, привыкаю к боли: навсегда к тебе шипы сердце мое принопали!"

Записала

Ирина

БАРЫШЕВА.

ГОРОДЬ СЧАСТЬЯ

ЛЮБОВЬ РУСЕВА

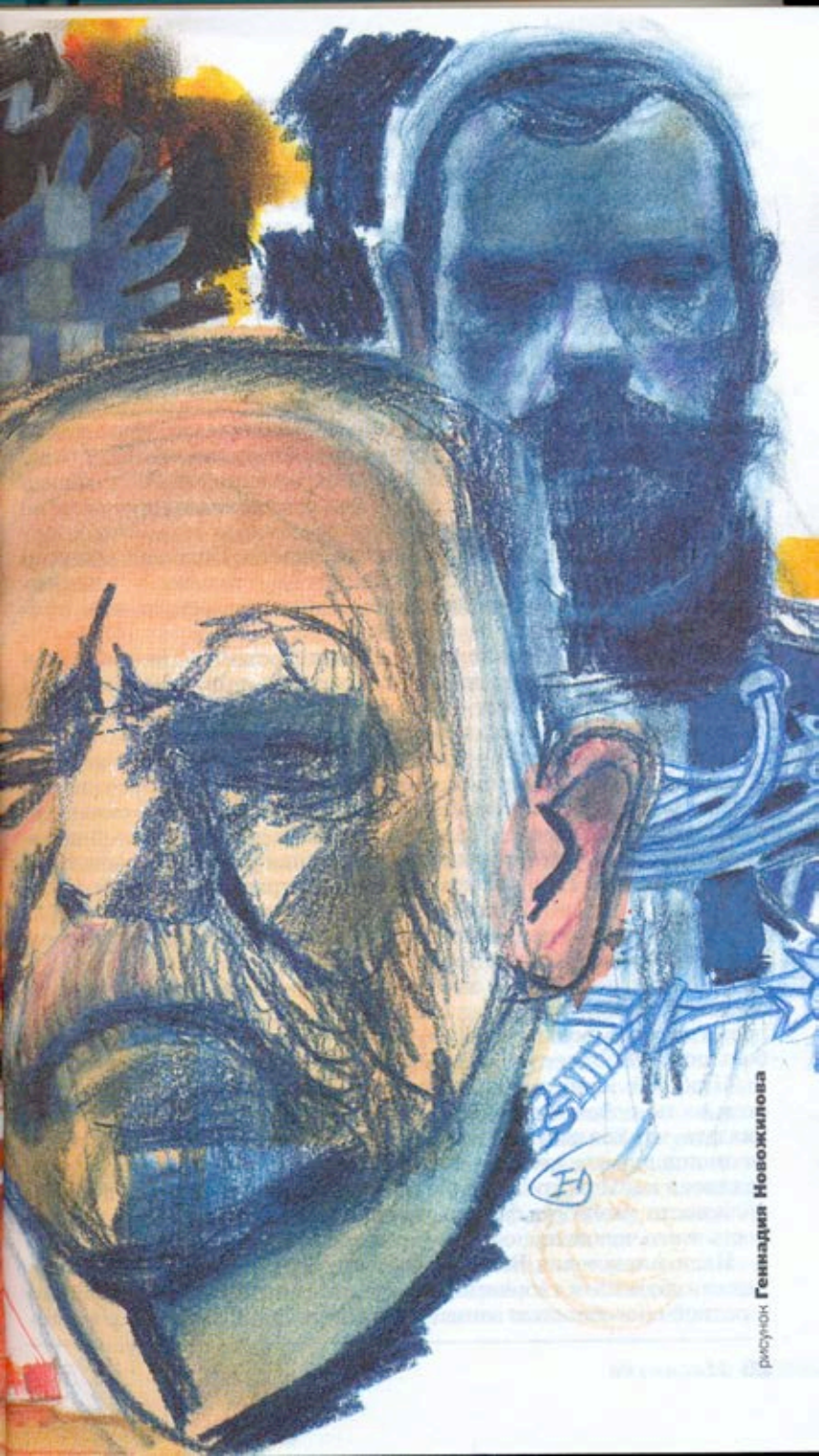

рисунок Геннадия Новожилова

Императорский поезд прибыл в Фастов. На станцию вошел начальник Юго-Западной железной дороги Сергей Юлиевич Витте, от которого сторонилась вся свита. Министр двора И.И. Воронцов-Дашков, знавший его с детства, сделал вид, что не узнает, министр путей сообщения К.Н. Посыет косо смотрел на своего подчиненного. Наконец к опальному чиновнику подошел генерал-адъютант, начальник охраны царя П.А. Черевин.

— Государь император приказал передать вам, что он очень недоволен ездой по Юго-Западным железным дорогам.

— Я предоставил министру путей сообщения расчеты, из коих ясно, что при наших русских путях с легкими рельсами, деревянными шпалами и песочным балластом невозможно столь быстрое движение тяжелого состава, который, расшатывая путь, может выбить рельсы, вследствие чего произойдет крушение.

— Да что вы там говорите?! — раздраженно сказал подошедший Александр III. — Я на других дорогах езжу, и никто мне не уменьшает скорость!

Император отошел, не дожидаясь ответа. Подошел министр путей сообщения, который стал обвинять Витте в том, что вверенная ему дорога находится в плохом состоянии, откуда и беспримерное его упрямство.

— Знаете, Ваше высокопревосходительство, — не выдержал Витте, — пускай другие делают как хотят, а я рисковать жизнью государя не хочу, потому что кончится это тем, что вы таким образом государю голову сломаете.

Император остался очень недоволен дерзким ответом начальника дороги, но промолчал. Через два месяца после этого инцидента произошла катастрофа в Борках, когда царская семья чудом не погибла. Последовала смена руководства железной дороги. Министром финансов на место Николая Христиановича Бунге был назначен Иван Алексеевич Вышнеградский. За несколько месяцев до отставки Бунге с недоумением спрашивали:

— Что может означать назначение Вышнеградского членом Государственного Совета?

— Вероятно, он меня заменит. Я уже состарился, новые мысли мне в голову не идут, а старым пробавляться теперь нельзя, время требует новых идей. У Вышнеградского они есть. Кроме большого ума, у него есть сильные инициатива и энергия.

Николай Христианович был чрезвычайно честным человеком, он не побоялся в своем отчете по государственной росписи указать, что все ресурсы государства истощены, и он не видит источников для увеличения доходов. Этими словами Бунге подписал своей карьере приговор. Признание привело его к отставке от должности министра финансов, но в то же время окружило личность этого человека почетом и уважением.

Иван Алексеевич Вышнеградский обладал не только новыми идеями, большим творческим умом, инициативой и энергией, но и редкой способностью заинтересовывать своей речью. Кроме то-

го у него была удивительная способность находить подходящих для его трудной и кипучей работы людей.

— Иван Алексеевич, — обратился Александр III к новому министру финансов, — я желаю, чтобы директором департамента был назначен управляющий Юго-Западными дорогами Витте. Когда я ехал по Юго-Западным дорогам, то он в моем присутствии сказал очень большую в отношении меня дерзость, а именно, что он не хочет слушать министра путей сообщения, так как не желает мне ломать голову. Я сделал вид, будто бы этой фразы, в высшей степени дерзкой, не заметил. Но так как Витте оказался прав, то я имею на него большие виды.

— Ваше императорское величество, я уже заговаривал с Сергеем Юлиевичем по этому предмету, но он не намерен переменить свою частную независимую службу на службу директора департамента.

— И все-таки я желаю иметь его при себе. Отпишите ему и подготовьте мне его послужной список. Кстати, в каком он чине?

— Всего лишь титулярный советник, причем находится в отставке — уволен за дерзость.

— Вот как?! Кому же еще досталось от этого человека?

— Министру путей сообщения, государь. Германский император Вильгельм пожаловал Сергею Юлиевичу орден Прусской Короны. Министр потребовал у Витте объяснения, за что император Вильгельм пожаловал ему орден. Сергей Юлиевич, как вы знаете, не отличается терпимостью и, будучи сердит на министра, резко ответил, что он очень удивлен, что его об этом спрашивают, так как не он давал орден императору, а император дал ему, поэтому министр должен с этим вопросом обратиться к Вильгельму. Сам же он этого объяснить не может, так как никаких заслуг ни перед Вильгельмом, ни перед Пруссией за собой не знает.

— Я люблю таких людей по характеру и настаиваю, чтобы он был назначен на должность.

— Государь, на первую мою депешу Витте ответил, что если вы прикажете, то он, конечно, подчинится, но просил вас иметь в виду, что он не имеет никаких средств.

Император увеличил жалованье в два раза (правда, оно было меньше в десять раз того, что Витте получал прежде) и назначение на должность директора департамента состоялось.

Сергей Юлиевич Витте был высокого роста, хорошо сложенным человеком с приветливым лицом; обладал живым, любознательным, глубоким и в то же время тонким умом. Подкупал людей своей естественностью и безыскусностью и совершенным отсутствием всякого подобия чиновнического типа. Умел слушать, необыкновенно быстро схватывал высказанную ему мысль. Во время беседы всегда был скромн, в споре проявлял уважение к возражению или к опровержению, и никогда не терял спокойного и беспристрастного отношения к вопросу и к собеседнику. Как каждого искреннего и непосредственного человека его выводили

из себя тупость и невежество. Он слыл человеком дела, не терпящим пустых фраз, не щадил себя, ради достижения блага для России считал, что все средства хороши.

Ведомство путей сообщения под влиянием первых же шагов нового начальника "помолодело", подтянулось и энергично работало. Завелись и новые порядки: не в ущерб дисциплине явились простота и доступность отношений подчиненных к главному начальнику, исчезли интриги.

Но проработал Витте на своем посту недолго, вскоре он был назначен министром путей сообщения. В 1892 году император Александр III вернулся из Дании и вызвал к себе в Гатчину Витте.

— Сергей Юлиевич, пожалуйста, прочтите эту записку и скажите мне ваше мнение по этому предмету, — сказал император новому министру путей сообщения.

Это была записка И.Ф. Циона, в которой министр финансов Вышнеградский обвинялся во взятке (500 тысяч франков), полученной от Ротшильдов при заключении в Париже займа.

— Государь, — сказал при следующем докладе Витте, — я нахожу нападки Циона неправильными и необоснованными. Несмотря на то, что Цион приводит несомненные доказательства вины Вышнеградского, я тем не менее этому не верю. Судя по видимости, доказательство несомненное, но я убежден, что здесь есть какое-то недоразумение.

— Я обратил внимание на это дело только именно ввиду представления Ционом такого документа, который, по-видимому, является неоспоримым доказательством того, что Вышнеградским была взята взятка в 500 тысяч франков.

— Ваше величество, действительно, документ это несомненно доказывает, и в подлинности документа сомневаться нельзя, но, несмотря на это, я все-таки глубоко убежден, что это неправильно, неверно. Вышнеградский взятки не брал.

— Почему вы так думаете?

— Министр финансов у нас в России обставлен так, что делать злоупотребления он не может. Всякий министр финансов находится как бы под стеклянным колпаком, каждый его шаг, каждое действие — как на ладони. С тех пор, как Вышнеградский сделался министром финансов, я все время был ближайшим его сотрудником, поэтому отлично знаю, что он не делал этих злоупотреблений хотя бы и потому, что он несомненно очень умный человек.

— Сергей Юлиевич, я вам очень благодарен за высказанное мнение, я вам верю, поэтому, пожалуйста, возьмите все эти бумаги, которые я вам передал, и оставьте все это у себя.

Вскоре после этого с Вышнеградским случился удар, врачи запретили ему напряженный умственный труд, и по его предложению 30 августа 1892 года Александр III назначил министром финансов Сергея Юлиевича Витте.

Назначение состоялось после страшного голода 1891 года — это был самый большой неурожай во второй половине XIX века, поэтому казна оказалась истощенной.

— Сергей Юлиевич, через 10 дней придется платить жалованье, — доложил директор департамента казначейства, — а между тем денег не хватит. Прошу вашего распоряжения.

— Если денег нет, чтобы платить жалованье, то и другого средства нет, как только выпустить из экспедиции заготовления государственных бумаг 10-20 миллионов кредитных билетов и таким образом покрыть все содержание, которое причитается служащим.

Узнав об этом решении, к Витте пришел бывший министр финансов и председатель Комитета министров Бунге, которого в высшей степени уважал Витте.

— Сергей Юлиевич, вы только что заняли пост министра финансов и уже встали на самый ужасный путь. Выпуск кредитных билетов, не обеспеченных ни золотом, ни серебром, вообще никакой реальной ценностью, и печатание по мере надобности денег приведет Россию к полнейшему финансовому расстройству.

— Поверьте мне, Николай Христианович, я совсем не сторонник денежного обращения. Я понимаю, что это вред, но у меня, пока я не взял хотя бы до некоторой степени дела в руки, другого выхода, кроме этого, не было. И могу вас уверить, что впредь к этому средству я прибегать не буду.

Услышав этот ответ, Бунге выразил готовность поверить в искренность Витте, но тем не менее сравнил министра, начавшего свою деятельность выпуском банкнот, с француженкой, которая согрешила, а затем уверяла, что это только первый раз в жизни и больше уже не повторится.

— Как я не поверю такой француженке, — закончил Бунге, — так же не поверю и такому министру финансов.

Впоследствии, через несколько лет, когда, вопреки всему, Витте удалась его великая реформа, он часто напоминал Бунге о его сомнениях по поводу француженки и него.

Имя Сергея Юлиевича связано с винной монополией, которая впервые, в виде опыта, была введена в 1893-94 годах в четырех восточных губерниях — Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской, к 1902 году — во всей Европейской части России, а с 1 июня 1904 года — и в Восточной Сибири. Реформа дала увеличение доходов казны. В 1894 году весь питейный доход составлял 297,4 миллиона рублей, в 1899 — уже 421,1 миллиона. В общем за время с 1 января 1895 года по 1 января 1901 года общий валовой доход от продажи водки составил громадную сумму в 955,8 миллиона рублей. В начале 900-х годов доля питейного дохода составляла 28% бюджетного поступления.

Неустойчивость русского рубля была главным препятствием в развитии промышленности и торговли. Но денежная реформа, предпринятая Витте, являлась вызовом могущественным слоям в

лице поместного дворянства и связанного с ним придворного круга, так как стабилизация рубля и повышение его курсовой стоимости неизбежно должны были привести к падению цен на сельскохозяйственную продукцию. Известие о готовящейся реформе вызвало бурю. Укрепление курса рубля и переход на универсальный золотой паритет отвечал в первую очередь задачам развития промышленности.

Денежная реформа вводилась поэтапно в течение 1895-1897 годов. Окончательно она была введена в действие указом от 29 августа 1897 года. Российская валюта стала одной из самых надежных в мире. В 1888 году золотой запас составил 45,8% к номинальной сумме кредитных билетов, находившихся в обращении; к 1892 году он возрос до 81,2%, к 1896 году — он составил уже 103,2%.

На новых банкнотах была надпись: "Обеспечивается золотым достоянием Российской империи". Золотая валюта способствовала интеграции страны в мировую рыночную систему и резко ускорила ее индустриально-капиталистическую модернизацию.

Кроме недюжинного ума, в Витте были необычайно развиты интуиция и политический инстинкт. Он хорошо ориентировался в сложных хитросплетениях сановно-бюрократического мира, умело вербовал нужных людей, что очень помогло ему в деятельности после смерти императора Александра III, который его во всем поддерживал.

В конце XIX столетия система двусторонних договоров превратила таможенные тарифы в одно из средств межгосударственных отношений, что послужило усилению роли Министерства финансов во внешней политике. Министерство финансов теперь имело за границей собственных резидентов, агентства и коммерческих представителей.

Витте был глубоко убежден, что Россия не может и не должна воевать, у нее одна внешнеполитическая задача — сохранение своей территории. Министр считал, что у русского государства нет ни единой потребности, которую нельзя было бы вполне удовлетворить, не прибегая к войне. Поэтому он ставил на очередь и разрешал колоссальные проблемы: введение золотого денежного обращения, винной монополии, заключение торговых договоров с иностранными державами, введение и упрочение протекционизма. В импорте в страну иностранного капитала и в развитии (при помощи этого капитала) промышленности в России он видел одну из главных целей, к которым должна стремиться государственная власть.

Дебют Витте на дипломатическом поприще состоялся в 1892-1894 годах, когда он был министром финансов. К этому времени протекционизм уже торжествовал как в Европе, так и в Америке. В 1891 году Вышнеградский провел тариф, затруднивший распространение германских товаров на русском рынке. Это был ответ тогдашнего министра финансов на ограничение Германией ввоза сельскохозяйственных продуктов из России.

Канцлером Германии в то время был Каприви — покорный исполнитель воли Вильгельма II. Император Германии повел курс на тесное сближение с Австрией и полную “свободу рук” относительно России. Германское правительство установило два тарифа: минимальные ставки применялись к большинству держав (прежде всего к тем, которые конкурировали с Россией) и максимальные взимались со всех продуктов, шедших из России.

Витте тоже предложил ввести двойной тариф: минимальный и максимальный. Естественно максимальный — против германских товаров. Тариф прошел утверждение в Государственном совете, но вызвал беспокойство в торговых кругах обеих стран. Русский министр финансов предложил Германии начать переговоры о снижении ставок — отказ. Тогда он моментально ввел максимальный тариф на германские товары. Германия тут же взвинтила пошлины на сельскохозяйственные продукты России. Тогда Витте еще в два раза увеличил максимальный тариф. Разгорелась ожесточенная российско-германская таможенная война, грозившая большими экономическими и политическими осложнениями, ибо она уже фактически оборвала русско-германские экономические отношения. Министра пугали неизбежным поражением, подталкивали к уступкам. Особенно нападали на него помещики и торговые фирмы, для которых Германия была главным экспортным рынком.

Витте вспоминал, что летом, когда уже шла таможенная война, он присутствовал в Петергофе на царском приеме: “все сановники, фрейлины, вообще вся свита и великие князья — все съехались в петергофский большой дворец... Когда я вошел в зал, то от меня все сторонились, как от чумы; всюду шли толки о том, что вот я, с одной стороны, благодаря своему неудержимому характеру, а, с другой стороны — молодости и легкомыслию, втянул Россию чуть ли не в войну с Германией, что началось это с таможенной войны, а так как Германия не уступит, то все это несомненно кончится войною с Германией”.

Россия действительно несла колоссальные убытки, но так как убытки противной стороны были гораздо ощутимее, Витте правильно рассчитал, что Германия в тот момент не решится начать войну, тем более по поводу тарифов. Благодаря поддержке Александра III и упорству министра мир все-таки был достигнут. Германия уступила, и в 1894 году стороны подписали очень выгодный для русского сельского хозяйства и германской промышленности договор. Резонанс мировой общественности на блестящую победу России над упорством германского правительства был огромным. “В последние десятилетия, — заявил Бисмарк (уже бывший в отставке), — я в первый раз встретил человека, который имеет силу характера, волю и знание, чего он хочет”.

— Поезжайте в Петербург, — посоветовал Бисмарк Гардену, — и познакомьтесь с Витте. Вы увидите, этот человек сделает громадную государственную карьеру.

С тех пор бывший железный канцлер пристально следил за русским министром финансов.

Таможенная политика Витте дала положительные результаты. В конце 1891 года таможенный доход составил в среднем 140 миллионов рублей в год, после некоторой заминки в 1891-1892 годах он неуклонно рос, достигнув в 1899 году 219 миллионов рублей, а в 1903 — 241 миллиона, что составило около 14% доходной части государственного бюджета.

Вторым выступлением Сергея Юлиевича на поприще международной политики было получение концессии на строительство Восточно-китайской железной дороги. Витте желал провести Сибирскую дорогу от Забайкалья не по русским владениям, делая большой круг по Амуру, а по китайской территории, т.е. по северной Маньчжурии. Прежде чем решился этот вопрос, произошла японско-китайская война, и был заключен Симоносекский мир, по которому Япония получала, кроме всего, Ляодунский полуостров. Витте вмешался и настоял на том, чтобы Россия поддержала “принцип целостности Китайской империи” и ультимативно потребовала от Японии отказа от Ляодунского полуострова. Витте уговорил министра иностранных дел Лобанова-Ростовского привлечь к делу Германию и Францию. Все три державы категорически потребовали от Японии отказаться от полуострова, Япония уступила.

Вслед за этим Витте устроил для Китая заем на парижском денежном рынке под русскую гарантию. Финансовая опека, решающее влияние России на правительство Китая и территориальная целостность последнего — вот политика Витте по отношению к великому восточному соседу. В результате отношения с Китаем установились самые дружеские, политика Витте торжествовала. Он начал переговоры о постройке железной дороги, которые увенчались полным успехом. Со своей стороны Россия обязывалась защищать Китай от нападения Японии. Обоюдный интерес был налицо.

Но получилось, что Витте выпустил джинна из кувшина. Впоследствии его упрекали, что именно он начал дальневосточную политику, которая привела к войне с Японией, именно он первый вошел на территорию Китая со своей железной дорогой, а это разожгло аппетит русского императора и некоторых кругов в России.

Союз с Китаем — основа азиатской политики Витте, но у него была и программа европейской политики, которую он высказал императору Вильгельму в июле 1897 года.

Вильгельм, приехав в Россию, попытался сразу же расположить к себе могущественного министра — пожаловал ему орден Черного Орла, который до тех пор давался только членам царской фамилии или министрам иностранных дел.

— Америка, — заявил Вильгельм русскому министру, — представляет для Европы большую конкуренцию, особенно для европейского земледелия, и следует оградиться от нее особыми

пошлинами, не давая ей прав наиболее благоприятствуемой стороны.

— Я не вижу оснований вдруг менять традиционные дружественные отношения к Америке на враждебные, — ответил Витте. — Европа в среде других стран представляет собою дряхлеющую старуху, и, если так будет продолжаться, то через несколько столетий Европа будет совершенно ослаблена и потеряет первенствующее значение в мировом сообществе, а заморские страны приобретут большую силу, и через несколько столетий жители нашей планеты будут рассуждать о величии Европы так, как мы теперь рассуждаем о величии Римской империи, о величии Греции, о величии некоторых малоазиатских стран и величии Карфагена.

— Что же, по вашему мнению, нужно делать для того, чтобы этого избежать? — спросил Вильгельм.

— Вообразите себе, Ваше величество, что вся Европа представляет собою одну империю; что Европа не тратит массу денег, средств, крови и труда на соперничество различных стран между собою, не содержит миллионы войск для войн этих стран между собою и что Европа не представляет собою того военного лагеря, каким она ныне в действительности является, так как каждая страна боится своего соседа; конечно, тогда Европа была бы и гораздо сильнее и гораздо культурнее; она действительно явилась бы хозяином всего мира, а не дряхлая бы под тяжестью взаимной вражды, соревнований и междоусобных войн. Для того, чтобы этого достигнуть, нужно прежде всего стремиться, чтобы установить прочные союзные отношения между Россией, Германией и Францией. Раз эти страны будут находиться между собою в твердом, непоколебимом союзе, то, несомненно, все остальные страны континента Европы к этому центральному союзу примкнут, и таким образом образуется общий континентальный союз. Тогда Европа сделается великой, снова расцветет, и ее доминирующее положение над всем миром будет сильным и установится на долгие времена.

Великий континентальный союз трех военных держав: России, Франции и Германии — такова была идея Витте. Этот союз гарантирует России безопасность от наиболее для нее опасной войны — с Германией. Морских держав — Англию и Японию — Витте не боялся: завоевательные их экспедиции против России невозможны, Россия на них тоже никогда не нападет. Следовательно, состоя в Азии в союзе с Китаем, а в Европе — с Францией и, в будущем, с Германией, Россия может не бояться никаких внешних опасностей.

Витте называли великим визирем Александра III, министр глубоко чтил этого императора, преклонялся перед его громадной волей, отношения между ними были самые доверительные. Не то было с Николаем II. Витте относился к Николаю II с недоверием и презрением, император к нему — с недоверием и ненавистью.

— Это будет нечто вроде копии Павла Петровича, — сказал как-то Витте Николай Иванович Дурново, — но в настоящей современности.

— Конечно, император Николай II не Павел Петрович, — ответил Витте, — но в его характере немало черт последнего и даже Александра I: мистицизм, хитрость и коварство, но нет образования Александра I. Александр I по своему времени был один из образованнейших людей, а император Николай II по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства.

Витте усматривал в царе “коварство, молчаливую неправду, неумение сказать да или нет и затем сказанное исполнить, боязненный оптимизм, т.е. оптимизм как средство подымать искусственно нервы”, он признал в Николае “сознательное стремление сваливать свою личную (и огромную) ответственность на заведомо невинных людей”.

Император Николай II ненавидел Витте, чувствуя несравненное превосходство ума Витте над его умом. Ненависть самодержца усиливалась тем, что в сложных ситуациях без Витте ему было не обойтись. Когда требовался большой ум и изворотливость, Николай, скрипя зубами, посылал за Витте.

Сергей Юлиевич резко критиковал дальневосточную политику царя, которая неизбежно должна была привести к войне, а война, с его точки зрения, приведет к краху империи. Витте делал все возможное и невозможное, чтобы предотвратить войну с Японией. Резкой и решительной борьбой с царем по этому вопросу он погубил свою карьеру.

В 1904 году заканчивался десятилетний срок русско-германского торгового договора, который Витте так блестяще заключил в 1894 году. Но время и обстановка изменились. От былой мощи империи Александра III не осталось и следа. Германия готовилась пожинать первые плоды русской близорукой дальневосточной политики. Перед поездкой Витте в Германию состоялось особое совещание, чтобы установить общую линию поведения. Проигрыш России в войне с Японией к этому времени ни для кого не был уже секретом. О таможенной войне не могло быть и речи, даже небольшое упорство со стороны России грозило осложнениями.

— Ввиду политико-стратегических соображений, — сказал Сергей Юлиевич, — необходимо пойти на уступки, на явный экономический урон для России.

Летом 1904 года Сергей Юлиевич выехал для переговоров с канцлером графом Бюловым на остров Нодерней. Витте знал, что уступит и знал, что об этом знает Бюлов. Две недели длились переговоры. Русскому дипломату удалось отстоять все, что только можно было отстоять при самых неблагоприятных условиях. Но в конце переговоров германскому канцлеру неожиданно пришлось испытать “львиные когти” Витте. Когда обсуждение торго-

вого договора подходило к концу, Сергей Юлиевич вдруг стал настаивать на официальном обязательстве со стороны германского правительства открыть свой денежный рынок для русских займов. Канцлер всячески уклонялся, показал Витте несколько телеграмм от Вильгельма, в которых император категорически воспрещал это делать.

Витте дождался, когда договор будет совершенно готов, и вдруг, не подписав его, покинул остров, сообщая, что подпишет его в Берлине. За ним поспешил и канцлер. Расчет Витте был верен: своим внезапным отъездом он обеспокоил канцлера, который хотел, чтобы этот выгодный для Германии торговый договор был немедленно подписан. Но русский дипломат был мастером выжимать по максимуму уступки от победителей, не имея за собою никакой силы и материальной опоры. Здесь этот талант проявился вполне. "На другой день, — вспоминал Витте, — туда приехал и Бюлов. Тогда я заявил, что не подпишу договора, который уже лежал на столе в готовом виде, пока не получу официально обязательства об открытии немецкого денежного рынка. Бюлов, увидав с моей стороны такую решимость, через четверть часа дал мне письмо, разрешающее заем, а я с своей стороны тогда подписал договор".

Во время переговоров Витте стало известно, что появилась надежда прекратить бессмысленную бойню на Дальнем Востоке. Япония желала заключить мир, и ее посол в Англии барон Гаяши выразил желание встретиться с Витте в любом месте. Сергей Юлиевич обрадовался такой возможности и был уверен, что если ему позволят вести переговоры с Гаяши, то мир будет подписан с минимальными потерями для России.

Но Николай и слышать не желал о мире, тем самым продлил бойню на полтора года, положив на поле боя еще несколько сот тысяч россиян. Только после поражения под Цусимой и восстания на броненосце "Потемкин" царь решился прекратить войну, воспользовавшись посреднической деятельностью Рузвельта.

— Кого мы пошлем главой русской делегации? — спросил император министра иностранных дел.

— Сергея Юлиевича Витте, — ответил Ламздорф.

— Владимир Николаевич, — после долгого раздумья обратился к министру Николай, — вы в хороших личных отношениях с Витте. Прошу Вас, поезжайте к нему, пусть он вам скажет, согласится ли он возглавить русское посольство. Мне неловко получить его отказ.

Витте, страстно любивший Россию и ставивший ее интересы выше несправедливых личных обид, согласился.

— Благодарю вас, Сергей Юлиевич, — сказал император, — что согласились взять на себя эту чрезвычайно трудную роль. Я хочу мира, но не могу допустить ни хотя бы одной копейки контрибуции, ни уступки и одной пяди земли.

Витте не нуждался ни в каких руководящих указаниях.

Теперь только от него зависел исход переговоров.

6 июля делегация выехала в Париж. Французское правительство в это время было напугано демонстрацией силы Германией и не желало ослабления России. Сразу по приезде Витте в Париж первый министр Рувье и президент республики Лубэ принялись всячески убеждать его в необходимости немедленного заключения мира.

— Господин Витте, — просил Рувье, — не противьтесь даже, если японцы потребуют контрибуции. В этом случае Франция обещает вам финансовую помощь.

— Господин первый министр, Россия не заплатит Японии ни одного су контрибуции, — отвечал Витте.

— Франция уплатила в свое время Германии громадную контрибуцию, но это не умалило ее достоинства.

— Когда японская армия подойдет к Москве, тогда, *может быть*, и Россия согласится платить. Вообще, господин Рувье, я неоднократно выражал свое убеждение, что если бы вы, французы, энергично воспротивились губительной политике Николая II, то и всей японской войны могло бы не быть, — парировал Витте.

В Париже Сергей Юлиевич был до глубины души оскорблен отношением к России, падением ее престижа. “Уже будучи в Париже, — писал он в своих воспоминаниях, — я почувствовал чувство патриотического угнетения и обиды. Ко мне, первому уполномоченному русского самодержавного государя, публика относилась уже не так, как она относилась прежде только как к русскому министру финансов, когда мне приходилось бывать в Париже, и даже не так, как она относилась прежде ко всякому русскому, занимающему более или менее известное или государственное положение. Большинство относилось равнодушно, иные с чувством какого-то соболезнования, другие, впрочем, малое меньшинство, с каким-то злорадством...”

Но дипломат не желал один нести ответственность за позор России и один страдать за ее упавший престиж. Он хотел и других заставить почувствовать всю ничтожность царя, и потому написал письмо графу Гейдену, предназначенное Николаю II: “... Нравственно тяжело быть представителем нации, находящейся в несчастье; тяжело быть представителем великой военной державы, России, так ужасно и так глупо разбитой! И не Россию разбили японцы, не русскую армию, а наши порядки, наше мальчишеское управление 140-миллионным населением в последние годы”.

Естественно, что его ненавидел император. Цари редко слышали в свой адрес такую правду, в которой не скрыты презрение и ненависть, и Николай II не привык слышать ничего подобного.

Из Парижа русская делегация отправилась в Америку. Все шесть дней плавания через океан Витте напряженно думал о том, какое поведение избрать для переговоров, и остановился на следующем: “1) ни в чем не показывать, что мы желаем мира, вести

себя так, чтобы внести впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена; 2) держать себя так, как подобает представителю России, то есть представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность; 3) имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особенно предупредительно ко всем ее представителям; 4) чтобы привлечь к себе население в Америке, которое крайне демократично, держать себя с ними совершенно просто, без всякого чванства и совершенно демократично; 5) ввиду значительного влияния евреев, в особенности в Нью-Йорке, и в американской прессе вообще, не относиться к ним враждебно, что, впрочем, совершенно соответствовало моим взглядам на еврейский вопрос вообще”.

И глава русской делегации придерживался этих правил в течение всего своего пребывания в Америке. Впоследствии его свита выражала восторг по поводу всегда удававшихся ловких и обдуманных хитростей. Начал он с неслыханного по своему либерализму предложения, которое произвело колоссальное впечатление на всю мировую прессу.

— Все переговоры должны быть доступны прессе, все корреспонденты газет, какие пожелают, должны присутствовать на всех заседаниях конференции. Все, что я буду говорить, я готов кричать на весь мир. У меня, как уполномоченного русского царя, нет никаких задних мыслей и секретов.

Подобный шаг был беспроигрышным, так как Витте прекрасно знал, что японская сторона категорически воспротивится присутствию прессы на переговорах. Сам Витте тоже никогда бы не согласился на такие условия переговоров. “Я, конечно, понимал, что японцы на это не согласятся, тем не менее мое предложение и отказ японцев сейчас же сделались известными представителям прессы, что, конечно, не могло возбудить в них особенно приятно-го чувства по отношению к японцам.”

Витте во всю либеральничал с прессой, в то время, как Комура никого не пускал к себе на порог. Русский дипломат целенаправленно завоевывал симпатии американцев, он беспрепятственно позволял себя фотографировать, посетил англиканскую церковь, ездил кататься по еврейским кварталам Нью-Йорка и целовал там детей, запросто разговаривал с прислугой, всегда жал руку машинистам, водившим его поезда, а при случае туманно давал понять, что и сам он тоже был в свое время чем-то недалеко от машиниста. В газетах было сообщено, что в Бостоне Витте поцеловал машиниста: “... эта легенда о поцелуе, — писал в дневнике Коростовцев, — сделала больше для популяризации русской миссии и, в частности, Витте, чем наши дипломатические любезности”.

Пресса внимательно следила за каждым шагом Витте и трижды в день кричала о неслыханном для дипломата поведении, что безусловно отразилось на результатах переговоров.

Японцы к концу переговоров воочию убедились в неожиданных результатах воистину великой комедии, которую на глазах всего мирового сообщества гениально сыграл их противник. Они попытались резко изменить свое поведение: перестали гнать прессу, стали появляться в церквях и вообще подражать во всем Витте, но для сдержанных сынов страны Восходящего солнца образец оказался недостижимым. В результате к концу миссии Рузвельт официально заявил им, что за время переговоров симпатии американского общественного мнения заметно передвинулись в сторону России.

Таким образом, Витте создал благоприятную для русских обстановку переговоров. Но это была всего лишь прелюдия. Русский дипломат вел и гораздо более трудную, довольно рискованную игру. Но сила его заключалась в блестящем знании психологии противника, в понимании, когда именно нужно остановиться, а когда, может быть, и повернуть назад.

Сразу по приезде в Соединенные Штаты он сообщил Теодору Рузвельту, на какие уступки Россия точно не пойдет. В ответ Рузвельт решил напугать Витте, чтобы склонить его на уступки.

— При подобных взглядах, господин Витте, соглашение с Японией будет невозможно.

— Я искренне желаю, господин президент, чтобы все-таки окончить это дело прилично, дабы не задеть вашего самолюбия как инициатора конференции. Думаю, что уполномоченным необходимо все-таки съехаться, констатировать непримиримую противоположность взглядов и затем разъехаться.

Рузвельт попался на эту удочку, поверил в готовность России прервать переговоры и забеспокоился. Но Витте и здесь рассчитал верно: он знал, что Америке невыгодно усиление Японии, кроме того, и Англия, и Франция, и Америка были заинтересованы в России как в потенциальном члене Антанты. Таким образом, Витте последовательно внушал всем, что Россия несколько не заинтересована в заключении мира, в нем заинтересованы Европа и Америка, но в то же время делал все, чтобы переговоры состоялись.

Витте повел переговоры с искусством, которое вызвало восхищение всех присяжных дипломатов: он сразу уступил по вопросам, по которым не мог не уступить (отдал Японии Квантунский полуостров и Корею, и без того уже ею занятые), но повел упорную борьбу по вопросу о Сахалине и о контрибуции. Ему удалось отстоять северную половину Сахалина, оборонять которую военными средствами Россия не могла.

Рузвельт так же, как и его европейские коллеги, считал контрибуцию справедливой, и был уверен, что Япония не уступит в этом вопросе, но к удивлению всего мира Япония уступила. Для достижения этого Витте прибегнул к особому приему:

— Господин Комура, отказалась бы Япония от контрибуции, если бы Россия согласилась на прочие ее требования? — спросил Витте.

— Нет, — категорично заявил Комура.

Витте тут же стал во всех интервью трубить, что Япония намерена продолжать кровопролитную бойню из-за денег. Тем самым и эта позиция японцев в глазах американцев и европейцев была крайне ослаблена. Витте продолжал встречаться с корреспондентами и каждый раз “проговаривался”, когда мог возбудить общественное мнение против своего противника. 13, 14 и 15 августа разрыв казался совершенно неминуем. Вся мировая общественность поверила, что Витте прервет переговоры. Русский дипломат знал, что продолжение войны обернется полным крахом для России, но чутье и интуиция, которые никогда его не обманывали, подсказывали — японцы уступят, и мирный договор будет подписан.

16 августа 1905 года барон Комура уступил по всем спорным пунктам. Мирный договор был подписан, и американская пресса назвала Витте “королем всех дипломатов”.

Качества выдающегося государственного деятеля — интуиция и твердый расчет, непреклонная воля, настойчивость и решительность, знание механизмов власти и умение ими пользоваться — привели к тому, что Витте удалось сделать невозможное — получить в 1906 году у Франции миллиардный займ для разоренной России, благодаря которому наше отечество к 1913 году стало одной из передовых держав мира.

“Дипломатическая его деятельность, — писал о Витте историк Тарле, — началась блистательным успехом в Берлине в 1894 году, в год русско-германского торгового договора, и закончилась блистательным успехом в Париже в 1906 году, в год миллиардного займа, и за все двенадцать лет, отделяющих эти две даты, всякий раз, когда русская политика шла не по той дороге, которую указывал Витте, дело кончалось неудачами и опаснейшими осложнениями...”

В начале марта 1915 года Сергей Юлиевич Витте умер от воспаления среднего уха. Смерть этого человека стала печальнейшим событием для всей России. Только Николай II не смог скрыть своей неприязни даже к покойному Витте. Его мнение выразила газета “Русское знамя”: “Одним вредным для России человеком стало меньше”. Деловая же печать, выражая глубокое сожаление о великом реформаторе, напомнила всем о его заслугах: денежная реформа и винная монополия, Портсмутский мир и Манифест 17 октября, развитие промышленности и строительство железных дорог, таможенные тарифы и приобщение России к мировому хозяйству. ■

ЛЕДЯНАЯ ГРУДЬ

Кто такой Жан Марс?
Конечно, это граф Монте-Кристо
или Фантомас,
благородный рыцарь плаща и шпаги.
А Жерар Филипп?
Каждый скажет, что это
Жюльен Соррель, Фанфан Тюльпан,
Прекрасный Принц.
А Сильвестр Сталлоне?
Рэмбо, естественно.
Арнольд Шварценеггер?
Терминатор, Коммандо.
А кто такой Ален Делон?
Это... Ален Делон.

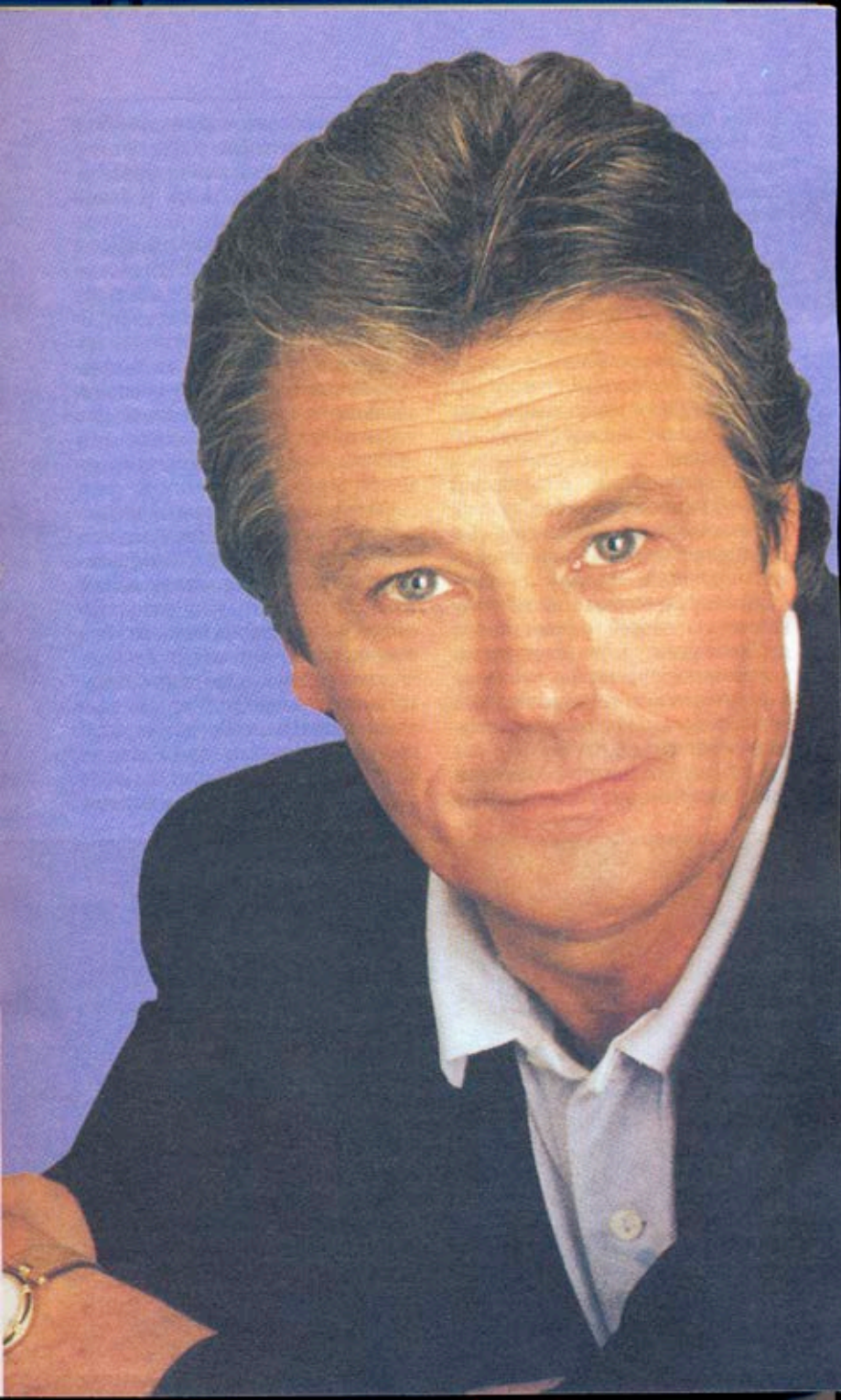
Майя ОРЛОВА

Если кто-то из знакомых нам мужчин не может однозначно претендовать на звание красавца, мы привычно говорим: "Ну, он, конечно, не Ален Делон..." Наши бабушки, кстати, в таком случае говорили: "Конечно, не Аполлон..." Уже давно эталон мужской красоты сместился из Древней Греции в современную Францию и воплотился в черноволосом и голубоглазом уроженце провинциального городишка Бурля-Рэнн.

"Самым страшным воспоминанием детства были унылые будни

в доме чужих людей, куда меня отдали на воспитание родители после развода. В пятидесяти метрах от дома находился тюремный двор, где я проводил все свободное время. Однажды я видел, как охранники вели на казнь человека. Его привязали к стулу и волокли по острым камням мостовой. Кожа заключенного цеплялась за острые бугры, рвалась и кровоточила..."

"Я был очень одиноким в этой семье, никому не нужным и отвергнутым. Родители устроили свои новые жизни, у них родились

другие дети, я везде был неместа. В восемь лет меня пытались пристроить в пансион, но быстро выгнали оттуда за хулиганство. Я был лишен любви и потому глубоко несчастен. Избавиться от этой боли я не могу до сих пор."

Потом мать все-таки забрала своего сына к себе. В семье отчима его ждали "почетные" обязанности подручного мясника. Сорок с лишним лет спустя блистательный Ален Делон по-прежнему считает это занятие своей основной профессией:

"Я великолепно разделяваю туши. В юности работал в мясной лавке отчима: домашний снот убивали прямо в доме — какая жуткая игра слов! Я сумел привыкнуть к душераздирающим картинам агонии зверей, у меня уже не дрожали руки, когда приходилось перерезать горло теленку или свинье, я сценивал горячую кровь в котлы, как виртуоз: ни одна капля у меня не пропадала. Но я до сих пор слышу во сне предсмертные хрипы и жуткий вой обреченных на

смерть бессловесных тварей. Возможно, я так люблю собак потому, что пытаюсь хоть как-то реабилитироваться перед теми, убитыми мною животными..."

Из лавки мясника Ален Делон угодил... в "мясорубку". Восемнадцатилетнего юношу забрали в армию и отправили в Индонезию: Франция пыталась сохранить колониальное господство во Вьетнаме. Перед фронтовыми воспоминаниями мерзнут и зрелище приговоренного к смерти человека, и обыкновенная бойня среди хрюшек и буренок.

"На войне перед атакой мы выпивали для бесстрашия. Хотелось отключить мозги от ожидания смерти. Как-то вьетнамцы принялись обстреливать наш взвод, состоявший из сорока человек. Все мы, полупьяные и перепуганные, лязгали зубами — то ли от холода, то ли от ужаса. Этот кошмарный звук, издаваемый молодыми, крепкими парнями, затих только тогда, когда нас накрыл артиллерийский снаряд. Я чудом остался

в живых, но не могу забыть эту "нанонаду" по сей день."

Тогда — сорок с лишним лет назад — никто слыхом не слышивал о "вьетнамском синдроме", о постфронтальных психических травмах, о необходимости длительной реабилитации для вернувшихся с войны. Свое двадцатилетие Ален Делон отпраздновал... в тюрьме, куда попал за угон военного джипа, на котором, кстати, не разбился только чудом. И эту ночь будущей секс-символ мирового кино так и не смог забыть: по его словам, он плакал несколько часов подряд последний раз в жизни. Больше никто и никогда не видел на его глазах ни слезинки, какие бы сюрпризы ему ни подносила жизнь.

А сюрпризов хватало. В отличие от всевозможных королей красоты и "мисс", корона досталась Делону отнюдь не после нескольких минут дефилирования по подиуму. Он заплатил за нее дорого, так дорого, что иногда раскаивается в этом. "Мистер

Мира" отдал если не душу, то уж точно — сердце, поскольку ни одна из его подруг и жен не может похвастать тем, что прочно привязала к себе кумира миллионов женщин во всем мире.

Возможно, косвенной причиной этого является то амплуа, которое стало "второй кожей" Делона. Он дебютировал в фильме Рене Клемана "На ярком солнце", где играл завистливого убийцу. В следующей ленте — "Ронко и его братья" Луиано Висконти — Ален изображал подлого предателя. В "Затмении" Микеланджело Антониони Делону досталась роль жестокого и расчетливого биржевого маклера. По иронии судьбы, эти три картины сделали тогда еще просто темпераментного красавца звездой первой величины и... обрели его на постоянное воплощение на экране корыстных и холодных самцов с мертвым сердцем и ледяной душой, для которых не существует никаких человеческих чувств. Да, он избежал опасности стать слащавым кра-

савчином и вечным героем-любовником, но по прошествии лет, похоже, практически слился со своими героями по характеру. Отрицательное обаяние Алена Делона — феномен, который еще ждет своего объяснения.

В неизменном белом плаще и с неизменно надменным видом герой Алена Делона — вне зависимости от фильма — оставлял за собой гору трупов и десятки обманутых и брошенных женщин. Несколько попыток сменить имидж завершились полным крахом: публика не желала видеть своего кумира в роли жертвы или обманутого любовника. Корона Делона все больше напоминала терновый венец, снять который у него не было ни сил, ни... желаний.

Да-да, с годами первый красавец мира притерпелся к самому себе. Основанная им коммерческая фирма очень скоро стала империей, приносящей своему создателю миллионные доходы. Во всем мире продаются сигареты, духи, коньяк, зажигалки, зонты с инициалами "А.Д." Кое-кто пытается связать коммерческую удачу знаменитого актера с международной мафией и торговцами оружием, но доказать это никто не берется, опасаясь не столько места заинтересованных лиц, сколько расправы фанатичных поклонниц Алена. Действительно, тысячи, если не десятки тысяч женщин во всем мире готовы пожертвовать жизнью ради нескольких часов, проведенных с кумиром. Увы, в личной жизни ему везет куда меньше, чем в творческой и даже коммерческой.

"И слава лебедью плыла сквозь золотистый дым, а ты, любовь, всегда была отчаяньем мо-

им" — это четверостишие Анны Ахматовой как нельзя лучше определяет суть главной драмы Алена Делона. Любимый чуть ли не всеми женщинами мира, он сам до сего дня не смог найти счастья в любви: женщины покидали его, замученные невозможным характером идола, его ледяной ревностью в сочетании с ледяной же приязнью и его патологической тягой к абсолютной свободе... пусть даже и в рамках брачного союза. Начало этой трагической веренице добровольных "отказниц" положила блистательная актриса и общепризнанная красавица Роми Шнайдер — чуть ли не единственная женщина, которую Ален Делон, по его собственному признанию, действительно любил... целых пять лет и которую искренне оплакивал, когда Роми скончалась от сердечного приступа в возрасте всего лишь сорока четырех лет. Боль утраты не стала меньшей от того, что они уже долгие годы поддерживали друг с другом сугубо официальные отношения.

Разрыв с Роми бросил Алена в объятия не менее красивой, хотя и не слишком одаренной Натали Дюбуа, которая и стала его единственной официальной женой и родила ему сына Антони. Но и этот брак продержался двенадцать лет — всего лишь двенадцать или целых двенадцать лет, как кому нравится, — после чего рядом с одиноким красавцем оказалась Мирей Дарн, разумеется, талантливая актриса и прекрасная женщина. Их невенчаный брак продлился пятнадцать лет — и вновь разрыв. Но ни Мирей, ни Ален даже намером не приподняли завесу тайны над крахом их любви. Наверное, дело в класси-

ческой причине: "Не сошлись характерами".

Когда секс-символу стукнуло пятьдесят, в его жизнь вошла молодая голландская манененщица Розали Ван Бремен. Десятилетний гражданский союз был украшен двумя прелестными детьми: дочкой Аннушкой и сыном Аленом-Фабьеном. Фотографии счастливого отца с малышами обошли весь мир, погрузив в траур многочисленных поклонниц.

"Да, я конечно же, очень рад, что у меня есть дети. Самым моим большим счастьем является наблюдение за Аннушкой и Аленом-Фабьеном по утрам, как они лениво потягиваются, просыпаясь, как щурят глазки, как зарываются голловками в подушки, выпячивая вверх голые задки... Мое счастье и моя любовь размером в "два малыша" — необъятны!"

Теперь, казалось, судьба подарила Делону все, что можно было пожелать: любовь, детей, богатство, славу. Но ведь не зря говорят: "Не родись красивым, а родись счастливым". С другой стороны, сколько ни твердил блистательный Ален: "Я счастлив!", он, похоже, не смог убедить в этом даже самого себя. Во всяком случае, рождение первого внука от старшего сына оставило Делона глубоко равнодушным: он вообще ни словом не обмолвился об этом событии в своей жизни.

При соблюдении всех внешних приличий Розали и Ален расстались. Их дети живут с матерью, но довольно часто встречаются с отцом... пока. Почему — пока? Да потому, что последние откровения Алена Делона вызывают озноб даже у отпетых циников: столько в них, откровениях, горе-

чи, неустроенности и неизгладимых следов былых переживаний:

"Человек рождается одиноким, живет одиноким и умирает одиноким. Я сражался с превратностями судьбы, будучи абсолютно один. Для меня состояние одиночества было второй натурой, почти что естественным. Думаю, что печать одиночества ставится на нас еще в детстве рукой судьбы — как татуировка. И мы живем с этой отметкой, будучи не в состоянии от нее избавиться. Но есть в этом что-то благородное, гордое и сильное — если не смириться с этим, а принимать, как данное..."

Я четко понял это тогда, когда стал присматриваться к моим собакам. Я их развоню более тридцати лет. Они для меня — как дети. Это — единственные существа на земле, которые никогда не предавали меня. Я хотел бы умереть в окружении моих собак, поэтому распорядился в завещании, чтобы меня похоронили с ними во дворе моего дома."

Когда человек завещает похоронить себя с собаками, его становится пронзительно жаль. Хотя, казалось бы, кого жалеть? Воплощенный идеал мужской красоты нескольких поколений? Предмет безумной страсти и слепого обожания миллионов женщин? Великого актера, давно обеспечившего себе бессмертие? Нет. Человека, который обречен всю жизнь приспособливаться к тому, что у него — ледяная грудь.

Впрочем, Ален Делон в свои шестьдесят три года по-прежнему остается главным мужчиной Франции.

Париж, как известно, стоит мессы. ■

БЕЗ ЗНАЧЕНИЙ ЖУКИ ДА

Времена нынче тяжелые, простите за такое банальное начало. Каждый крутится, как умеет, пытаюсь уцелеть и выжить. И то, что еще несколько лет назад резало глаз, становится привычной частью пейзажа. Особенно городского. Имею в виду бесчисленных "коробейников", торгующих с рук где угодно и чем угодно — от лимонов до свитеров и от сигарет до чайных сервизов.

Промозглым зимним вечером, когда, как говорится, "хороший хозяин собаку на улицу не выгонит", торопилась я домой и на вы-

ходе из метро увидела выставленный на тротуаре ящик с пакетами соленых огурцов и квашеной капусты. А около ящика — фигуру неопределенного вида, закутанную до самых глаз. Пройти мимо я никак не могла, поскольку для меня лучшей конфетой всегда был соленый огурец.

— Сколько с меня за огурчики? — поинтересовалась я у фигуры.

И услышала в ответ:

— С тебя — десятка.

Наши глаза встретились... Лаура! Голос изменился, она поста-

рела, как-то усохла. Но ее глаза спутать с чьими-то другими было невозможно. Такие встречаются только на страницах романов да на детских рисунках. В пол-лица, с неправдоподобно-длинными ресницами. Помню, если Лаура хотела кого-то очаровать, ей хватало одного взгляда: не только мужчины теряли головы, но и женщины, как правило, лишались дара речи. Как сказал в свое время один наш общий знакомый: "Это не глаза, а оружие массового уничтожения".

За узнаванием же последовало удивление: Лаура в роли уличной торговки! Женщина, которая у всех вызывала либо восхищение, либо зависть — в каком-то жутком тулупе пытается заработать пару рублей? Одна из признанных красавиц Москвы, интеллектуалка, врач, что называется, "от Бога" — и такое? Нет, это решительно не укладывалось в голове.

— А я тебя по голосу узнала, — невесело сказала Лаура. — Время-то никого не щадит. У тебя только голос прежним остался.

Сказать, чтобы это было приятно слышать, я не могла. Но что делать — правду слушать никто не любит. Оставалось надеяться, что время меня хоть и не пощадило, но хотя бы не изуродовало.

— А вообще неплохо выглядишь, — продолжала она. — Мир все-таки тесен. Что ты делаешь на этой окраине? Ты вроде где-то в другом месте жила...

Разговаривать на холодном ветру и на виду у многочисленных прохожих было не слишком удобно. Кончилось тем, что я потащила Лауру к себе, уговорив ее сегодня плюнуть на всю эту коммер-

цию. Тем более, что моей давней, хотя и не очень близкой знакомой, судя по всему, больше всего было нужно выпить горячего чая. Или еще чего-нибудь покрепче. А главное — поест.

— Как у тебя хорошо, — сказала Лаура, усаживаясь за столом в моей крошечной кухне. — Тепло, уютно, домом пахнет.

Пахло на самом деле всего лишь гороховым супом, и вареной картошкой — все это я срочно поставила на плиту разогревать. К счастью, в морозилке нашлась пара сосисок. А с солеными огурчиками и квашеной капустой получился просто роскошный стол, к которому я достала бутылку водки из "стратегических запасов". Доллар долларом, а "жидкая валюта" в России всегда была конвертируемой, а не деревянной. И среди слесарей, сантехников и прочих нужных людей пользовалась уважением и популярностью.

И вот спустя час передо мной сидела почти прежняя Лаура. Во всяком случае, узнаваемая не только по глазам. Появились прежние интонации, манеры, мимика. Не было только одной, свойственной когда-то ей черты: победительности. Это была не та "Великая Лаура", которую кто-то однажды сравнил с реактивным лайнером: мы все по жизни тормозили, оглядывались, соблюдали правила дорожного движения, чуть что — давили на тормоза, а она брала старт — и сразу оказывалась впереди и выше всех. "Вот уж, воистину, унатили свику крутые горки", — подумала я. Но даже не догадывалась — насколько крутые.

...Родители Лаурой занимались мало, потому что почти все

время были за границей. Тогда — в пятидесятые-шестидесятые годы — это было большой редкостью и невероятным везением. Дочку с собой они взять не могли, опять же не те времена были, об учении за границей слыхом не слыхивали, поэтому Лаурочку оставили на попечении бабушки, которая в единственной внучке души не чаяла и ни на шаг от себя не отпускала. Помимо учебы в школе Лаура занималась всем, чем положено было заниматься "девочке из хорошей семьи": иностранными языками (учителя ходили на дом), музыкой (тоже в домашних условиях), фигурным катанием (под присмотром бабушки, стойко мерзнувшей на катке). Разумеется, она была одета лучше всех в классе, у нее всегда были самые модные пластинки и самые редкие книги. Был даже цветной телевизор — неслыханная роскошь в то время, когда большинство граждан довольствовалось черно-белым "ящиком" с огромной линзой перед экраном.

Бабушка пестовала ненаглядную внучку до семнадцати лет, та отвечала ей полной взаимностью и, похоже, вовсе не тяготилась слишком плотной опекой. И неизвестно, как сложилась бы судьба Лауры, если бы не внезапная кончина старушки. Поплавав на похоронах и проводив родителей обратно награничную работу, она сделала то, от чего бабушка, несомненно, перевернулась в гробу: подала документы в медицинский институт и поступила туда с первой попытки. Потому что с детства хотела стать врачом, и не просто врачом, а хирургом. А такая профессия для "девушки из хорошей семьи", по мнению родствен-

нинов, никуда не годилась — кровь, страдания, грязь... Родители хотели видеть ее филологом, бабушка — пианисткой. Но мало ли кто чего хочет!

Тихая и послушная Лаурочка внезапно оказалась человеком с железным характером. С семнадцати лет ее негласным девизом стало "все будет так, как я хочу!". И чуть ли не тридцать лет ей удавалось жить именно так, как она хотела.

Хотя институтские будни состояли не только из лекций, сессий и практики в морге, а в стипендии Лаура не особенно нуждалась, она чуть ли не с первого курса стала гордостью института. Кроме того, быть хуже других она просто не могла по характеру: только лучше всех, только самой-самой. Даже если для этого приходилось зубрить неделями и не вылезать сутнами из прозекторской. Здоровье позволяло, а остальное обязательно получалось, и исключений из этого правила не бывало.

— Между прочим, я замуж выходила по расчету, — сухо сказала Лаура. — Так что не нужно удивляться тому, что у меня была такая прекрасная семья. Когда я познакомилась с Геннадием, он мне понравился, но не больше других поклонников. А вот когда я узнала, что он — единственный сын генерала, внук академика, правнук профессора — не только пошел в военно-морское училище вопреки желанию родителей, но еще и учится, как зверь, и не признает никаких поблажек... Я решила, что это мне подходит. Мы с ним друг друга понимали: родители — хорошо, но человек сам по себе должен быть личностью. Не-

заурядной. Иначе грош ему цена даже при сверхбогатых и сверхвлиятельных предках.

Да, она не прогадала. Через два года после свадьбы ее Геннадия назначили военным атташе в одной из западных стран. И Лаура уехала с ним, отложив "красный диплом" до лучших времен. И началась сказка, о которой, уверена, мечтают многие из нас, женщин.

— Господи, как мне все завидовали! Даже там, в нашем посольстве, где у всех все одинаковое. Но у меня пироги всегда были пышнее, квартира — чище и уютнее, с сыном — никаких проблем, с мужем — полная взаимная любовь. И на всех приемах я всегда была лучше всех наших одета, хотя денег на тряпки тратила меньше. Просто умела сделать платье неузнаваемым, а побрякушки покупала не по цене, а по качеству. На мне серебряная цепочка смотрелась лучше, чем на послыхе — алмазная. К тому же я не просто дома сидела, а писала диссертацию. И написала. И защитила, между прочим, в один из отпусков. А зарплаты Гены хватало на все: купили в Москве трехкомнатную квартиру, обставили ее, машину, естественно, взяли в экспортном исполнении. И главное: у меня была идеальная семья. Жаль только, что сына после семи лет пришлось отправить в Москву, к бабушке и дедушке, моим родителям. Ну, так ведь я выросла при одной бабушке — и ничего.

Сказка кончилась внезапно. Нет, это не была вдруг вспыхнувшая страсть к какому-то роковому герою или внезапно возникшая неприязнь к мужу. Просто в одно

прекрасное утро Лаура проснулась и решила, что она совершила колоссальную ошибку, пожертвовав карьерой ради тихих семейных радостей — пусть даже и в заграничном раю.

— Понимаешь, я испугалась, что всю жизнь буду только "супругой". Супругой господина военного атташе, господина посла, персонального пенсионера. А я что — кукла? Еще бы несколько лет — и мне никто бы кошку не доверил лечить, несмотря на мою диссертацию. Да, я помогала мужу, много помогала, но зачем тогда было получать диплом врача? Вполне бы хватило десятилетки. Ну, в крайнем случае — филфана, как родители грезили. Это не профессия, считала я, — а так, украшение жизни. Как раз для "супруги". И еще я испугалась, что на старости лет, как моя мама, буду вспоминать только о том, как была хороша на приеме в королевском дворце. Мол, когда я вошла в зал, все ахнули, а его величество поцеловал мне руку. Для этого большого ума не надо, а уж "красного диплома" — тем более.

"Реактивный лайнер" стартовал в очередной раз. Лаура решила, что все еще можно исправить. Официально она уехала в Москву "по состоянию здоровья". Обожавший ее муж решил, что все перемелется: нагуляется, самоутвердится и вернется. Плохо же он знал свою жену, с которой прожил в мире и согласии больше десяти лет!

Лаура пошла работать. Возвращаться за границу она и не думала. Районная поликлиника, районная больница, центральная больница... Собственный кабинет с табличкой на двери "Кандидат

медицинских наук". Работала без выходных, без отпусков — сутками, как когда-то в институте. Потому что врачом она могла быть только выдающимся, лучшим в Москве, живой легендой, чтобы все восхищались и завидовали.

— Когда мне предложили поехать работать в Африку, я сначала не поверила. У нас ведь тогда за границу попасть женщине-специалисту было практически невозможно. Такого просто не бывало на моей памяти. Наверное, поэтому и решила — еду! Сыну у моих родителей было хорошо, они его обожали, да и тоскливо бы им иначе на пенсии было. А Геннадий... Знаешь, наверное, это был единственный мужчина, которого я любила. А коллеги для меня вообще никогда мужчинами не были. Во всяком случае, мы с мужем развода официально никогда не оформляли. Но я решила, что карьера для меня важнее супружеских радостей. Да и на квартиру — свою, собственную — хотелось заработать. Вот и заработала... не только на квартиру. И другую заграничную жизнь повидала. Насмотрелась...

Девять лет в Африке — Ангола, Эфиопия, Сомали — были для нее самыми яркими в жизни. Хотя никаких особых экзотических красот и романтики не запомнилось: невыносимый для европейца климат и изнурительная работа в чудовищных условиях, не только больные, но и раненые, а также умирающие от голода люди — умирающие прямо на пороге больницы, куда они кое-как смогли доползти. И еще "африканский подарок" — тропическая малярия с частичной потерей слуха. Но в итоге всего этого Лаура стала не

просто врачом, а врачом-практиком, военно-полевым хирургом. Женщиной-легендой, для которой, кроме работы, ничего не существовало. В том числе и личной жизни.

Трудно поверить, но армия полонников, всегда и везде сопровождавшая Лауру, для нее самой мало что значила. Так, общий фон, невыключенное радио, которое даже и не слушаешь, что бы там ни передавали: про весенний сев, про любовь... Кроме всего прочего, она оказалась однолюбной и любила своего далекого мужа так, что никаким романам и даже флиртам места не оставалось.

Вернувшись в Москву, Лаура обнаружила, что собственная квартира и репутация первоклассного врача — это еще не все. Например, изрядно портил настроение холодок в отношениях с подросшим сыном. Он привык к ее отсутствию и не слишком нуждался в материнской опеке, а так же не скрывал облегчения от того, что бабка с дедом один за другим покинули этот грешный мир, оставив внуку роскошную квартиру, доверху забитую предметами первой, второй и двадцать пятой необходимости. Нтому же трудно в двадцать с лишним лет снова становиться опекаемым и жить по чужой указке. А упрямства у других Лаура не терпела. Привыкла к незыблемости собственных решений, привыкла к тому, что желания других — ничто по сравнению с ее волей. Все будет так, как она хочет, а иначе и быть не может. Но сын-то, похоже, характер унаследовал от нее, а не от отца, так что нашла носа на камень.

С мужем было проще. Геннадий все простил, понял и даже готов был, по его собственным словам, "все начать сначала". Тем более, что так хотела Лаура. А если она что-нибудь хотела... Женщине, прожившей подле Геннадия последние пять лет, пришлось ретироваться. Реактивный лайнер взял новый старт и...

И впервые не достиг поставленной цели. Уже обменяли квартиры на одну общую, уже уложили вещи для переезда, уже пригласили гостей на двойной праздник: новоселье и как бы свадьбу, тем более, что до серебряной годовщины было рукой подать. Но Геннадий в этих праздниках участия принять уже не смог: скоропостижно скончался, так и не успев по-настоящему воссоединиться с женой. Она со своей педантичной целеустремленностью хотела устроить второй медовый месяц не на скорую руку, а с блеском, комфортом, размахом. Как все и всегда. Не удалось...

— Меня, наверное, сглазили, — тоскливо сказала Лаура.

И я подивилась такому словосочетанию в устах женщины, не верившей ни в Бога, ни в черта, а только в себя, да в Господу Удачу.

— После этой нелепой смерти все пошло наперекосяк. Когда мы с сыном стали жить вместе, я заметила за ним кое-какие странности. Я же врач! Мне двух недель хватило, чтобы понять: единственный сын, последний из близких — наркоман со стажем, практически неизлечимый. Пыталась что-то сделать, хотя понимала: бессмысленно. Слишком много таких я повидала там, в Африке, за девять лет по госпиталям. И пожаловаться было некому: роди-

тели мои умерли, а я даже на похороны из-за границы не могла приехать.

Реактивный лайнер, насколько я поняла, резко пошел на снижение. Не переносившая раньше спиртного "на дух", Лаура начала лечиться от одиночества и тоски способом столь же традиционным, сколь и бесполезным. Остановить ее было некому. Да если бы и было — кто бы осмелился? Она же была уверена, что меру знает, что алкоголь в разумных количествах повредить не может, и в любом случае это лучше, чем разрушающие психику транквилизаторы. Так и шло, пона не произошло трагедия. Хирург ошибается, как и сапер, один раз. Дрогнула рука, до того, казалось, стальная — и ее больная, женщина еще не старая, умерла на операционном столе. И всем, в первую очередь, самой Лауре, стало совершенно ясно: она убила человека. "По пьянке".

— Со мной еще очень гуманно обошлись — просто выгнали. Могли бы и посадить — и были бы правы. Пить тогда перестала — как отрезало. Ни в одну больницу меня бы не взяли, я пошла в медицинский кооператив: на жизнь себе я там вполне могла заработать, а о престиже уже и речи не было. Как и о карьере... Короче говоря, взяли меня в кооператив и в первый день мне там нужно было сделать всего-навсего аборт. Но когда я вошла в операционную, почувствовала этот специфический запах... Такой диний страх ощутила — передать невозможно. Перед глазами пелена, руки трясутся, сердце заходится. Вот тут я поняла: как врач я кончилась. Навсегда. А семейного

счастья и нормальной жизни я себя своими руками лишила.

Лауру спасли соседи, почувствовавшие сильный запах газа из ее квартиры. Врачи в "Склифе" откачали. На вторую попытку сил уже не было. Их вообще ни на что не было — даже на то, чтобы плакать на похоронах сына, для которого очередная "доза" стала последней. К тому же мысленно она его уже оплакала до того. Все было кончено. Но, как оказалось, судьба приготовила ей еще один сюрприз. Как его определила сама Лаура, "посошок на дорожку".

— За год до пенсии я осталась без работы и без средств — сын успел спустить все, что три поколения наживали. Пришлось менять квартиру на однокомнатную — у черта на рогах, но зато с хорошей доплатой в валюте. Мне бы на остаток жизни хватило. Да еще машина была — не успела продать. Так пока я грузчикам показывала, куда мебель нести, мои "Жигули" увели из-под носа со всем, что там было: побрянушки кое-какие, коробка с сервизом, деньги, валюта, документы. И — с концами! А я так гордилась, что деньги банку не доверила, избежала всеобщей участи после 17 августа. Хорошо хоть квартиру удалось сохранить — восстановила дубликаты документов. Паспорт недавно новый получила, с пропиской. А то вообще — бомжиха. Пенсию через несколько месяцев буду получать, значит, с голоду не помру. А пока соседке помогаю: она огурцы солит и капусту квасит, а я продаю. Да мне теперь немного нужно, чтобы дожить, сколько осталось.

И вдруг уже почти в самом конце нашей встречи Лаура стала совсем прежней: темпераментной, резкой, неотразимой. И сказала фразу, которую никак нельзя было ожидать после всего услышанного:

— Будь проклята моя бабья дурь! Жизнь своими руками распылила, изгадила — ради чего?! Да, самоутвердилась, потешила душеньку, "первая после Бога". И что? Какого мне нужно было при таком муже, при таком — тогда — сыне? Знаешь, я себя как женщину предала. И Бог меня за это наказал: поделом, по заслугам, по грехам. Дура я, несчастная старая дура. Женщине семью ничто не заменит.

Близкими подругами мы с Лаурой никогда не были и эта импровизированная "исповедь" состоялась лишь потому, что я подвернулась ей под руку в "удачный" момент. Никакой помощи от меня она, естественно, не приняла. Зная ее характер, я и не настаивала.

Реактивный лайнер — это всегда быстрее и эффективнее любого другого средства передвижения. Но у самолета один страшный недостаток: нет заднего хода и на тормоза после взлета не нажмешь. А если резко сбросить высоту и скорость, можно войти в пике. И, как пел Высоцкий, "мир-р-р вашему дому".

И вот еще: с этой печальной встречи, когда вижу на экране телевизора женщину, сделавшую "блистательную карьеру" или читаю об этом, почему-то все время вспоминаю Лауру. И ее отчаянное: "Будь проклята моя бабья дурь!" ■

Мытари с **Большой** дороги

Игорь ГАМАЮНОВ

В "Долине Нищих"

"Городничий: Я будто почувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, таких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! Пришли, понюхали — и пошли прочь..."

Н.В. Гоголь. "Ревизор"

Наш дребезжащий "Москвич" пересек пустынные поля курской глубинки, ныряя время от времени в прозрачные рощи. То слева, то справа мелькали призе-

мистые бревенчатые дома, томящиеся в летнем зное под старыми шиферными крышами, подернутыми зеленоватыми пятнами мха. Расступалось сонно бредущее через дорогу стадо, и загорелые дочери пастухи, одетые несмотря на жару в драные пиджаки, цу-рясь, провожали наше авто долгими взглядами.

До райцентровского городка Пристеня оставалось несколько километров, когда мой бравый водитель, знаяще усмехнувшись, кивнул в сторону лесистого лога, застроенного неожиданными для здешних мест высокими особняками из силикатного кирпича.

— Слышали про достопримечательность? "Долина Нищих".

Авто наше принадлежало прокуратуре соседнего района, где я был в командировке, и водитель "Москвича", конечно же, знал про местную жизнь все.

— Вон видите двухэтажный коттедж под кровельным железом? Самый основательный. Начальница пристеньской налоговой инспекции Никитина построила. Ловно схимичила: деньги на строительство вроде казенные, а дом оказался в ее собственности.

Свернули в "долину", подъехали по скрипучему гравию блине. Крыша налоговой начальницы слепила глаза отраженным солнцем.

— Сама она сейчас в тюрьме, а дом вот-вот конфисковать должны.

Не огороженный забором особняк этот среди других, не бедных, отличался особой внушительностью. Просторный хоздвор. Вместительный гараж — на металлических воротах мелом четко написано: "Никитины". Обходя

усадьбу, я увидел, как за стеклом веранды метнулось пружинистое тело овчарки. Оскаленная ее пасть извергала kloкочущее рычание и душераздирающий лай.

Мы собрались уезжать, но в этот момент подняли новенькие пегие "Жигули". Хлопнула дверца. Поджарый человек лет тридцати, настороженно разглядывая нас, представился. Это был сын осужденной начальницы. За ним из автомобиля молодая женщина вывела трехлетнего ребенка, одарила нас светской улыбкой, пригласила на чай. Но мы торопились.

— Живут в Москве, — стал рассказывать о них водитель, когда мы вырулили на шоссе. — Здесь лето проводят. Богачи! У этого сынка в Пристеня к тому же приватизированная квартира, он ее сдает. Денегки каплют.

— Откуда такое название — "Долина нищих"? — интересуюсь.

— Здешний народ на язык острый, прозвал "нищими" владельцев коттеджей.

— А кто владельцы?

— Местная знать, конечно.

На следующий же день, в Курске, захожу к областному прокурору Николаю Ткачеву, известному на всю Россию тем, что подписал ордера на арест двух проворовавшихся вице-губернаторов, несмотря на почти танковую защитную атаку самого губернатора генерала Руцкого (о чем летом минувшего года много писали в центральной прессе).

Николай Александрович подтверждает:

— Коррупция — это болезнь отнюдь не только столичных да областных чиновников. В глубине она такая же, только откровеннее.

Позвонив по внутреннему телефону, он попросил прокурора Светлану Овсянникову (она была на судебном процессе обвинителем) познакомиться с материалами дела Никитиной. Я вчитывался в тексты документов, слушал пояснения Светланы Ивановны, и удивительные картины провинциальных нравов, простодушием своим напоминающие сцены из бессмертной комедии "Ревизор", разворачивались передо мной.

Ребятишкам на особнячишко

"Городничий: ... Да странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грешков.

Аммос Федорович: ...Грешки грешкам рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело".

Н.В.Гоголь "Ревизор"

Начальница Пристенской ГНИ (государственной налоговой инспекции) борзыми щенками не брала, но была весьма решительной женщиной. Задумала улучшить жилищные условия сотрудников ГНИ (ну куда годится, очередь в инспекции на жилье — 8 человек) и неуклонно повела свой коллектив к цели. А путь, которым Евдокия Михайловна Никитина его вела, таков: есть у них фонд социального развития инспекции, за счет него и планировали возвести приличное жилье.

Правда, фонд не слишком богат. Но известен способ его пополнения: если сотрудники инспекции, проверяя документацию предприятий и торговых точек,

обнаруживают в отчетности ошибки, исправляют их, и в госбюджет идет доплата налогов, то 10 процентов от доплаты — по закону! — идут в виде поощрения в тот самый фонд. Проверки эти обозначают красивым словом — камеральные.

Одна беда — мало стали делать ошибок многоопытные бухгалтеры. И Никитина, собрав сотрудинок, проинструктировала: берите у проверяемых черновики отчетов, там ошибок хватает. В крайнем случае сами вписывайте неточные цифры. Затем исправляйте. Вот вам и прибавка 10-ти процентов в фонд.

Замаялись сотрудницы: фальсификация же! Но Никитина недвусмысленно дала понять: кто откажется от таких камеральных проверок, будет уволен. В небольшом городке Пристени найти работу трудно, и сотрудницы (работают в ГНИ в основном женщины) покорились. Да и оправдание подтасовкам было достаточно благородным — жилье очередникам.

Ради этого пустились на любые ухищрения. Забыла, например, бухгалтер Ржавского семзавода на столе инспекции перечеркнутый черновик отчета по НДС, и его тут же использовали: вписали в него заведомо ложную сумму, подлежащую возмещению. А на чистовом оригинале, заполненном рассеянной бухгалтершей, сделали пометку: "Уточненный вариант". И в фонд капнула, хоть и небольшая (9 миллионов неденоминированных рублей), но все-таки сумма.

Так и собирали — с миру по нитке. То бишь отщипывали от районного бюджета. От тех денег, которые составляют зарплату учи-

телям, врачам и другим бюджетникам. А когда "наципали" таким образом около полумиллиарда рублей, Никитина от имени ГНИ заключила с подрядными организациями договор на строительство двухэтажного дома. Одноквартирного!

Сотрудницы инспекции быстро догадались, кто та счастливица, которая вселится в казенные хоромы: сама Никитина. И — не ошиблись. И почувствовали себя не просто обманутыми, а — втоптанными в грязь. Их руками, обманывая государство, Никитина готовила себе царское новоселье: общая площадь дома — 346 квадратных метров, жилая 160. К тому же не в черте города, а за его пределами — в живописной "Долине нищих".

А для того, чтобы формально иметь право на расширение жилплощади, она распорядилась вписать в справку о составе своей семьи живущего в Москве взрослого сына и невестку. Потом, когда следователи распутывали клубок ее "теневой" деятельности, она с простодушием героев Гоголя оправдывалась: мол, сын с невесткой на все лето приезжают к ней гостить, нужен же детишкам какой-никакой особнячок.

А уж для того, чтобы никто другой не покусился на дом, она его приватизировала. Такие вот нынче борзые щенки.

Но если бы только такие...

Велюровый магарыч

"Один из купцов: ...Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Хоть в петлю полезай. Придет в лавку

и, что ни попадет, все берет. Сукна увидит штуку, говорит: "Э, милый, снеси-ка его ко мне". А в штуке-то будет без ма-ла аршин пятьдесят... Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь".

Н.В.Гоголь "Ревизор"

Евдокия Михайловна любила захаживать в магазины. Особенно в те, где проверкой была установлена недоплата налогов. Такое случилось в магазине индивидуально-частного предприятия (ИЧП) "Юг". Его владелица Г.А. Надеина, попав в этот нехороший переплет, подумала: умаслить надо Никитину. Пришла к ней в инспекцию и предложила: если она, Никитина, уменьшит сумму штрафа, то Надеина ее отблагодарит. И штраф был уменьшен до символической, почти копеечной суммы.

Ровно через день после его уплаты Никитина пришла в магазин и, не церемонясь, спросила, где ее магарыч. Надеина сделала широкий жест: "Выбирайте любой". Евдокии Михайловне приглянулся зеленый велюр — она, не мелочась, взяла сразу два отреза по 4 метра кандый.

Надеина облегченно вздохнула, но, как оказалось, поторопилась: представления о размерах магарыча у нее и начальницы ГНИ сильно разошлись. Никитина зачастила в магазин: то ей понадобилось из того велюра сшить себе костюм, а дочке платье (при ИЧП "Юг" работала пошивочная мастерская), что и было сделано. Разумеется, бесплатно. Потом, узнав, что Надеина едет в Москву за товаром, заказала ей платье к Новому году (для дочки) и сапоги

(себе). Надеина привезла — тоже в счет магарыча.

Затем Евдония Михайловна собралась в турпоездку в США и — запаниковала: в чем она покажется американскому народу? Как докажет, что курсная начальница умеет одеваться не хуже какой-нибудь миллионерши из Оклахомы? И снова срочное задание Надеиной. Та опять везет ей из Москвы нечто из ряда вон: кофту-кардиган, жакет и юбку из ткани, пользовавшейся тогда у "новых русских" сумасшедшим успехом — мокрый шелк. В дополнение, на карманные расходы, Евдонии Михайловне потребовались какие-то там жалкие 800 тысяч рублей (неденонимированных), но в конце измотанная поборами Надеина насребла только половину. За другой половиной Никитина, не медля ни минуты, зашла в другой магазин — в "Березку", он тоже был у нее "на крючке", где и получила от его владелицы А.Д.Бородиной искомое.

А потом у Евдонии Михайловны случился день рождения. А так как закусить начальница ГНИ любила широко, по-русски, то велела все той же, уже еле дышащей от ее просьб, Надеиной доставить ей на дом: 2 кг сыра, 2 кг масла, 10 банок шпротов, 10 банок печени трески, 6 банок красной икры, 10 банок майонеза и т. д., и т. п.

Магарыч оказался таким безразмерным, что, по подсчетам несчастной владелицы ИЧП "Юг", в несколько раз превысил сумму недоплаченных ею в госбюджет налогов. Но Евдонии Михайловне, как человеку, пристрастившемуся к наркотикам, требовались все новые дозы. Начальница госналог-

инспекции поднималась по ступенькам в магазин с остекленевшим взглядом навсегда уверенного в себе человека, которому "положено" все, на что упадет его взгляд. Чувство стыда или страха ей при этом было неведомо. Она фанатически верила: никто никогда не посмеет ей отказать.

А отказ все-таки случился.

В тот день в магазине "Юг" была за прилавком новая продавщица, еще не знавшая Никитину в лицо. А взгляд Евдонии Михайловны как раз упал на ее прилавок. Там лежал симпатичный такой отрез драпа в елочку, о каком начальница ГНИ давно мечтала, видя себя в юбке из этого чудного материальчика. Никитина подошла, кивнула: "Заверните". И услышала в ответ дерзкое: "А где ваш чек? Заплатите, вон масса". Дальше, по свидетельству многочисленных очевидцев, состоялся такой диалог.

— Вы, что, не знаете, кто стоит перед вами? — спрашивает начальница ГНИ.

— Нет, не знаю, — отвечает ошарашенная продавщица.

— Ну, что ж, — медленно цедит Евдония Михайловна, — из этого следует, что ваш руководитель Надеина плохо информирует своих работников о районных начальниках такого ранга, как я. Очень жаль!

И, мстительно развернувшись, не удостоив кабинет Надеиной визитом, выходит из магазина. Молодую продавщицу, конечно, немедленно просветили. А Никитина на следующий же день, как ни в чем не бывало, явилась вновь. Но подошла уже к другому прилавку, где и получила от давно работающей здесь продавщицы

завернутый драп. Даром, разумеется.

Надеина прокляла тот день и час, когда решила на сделку с Никитиной. И в конце концов, заявив своим продавщицам: "Надоело за нее платить!" — распорядилась ничего ей без денег не отпустить. А когда история с приватизацией казенного особняка стала достоянием гласности, и вслед за ней потянулась невероятно длинная цепочка поборов Никитиной, Надеина и остальные "сидевшие на крючке" предприниматели Пристени стали охотно давать показания.

Евдония Михайловна и на следствии, и на суде держалась молодцом: отрицала все. Когда же ее припирали фактами, не моргнув глазом, утверждала: "Вы передергиваете! Да, я брала деньги и вещи. Но — в долг. Дом приватизировала вполне законно!.."

Раскаяние было для нее таким же незнакомым чувством, как и стыд.

Меченые доллары

"Городничий: Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя так же спровадить в Сибирь. Что скажешь? А?"

Н.В.Гоголь "Ревизор"

Похождения Никитиной, увы, сюжет отнюдь не уникальный. Наша сегодняшняя реальность напичкана такого рода историями.

В Иленском районе Оренбургской области примерно так же

обирала торговый люд начальница госналогинспекции Мария Проскурянова. Только она приспособила к этому делу еще и своего сына Евгения. Он занимал весьма хлебную должность в Иленской администрации — был специалистом комитета по качеству и защите прав потребителей.

Действовали они так: молодой специалист отправлялся в коммерческие структуры проводить проверку вместе с маминими подчиненными — сотрудниками налоговой инспекции. Обнаружив нарушение, молодой Проскурянов устраивал коммерсантам публичный разнос. Это была своего рода арт-подготовка. Затем он приглашал виновника на беседу с глазу на глаз и тут уже шел в лобовую атаку. Коммерсант сдавался и нес Проскуряновым все, что было под рукой: продукты, посуду, деньги, импортную бытовую технику.

Здесь, в Оренбурге, история, случившаяся с Никитиной в Курской области, повторилась буквально: жадность и безнаказанность ослепили Проскуряновых. Повадившись бесплатно отовариваться у своих "должников", они не могли остановиться — заходили в пригланувшийся им магазин снова и снова. Одним из таких оказался сельский магазин "Татьяна". Его владельцы Филатовы имели неосторожность после проверки и обнаружения недоплаты налогов предложить Проскуряновым — вместо штрафа в госказну — разойтись полюбовно. Евгений Проскурянов (а такие переговоры вел обычно он) пошарил глазами по магазинным полкам и, увидев импортный телевизор, ткнул в него пальцем.

— Вот это мне.

А через некоторое время он появился на пороге "Татьяны" снова.

— Не работает? — спросили Филатовы, заволновавшись.

— Ну почему же. Импорт не ломается. Но мне еще вот это нужно.

И ткнул пальцем в видеомонитор. Ну, что ж, логично. И ему, как говорится, "завернули".

Но если б этим визитом все и закончилось!..

Мытари Проскуряковы, ведомые, как сказал бы Владимир Даль, "неправедной корыстью", обложили такой данью торговую сеть Илекского района, какая коммерсантам не могла явиться и в страшном сне. Да, конечно, госналоги были чудовищно большими, ставившими их бизнес в невыгодное положение, что, собственно говоря, и толкало их на сделку с начальницей инспекции. Но собственные "налоги" Проскуряковых с каждым днем все больше походили на откровенный и разорительный грабеж.

Подвела же Проскуряковых неаккуратность. Мало того, что они обходили торговые точки района по второму и по третьему кругу. Они не следили за прохождением финансовых документов, не всегда останавливая компрометирующую коммерсантов информацию, идущую в Оренбург, и эта халатность обернулась против них.

Когда у коммерсантов Илекского района возникли сложности с областной налоговой инспекцией, они возроптали. Выложили всю правду о мытарях Проскуряковых. Оказавшись на скамье подсудимых, Проскуряковы (как и Никитина) напрочь все отрицали. Но почему появление в их доме

дорогих вещей и строительство их новенького коттеджа совпадали обычно с налоговыми проверками, объяснить не смогли. И очутились за решеткой.

Рэкетеры "от государства", действующие именем налоговых инспекций, обирают, как свидетельствует криминальная хроника, не только торгующих коммерсантов. В Свердловской области начальник налоговой инспекции Алапаевского района упорно выбивал взятку у руководителей местного завода. И — выбил. Правда, как только гендиректор завода вышел из кабинета налогового, туда ворвалась милиция и тут же обнаружила в столе начальника-мытаря выбитые 30 тысяч долларов.

География подобных вымогательств — вся Россия. Включая, конечно же, и Москву. Вот столичный сюжет: старший инспектор одной из налоговых инспекций Москвы Александр Спиринов, узнав о немалых кредитах, которые получил в столичных банках предприниматель Малютин, предупредил его: мол, я закрою глаза на твою недоплату налогов за эти кредиты, но и ты в долгу не останешься. Но Малютин оказался человеком экономически грамотным — знал, что за вовремя возвращенные, да еще с процентами, кредиты существуют налоговые послабления. И на контакт со Спириновым не шел. Пока тот "не достал" его.

Когда угрозы Спирина достигли апогея, Малютин записал их на диктофон и предъявил кассету руповцам. Те, как в таких случаях водится, выдали ему пачку меченых долларов (требуемые Спириновым 10 тысяч). В условленное

время Малютин появился на той станции метро, где была назначена встреча со Спириным. Но там оказался его брат, знавший только одно: нужно взять у предпринимателя какие-то документы. И он взял. И привез упаковку домой. Оперативники явились следом, и Спирин оказался за решеткой. А еще какое-то время спустя был приговорен Мосгорсудом к 10 годам лишения свободы.

Смею предположить: сколько бы ни прозвучало такого рода устрашающих приговоров, нынешние мытари не перестанут обирать людей. Не только потому, что тут действует известный криминологам психологический механизм: "Я-то уж точно не попадусь". Нет, не только...

По ту сторону закона

"Городничий: Как я — нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трех губернаторов обманул... Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимает прежде разум".

Н.В.Гоголь. "Ревизор"

То, на что жаловался Городничий — наказывая, Бог лишает разума, — кажется, и в нашей ситуации имеет место. Но об этом — позже.

А сейчас — об одной особенности преступных групп. Чаще всего они раскалываются на враждебные группировки на стадии

дележа награбленного. Или — дележа подконтрольных их рэкету территорий. Психологический механизм конфликта прост: "А чем ты лучше меня, гад, берешь себе такой большой кус!"

Рэкетеры-налоговики спотыкаются о тот же камень. Чем лучше их, до безрассудства жадных, само государство? Оно выколачивает из своих подданных поистине грабительские налоги (с тех же предпринимателей — 80 копеек с рубля). В беспамятстве хватательного рефлекса душиет всех и все подряд. В такой ситуации, чувствуя себя сообщниками грабена, мытари-налоговики и пускаются во все тяжкие. Потому что сообщник — государство как бы освобождает их действия от моральной ответственности.

И еще один, облегчающий этот грабеж момент: в стране с безумной налоговой системой от налогов уходят почти все. И потому каждый российский гражданин видится мытарю-налоговому мошенником, из которого, в свою очередь, не грех выбить злую сумму, хотя, замечу на полях, к этим "каждым" не причислишь тех же бюджетников, сидящих вместо положенной им зарплаты на голодном пайке.

То есть все вышеописанные коллизии, в большей или меньшей мере, происходят *вне правового поля*. Иными словами — по ту сторону закона. А это, как вы сами понимаете, развязывает руки.

А теперь — о разуме. Нашу громоздкую систему сбора налогов специалисты называют не иначе, как иррациональной. Законодатели, ее создавшие, конечно, были не до конца откровенными: зная,

что система сбора налогов (80 копеек с 1 рубля) может задушить любого честного предпринимателя, они ничего не сказали о своих расчетах. Расчет же у них был на стародавний, доставшийся нам в наследство еще с гоголевских времен, и поразительным образом уцелевший в сложных исторических натаклизмах механизм теневых отношений. Все равно, думали, видимо, законодатели, российские граждане будут ловчить, прятать доходы, а потому с неспрятанного нужно брать по максимуму.

И стали брать. Закрепив тем самым "статус-кво" теневых отношений. Но спрятанные доходы должны "работать", как и любой другой доход. Выйти из тени он не мог, а потому породил так называемый "черный нал" — расчеты наличными, из рук в руки. Он, разумеется, не облагается налогом, и поэтому, увеличивая спрятанные от налоговиков суммы, расширяет теневые экономические отношения до гигантских размеров.

Уже сейчас, по мнению специалистов, в России плещется необъятное море "черного нала". Его еще называют "теневым бюджетом". Только от нетеневого он отличает-

ся принципиально: из него не идут отчисления на зарплату тем же учителям и врачам. И те же работники милиции, охраняющие наш с вами зыбкий покой, не получают из этого бюджета ни копейки. Стоит ли напоминать, на какой род теневой деятельности толкает хроническое безденежье этих милиционеров?! Да и только ли их одних?!

Баталии вокруг нового налогового коденса идут среди наших парламентариев не один год. А тем временем государственные налоговые органы перерождаются в бандитские структуры, промышленяющие открытым разлетом. А суды с каждым годом пополняются новыми уголовными делами по мытарям-налоговикам.

Социальный инфантилизм законодателей, граничащий с демонстративным безумием, похоже, просто не знает границ: нагие широковещательные звучат заявления о том, что Россия — с рыночной экономикой и соответствующим законодательством — становится в один ряд с цивилизованными странами! И это — в момент, когда страна все глубже погружается в болото криминального беспредела...

ИЗ ЧУДЕС

Наталья ФЕКЛИСОВА

Две стены комнаты до потолка заставлены массивными аквариумами, в которых плавают диковинной красоты морские жители: рыбы, кораллы, моллюски, раки. Их владелец — 32-летний аквадизайнер Виталий Волчков с лукавинкой во взгляде рассказывает о своем богатстве.

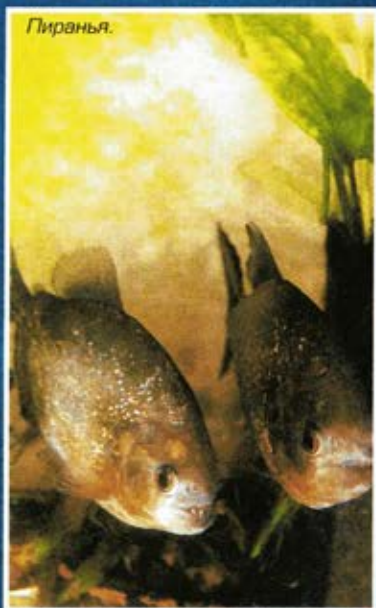

Первый аквариум появился у Виталия, когда он учился в четвертом классе. Теперь у него уже 14 аквариумов и содержится в них более 4-х тонн воды. В каждом аквариуме живет какое-нибудь одно "сокровище".

Вот расправила свои бело-красные иголки красавица *крылатка*, хищная обитательница тропических морей, питающаяся креветками и мелкой рыбешкой. В каждой игле этой рыбы содержится яд. Тому, кого крылатка кольнет своей иглой, грозит частичная парализация и отек легких. А тому, кто захочет поселить эту ядовитую красотку в свой аквариум, придется раскошелиться и выложить не менее 100 долларов.

В соседнем аквариуме расположились три *актинии* (или

Пиранья.

Рак-богомол.

морские анемоны) — кораллы, живущие поодиночке. Они похожи на странные цветы на толстом стебельке или на маленькие пальмы. В природе можно встретить актинии до метра высотой, а у Виталия в аквариуме они маленькие — около 10 сантиметров. Основание ножки актинии — подошва, изгибая которую актиния может переползти с места на место. Рот, готовый в любой момент проглотить мелкую рыбешку, находится у актинии там, где у цветка располагается сердцевина, окруженная лепестками. Вокруг рта — щупальца, усеянные клетками с сильным ядом. Человек, прикоснувшись к ним, почувствует боль, мелких же рыбок этот яд парализует мгновенно.

Рыбы-клоуны.

Моллюск — текстильный конус.

В аквариуме справа живут "приятели" актиний — *рыбы-клоуны*. Красненькие, с поперечной черно-белой полоской, эти рыбы действительно походят внешне на забавных клоунов. Интересно, что помимо радужной окраски эти рыбы имеют еще одно преимущество над всеми остальными — они покрыты слоем слизи, который защищает их, например, от яда щупальцев актиний. Рыбы-клоуны иногда используют эту свою особенность, прячась от врагов среди щупальцев актиний. Актинии не сердятся на такое соседство, поскольку своей яркой окраской клоуны приманивают хищных рыб в смертоносные щупальца актиний, после чего актинии и клоуны делятся друг с другом добычей.

В левом аквариуме приютился *рак-отшельник*, тоже морской обитатель. В природе он живет в пустых раковинах моллюсков, проще говоря, в ракушках, выставляя наружу только клешни. Но, кстати, тоже "сотрудничает" с актиниями, нанимая некоторых из них в качестве личных охранников. Для защиты рак сажает одну или двух актиний на свою раковину, чтобы они защищали его от врагов ядовитыми щупальцами, за что награждает их кусочками пищи, которую добывает, путешествуя по дну аквариума. Актинии охотно идут на такое "сотрудничество", поскольку самим путешествовать тяжело: на собственной подошве далеко не уйдешь.

Поражает своими выходками и другой рак, "сосед" отшельника, живущий в аквариуме под самым потолком, — темно-зеленый с ярко-красными усиными и лапными *рак-богомол*, привезенный из Ин-

донезии. Пока его не трогали, рак вел себя тихо, неподвижно сидел, притаившись под зеленой водорослью. Но когда хозяин начал ловить его сачком, чтобы пересадить для фотосъемки на фоне кораллов в другой, красочно оформленный аквариум, рак начал неистово метаться и издавать звуки, напоминающие удары огромного колокола. Кто бы мог подумать, что это маленькое (7 см длиной) существо может издавать такие устрашающие громopodobные звуки?

Рядышком расположились серые в синюю точечку *скаты*. В море скаты, как правило, лежат на дне, зарывшись в песок. Поэтому они и стали такими плоскими, похожими на лепешки. В природе многие виды скатов ядовиты. Одно время и у Виталия, по его рассказам, жили ядовитые скаты-хвостоколы, на длинных хвостах которых располагались ядовитые шипы и желобки, по которым стекал яд. С одним "клиентом", купившим ската у Виталия, произошла трагикомичная история. Дело было в ночь под Новый год. Шумная компания весело проводила время, не сдерживаясь в употреблении горячительных напитков. Где-то под утро одному из гостей захотелось погонять ската рукой по аквариуму, погугать его. То-то было веселье наблюдать, как бедный скат в панике мечется по своему обиталищу! Окончилось все плачевно. Скот разозлился и что есть мочи впился ядовитым хвостом обидчику в руку. Незадачливого гостя парализовало. Праздник не удался. Скаты, кстати, используют свой ядовитый шип только как оборонительное оружие, не применяя его для умерщвления червей, моллю-

сков и ракообразных, которыми питаются.

В отдельном небольшом аквариуме живет неприметный на вид моллюск (мягкотелый) — *тенстильный конус*. Этот хищник обитает в Красном море. Едва ли кто заподозрит, что под скромной бежевой ракушкой в тоненькую красную полосочку таятся ядовитое существо. А зря. Особенно не поздоровится тому, кто нарушит спокойствие конуса. В минуту опасности он показывает свой "нос" и выпускает через него яд в обидчина.

Помимо этих диковинок у Виталия живут еще змеевидные рыбы мурены, груперы и парусные хирурги, относящиеся к разряду окуневых, а также кошачьи акулы и привезенные из Южной Америки найманы, принадлежащие к семейству аллигаторов.

Эти морские "сокровища" Виталий периодически выписывает по каталогу, то есть делает заказ на их приобретение. Получает желаемое в емкостях, наполненных водой и упакованных в пенопласт. Морские обитатели капризны, к каждому нужен индивидуальный подход. Не понравится, к примеру, рыбе температура — глядишь — и нет уже в живых красавицы. А это видеть всякий раз горько и досадно. Правда, рыбу, попавшую в квартиру Виталия — довольно опытного аквадизайнера, как правило, ждет другая судьба. После акклиматизации в аква-

риуме Виталия рыба окажется в новом аквариуме какой-либо фирмы или ресторана, или нового русского, любителя заморских штучек. Дизайн ее нового обиталища будет выполнен тоже руками Виталия. Когда "клиент" купит и установит аквариум, Волчков принимается за работу. В качестве декорации аквариума часто используются *композиции из различных видов кораллов*, которые придают любому аквариуму роскошный вид. Помимо композиции в задачу аквадизайнера входит создание рыбы освещения, к которому она привыкла в естественной среде обитания. Это может быть лампа, имитирующая солнечный свет, или в случае, если в аквариуме предполагается поместить живые кораллы, лунный свет. Он необходим кораллам для размножения, так как этот процесс происходит у них тогда, когда луна находится в строго определенной фазе.

Затем в аквариуме устанавливается фильтр, очищающий воду, система автоматического контроля за морской водой, предварительно подключенная к компьютеру, и засыпается морская соль. Все — морские диковинки могут заселяться.

Кстати, у себя в квартире Виталий надеется в скором будущем соорудить грандиозный трехметровый аквариум и оформить его по своему вкусу. Надо думать, это будет чудо из чудес. ■

Фото **Дмитрия Феклисова**

Адам и Ева. 1507.

АЛФАБЕТ

ДЮПЕР

Родина Альбрехта Дюрера, Нюрнберг, был в конце XV века своего рода Флоренцией Германии. Благоприятное положение между Рейном и Дунаем, по дороге из Венеции в Нидерланды, сделало его, по словам историка Янсена, "местом свидания народов и центром промышленной и художественной деятельности". Нюрнбергские типографщики, граверы на дереве, ювелиры, часовщики, оружейные мастера, литейщики, горшечники считались самыми известными в Европе. Эпоха и среда благоприятствовали зарождению и расцвету гения. И этот гений явился в лице Альбрехта Дюрера.

Он родился — как говорится в семейной хронике, веденной его отцом и законченной им самим, — 21 мая 1471 года, "в понедельник Крестовой недели, в шестом часу", в доме, стоявшем по соседству с домом патриция и юрисконсульта Иоанна Пиркгеймера, сын которого, знаменитый гуманист и историк и в то же время государственный деятель, Вилибальд Пиркгеймер, сделался впоследствии самым задушевным другом Дюрера. Альбрехт Дюрер был третьим ребенком гражданина города Нюрнберга

ювелира Альбрехта Дюрера, венгра по происхождению, родившегося в деревушке Эйтас, где его предки занимались разведением скота и лошадей. В этой деревушке дед художника, Антон Дюрер, выучился ювелирному мастерству, которому научил и своего сына, Альбрехта. Альбрехт впоследствии ездил в Германию, прожил долгое время в Нидерландах, вращаясь в кругу знаменитых художников, и наконец поселился в Нюрнберге.

Здесь он работал у самого известного в городе ювелира, Иеронима Гольнера, и женился на его дочери, Варваре, девушке 15-ти лет. От этого брака родилось 18 детей. Жизнь в отцовском доме была полна забот, так как единственный доход семьи составлял ежедневный заработок ювелира. Дюрер-отец всецело посвящал себя своим детям: "Мой отец оказывал мне предпочтение перед другими детьми, — вспоминает Дюрер, — так как видел мое прилежание, и скоро отдал меня в школу. Когда я научился читать и писать, он взял меня обратно и стал учить своему мастерству". Мальчик делал быстрые успехи. Ос-

Автопортрет в возрасте 13 лет. 1484.

талось много его юношеских произведений, самое замечательное из них — портрет самого юного художника, сделанный, когда ему было 13 лет. На полях Дюрер пометил: “Я нарисовал это с себя с помощью зеркала в 1484 г., когда был еще ребенком. Альбрехт Дюрер”.

“Но, — пишет Дюрер, — меня больше влекло к живописи, чем к ювелирному искусству. Я высказал это отцу, который остался не очень доволен, жалея о потерянном времени... Несмотря на то, он уступил моему желанию и в 1486 году, в день св. Андрея, отдал меня к Михаилу Вольгемуту, который слыл самым известным живописцем в Нюрнберге. Дюрер скоро приобрел от него все необходимые технические познания и ему оставалось только совершенствоваться в изучении произведений других мастеров. С этой целью, после праздника Пасхи 1490 года, он предпринимает, по обычаю художников и ремесленников того времени, образовательное путешествие по городам Европы.

Среди работ, исполненных Дюрером за четыре года путешествия, следует отметить великолепную картину, написанную водяными красками на пергаменте — “Младенец Иисус с золотым шаром”, помеченную 1493 годом, и особенно его автопортрет, выполненный вначале масляными красками на пергаменте, а потом переведенный на полотно. Это портрет молодого человека в изящном костюме. В руке его — цветок чертополоха, называемый “мужской верностью”. Надпись под портретом гласит: “Мои дела следуют пути, указанному свыше”. Изысканность костюма, символический цветок, выбор пергаamenta, который легче перевозить, чем деревянное панно, заставляют предполагать, что этот портрет имеет некоторое отношение к сватовству художника, затеянному его отцом.

Действительно, вскоре после возвращения Дюрера в Нюрнберг, в 1494 году, по словам художника: “Ганс Фрей (знаменитый механик, один из знатных промышленников города) условился с моим отцом выдать за меня замуж свою дочь Агнесу и дать ей в приданое 200 флоринов, и мы отпраздновали свою свадьбу в день св. Маргариты, в понедельник 1494 г”. Это была довольно выгодная партия для художника: 50 флоринов составляли годовой бюджет одной обеспеченной семьи в Нюрнберге. Что касается молодой женщины, то она обладала красивым, умным и открытым лицом и, по словам современников, была набожна, честна и экономна. И не стоит доверять легенде, что она отравляла жизнь Дюрера своим брюзжанием и низкой скарედностью. Ни дневник, ни письма художника не дают никакого повода предполагать хотя бы малейший разлад между супругами. Впрочем, их брак оказался бесплоден.

Дюрер устроил в отцовском доме мастерскую, и к нему стали поступать заказы, даже довольно значительные, на алтарные украшения и за престольные образа.

Одна из самых первых его работ в этой области — триптих, исполненный водяными красками для церкви Всех Святых в Виттенберге по заказу саксонского курфюрста Фридриха Мудрого. В центре изображена Мадонна с Младенцем, а по бокам — св. Антоний-отшельник и св. Себастьян. Фигуры святых, точно живые, написаны без всяких условностей, даже без традиционных ореолов над головами. Во всем триптихе заметно стремление Дюрера к правдивости в изображении лиц и форм.

Эта работа замечательна и другими достоинствами, впрочем, присутствующими всем произведениям Дюрера: художественная фантазия, стара-

тельная отделка самых незначительных подробностей, живость и стремление к естественному и верному истолкованию действительности.

Дюрер всю свою жизнь стремился к истине, пытаясь как можно глубже проникнуть в тайны природы. «Что такое красота — я не знаю, — пишет он в одном из своих теоретических сочинений. — Воистину, искусство заключается в природе; кто может извлекать его из нее, тот обладает его даром... Чем ближе будет твоё произведение к природе, тем оно будет

Паумгертнерский алтарь. 1498—1500 и 1502—1504.

лучше... Поэтому не воображай, что ты можешь создать что-нибудь лучше сотворенного Богом... От себя человек не может дать прекрасной картины. Искусство только тогда разовьется и принесет свой плод, когда человек возможно лучше изучит свой сюжет, всецело проникнется им, и тогда сокровище его души проявится в произведении и новом творении". Упрек, который делают Дюреру, что он редко чувствовал то, что говорил о красоте форм (например, указывают на безобразие женских обнажен-

ных форм в некоторых картинах), является лучшим доказательством его искренности, его благоговения перед природой даже при вульгарных моделях, которые были у него перед глазами.

Кроме престольных образов Дюрер создал множество портретов, принесших ему известность. Но еще более, чем портретами и образами, Дюрер прославил себя гравюрами на дереве. Многочисленные их оттиски, продававшиеся по умеренной цене, распространили его славу гораздо шире, чем более капитальные произведения, существовавшие в единственном экземпляре в часовнях и частных домах.

Кроме добросовестной наблюдательности он обнаруживает и поэтическую изобретательность. Его фантазия легко создает мистические сцены священной книги и воспроизводит таинственные видения Патмосского отшельника. "Явление Бога", "Четыре всадника", "Открытие книги за семью печатями", "Четыре освобожденных ангела, избивающие людей" и "Сражение арх. Михаила с драконом" переданы с поразительной силой, фантазией, драматизмом, выразительностью,

замечательными для двадцатисемилетнего художника.

Эта серия гравюр составила целую эпоху в истории ксилографии. Дюрер первый добился впечатления, которого граверы на дереве достигали раскрашиванием, через умелое сопоставление и разнообразие штрихов. Эразм Роттердамский без колебаний ставит Дюрера выше Апендеса: "Разве Дюрер, — говорит он, — не умел изобра-

Эскиз трех рук. 1494.

Крыло птицы. 1512.

Мученичество двух тысяч христиан при персидском царе Сапоре. 1508.

жать все одним цветом — простыми черными линиями: тени и блеск света, возвышенности и глубины, всю природу, человеческие чувства и страсти, и почти даже язык? И все это нарисовано с такой точностью и верно-стью, что если бы кто-нибудь захотел прибавить цвет к этим линиям, на-черченным с таким совершенством, тот мог бы только испортить произ-ведение художника”.

В двух других сериях гравюр “Жизнь Марии” и “Большие Страсти” видно то же искусство в передаче трагизма и нежной поэзии.

Дюрер очень любил религиозные темы. Кроме многих отдельных композиций, он создал четыре различные серии на тему “Страстей Хри-

стовых" и много изображений "Мадонны", прелестных по замыслу, рисуя ее то миловидною, то наивною, то в позах, полных благородства, со скипетром в руке и звездной диадемой над челом.

За неимением натурщиков Дюреру приходилось искать свои первые типы в многочисленных банях, которые были тогда весьма популярны в Германии. Очень много рисунков, появившихся между 1496 и 1516 годами, знакомят нас со старинными местами сборищ, в которых средневековые немцы ели, пили и беседовали в продолжение многих часов. В этих рисунках преобладает стремление к правде, всю жизнь воодушевлявшее Дюрера. Поглощенный точным наблюдением природы, он никогда не приукрашивал искусственно какую-нибудь композицию, хотя иногда у него бывали перед глазами и грубые, некрасивые сюжеты.

Не менее добросовестно изучает он и все то, что кажется ему интересным. Так, зарисовывает в превосходных эскизах пером и акварелью изящные костюмы нюрнбергских женщин в домашней их жизни, на прогулке, во время танцев, в церкви.

Природа везде и во всем стоит у него на первом плане. Он восхищается и любит ее так сильно, что ему незачем украшать ее каким-либо эффектом. Единственная его забота — возможно вернее передать природу. Это превосходно доказывают наброски, сделанные при путешествии в Тироль и Италию, виды Нюрнберга и его окрестностей. Он стремится даже верно срисовать анатомию скал, их изломы и расселины, все подробности двора какой-нибудь фермы, деревья, цветы, животных, то есть даже такие предметы, к которым до этого времени художники относились равнодушно. Он пытается заносить на бумагу все оттенки рассвета, блеск восходящего солнца, и все это с изяществом, богатством и верностью колорита. Ни один художник до него не смотрел на природу с этой точки зрения и не уделял такого большого внимания самым ничтожным мелочам. Можно смело утверждать, что Дюрер первый почувствовал то, что теперь принято называть "поэзией природы".

Дюрера интересуют в природе даже ее необычайности и уродства. В 1496 году он гравировал на меди свинью чудовищной формы, которую видел в Ландзее, близ Нюрнберга. Позднее зарисовал для гравировки на дереве носорога, присланного португальскому королю, двух сросшихся детей-близнецов, а во время пребывания в Нидерландах совершил длинное путешествие, чтобы увидеть кита, выброшенного на берег Зеландии.

Отец Дюрера стал свидетелем первых успехов сына и смог умереть спокойно, несмотря на то, что оставил после себя жене и детям скудные средства. Он умер 20 сентября 1502 года. Дюрер взял на себя заботу о младших братьях: заставил Андрея предпринять образовательное путешествие для его усовершенствования в золотых дел мастерстве, принял к себе в дом маленького Ганса (ставшего впоследствии живописцем польского короля), а два года спустя и старушку мать.

В конце 1505 года Дюрер отправился в Венецию, чтобы преследовать подделки итальянских художников под его произведения и обеспечить свои нарушенные права на них. Но скорее всего, он поехал в Венецию по приглашению поселившихся там немецких купцов, которые хотели украсить образами свою церковь св. Варфоломея. Легко дога-

Портрет молодого человека. 1521.

Праздник роз. 1506.

даться, с каким удовольствием отправился Дюрер в этот город, прославившийся роскошью и произведениями искусства. Не имея достаточных средств, он занял деньги на дорогу у Пиркгеймера, "которого любил как отца".

Тотчас по прибытии он занялся исполнением алтарного образа. Изображает раздачу Богородицею и Младенцем венков на так называемом "празднике роз".

Картина имела огромный успех: додж и епископ Венеции (также изображенные на ней) посетили мастерскую Дюрера. Одно из его писем другу Пиркгеймеру свидетельствует о чувстве удовлетворения: «Я молча одержал победу над художниками, считавшими меня только искусным гравером и находившими, что в живописи я ничего не смыслю относительно красок. Все признали, что не видывали более прекрасного колорита». Но, стремясь всегда к усвершенствованию, он не извлек из своего труда всей пользы, на которую мог рассчитывать. «Я должен вам сказать, — пишет он в очередном письме Пиркгеймеру, — что мог бы очень много заработать денег, если бы не начал картины для немцев».

Впоследствии

император Рудольф II, большой поклонник таланта Дюрера, собравший большую коллекцию его рисунков, приобрел эту картину за очень значительную сумму и велел перенести ее на плечах в Прагу. Там она находится и теперь в Страховском монастыре, но в очень плачев-

ном виде, так как сильно попорчена неудачными поправками, из-за чего почти совсем исчезло письмо самого художника.

В Венеции Дюрер написал много портретов. Из них отметим портрет молодого человека с длинными, разметавшимися волосами, прикрытыми шапочкой, и портрет мужчины с худощавым лицом и тонкими усами. Последнее произведение имеет некоторую любопытную особенность: на оборотной стороне портрета изображена отвратительная аллегория скупости: безобразная, сухощавая старуха держит кошелек золота, который показывает с усмешкою. Вероятно, это была месть художника модели, заказавшей портрет и, по-видимому, мало заплативший за него.

Чествуемый со всех сторон, завязывая выгодные знакомства, Дюрер не скучал по родине. В свободные минуты посещал лавки, покупая для Пиркгеймера, большого любителя изящных вещей, ковры, перстни, изделия из венецианского стекла, страусовые перья, драгоценные камни, книги, особенно греческие рукописи. По его собственным словам, он проводил время очень приятно "среди общества очень образованных и ученых людей, прекрасных музыкантов на лютне и флейте, знатоков искусства, людей благородных чувств и высокой нравственности", которые все относились к нему "с уважением и дружбою".

Несмотря на участвовавшие призывы Пиркгеймера вернуться обратно в Нюрнберг, Дюрер не спешил возвращаться. Венецианский совет делал даже попытки убедить его окончательно поселиться в Венеции, обещая двести дукатов ежегодного жалованья и отдельную плату за все работы для города. Но, наконец, в первых месяцах 1507 года Дюрер решил покинуть блестящий город. "О, какой холод почувствую я после такого избытка солнца! — пишет он в одном из своих писем. — Здесь я был господином, а дома — я только жалкий бедняк".

Путешествие в Италию оказало на Дюрера благотворное влияние. Дарование его усовершенствовалось благодаря знакомству с произведениями итальянских мастеров. Манера рисовать делается менее сухой; меньше нагромождает детали, все более приближается к простоте, гармонии, к игре светотени, вкладывает все больше выразительности в свои произведения.

Плодовитость Дюрера была неистощима до такой степени, что в 1511 году он издал еще серию на тему "Страстей", в которой есть новые сцены из Ветхого и Нового Заветов, и серию, состоящую из 36 рисунков, гравированных на дереве. Эта серия, известная под названием "Малых Страстей", пользовалась большей популярностью, чем предыдущая, хотя гравюры в ней исполнены менее тщательно и напоминают рисунки "Зеленых Страстей".

Между тем Дюрер в 1509 году переехал из дома, в котором родился, в купленный им за 275 рейнских флоринов новый дом, расположенный у подножия холма, на котором высился замок. Этот дом и в наше время имеет почти такой же вид, какой имел при Дюрере, и превращен благоговейными перед памятью великого художника нюрнбергцами в музей его имени. Приятно представлять себя в этом уютном доме Дюрера. По вечерам он, вероятно, отрывался от своих занятий для беседы с избранными людьми, которыми изобилует Нюрнберг и которые, очарованные его приятным обращением, любили собираться вокруг него. Мягкий и прямодушный, большой поклонник истины, наделенный редкой скромностью и чрезвычайной простотой, Дюрер очаровывал всякого, сталкивавшегося с ним. Он обладал очень приятной наружностью, изящным сло-

Лунайна. 1503.

Голова двенадцатилетнего христианина. 1506.

жением, мягким, гармоничным голосом и, кроме того, одарен самыми благородными свойствами ума и сердца (нельзя найти ничего низменного или грубого в его произведениях). Дюреру нравились телесные упражнения, которым он отдавал предпочтение перед танцами; он был страстный любитель музыки, сочинял сам стихи, уступающие, впрочем, его выразительной прозе, интересовался всем, что могло развивать ум и чувство красоты.

Подобно Леонардо, Дюрер написал несколько теоретических сочинений, иллюстрированных множеством полнотипажей, исполненных по его рисункам (из которых некоторые сохранились и поныне). Эти сочинения представляли очень ценный вклад в науку. "Четыре книги пропорций человеческого тела" — трактат, изданный после его смерти в 1528 году Пиркгеймером, которому он был посвящен, "Трактат о пропорциях лошади", — сочинение, судьба которого неизвестна, "Руководство к измерению при помощи компаса и эккера", опубликованное в 1525 году также Пиркгеймером, "Трактат об укреплениях городов, замков и крепостей", явившийся в свет в 1527 году.

Дюрер царил в немецком искусстве своего времени. Влияние его распространилось не только на Германию, но и на Нидерланды, Францию, Испанию и Италию. Даже такие замечательные художники, как Андреа дель Сарто и Рафаэль (последний в пейзажах на фресках в ложах Ватикана) не стыдились пользоваться его композициями.

Гравюры на меди и на дереве в продолжение всей его жизни были главным источником доходов. Получая около 200 флоринов за картину, над которой приходилось работать по году и дольше, художник находил более выгодным продавать свои гравюры. Они распродавались разносчиками даже за границей, а его жена торговала ими на ярмарках. Дюрер писал Геллеру: "Я хочу отныне заняться только гравированием; если бы я раньше взялся за это дело, то был бы уже теперь богаче на целую тысячу флоринов". Действительно, это была отрасль искусства, в которой Дюрер быстро выдвинулся вперед, превзойдя своим мастерством, разнообразием и вообще талантом всех других. В своих гравюрах он использовал все темы, какие только были затронуты немецким искусством его времени, — религиозные, мифологические, философские и просто бытовые. Иногда он брался даже за сюжеты, которые "академическое" искусство считало неблагородными и недостойными внимания художника, например, "Чудовищная свинья". Неумимо и не повторяясь, он разрабатывал свои излюбленные темы: страдания Христа, Мадонна, св. Иероним, св. Георгий, причем каждый раз создавал замечательные по простоте и научной точности художественные произведения.

Кроме того Дюрер в 1512-1515 годах нарисовал по заказу импе-

Портрет матери. 1514.

ратора для гравировки на дереве замечательную композицию: “Триумфальная арка Максимилиана”. Она имеет 3 метра 40 см. в высоту и около 3 метров в ширину и содержит 92 рисунка, расположенных в виде триумфальной арки с тремя пролетами. Рисунки изображают главные эпизоды из жизни императора, фигуры святых, портреты, генеалогическое древо Максимилиана, украшения и гербы, в том числе герб самого Дюрера, заменяющий его подпись. Руководил выполнением этого произведения друг императора, знаменитый поэт и историк Иоанн Стабиус, сочинивший подписи для эстампа. На деревянных досках гравюра была вырезана Иеронимом Андре. Можно удивляться поразительной изобретательности Дюрера, сумевшего изобразить в замечательно красивом расположении, не повторяясь, эти многочисленные сцены битв и празднеств.

Следует упомянуть еще об одной работе, исполненной Дюрером около 1515 года для Максимилиана и считающейся одной из самых замечательных, — об украшении виньетками и рисунками молитвенника, принадлежавшего императору. Этот молитвенник — шедевр типографского искусства, вышедший из печати Шенспергера в Аугсбурге, в настоящее время, к сожалению, разрознен, и его листы хранятся в разных местах. Они изображают самые фантастичные и замысловатые сюжеты, разнообразие, прелесть и изящество которых не поддаются описанию. Всевозможного рода животные, фигуры святых и светских лиц, колонны, маски, цветы, изящные арабески крайне разнообразно комментируют текст, то глубокомысленно, то с юмором.

Для Максимилиана Дюрер изготовил рисунки пышных придворных костюмов и награвировал на дереве великолепный эстамп: “Восемь святых, покровителей Австрии”. Кроме того, на золотой пластинке, которая была вправлена в рукоятку шпаги государя, он выгравировал “Распятие” удивительно тонкой работы.

Между тем Дюрера постигло жестокое горе: 17 мая 1514 года умерла его престарелая мать. Незадолго до смерти доброй и религиозной женщины Дюрер нарисовал углем ее портрет. Эта трогательная картина изображает старческую голову, в глазах которой как бы отражается предчувствие ухода. В рассказе о кончине матери он пишет, что был объят таким сильным горем, что не может выразить его словами, и признается с искренностью, полной сожаления: “она всегда бранила меня, когда я дурно поступал”. В углу рисунка он поместил надпись “1514 г., воскресенье недели о слепорожденном. Это мать Альбрехта Дюрера, когда ей было 63 года”, а впоследствии приписал внизу: “Она умерла в 1514 году, во вторник Крестовой недели, в 2 ч. ночи”.

В 1520 году, когда в Нюрнберге свирепствовала чума, Дюрер решил отправиться путешествовать в Нидерланды. Нуждаясь в средствах, несмотря на свой непрерывный труд (все его имущество, по его словам, состояло из “довольно приличного дома, хорошей одежды, оловянной посуды, хороших инструментов, постельного белья, сундуков и ящиков и хороших красок на 100 рейнских флоринов”), он просил императора Карла V о продлении на время его путешествия пенсии в 100 флоринов, назначенной Максимилианом, и об уплате сумм, не выданных ему после смерти этого государя. Кроме того Дюрер надеялся извлечь доход от продажи своих работ и получить одну из многочисленных премий, которые выдавались фландрийскими городами за художественные произведения.

Четыре апостола. 1526.

12 июля 1520 года он отправился в дорогу вместе с женой Агнесой и старой служанкой Сусанной, захватив собрание собственных гравюр и эстампов других немецких художников. Их он предполагал или дарить, или продавать своим будущим хозяевам. Сохранился очень интересный дневник, который Дюрер вел во время этого путешествия. Рукописный оригинал дневника, содержащий драгоценные сведения о жизни и нравах тогдашних художников, к сожалению, утрачен, но существует его копия в Бамбергской библиотеке. Здесь мы находим описание даже самых незначительных происшествий во время путешествия и подробные счета ежедневных расходов Дюрера на пищу, питье, покупки, проигрыши. Дюрер с удовольствием распространяется о восторженных приемах, которые ему оказывали, старается все подмечать своим зорким глазом и описывает произведения искусства, которые видел. Отмечает и свои неудачи в коммерческих делах.

26 августа Дюрер отправился в Брюссель, чтобы нанести визит эрцгерцогине Маргарите, большой покровительнице искусств. У нее была одна из самых богатых в то время коллекций редкостей. Хорошо принятый принцессой, Дюрер поднес ей в подарок "Страсти", гравированные на меди, а впоследствии подарил собрание своих гравюр и два изящных рисунка, исполненных дорогой.

Брюссель, по-видимому, произвел на него очень сильное впечатление. Фонтаны за дворцом короля, лабиринт и зоологический сад заинтересовали его, любившего природу. Он пишет в дневнике, что "никогда не видел ничего более прекрасного. Мне казалось, что я в раю". Он восторгался также редкостями, привезенными из Мексики, "страны золота": оружием и доспехами, сбруей, всевозможными костюмами. "Я не выдывал в моей жизни ничего, что приводило бы меня в такое восхищение, как эти вещи, между которыми попадаются замечательно художественные". В немалый восторг привели его и городские здания.

В Брюсселе он встретился со "знатными нюрнбергцами", "носителями коронационных регалий". Он часто обедал в их обществе и даже жил у одного из них, причем последний отказался взять за это плату. Его часто приглашал к себе живописец эрцгерцогини Баренте ван Орлей, с которого он нарисовал портрет. Здесь же встретился со знаменитым Эразмом Роттердамским, подарил ему свои гравированные на меди "Страсти" и нарисовал несколько его портретов. В Брюсселе он познакомился также с учеником Рафаэля Томасом Винцидором, который подарил ему золотой перстень и написал его портрет. Дюрер поднес ему в благодарность за это свои эстампы и просил прислать из Италии гравюры со всех картин Рафаэля.

3 сентября Дюрер возвратился в Антверпен, и его жизнь стала протекать в работах и удовольствиях. Но вскоре он впервые почувствовал приступы болезни, вызвавшей у него страдания, которые "никто не мог подозревать, а я постоянно чувствовал". Это была внутренняя боль в левом боку, повыше желудка. Сохранился рисунок, в котором Дюрер изобразил себя обнаженным до ребер и указывающим пальцем на больное место, со следующей надписью: "Выше, где нарисовано желтое пятно, на которое я указываю пальцем, там сидит моя боль".

Приятная, полная удовольствий жизнь Дюрера между тем продолжалась. Все ищут его общества или прибегают к его таланту. Он сочиняет для ювелиров проекты драгоценных изделий, для членов другой корпорации — фигуру святого для вышивки, декоративные стенные картоны

(коллекция сэра Чарльза Робинсона), доспехи, придумывает даже костюмы для карнавала и попутно пишет портреты. Днем он или рисует, или разыскивает по городу редкости для себя и для своих нюрнбергских приятелей (в своем дневнике он, между прочим, пишет, что приобрел обезьяну), а вечером вместе с женой участвует на великолепных приемах, которые он очень подробно описывает, и в бесчисленных празднествах карнавала.

Антверпенский городской совет так же тщетно, как некогда Венеция, предлагал Дюреру поселиться в городе и обещал ему 300 шиллингов ежегодного жалованья и особую плату за его работы, исполненные для города. Дюрер, как он пишет нюрнбергскому совету, предпочел жить в родном городе с меньшими средствами, чем быть в другом городе богатым и влиятельным лицом. 25 июля 1521 года он отправился в Нюрнберг, куда еще раньше послал несколько сундуков с художественными предметами и редкостями.

Последний период жизни Дюрера изобилует портретами, преимущественно его друзей. Укажем прежде всего на писанный масляными красками портрет мужчины в шубе и в широкополой шляпе, со свертком бумаг в руке, считающийся портретом банкира Дюрера Ганса Имгоффа-старшего. Этим портретом справедливо гордится Мадридский музей Прадо.

Наконец, в 1526 году исполнен на двух досках последний важный труд Дюрера — «Апостолы Иоанн, Петр, Марк и Павел». Дюрер выбрал фигуры четырех славнейших из апостолов и создал поразительные, величественные образы. 7 октября 1526 года в очень трогательной форме поднес эти две доски в дар родному городу, за что ему выдали 100 рейнских флоринов, 12 его жене и 2 его помощнику. Картины сперва находились в Нюрнбергской ратуше, а потом, в 1627 году, были уступлены городским советом королю Баварии Максимилиану.

Эти картины были последними шедеврами Дюрера. Все более и более страдая от болезни, симптомы которой обнаружились еще во время путешествия, великий художник скончался 6 апреля 1528 года, 58 лет от роду.

Смерть Дюрера глубоко опечалила его многочисленных друзей и вызвала скорбь во всем культурном мире. Письма избранного нюрнбергского общества свидетельствуют о том, как искренне сожалели об утрате великого художника его современники. Пиркгеймер, который жил по большей части в своем замке, в Нейнгофе, и не приехал в Нюрнберг вовремя, чтобы присутствовать при последних минутах своего друга, сочинил несколько элегий. В них красноречиво выражается его горе по поводу того, что ему не удалось сказать последнее прости человеку, с которым в продолжение многих лет он делился самыми сокровенными мыслями.

Дюрера торжественно погребли на кладбище св. Иоанна у городских ворот. На плите над его могилой, ничем не отличающейся от большинства окружающих ее, прибита бронзовая доска с выгравированной на ней латинской эпитафией, сочиненной Пиркгеймером. Ниже ее сделаны две надписи, одна немецкими стихами, другая латинская, сочиненная Сандартом, который реставрировал могилу в 1681 году. В них он прославляет художника, который во всех отраслях искусства был и останется совершеннейшим воплощением немецкого гения.

Публикация **Лилии БАЙРАМОВОЙ.**

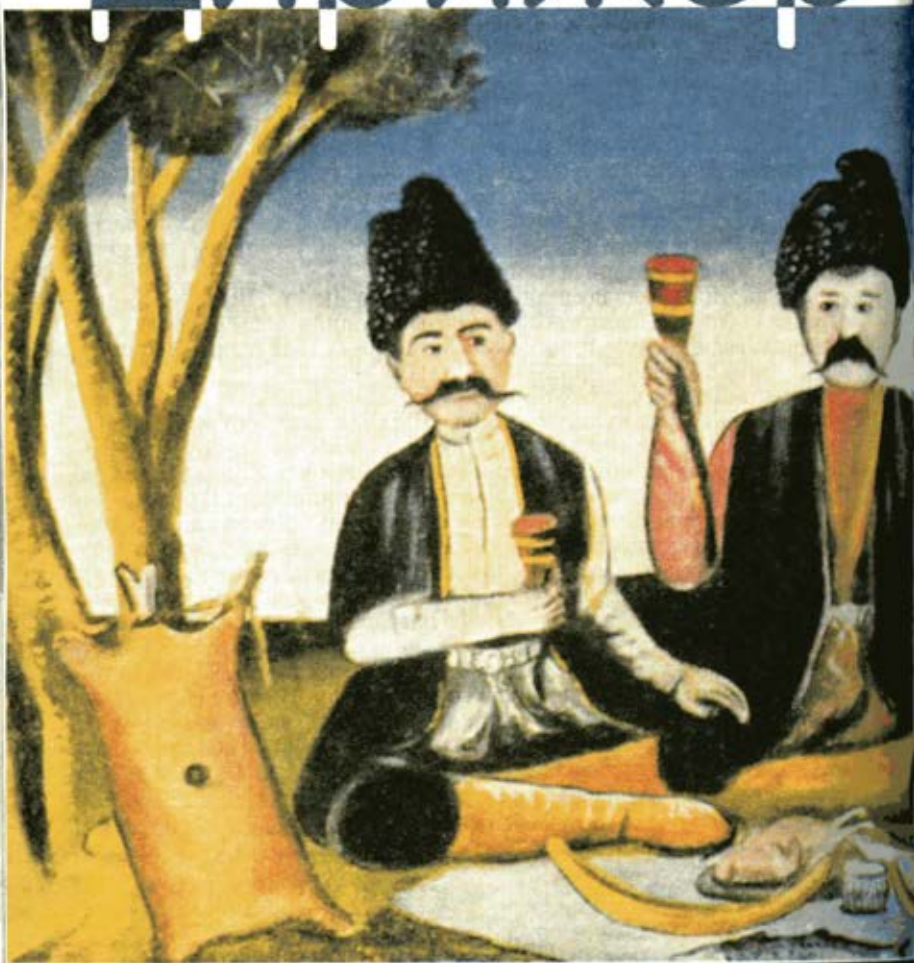
Гоги НАДАРЕЙШВИЛИ

В двух номерах "Смены" (№11-12, 1998, № 1, 1999) мы рассказали о том, какие напитки в России пьют и чем их при этом закусывают. Но и обильный стол может быть уныл, если нет за ним — тамады.

ам, где собираются за накрытым столом хотя бы два грузина — в хиннальной, во дворе дома, в купе поезда, не говоря уже о юбилейных, поминальных или свадебных пиршествах — там обязательно появляется тамада, застолье непременно течет, подчиняясь строгому и сладкому распорядку. Как неприлично появиться на улице голым — так невозможно грузину

дирижер

выпивать и не произносить тосты: пусть самые незатейливые, но точно в том порядке, как заведено испокон веков.

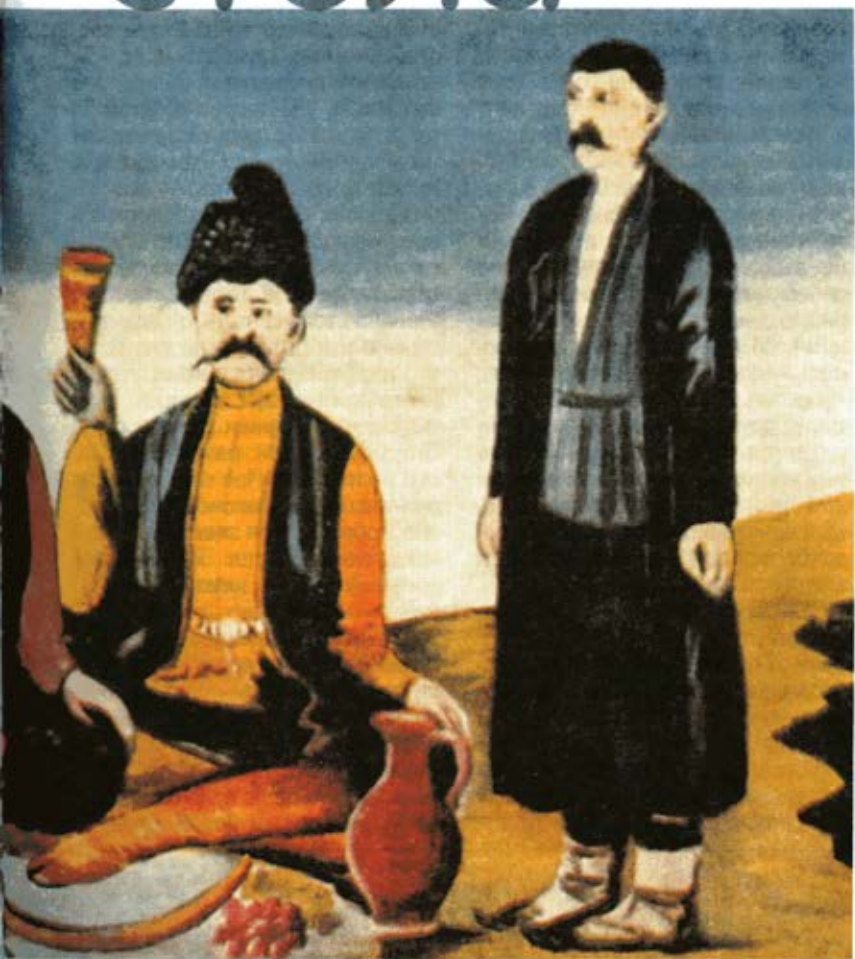
Институт "тамадовства", как любой народный обычай, имеет под собой твердое основание здравого смысла.

Обычай сильнее закона. Закон может быть принят сегодня — и не исполняться!

А обычай выстрадан народом на протяжении сотен, а может, тысяч лет. В стране, где производится и потребляется огромное количество вина, невозможно было не создать традиции, регламентирующие его потребление.

Собирается, представьте, за столом 30, 50, а на свадьбах, может быть, и 500 горячих южных людей. И не молоко они пьют —

стола

Нико Пиросмани. Нахетинский эпос (Алазанская долина).

вино, которое добавляет жара в кровь. Люди все — разные. Есть спокойные, есть рассудительные, есть вспыльчивые... Если их общение пустить на самотек, они — из-за неосторожного слова, из-за носу брошенного взгляда — могли бы все поубивать друг друга! От Грузии камня на камне бы не осталось!

Тамада за столом — диктатор. Ты можешь есть, что хочешь и сколько хочешь, говорить, с кем хочешь — но ни капли вина ты не выпьешь без позволения тамады. Совершенно невозможная вещь — поперек тамады что-то сказать, или выпить, когда он не повелел, или тост произнести без его позволения, или выйти из-за стола. Что за дикий обычай, говорят порой гости, нельзя без разрешения выходить из-за стола. Нельзя! Пусть у тебя мочевого пузырь лопнет, но не выйдешь ты из-за стола по своему хотению! Только после разрешения тамады. Почему, зачем?.. И у такого нелепого, казалось, обычая есть объяснение: ты встал из-за стола, через пять минут другой поднялся — есть ли у тамады гарантия, что вы где-то там не подрались и не поубивали друг друга?! Тамада за всех сотрапезников отвечает. Если что-то случилось с ними — позор для него.

Выборы тамады — демократичная процедура, как выборы президента. Тот, на кого пал выбор, долго отказывается, словно Борис Годунов при венчании на царство. Потом его уламывают и провозглашают первый тост — за тамаду: сотрапезники желают ему хорошо провести стол. Этот, са-

мый первый стакан, пьют все, кроме тамады.

Смена тамады во время застолья — вещь редкая, вроде импичмента президента, и произойти она может в одном-единственном случае — если тамада напьется и физически не сможет вести стол. Если за столом вдруг оказались люди, умеющие выпить больше тамады, он, чтобы не оплошать, может сномнать стол. Он может пить мало — все его, конечно, будут слушаться, но сотрапезники начнут ворчать. Даже затянут в голос песню: "Это что за тамада, не дает нам пить вина!" И тогда ему приходится наращивать обороты. Но если тамада видит, что не может справиться с питием и со столом, он говорит об этом. И тогда кто-то встает и произносит тост за тамаду. Если тамада позволил за себя выпить — все, он разжалован. Периодически во время застолья тамаду испытывают на прочность — предлагают тост за него. И тамада говорит: "Рано!" И только когда он видит — обычно это бывает уже утром, — что пир исчерпал себя, он позволяет произнести этот тост.

Тамада должен уметь пить. Это само собой разумеется, но это не главное. При выборе смотрят, насколько человек красноречив, хорошо ли он знает обычаи, а когда собирается интернациональный стол — знает ли он языки.

Искусство тамады в том, что плохого человека он в глазах стола сделает хорошим, хорошего — прекрасным, а прекрасного — необыкновенным. Тамада никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах — даже если он пьет за своего заклятого врага, даже за

представителя нации, с которой его народ сейчас воюет — не посмеет бросить на него хоть малейшую тень. Он обязательно найдет в человеке что-то хорошее. Если вокруг профессора сидят, а ты простой учитель, он скажет про твою выдающуюся скромность, про то, что ты жизнь свою отдал служению детям, про твое удивительное благородство. Если недалекий человек за столом, но у него, допустим, детей много — тамада поднимет тост за его замечательную семью, за его прекрасных детей, за то, что он дал родине столько великолепных сыновей и дочерей... Искусство тамады — искусство посредством тонкой лести сделать сотрапезника лучше. Искусство создать за столом атмосферу комфорта и любви.

За тем столом, где хороший тамада, не пьянеешь. Может, потому, что хорошее вино пьешь. Выбору вина уделяется огромное внимание. И тот, кто в нем не разбирается, никогда не позволит себе его покупать. Он попросит об этом специалиста. И тот купит вино в том доме, где, как он знает, делают хорошее вино. Не пьянеешь за грузинским столом, может, и от того, что застолье протяжено во времени. Возможно, из-за хороших, с умом подобранных блюд. (В середине ночи подают, к примеру, "кучмачи" — мясное блюдо с ужасающим количеством перца: съешь несколько его ложек, и внутри начинается такой пожар, что затушить его можно только огромным количеством вина.) За грузинским столом уже после одной-двух бутылок начинают петь, и я читал подтверждения мединов, что благодаря

пению кровь активнее насыщается кислородом, и это препятствует опьянению.

Но вернее всего не пьянеешь за грузинским столом благодаря какой-то внутренней энергии, исходящей от людей. Ты не выпил-занузил и тупо смотришь перед собой — ты все время участвуешь в общем творческом процессе застолья. Ты все время в приятном напряжении. Ты должен следить за общей нитью застолья: за кем ты пьешь? А что он сказал? Тебе нельзя, как попугаю, повториться — надо в своей речи перещеголять его!.. А твой сосед хочет перещеголять тебя!

Первый тост всегда пьют за тамаду. Второй (если только застолье не связано со смертью) — в 99,9 процентах случаев пьют за мир. Из-за "бедствий, вечно Грузией претерпеваемых" (выражение Пушкина), из-за нескончаемых войн люди научились как величайшую ценность ценить мир, благодаря которому есть вино, хлеб, благодаря чему можно спокойно сидеть за столом... И только третий тост произносится за виновника торжества. Если у тебя именины, тамада расскажет, какой ты замечательный, великий, красивый человек, подчеркнет все твои достоинства, большие и малые, предложит выпить за тебя — и передаст "аллаверды" кому-то из сотрапезников. И тому надо продолжить импровизацию на тему "величия юбиляра", не повториться, затем опронинуть вместе со всеми стакан — и передать слово третьему...

Есть другие тосты, непременно для всякого застолья, свадьбы ли идет, именины, тризна или

просто кутят мужчины. Пьют за родителей. Поднимают бокал за ушедших друзей — этот тост словно связывает настоящее, прошлое, будущее... Славят соседей: близкие соседи, говорят у нас, лучше, чем далекие родственники — что бы с тобой в жизни ни приключилось, ты всегда можешь рассчитывать на их помощь.

Порой выпивают не из стакана — из рога. Рог пьют не потому, что в него "больше влазит", что его обязательно надо допить до дна. Рог предназначен для того, чтобы подчеркнуть особенность тоста. Если, например, за столом молодые сидят, а среди них семидесятилетний, его славят рогом. Или того, кто добился особых успехов. Из рога пьют обычно за юбиляра, новобранных... Тамада до дна выпивает рог, потом передает сосуд товарищу — и каждый должен выпить его (многие рог эффектно переворачивают, а кто особо уверен в себе, стучит им по ногтю большого пальца — ни капли не должно упасть!).

Когда закончены обязательные тосты — за виновника торжества, за его родителей, его семью, его детей, за соседей... — тамада провозглашает тосты за *каждого*, сидящего за столом. Каждый услышит о себе добрые слова, и за каждого будет поднят стакан...

Как же выпить за "всех именно", спросите вы, когда на свадьбе за столом 500 человек собираются? Пятьсот стаканов физически не выпьешь! Тогда тамада группирует в своем тосте гостей по какому-то признаку. Двадцать человек, например, из дальней деревни приехали. Тогда

он встанет и скажет: дорогой Иван Иванович, дорогой Петр Петрович, за вас, жителей такого чудесного селения, за то, что вы не пожалели времени, сил, приехали на эту свадьбу, доставили своим присутствием огромную радость молодым и всем нам; он расскажет в своем тосте о чудесных обычаях этой деревни; героев, что родом из нее, вспомнит о церкви, украшающей селение, упомянет... Пусть это формальность — но как приятно человеку, сидящему за огромным столом, услышать теплые слова, обращенные лично к нему! Откуда, вы спросите, тамада обо всем знает? А он обязан все знать!.. Он рядом кого-то из хозяев посадит, он до свадьбы обо всех гостях расспросит...

Быть тамадой — трудное искусство! Сейчас в Тбилиси, я слышал, открылась Академия тамады. Туда сдают экзамены. Выдерживают конкурс. Там учат риторику, истории, обычаям, учатся ораторскому искусству. По окончании получают диплом. Но там не зубрят тосты. Тамада — не тот человек, что заучил: "С этим маленьким бокалом, но с большим чувством..." Тот тамада, кто вызубрил тосты, похож на механическое пианино, а настоящий тамада — пианист-импровизатор.

Русский язык для меня — второй родной. В Москве я живу уже больше тридцати лет. Россия — моя вторая родина. И мне ужасно бывает жалко и обидно, когда я вижу, как русские люди порой тысячи рублей тратят на вкуснейший стол, вкладывают всю душу в прекрасную готовку, приглашают сво-

их лучших друзей... — такому застолью надо и пройти прекрасно! Но, единственное, чего ему не хватает — тамады. Когда люди начинают беспорядочно пить — тем более, что пьют в России не вино, а водку, и тут регламентация должна быть еще более жесткой! — через час стол рассыпается, как карточный домик. Все разбиваются на кучки. Тут разговоры невпопад, здесь вспоминают какие-то обиды, там рассказывают анекдоты... И хорошо, если под конец вечера та теплота, которая должна быть за общим столом, перемещается на кухню, где начинаются душевные разговоры, появляется гитара. Эх, елки-палки, думаешь, всего-то нужен один человек, кто руководил бы этим застольем...

Сейчас появились люди, что делают ведение застолья своей профессией. Приходит человек на банкеты-свадьбы с микрофоном, ведет стол, держит его. И если этот человек не халтурщик — застолье проходит нормально, я был тому свидетелем. И я думаю, что такого человека пригласить на многолюдное торжество бывает куда полезней, чем купить лишних пару бутылок водки. А если есть в семье говорливый, веселый, владеющий собой человек, что в состоянии провести собравшихся сквозь алкогольные рифы застолья, то пусть он и будет тамадой по-русски.

Признаюсь, быть тамадой — тяжело. Я, всякий раз, когда меня избирают, не получаю от этого никакого удовольствия. И не знаю того человека, кто получает. Надо держать в голове массу информа-

ции. Следить, кто как пьет. Помнить, как кого зовут и кто чем интересен. Наблюдать за градусом застолья и решать, когда за кого пить и что говорить... Куда лучше сидеть за столом, которым управляет опытный тамада. Ты должен только есть, пить, вставлять реплики и веселиться. А у тамады пусть за все болит голова. Он за все отвечает.

Вот вам история. Есть у меня друг — прекрасный человек, из замечательной семьи няжеского рода. Случилось у него горе: в один год умерли и отец, и мама. Он еще в школе учился. И ничего не оказалось у него родных — ни бабушки, ни тетки. Доучился он, ушел в армию. После армии остался в Подмоскowie, работать пошел, попивать уже начал... А дом его в Гаграх стоит заколоченный... Нехорошо, решают соседи и отправляют к нему делегацию: вернись домой! Нет, отвечает, мне и здесь хорошо. Уговорили его все-таки приехать посмотреть на отчий дом. Приехал в Гагры — познакомили его с девушкой. "Нравится?", — спрашивают. — "Нравится". — "Тогда женись". — "Как жениться, если у меня ни родных нет, ни денег, чтоб свадьбу сыграть?" И решили ему всем городом устроить свадьбу. Дело осенью было, курортный сезон кончился, людям делать нечего. Вот и стали образцовую городскую свадьбу организовывать. 500 человек пригласили. Весь город занят: сироту женим! Одни вино закупают, другие пищу готовят, третьи шепы ставят — это такие брезентовые палатки во дворе, которые устраивают над столами на слу-

чай дождя. Но вот приходит известие: на свадьбу приедут родственники невесты из одного селения, где пить крепко умеют. Все взволновались: вот приедут, перепьют наших, потом всюду рассказывать будут: в Гаграх, мол, мы всех перепили. Значит, тамада на свадьбу нужен самый что ни на есть крепкий.

А в городе в то время жил абхазец по имени Ним, метра два ростом, лет 60, сухой, поджарый, как змея. Семь языков знал: абхазский, грузинский, русский, мингрельский, армянский, греческий, турецкий... А главное — пил, как лошадь. И тамада — заслушаешься.

Пошли к нему. "А чужие кто на свадьбе будут?" — спрашивает. "Да, — отвечают, — будут гости из такого-то района". — "О, это плохо... Есть там такой Варлам, он приедет?" — "Приедет". — "Этот перепить меня может. Нет, стар я уже — тамадой быть..." Все-таки уговорили Нима. За неделю стал он к свадьбе готовиться. У него особая диета: мясо жирное кушает, много нефира пьет, подсолнечного масла ест... Готовит себя к бою!..

Пришел день свадьбы. Кто будет тамадой? Крики: "Ним! Ним!" Ним отказывается. Полчаса уговаривают — отказывается. И стар он, говорит, и здоровье у него не то, и жена ему не разрешает. Если б я не знал, что он уж неделю как тренируется, я бы подумал: искренне человек отказывается! Наконец Ним говорит: "Ладно. Но с одним условием." — Берет двустволку, заряжает жаканами, с которыми на медведя ходят, и стреляет, почти не целясь, в лампочку — далеко-далеко, в самом

конце стола. Дзынь! — взрывается лампочка. Ним ставит ружье рядом с собой. "Ним, — кричат соседи, они уже знают эту его шутку, — для чего тебе двустволка?" — "А это, — говорит, — кто не будет пить, тот следующий патрон в лоб получит".

Когда Ним стананов сорок уже выпил, он ружье поднимал и обводил всех дулом. И мы все пили, как суслики. К пяти утра стол стал редеть. Осталось пять-десять человек. Потом 20. Потом человек пять. И они его умоляют: "Ним, можно за твое здоровье выпить?" — "Нет, нельзя!" Эти, из "пьяного района", во главе с Варламом, из последних сил держатся. А у Нима опасение: вдруг они за тамаду выпьют, а потом продолжать будут застолье? Значит, его перепьют и о его позоре всей Грузии расскажут! И только когда Варлам слезно взмолился, что не будут они продолжать, Ним разрешил за себя выпить. Тогда свадьба и закончилась.

Застольи мне довелось провести немало. Еще когда мы в школе учились, классе в седьмом-восьмом, собирались на дни рождения с ребятами, девушками. Было и у нас вино на столе — либо совсем легкое, либо водой разбавленное. Был, как у взрослых, свой тамада. И когда я возвращался домой, отец всегда интересовался, кто был тамадой. И если был я, он обязательно расспрашивал: "Как ты этот тост сказал? А этот? Эх, неправильно — надо было вот так, иначе, сказать". Но свой первый взрослый стол я запомню навсегда, словно первое причастие.

Я тогда не поступил в институт и пошел работать в типографию. И вот первая получка. Рабочие говорят: надо отметить. Мои деньги, рублей двадцать, конечно, тогда были символическим взносом: все синулись, купили свежего хлеба, зелени. И директор типографии говорит: раз ты деньги умеешь зарабатывать — сможешь и взрослый стол вести. Выбрали меня тамадой. Волновался я ужасно. Но застолье провел. Пил с рабочими наравне, и говорил все то, что надо и когда надо. Потом директор типографии сказал: "Раз сумел и деньги зарабатывать, и быть тамадой — значит, ты уже взрослый. Значит, мужчина".

А в России я тамадой впервые был в Сибири. Поехал в командировку в Кемеровскую область. Кемерово от Москвы Бог знает где. Леспромхоз, куда я прибыл, от Кемерова Бог знает где. Директор повез меня на рыбалку. Рыбные места от леспромхоза не близко: утром мы выехали, а к восьми вечера приехали. Рыбу к тому времени уже для нас наловили. Накрыли на стол. "Что будете пить?" — спрашивают меня. "То же, что все". — "Все будут водку. Но у нас есть шампанское". — "Я — как все". Предлагают мне быть тамадой. Говорю первый тост. Отставляю, как тамаде положено при первом тосте, кружку. Смотрю — никто не пьет. Думаю: плохо сказал. Снова говорю. Воспеваю хозяев, землю сибирскую, трудовые победы. Отхлебываю, отставляю. Смотрю:

опять никто не пьет. Снова, думаю, что-то не так произнес. В третий раз говорю. Полчаса, наверное, говорю. Соловьем заливаюсь. И, в нарушение наших традиций, оловянную эту кружку полную выпиваю. Все вздыхают с облегчением и тоже пьют. Минуты две все молчат, а потом один степенно так говорит: "А мы думали, вам надо шампанского". Выпили мы как следует, а потом один рабочий, крепкий русак-сибиряк, затащил "Сулико". Друг у него в армии был грузин, он его и научил. Прошло 25 лет, а я как сейчас помню: наваристая уха из тайменя, могучая рена, оловянные кружки — и над девственным сибирским лесом разносится "Сулико"...

Дорогие читатели "Смены", очень жаль, что я не могу видеть всех вас за столом, уставленным вкусными яствами и прекрасными винами. Но все равно позвольте сказать вам:

— Меняется в жизни все. На смену зиме приходит весна, осень сменяет лето. И в этом обновлении заложен огромный смысл: мы застыли бы на месте, и мир не двигался бы вперед. Я хотел бы пожелать всем читателям "Смены" — мужчинам и женщинам, — чтобы они постоянно двигались вперед, открывали в себе нечто новое, видели бы новые горизонты и сопринасались бы с новой радостью. Лишь одно пусть остается в вашей жизни неизменным: ваша вера в "Смену" и любовь к журналу! Друзья, поднимем бокалы! ■

Татьяна СМЕРТИНА

* * *

*Из-за того и льнут, струясь,
Все платья Пушкинской поры,
Что я носила их не раз
Средь бальной, мраморной жары.
И за колонной, прячась в шарф,
Ломая веер от волнения,
Следила, как за графом граф
Тонули в кружевных круженьях...*

*Вдруг профиль Пушкина возник!
Он был рассеян в этот миг...*

*Потом смущен какими-то словами...
В ладони розу смял с шипами!*

ТАЙНАЯ ВЕСТЬ

*Я в черной шали в воскресенье
На Красной площади стою,
Спасенья у небес молю,
И вижу странное виденье:*

*Вдоль по стене Кремлевской, алой,
Все бродит призрачный монах
В метаниях безумных птах,
Зарезанный зарей кровавой.*

*Он машет рукавами рясы.
Глядя сквозь Русь и города,
Пророчит что-то про года,
Про власть жулья и бесов плясы.*

*Кричит о княжестве Московском,
Что все вокруг разорено.
Три мафии уйдут на дно,
Брешь проломив в полу кремлевском.*

*Что будет голод и котомка,
Переворот и поворот,*

*И молот кузню разобьет,
И серп режет по горлу тонко...
Что сатану — враз не спалишь ты.
Что сквозь Россию — Божий стон:
За этот век был умертвлен
Не узанный Спаситель — трижды!*

*Но что духовные Начала
Уже прорезались сквозь смрад.
Кричит монах — а все спешат,
И топчут то, что прозвучало.*

*Кричит монах и тонко тает
В спиралях терний под венцом.
Машина с золотым тельцом
Из врат Кремлевских выезжает.*

*Молчит народ, лишь нищий бредит:
Вон едет нечто — в никуда.
Но нищего — о, жуть-беда! —
Под вечер поезд переедет.*

*Зачем же ты, монах, явился?
Я лишь могу — проплакать стих,
Толпа-то не читает их.
Как под ножом зари молился,
Как безысходно ветер бился
Сквозь черный вихорь вороних...*

* * *

*Смотрите, мэтр,
в каком огне,
Повелевая светом целым,
В ваш славный город на коне
Я въехала, притом — на белом.*

*Да, это я, что за хлевом
Узрели девочкой презренно.
Вы мне плечо ожгли хлыстом,
Ваш пес овицу загрыз мгновенно...*

*Вы вдоль деревни, словно смерч,
Промчались в лаковой карете,
Не признавая храмов, свеч.
И вас боялись бабки, дети...*

Смотрите, мэтр,
 в каком огне,
Повелевая светом целым,
В ваш славный город на коне
Я въехала, притом — на белом.

Зачем стоите, мэтр, склонясь?
Мне трона вашего не надо.
И не стелите шкуры в грязь —
Убитое овечье стадо...

Мой путь — в заоблачную Русь,
Не перегонишь, не догонишь!
Я вас запомнить не берусь —
Как пустоту, что не запомнишь.

* * *

Вот это одиночеством зовется,
Монашеством среди бала — каждый вор! —
Где зависть лютая за мной по следу вьется,
Где я перо меняю на топор,
Которым так владею грациозно,
Как нежным кружевом вокруг бедра...

Вот так тебя я жду! Жемчужно! Слезно!
И в лезвие гляжусь у топора.

АГОНИЯ

Опад полубезумных листьев —
Опять октябрь ломает дверь.
Взгляд у народа темный, рысий —
Так смотрит лишь голодный зверь.

Одежд и легких душ лохмотья
Трепещут, рвутся и летят.
Давно обрезаны поводья,
И каждый сам в себе распят.

Скрещения кровавых криков,
Куда ни кинься — вечный мрак.
Живой и мертвый нынче дикнет,
В былом и в яви — адский знак.

Березы перерос осинник —
Он для иуд их перерос?

*Но там — лишь атомные стыни
Да гнезда сатанинских ос.*

*Вот потому заплыли лица
Тех, что избрали мы визжа,
Чтоб гнали нашу колесницу
По краю бездны и гроша,
Иглы венозной и ножа...*

*Страна почти уже не дышит —
Агонии звериный стон...
И демон молится на крыше,
Людскою злобой утрашен.*

* * *

*И откуда эта древняя затея?
Выпал жребий мне — стать жертвой ящур-змея.*

*Мне прислужница с лицом окаменелым
Косу длинную чесала гребнем белым.*

*Надевали мне браслеты, ожерелья.
Закрывали юный лик от обзренья.*

*Осыпали белоснежными цветами,
И босою подводили к темной яме.*

*Не рыдала я и рыбкою не билась —
Хоть в печали шла, а доле покорилась.*

*Покорилась не от слабости девичьей,
Не из страха, хоть и страшен сей обычай,*

*Не в угоду ненавистному мне змею,
Не из дурости, мол, я такое смею!*

*А шагнула я за край, лицом белея —
Всех оставшихся любя, сестер жалея:*

*Пусть увидит Бог от жизни отречение,
И пошлет моей Отчизне просветленье!*

СВЕТИЛО ЗАКИПАЕТ

Сергей КАЛЕНИКИН

В июньском номере "Смены" за 1996 год опубликован очерк "Солнечный удар", в котором шла речь о влиянии Светила на психосферу Земли. Идя навстречу пожеланиям читателей, мы возвращаемся к этой теме.

"Я не знаю — кто,
но я знаю — куда"

Солнце — двуликий Янус: мы живем благодаря ему, но и страдаем от его бурлящих ядерно-плазменных стихий. Каждый взлет солнечной активности тут же эхом прокатывается буквально по всем "земным этажам". Наука установила, что взлеты эти цикличны, а самих циклов много и у каждого своя протяженность: 160-минутный, 27-дневный, 11, 22, 44-летние, вековой, продолжительностью 280, 400, 600,

1800, 170 000 000 лет (галактический год)... Напомним, что самый важный для землян — 11-летний. Первым исследовал его влияние на Биосферу и человека основоположник гелиобиологии, профессор Александр Чижевский, который, проанализировав невероятное количество данных, событий, не только открыл ряд важнейших закономерностей солнечно-земных связей, но и ввел социум в Космос — связал историю человечества с жизнью Вселенной.

Наложив на 11-летний цикл, как на кальку, земные события, многое можно объяснить и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. 11-летний цикл образуется из четырех периодов. На первый (три года — время минимальной активности Солнца) приходится пять процентов значимых событий, на второй (два года — нарастание максимума) — двадцать процентов событий, на третий же (три года — максимум) — шестьдесят процентов событий, на четвертый период (три года — спад макси-

мум) — пятнадцать процентов событий. Больше других нас, разумеется, должен занимать третий период — время солнечно-земных кульминаций. Чижевским отмечено:

“... Наше солнышко приходит в неистовство девять раз в столетие. Девять раз, по 2-3 года каждый раз, приступами его охватывают судороги, конвульсии, паронсизмы, и оно посылает в пространство осколки атомного и ядерного распада высочайших энергий, мощные фотонные и радиоизлучения. Девять раз в столетие, в течение 2-3 лет каждый раз, все без исключения явления на Земле — синхронно, в мертвом и живом царстве, приступами — приходят в конвульсивное состояние: страшные ливни, наводнения, смерчи, торнадо, ураганы, бури, землетрясения, оползни, вулканическая деятельность, полярные сияния, магнитные и электрические бури, сокрушительные грозы и вызываемые ими пожары лесов, степей и городов.

Живая материя в эти годы приходит также в неистовство. Эпидемии и пандемии проносятся по земному шару. Появляются резкие отклонения от обычного хода хронических и острых заболеваний, общая смертность во всех странах в эти годы достигает своих максимальных значений. Инфекционные заболевания претерпевают необычные модификации. Число мутаций у растений резко увеличивается. Микробы и вирусы также испытывают бешенство солнечных корпускул и радиаций. Им не уступает нервная система, этот тончайший прибор высочайших организованных существ. Саранчовые совершают в эти годы опустошающие налеты, мигрируют ябобы без особых внешних причин

рыбы, птицы, грызуны, крупные хищники. Все неживое и живое на планете приходит в движение! Все волнуется, включается в общий вихрь волнений, беспопойства и сматения!"...

Но и это еще далеко не все: период максимальной активности Светила — тот самый временной рубикон, когда разрешаются и всемирно-исторические проблемы человечества, творятся величайшие безумства, свершаются крупнейшие революции, столкновения народов... Вот лишь один пример. В максимуме 15-го цикла Светила — 1918 год. Именно тогда нервно-психическая энергия Земли, закипев, пошла в рост. Откройте карты тех времен, взгляните, как нервно-психические волны, заряженные идеями мировой революции, натягиваются от России, следуя законам психической инфекции, охватывают, подмывают мир. Гибнет Австро-Венгерская империя, вспыхивают Германия, Венгрия, Словакия, Польша, Турция, Монголия, Индия, Китай...

И еще раз процитируем знаменитого провидца: "Государственная власть должна знать о состоянии Солнца в любой данный момент. Перед тем, как вынести то или иное решение, правительству необходимо справиться о состоянии светила: светел, чист ли его лик или омрачен пятнами?" В конце 20-х годов Чижевский предпринял попытку предупредить власти об ожидаемых катастрофах. "Я не знаю — что, но я знаю — когда", — писал он. Увы, тогдашним правительством гелио-прогноз не был услышан. Между тем максимум солнечной активности пришелся на 1927-1929 (16-й цикл) годы. Именно тогда развернулась широномасштабная кампания

против вредителей, кулаков, начался геноцид крестьянства...

Вспомним последний, 22-й, цикл Светила, а в нем — время максимальной солнечной активности, 1989-1991 годы. Даже для выдавшего вида XX вена стремительность и радикальность произошедших тогда перемен беспрецедентны.

Немецкий исследователь Э. Зюсс, сопоставив потоки исторических событий с солнечной активностью, нашел не только совпадающие периоды, но и заметил, что "волны истории" с определенной скоростью перемещаются по земному шару с востока на запад. Так было в уже упоминавшемся максимуме 15-го цикла (в 1917-1918 гг.), по тем же законам психической инфекции развивались события в 1989-1991 годах.

Астрофизики оценивают пережитый нами 22-й цикл как аномальный. Но сравнительные исследования показывают, что нечетный цикл Солнца мощнее четного. Отсюда можно сделать не очень утешительный вывод: начавшийся в 1996 году 23-й цикл, безусловно, должен не только превзойти своего предшественника, но и наивысшие пики столетия!

Словом, ожидается нечто необычное, и это нечто уже разворачивается на наших глазах: минимум 23-го цикла позади — с мая 1997 года активность Светила усилилась, резко пошла в рост — с проявлением мощных вспышек, что, заметим, обычно происходит на спаде солнечной активности, а тут — на подъеме. Первый ощутимый всплеск активности — в сентябре 97-го, в начале ноября — первые мощные протонные вспышки, в конце этого месяца "заработало"

и северное полушарие, выдав три больших вспышки. 20 апреля — 6 мая 1998 г. — пять протонных явлений и весьма впечатляющая магнитная буря; 18-24 августа — три мощнейших вспышки... Дальше — больше. Максимум же солнечной активности, по прогнозам отечественных и зарубежных специалистов, ожидается вблизи 2000-го года...

Прислушиваясь к Нострадамусу

Пока трудно сказать, в водовороте каних исторических событий мы окажемся, чем обернется грядущее возмущение Светила. Но ясно: пробуждение психосферы Земли неизбежно. Что же ожидает нас? Какие на сей счет прогнозы? К примеру, предсказывается, что вскоре во главе России окажется личность с "разрушительными амбициями", после 2000 года установится диктатура. Предполагается и такое: то, что не разрушилось в максимуме 22-го цикла, развалится сейчас. В частности, потрясения ожидают Северную Корею, Кубу...

На Планете болевых точек в избытке. "Вновь дают о себе знать яростные проявления национализма и притязания на суверенитет, а единству государств угрожают жестокое этнические, религиозные, социальные, культурные или лингвистические распри", — отмечается в докладе Генерального секретаря ООН. К чему приведут эти тенденции? Может быть, уже вскоре мы станем свидетелями реализации сценариев Нострадамуса?

Жан-Шарль де Фонтен, один из самых известных толкователей натренов прорицателя, в недавнем интервью журналу "Пари-матч" зая-

вил, что ему наконец-то удалось их расшифровать и датировать. Генеральная нить рассуждений Жана-Шарля де Фонтена такова: "Известно высказывание Нострадамуса: "Я составил вещи прорицания, начиная с сего момента (когда я пишу) вплоть до 3797 года". Он пишет свои пророчества в 1555 году; период от 1555 года до 3797-го составляет 2242 года. Однако в "Письме к королю Франции Генриху II" он использует библейскую хронологию, согласно которой от Адама до Иисуса Христа прошло 4757 лет. Если прибавить к 4757 годам 2242 года, то мы получим, как бы случайно, 6999. Я предполагаю, что и тогда, когда он называет 3797 год, речь идет об одной и той же дате. А значит, когда Нострадамус говорит, что он дает свои прорицания до 3797 года, он дает их до года 1999-го"...

У Нострадамуса последняя дата называется и напрямую. Это натрен X.72:

*"В году 1999 и 7 месяцев
С неба придет великий
король ужаса,
Воскресит великого короля
Ангюлемского,
До и после Марс будет
счастливо царствовать".*

В натрене обозначен нынешний год. И прежде, чем терзаться, что за этим предсказанием стоит, поинтересуемся у специалистов: можно ли верить Нострадамусу? С этим вопросом я обратился к астрофизичке Крымской астрофизической обсерватории, кандидату физико-математических наук Юрию Ефимову. Он не только в течение многих лет изучал "Центурии", но и, владея несколькими европейскими языками, переводил их.

— Безусловно, в пророчествах Нострадамуса есть истины, — считает Ю. Ефимов. — Скажем, он предсказывает Великую Французскую революцию, причем с указанием года и подробным описанием событий. Но заметьте: в 1480 году, еще до Нострадамуса, появилась книга кардинала Айли "Картина Мира", где указывалось, что в 1789 году следует ожидать больших перемен в мире, так как в этом году состоится великое, девятое по счету, соединение Сатурна с Юпитером, происходящее один раз в 960 лет. В 1550 году вышла книга знаменитого тогда астролога Ришара Русса — он также указывал на ожидаемое через 243 года обновление мира. Так что Нострадамус отнюдь не был первым и единственным, кто предсказал Французскую революцию. Но то, что он ее предсказал, как и прочие перемены в мире, игнорировать нельзя.

В своих письмах Нострадамус говорит о прозрениях в состоянии транса — "все предсказано отчасти с помощью медного треножника", то есть ритуального предмета вроде дельфийского оракула, на чаше которого прорицателями сжигались ароматические травы, вызывающие галлюцинации, способствующие прозрениям. Нострадамус явно обладал даром ясновидения. Иначе не описать детали, идущие как бы от очевидца: что за сюртук у Наполеона, в какой карете везут Людовина, как убивают Валленштейна, казнят Карла — все это, конечно, надо было видеть. С другой стороны, Нострадамус утверждал, что высказанные им не без "откровения Божия" пророчества основаны на длительных астрономических расчетах...

—... Расчеты, связанных с определенными ритмами Носмоса,— поясняет Ю. Ефимов. — И нельзя не обратить внимание на близость некоторых астрологических циклов и циклов солнечной активности. Давайте заглянем на "кухню" Нострадамуса. У него, как известно, исходная дата — 1648 год, время завершения большого цикла Луны и меньших циклов Солнца и Сатурна. Добавив к этой дате время сдвига знаков Зодиака на один знак, получим дату 3808. Принимая современное значение процессии (медленное движение оси вращения Земли по круговому конусу) 50. 256 секунды в год, получим время сдвига знаков Зодиака на один градус за 71.63 года. Стало быть, сдвиг на один знак происходит за 2149 лет. Сложив это число с 1648 годом, получим 3 797-й — точную дату окончания пророчеств Нострадамуса. То есть им рассмотрен интервал времени, за который точка весеннего равноденствия совершает полный оборот. Нет сомнения, что, проникаясь будущим, Нострадамус пользовался расчетами, в основе которых прежде всего циклы солнечной активности...

Таким образом снимается вопрос, можно ли доверять великому прозорливцу, а процитированный натрен предстает в новом свете. По мнению ученых ИЗМИРАНа (Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН), максимальная активность Солнца скорее всего появится во второй половине 1999 года, а пик наиболее сильных геомагнитных бурь прогнозируется на 1999-2002 годы...

Осторожно — вспышка!

Наибольшую опасность для нас представляют солнечные вспышки, которые вызывают геомагнитные бури. Причем начинаются они внезапно и одновременно на всем земном шаре. Чем мощнее вспышка, тем круче буря на Земле.

По данным ИЗМИРАНа, 70 процентов мировых авиакатастроф происходит как раз из-за — и во время — магнитных возмущений. Надо думать, вывод для путешественников очевиден. Весьма впечатляют и другие заключения ученых. Так, на огромном материале, охватывающем около 100000 автомобильных аварий в Гамбурге и Мюнхене, замечено их резкое увеличение на второй день после солнечной вспышки. У водителей зарегистрировано замедление реакции на сигнал в четыре раза по сравнению с днями спокойного Солнца. Количество аварий, приходящихся на следующий день после протонных взрывов на Солнце, в четыре раза превышает их число в "спокойные" дни. Так что следите за прогнозами геомагнитных бурь. Сошлюсь хотя бы на доцента Томского медицинского института Владимира Десятова, который около 20 лет (!) ежедневно сопоставлял случаи скоропостижной смерти с состоянием ионосферы, изменениями солнечной активности. Выяснилось: смертность существенно увеличивается в первые трое суток после хромосферной вспышки на Солнце. Магнитные бури на Земле разыгрываются в среднем 26 часов спустя после появления пятен или вспышек, начинаются они в одном определенном месте, но затем, в течение четырех-семи минут, охватывают всю планету.

К магнитным бурям более всего чувствительны люди с нарушениями нервной и сердечно-сосудистой систем. Причем мужчины к активности магнитного поля Земли восприимчивы куда сильнее, нежели женщины. Астма, язвы, эпилепсия, повышение артериального давления (как правило, у пожилых), психические и прочие заболевания также взаимосвязаны с состоянием магнитного поля Земли. Во время бурь меняется состав крови (даже у здоровых людей), возрастает число самоубийств...

Александр Чижевский предупреждал: "Бывают дни, когда для больного человека Солнце является источником смерти. В такие дни из жизнеподателя оно обращается в заклятого врага, от которого человеку никуда ни скрыться, ни убежать. Смертоносное влияние Солнца постигает человека повсюду, где бы он ни находился. Лишь наука, которой дано предвидеть заранее явления, может указать на грозящую опасность, и дело врача — мобилизовать орудия медицины, чтобы больной организм мог перенести эту неравную борьбу с теми производными явлениями, которые возникают в результате специфического излучения Солнца". И то, что в годы минимальной активности Солнца смертность снижается, а в периоды максимумов напротив, увеличивается, также доказано наукой.

Возможно, на нас действует магия круглых дат. Возможно, отсюда и наш повышенный интерес к перелому Времен. Но есть и объективные факторы, от магии дат независимые. Как выясняется, на рубеже тысячелетий проявится не только максимум 11-

летнего цикла. Это пик и прочих циклов, когда один из них накладывается на другой и усиливается третьим. К 2000 году ожидается одновременное проявление 22-летнего, 44-летнего, векового, 1800-летнего солнечных циклов!.. По этому поводу беспокойство проявляют и прогнозисты из геофизической службы Центра испытания и управления космическими средствами МО (Голицыно). Их группа аналитиков убеждена, что пики нескольких солнечных циклов проявятся именно в период с середины 1999 по середину 2000 года, в связи с чем "глобальная обстановка на Земле будет необычайно сложной". Те же аналитики предупреждают и о влиянии ротационных циклов самой Земли. "Основным является 30-летний цикл (15 лет скорость вращения планеты вокруг своей оси растёт, 15 — уменьшается), но выделяются и более, и менее длительные периоды. Около пяти из них проявятся совместно на рубеже 2000 года"...

Началась смена великих эпох — уходит "час" Рыб и грядет эра Водолея (как твердят астрологи, и эра России), чья энергия усиливается с каждым годом, а начиная с 2003 года она станет преобладать... 1974 — 2004 годы — время "черного цикла" (сближение с Солнцем) Плутона. В 1999 году свой "черный цикл" пройдет Юпитер — еще одно сложение ритмов. Мы входим и в зону космического риска, возникающую в силу эллиптических положений Юпитера и Сатурна — для нас это может обернуться (2001-2002 гг.) сильным холодом...

Один из астрологических тезисов гласит: каждая планета не только "ответственна" за определенное

направление событий, но и моделирует их. Нормальный ход траекторий гарантирует нормальный ход событий. Осложнения же возникают тогда, когда несколько траекторий перекрещиваются или сходятся. Так вот, опираясь на статистику, доктор химических наук, член Лондонской астрологической лонги, руководитель Школы научной астрологии Ф. Величко и космогеоритмолог-прогнозист А. Херсонов-Удачин утверждают: по крайней мере на протяжении последних двух столетий прохождение "вредоносных" планет — Марса, Сатурна, Урана и Плутона — через так называемую "ось катастроф" совпадает с чередой различных потрясений на Земле. Плутон с этой осью войдет в контакт уже в нынешнем декабре и будет ее проходить до июля 2000 года. Сатурн же окажется на "оси катастроф" в 2001 — 2016 годах...

На сей счет высказалась и болгарская ясновидящая Виля Гетова, которую многие считают духовной или мистической наследницей Ванги. Так вот, ее глобальные пророчества таковы: "Рубеж двух тысячелетий будет относительно спокойным, но три года — с 2002-го по 2004-й — станут периодом Апокалипсиса для некоторых стран. Планету ждут стихийные бедствия, которые начнутся в США и охватят в основном государства Запада"... Что касается России, то она, по словам Гетовой, пострадает лишь отчасти и местами — основные потрясения ожидаются в районах Крайнего Севера и Сибири...

Сбудутся ли эти мрачные прогнозы? События уже ближайших лет подтвердят их или опровергнут.

Постарайтесь все-таки исходить из оснований для оптимизма, помня истину: знающий — предупрежден.

Ну, конечно, вы знаете, что СПИД — это что-то страшное, непоправимое, смертельное. И во всех отношениях грязное. Но это не про вас. Пусть наркоманы беспокоятся, гомосексуалисты, проститутки — это их проблема. А вы человек приличный: с иглой не дружите, в сомнительные связи не вступаете, правда, если припомнить... тьфу-тьфу, но ведь не на панели же! Так что вам бояться нечего.

Правильно. И я так думала, пока...

В ПОЗЕ СТРАУСА

Клуб самоубийц

Кто скажет, что я женщина легкого поведения? Никто. Потому что это не так. Правда, я и не "синий чулок". Скорее всего — "полумонахиня, полублудница". Как, наверное, большинство из нас. Так почему черная метка выпала мне? За что?

Этот вопрос я тупо задавала себе в первые дни растерянности, отчаяния и панического ужаса. Теперь-то понимаю, что он абсолютно бессмыслен. За что? Да ни за что. Или за все. Пусть бросит на меня тот, кто свят.

Склонна ли я к риску? Пожалуй. В ранней молодости рисковала часто. Была твердо уверена: все, что от Бога, не потеряется, а если от дьявола — туда ему и дорога. Но ведь сама жизнь — безусловно от Бога, а мне случалось и ей рисковать. Правда, осозна-

ние этого приходило позже, после благополучного исхода. И всякий раз бросалась к образам: слава тебе, Господи, отвел! Искренне клялась: все, это в последний раз, больше не буду испытывать судьбу. Но проходило время — бдительность притуплялась, клятвы забывались. (А вы себя не узнаете?) Теперь вроде поумнела, и все-таки не сработал инстинкт самосохранения...

Звонит старый приятель, приглашает на вечеринку в незнакомую компанию.

— Что за компания? — спрашиваю.

— Ну, скажем так, "клуб любителей острых ощущений".

— О, это не по адресу. Я не любитель. К тому же, ребенка куда деть. Нет.

Он настаивает:

— Тебе это будет интересно с профессиональной точки зрения. Мы будем играть в очень любопытную психологическую игру. Не бойся, это невинная игра. Потом напишешь статью.

Заинтриговал. Уговорил.

...Старая московская квартира. С толстыми стенами, двойными дверьми и многочисленными засовами. Негромкая музыка. Негромкий свет. На низких столиках — разнообразные напитки.

Кроме меня, там оказалось 14 человек. Мужчины и женщины, в основном молодые, лет по 20-25. Мой приятель назвал себя "тренером". Трое дюжих молодцов, как вскоре выяснилось, выполняли роль охраны.

Я сразу почувствовала себя не в своей тарелке. Несмотря на мягкую, салонную обстановку, в воздухе висело нечто зловещее. Я решила незаметно исчезнуть от

греха подальше, но не тут-то было. Перед дверью, с которой я и так бы не справилась, вырос один из охранников. Молча, но очень выразительно посмотрел на меня, и я поняла: обратной дороги нет.

Ни жива, ни мертва вернулась в комнату. Гости тихо разговаривали, пили вино, улыбались, но с каким-то плохо скрываемым напряжением. Что-то мне все это напоминало. Что? Я забилась в угол и пыталась вспомнить. Вдруг музыка остановилась, "тренер" предложил всем сесть и медленно заговорил:

— Итак, господа, тема нашей сегодняшней игры — СПИД. Сообщаю, что один из присутствующих здесь имел контакт с ВИЧ-положительным партнером. Мы не знаем, заразился он или нет, но... Я не назову этого человека, пока игра не закончится. Каждый из вас должен совершить сегодня минимум два незащищенных половых акта, третий — по желанию, но не больше. Подчеркиваю: никаких презервативов! И еще одно условие: тот, кто имел контакт с ВИЧ, при каждом половом акте должен незаметно для остальных дать это понять партнеру.

Меня бросило в жар. Сердце kloкотало где-то в горле — душило. Руки и ноги била дрожь. Ничего себе, шуточки!

— Это не шутка. Это эксперимент, — сказал "тренер".

И тут меня охватил гнев:

— Ты сумасшедший! Ты скоти-на! Да вы все здесь сумасшедшие. Самоубийцы.

Вспомнила! Это же "Клуб самоубийц" Стивенсона. Они точно рехнулись. Но я-то здесь при чем? Меня-то как сюда занесло?

"Тренер" был невозмутим:

— Что ты так разволновалась? Ведь вы, журналисты, любите показать "проблему изнутри". Вот и покажешь.

На первом же акте мой партнер сообщил, что он ВИЧ-положительный. Во мне все рухнуло. В голове — только одна мысль: что будет с дочкой?! Если я заразилась — вдруг ее заражу? А если умру?

Второй партнер, как и я, оказался меченым. Совершенно опустошенная, я упала в кресло. Налила стакан водки и выпила одним махом. Но мне подошел молодой человек, протянул руку. Я невольно отстранилась: зачем? У меня уже было два партнера — хватит. Впрочем, он, наверное, тоже уже залетел, как и все эти ублюдки. Так что ни мне, ни ему терять нечего... Но оказалось, что до меня он опасных контактов не имел, и я у него была третьей партнершей.

— Дурак, зачем тебе это нужно?

— Люблю риск, — ответил он с наигранной беззаботностью. — И тому же, это еще не факт, что я заразился. Я дане уверен, что нет.

Точный результат анализа возможен только через три-шесть месяцев. За это время в крови вырабатываются антитела, по которым и судят о наличии ВИЧ-инфекции.

Три месяца я находилась в жуткой депрессии. Думала только о том, что скоро умру. Я похоронила себя заживо. Работа не клеилась. Любимого оттолкнула от себя. Ради него. Пусть анализ пока ничего не показывает, но если ви-

рус попал в организм, человек становится заразным практически мгновенно. Болалась подходить к дочке. За эти месяцы ни разу не обняла ее, не поцеловала. Знаю, что через поцелуй вирус не передается. Вижу, как не хватает ей моего тепла. Сердце рвется на части, а подойти не могу.

Через три месяца анонимно прошла тест на ВИЧ. Результат — отрицательный. Немного отлегло. Еще через три месяца повторила тест. Снова отрицательный результат. Вот теперь-то я, наконец, разревелась. Истово, навзрыд. Прижимала к груди мою бедную девочку, осыпала ее поцелуями, на коленях просила прощения. Ребенок испуганно смотрел на меня, ничего не понимая.

Слава тебе, Господи! Ты милосерден. Я больше никогда, никогда, никогда...

Прошло еще несколько месяцев. Я вела почти монашескую жизнь. Еще раз повторила анализ, чтобы не осталось никаких сомнений. Любимый человек вернулся ко мне. Когда мы после долгой разлуки оказались опять вместе, я приготовила презерватив (раньше мы ими не пользовались). Он удивился:

— Родная, как можно предохраняться от любви!

В прежние времена я была уверена, что он мне не изменяет. Он просто не способен вести двойную жизнь. Но сейчас — другое дело. Мы ведь так долго не виделись. Это у меня были особые обстоятельства, а он-то нормальный живой человек. Вполне естественно, что у него мог кто-то появиться.

Дальше последовали страстные и "искренние" уверения в том,

что я "такая женщина (!), которую невозможно променять ни на какую другую". Боже мой, ну кому из нас не хочется верить таким словам!

... Все было замечательно до тех пор, пока я не заболела воспалением легких. Попала в больницу. А когда выписывалась, лечащий врач сказал жестко, без предисловий: "Вы знаете, что у вас ВИЧ?"

Жестокие игры

Пора признаться, что ничего этого в реальной жизни не было. Была и есть дочурка, которую я очень люблю и никогда не позволю себе рисковать ее здоровьем. И еще была игра — не больше и не меньше. Так называемая ролевая игра на семинаре, который провел Российский фонд "Имена" — неправительственная анти-СПИДовская организация. Она длилась не много месяцев, а около трех часов.

Будучи человеком впечатлительным, я хорошо вошла в роль и действительно пережила все те ощущения, эмоции, о которых сейчас рассказала. Чтобы выразить их, пришлось немного пофантазировать, смоделировать возможную жизненную ситуацию. Пусть читатели простят мне эту ложь.

Так что же это была за игра и зачем? Затем, чтобы разрушить ложные стереотипы, которыми мы напичканы. Затем, чтобы не только головой понять, что такое СПИД, но и почувствовать это кожей. Только через голову уже не доходит.

СПРАВКА.

1979 год: в США зарегистрированы первые случаи новой,

смертельно опасной болезни, которую впоследствии назвали СПИДом. Сегодня в мире число инфицированных вирусом иммунодефицита человека превысило 30,6 миллиона. Из них более 1 млн. — дети. Всего умерло от СПИДа более 1,5 млн. человек.

1987 год: первый случай ВИЧ-инфекции в России. К началу декабря 1998 года в России официально зарегистрировано 10283 носителя ВИЧ, из них — 418 детей. Только за последний год заразилось около 3300 человек. Умерло с начала эпидемии 260 человек, в том числе 84 ребенка.

... Конечно, ситуация, предложенная в ролевой игре (вечеринка, где все без разбору и без презервативов трахаются), в жизни бывает не так часто. Есть любители "клубнички" и острых ощущений, но большинство из нас к таковым не относятся. Но почему все эти люди не могли встретиться в разное время, в разных местах и полюбить друг друга? Вполне. А эта гипотетическая вечеринка была предложена для того, чтобы, спрессовав время и место, зримо увидеть, как в геометрической прогрессии распространяется инфекция. Из 11 игравших в цепочку ВИЧ-контакта попали пятеро! Конечно, это не значит, что все пятеро обязательно "заразились", однако...

СПРАВКА.

В прошлом году в России заразилось в 3 раза людей больше, чем за все предыдущее десятилетие.

Разумеется, половые акты в игре были условными. Мы "совершали" их рупоножатием. И если у

тебя уже был контакт с "ВИЧ-инфицированным", ты должен был при каждом следующем рукопожатии незаметно поцарапать пальцем ладонь партнера.

В начале "вечеринки" было просто забавно, но Николай Недзельский, руководитель фонда "Имена" и тренер в игре, сумел настроить нас на серьезный лад. И когда первый партнер поцарапал мою ладонь, мне действительно стало не по себе. Кстати, помимо тех эмоций, которые я описала в первой главе, я пережила еще одну, совершенно непредвиденную реакцию.

Помните, мой третий партнер оказался чистым. Когда во время рукопожатия я поняла это, я невольно вскрикнула от острого чувства вины. Да, это всего лишь игра, но я на несколько секунд почувствовала себя убийцей. Никогда не знаешь, как ты поведешь себя в экстремальной жизненной ситуации. Можно лишь предполагать, но это предположение может оказаться далеко от реальности. Мне же теперь кажется: случись такое на самом деле, я никогда не простила бы себя за то, что вольно или невольно так подвела человека. (Кстати, муки совести в нашем законодательстве не предусмотрены, зато предусмотрена уголовная ответственность даже за то, что вы кого-то подвергли риску заражения. Но об этом позже.)

Психологи, работающие с ВИЧ-положительными пациентами, отмечают, что чувство вины на определенных этапах болезни появляется практически у всех. Человек чувствует себя виноватым из-за "плохого поведения", повлекшего за собой "наказание";

из-за возможного участия в распространении инфекции; из-за принадлежности к гомосексуальной группе или к наркоманам.

Разумеется, это не единственная эмоция, которую испытывает человек, живущий с ВИЧ. Выделяют пять основных кризисных стадий, начиная с того момента, когда человек впервые узнает о своем статусе, и кончая терминальной (предсмертной) стадией. Во время кризисов больной переживает шок, потом тревогу и страх, депрессию, гнев и досаду, чувство вины и навязчивые идеи.

Мы узнали об этом позже, на семинаре. Удивительно, но во время игры все мы пережили те же эмоции. Конечно, не в "натуральную величину". Было все: и шок, и страх, и досада. Были даже слезы. Две участницы, "анализы" которых оказались "положительными", слишком въехали в роль — их душили самые настоящие слезы. Одна из девушек сказала, что как раз накануне прошла тест на ВИЧ, результата еще не знает, а тут эта игра, и ей выпадает "плюс".

Приговор или проблема?

Все играющие, конечно, по-разному реагировали на происходящее. Группа подобралась неоднородная. Среди нас были молодые и зрелые люди, студенты, социальные работники, врач, юрист, журналист. Мужчины, конечно же, оказались менее впечатлительными. Но это совсем не значит, что в реальной жизни у них всегда железные нервы. Молодой человек, с которым я "переспала", внешне всю игру выглядел очень спокойным. Потом признал-

ся, что у него по спине пробежал неприятный холодок, когда он в числе "зараженных" оказался в центре круга и на него устремились взгляды "здоровых".

Опыт показывает, что одно из самых тяжелых переживаний ВИЧ-инфицированных людей связано с отторжением их от общества. Если раскрывается врачебная тайна, что у нас происходит сплошь и рядом, ты становишься изгоем. Тебя "по собственному желанию" увольняют с работы (детей не принимают в школу, детский сад), от тебя шарахаются, как от чумы, даже друзья отворачиваются.

Как-то показывают по телевидению сюжет: директор школы заставляет ВИЧ-положительного мальчишку написать заявление об уходе из школы. После чего боится дотронуться до авторучки, которой ребенок писал. И стул, на котором он сидел, вынесли из директорского кабинета. Средневековая дикость! А ведь с этим больные сталкиваются постоянно.

СПРАВКА.

ВИЧ жизнеспособен только в биологических средах человека. Вне организма он погибает через несколько часов. Температура +56 градусов С для него смертельна. Чтобы инфицировать организм, вирус должен проникнуть в него и войти в контакт с кровью.

Для сравнения: вирус гепатита В в 100 раз более заразен, чем ВИЧ. Риск заражения при использовании игл после инфицированного пациента в случае ВИЧ — 0,5 %, в случае гепатита В — 30%.

Продолжительность жизни с ВИЧ-инфекцией при своевремен-

ной диагностике, профилактике и лечении оппортунистических заболеваний, при правильном образе жизни может достигать 10, а возможно, и 20 лет. Сравните с раком. Или с тем же молниеносным гепатитом, дифтерией, когда человек может "сгореть" за считанные дни и часы. Кстати, ежегодно в России и странах СНГ от гепатита умирает 10 тысяч человек. А основная часть заражений в последние годы происходит половым путем.

Но мы ведь не шарахаемся от этих людей, хотя они представляют прямую угрозу здоровью окружающих. Мы не бьемся в истерику, когда нам ставят диагноз "дифтерия". А выходя ежедневно на улицу, не трясемся от страха, что вдруг упадет на голову кирпич. Никто из нас не знает (с диагнозом, без диагноза), сколько ему отпущено. Но каждый знает, как он хочет, как может, как должен прожить этот срок.

...У всех "зараженных" в нашей игре тренер спрашивал: "Что ты теперь будешь делать? Скажешь ли кому-нибудь о своем статусе?" Двое ответили: ни за что никому не скажут. Одна девушка рискнула бы поделиться с родителями, но если ее не поймут, возможно, покончит с собой. Молодой человек сказал, что для начала вдрызг напьется...

СПРАВКА.

Мысли о суициде на том или ином этапе возникают у большинства больных, но лишь единицы приводят собственный приговор в исполнение. Почти 90 процентов больных СПИДом, исключая наркоманов, становятся алкоголиками.

Пожалуй, наиболее достойный ответ дал участник игры — врач по профессии:

— Я работаю с ВИЧ-положительными и хорошо знаю, что это такое. Я бы не хотел оказаться на их месте, но если... Сначала я бы съездил на рыбалку — успокоился. Может быть, взял с собой товарища по несчастью. Родителям вряд ли скажу, а вот своим друзьям-врачам — обязательно. Знаю, что они помогут. Вел бы очень здоровую жизнь, укреплял бы иммунитет. Десяток лет протяну, а там, глядишь, ученые что-нибудь придумают.

СПРАВКА.

ВИЧ — самый молодой из известных вирусов, но наиболее изученный. Уже через 4 года после его открытия появились первые противовирусные препараты. Еще через несколько лет созданы и теперь уже вошли в широкую практику препараты нового поколения, (правда, пока они очень дороги), которые дают до 70 процентов стойкой ремиссии. В последние два года соотношение инфицированных и умерших в десятки раз лучше, чем в первые годы эпидемии.

Кто виноват?

Желание найти виноватого прочно сидит в нас. Даже законодателей оно не покинуло, когда они принимали антиСПИДовский закон. Так вот, по нашему закону, ВИЧ-инфицированный несет уголовную ответственность за то, что он кого-то заразил или хотя бы подверг опасности заражения. На первый взгляд, все правильно. Но из этого следует, что тот, кто ведет бесшабашную половую жизнь,

прекрасно зная, что вирус ходит рядом, не ответствен за собственное здоровье.

Почему, собственно, ВИЧ-положительный должен сообщать партнеру о своем статусе? Даже родные, близкие люди не всегда готовы правильно понять. А если это не жена (муж), а любовница, возлюбленная? Где гарантия, что она (он) не растрезвонит об этом? И тогда прощай доброе имя, любимая работа, друзья, родной город — все то, чем жив человек.

Пожалуй, единственное, что должен человек с такой инфекцией, — предложить партнеру безопасный секс, то есть презерватив. Презерватив считается достаточно надежным средством защиты. По крайней мере до сих пор не зарегистрировано достоверных случаев заражения через него.

Существует довольно распространенное мнение, что смертельно больные люди озлобляются на весь белый свет и готовы специально заражать всех подряд. Глубочайшее заблуждение. Конечно, в семье не без урода, но чтобы стать таким уродом, вовсе не обязательно заразиться ВИЧ или какой-то другой инфекцией — тут другая болезнь. Опыт же показывает, что большинство ВИЧ-положительных как раз очень ответственно к этому относятся, но убедить своих здоровых партнеров удается не всегда.

А порой люди сознательно идут на риск, но это уже совсем другая ситуация. Недавно прокуратура Санкт-Петербурга возбудила уголовное дело по ст. 22 УК РФ против ВИЧ-инфицированного В., который "поставил в опасность заражения" свою граждан-

скую жену И. Женщина знала о статусе своего возлюбленного и все же захотела от него ребенка. Все обсудили вдвоем и решили рискнуть. Им повезло: желанная беременность наступила и женщина при этом не заразилась. А значит, и ребенок родится (когда выйдет этот журнал, он уже родится) здоровым.

Вроде бы, все в порядке, но кто-то из СПИД-центра, где наблюдается пара, раскрыл врачебную тайну — и против мужчины возбуждено дело: мол, раз есть беременность, значит, был прямой незащищенный контакт, то есть опасность заражения, что влечет за собой уголовное наказание. Не будем сейчас говорить о неприглядной роли медиков в этой истории, здесь нужен отдельный разговор, но очевидно, что данная буква закона прописана чрезвычайно неуместно и негуманно. Бедную беременную женщину буквально за таскали следователи, а она твердит свое: "Оставьте меня в покое. Я вправе сама решать свою судьбу — кого любить и от кого иметь детей".

Возможна и такая постановка вопроса: а почему бы ВИЧ-инфицированному вообще не отказаться от секса? Добровольно, конечно. Что в этом страшного? Миллионы людей спокойно живут, отказавшись от тех или иных привычек: от алкоголя, сахара, мяса и т.д. Еще до семинара мы спорили об этом с Николаем Недзельским. Я настаивала, что именно на это и надо ориентировать ВИЧ-положительных и лично я бы именно так и поступила. Николай возражал:

— Не забывай, что большинство инфицированных — люди молодые и для них секс — и физиче-

ская, и психическая потребность. Отказываться от него не лучший выход. Я много раз замечал: тот, кто категорически запретил себе сексуальную жизнь, угасает буквально за год-полтора. Тот, кто живет полнокровно, гораздо дольше чувствует себя здоровым.

...По сценарию игры мне досталось две роли. Вторая — роль женщины, которая ведет довольно осторожную, почти целомудренную жизнь. Муж у нее — единственный мужчина, она у него — тоже единственная. И вдруг — положительный анализ. В чем дело? Кто виноват? И никто, и оба. Возможно, муж был инфицирован задолго до их встречи, но не подозревал об этом, ведь первые признаки недомогания могут появиться порой через несколько лет. И если ты не относишь себя к известным группам риска, то и не бегаешь регулярно сдавать анализы. Специалисты называют это чувством "ложной защищенности". А может, и в больнице ей сделали такой подарок.

СПРАВКА.

30,6 миллиона инфицированных в мире — это математический расчет ВОЗ. Из них примерно 27 миллионов о своем статусе не знают.

Если вы помните, первые вспышки инфекции были зарегистрированы среди геев, затем к ним присоединились наркоманы, затем проститутки. Сегодня в мировой статистике такое понятие, как "группа риска", отсутствует. По мнению экспертов ВОЗ, все население подвержено риску в равной степени.

Российская статистика: в 1997 году 92,8% инфицированных (2030 человек) заразились

при внутривенном введении наркотиков; 50 мужчин — при гомосексуальном контакте; 27 детей родились от инфицированных матерей; 3 — при переливании донорской крови; остальные 98 пациентов — при гетеросексуальном контакте. В Москве гомо-, гетеросексуалы и наркоманы набрали примерно равные "очки".

Так что все мы сегодня рискуем одинаково, только не хочется в это верить и соответственно поменять свое поведение, позаботиться о собственной защите, наконец, регулярно и добровольно проходить тестирование на ВИЧ. Проще искать виноватых и загонять их, как диких зверей. Или засунуть голову в песок. Весьма уязвимая поза, но для членов клуба самоубийц самая подходящая.

Запишите меня добровольцем

Когда трехдневный семинар закончился, его участникам раздали анкеты. Там было много вопросов, в том числе такие: изменилось ли твое отношение к проблеме СПИДа? Хочешь ли ты изменить свой образ жизни, в частности, сенсуальное поведение?

Большинство ответили, что постараются максимально уменьшить риск заражения. Те, кто ответил, что не считает нужным изменить свое сенсуальное поведение, видимо, считают его безупречным. И это вполне может соответствовать действительности. Но вот что написала одна из уча-

стниц: "Раньше, размышляя об опасности СПИДа, я имела в виду только себя и мужа. А сейчас вдруг подумала: моему сыну семь с половиной лет — пора уже и ему начинать как-то объяснять".

Две девушки-студентки написали, что хотят стать добровольцами какой-нибудь миссии милосердия и помогать ВИЧ-инфицированным. Одну из них, Ольгу, я попросила объяснить свое решение и вот что услышала:

— Я случайно попала на семинар. За компанию. До этого, конечно, имела некоторое представление о СПИДе, но меня это, честно говоря, не трогало. Самое сильное впечатление произвел документальный фильм, где больные рассказывают о себе, о своей боли и одиночестве. А потом нам сообщили, что большинства из этих людей уже нет в живых. Больше всего жалко мальчишку лет 9-10 — сверстники бьют его, издеваются. Мне так захотелось оказаться с ним рядом.

Большинству из нас кажется: СПИД — это, конечно, очень страшно, но это где-то далеко, где-то в Америке, в Африке, где-то в лабораториях и пробирнах, но не у меня. Как же мы беспечны! И эта беспечность нам может стоить жизни. Конечно, совсем не обязательно поголовно вступать в ряды сестер милосердия (для этого нужно как минимум быть милосердным). Но позаботиться о себе, о своих близких, о своих детях и внуках должен каждый из нас сам. ■

Марина

ХЛЕБНИКОВА:

“
Ам все
дается
”
СВЫШЕ”

К

количеству книг и цветов в квартире певицы Марины Хлебниковой можно только позавидовать. Чашка кофе с пирожным для каждого гостя — непременный атрибут гостеприимной хозяйки. Старинные картины и изысканная обстановка совершенно не способствуют наверзным вопросам. Певица говорила больше о музыке и вечных ценностях.

— *Марина, чем вы сами объясняете феномен Хлебниковой?*

— Я не хотела бы ничего объяснять, потому что считаю, не стоит о себе говорить какие-то важные и значимые вещи. Об этом могут говорить и судить другие. Скажу только, что в прошлом году на меня внезапно, после исполнения хита "Чашка кофею", "свалилась" популярность. К успеху я долго шла, а ведь не каждый выдержит испытание временем да еще при этом не устать, не разочароваться. Главное — чтобы не опустились руки, потому что я знаю талантливых людей, которые в силу своей лености теряли многое в жизни. В том числе и себя, как личность.

— *Путь был тернистым?*

— Не сказала бы, что очень, но ходить по нему было больно, и ранилась не раз. Но мой ангел-хранитель берег меня от сильных житейских и творческих катаклизмов. Это чудо, что у Димы Чижова и Александра Зацепина родилась

"Нофею". Причем, никто и не ожидал такого успеха, но, как говорится, где не ждешь, там найдешь. Я долго тянула с записью, да и на дворе было лето, сами понимаете. Когда записала, песня сразу попала в разряд хитов, причем держится по сей день. Иногда на концертах я исполняю ее по три-четыре раза. Мне рассказывали, что на одном из радио в Тольятти "Нофею" крутили по 28(!) раз в день.

— *Вам самой она еще не надоела?*

— Глупости! Как может надоест мое детище, то, что принесло мне славу и признание?

— *Истали, вас не привлекали к рекламе кофе иностранные компании?*

— Нет еще.

— *Марина, а правда, что вы работали на бэн-вокале у самой Аллы Пугачевой?*

— Я работала на студии у Аллы Борисовны, но никогда не стояла у нее на бэке. Я была на подпевках в ее студии, когда записывался Сергей Челобанов, Азиза, Лайма Вайкуле, Богдан Титомир... Много работала с группой "На-на". Женский вокал в их двух новых альбомах — мой. Я до того "набэновала", что голос перестал быть узнаваем. Но однажды один друг сказал мне, что пора выращивать себе крылья номер один, а не номер два. По сей день выращиваю.

— *Но это была не единственная причина перехода на сольную карьеру?*

— Конечно, нет. Втайне я всегда мечтала о карьере певицы.

— Как пополнялся ваш музыкальный багаж?

— Все началось с музыкальной школы. В какой-то момент поняла, что меня тянет к сцене. Но я знала, что без классического музыкального образования мне там делать нечего. Поступила в Гнесинское училище. Вокалу училась у Льва Лещенко, а затем у Александра Градского. Но вначале занималась по классу фортепиано, потому что, если помните, раньше в училище не было факультета эстрадного пения.

— Судя по вашему сценическому образу, вы не особо-то углубляете себя экспериментами. Я имею в виду ваши однотипные прически, всегда безупречные костюмы...

— Я хотела бы быть узнаваемой и без всяких прикрас. Старюсь показать лицо таким, какое оно есть, а не придуманным, не навороченным.

— Такая точеная фигурка статуэтки — результат усиленного голодания?

— Когда чувствую, что набираю вес, прекращаю употреблять сладкое. Для меня это пытка, потому как обожаю сладости. Но химию горстями не глотаю.

— Какую роль в жизни Хлебниновой играют мужчины?

— Основную. Всегда стремилась не потерять тех мужчин, которые работают со мной. Убедена, по-настоящему работать могут только мужчины, а не женщины. Они и мыслят по-другому, более реально.

— А в личном плане?

— Мой идеал — мужчина решительный, мудрый и одновре-

менно ранимый, но не показывающий этого.

— Марина, если, предположим, вам принесут средненькую песенку, но при этом пообещают бурную раскрутку на ТВ и радио, вы согласитесь ее исполнить?

— Откажусь. Я должна почувствовать, что песня моя.

— А какой она должна для этого быть?

— Все становится понятно после первого прослушивания. Тут срабатывает интуиция. И потом, я люблю петь свои стихи, я их произношу лучше.

— Что же навеивает вам вдохновение при соприкосновении с поэзией?

— Настроение, состояние души, окружающая природа. Последнюю песню я писала три месяца, не могла никак завершить. Чего только не делала: и уходила в парк, и свечи зажигала ночью — бесполезно. Однажды мне приснился красивый сон, где я ранним туманным утром купалась в широкой реке. На миг почувствовала холод и проснулась. Судорожно схватила листок бумаги и карандаш и на одном дыхании все записала.

— Во всех интервью вы утверждаете, что вы женщина-эмансипе. Означает ли это, что полностью независимы, и присутствие мужчины в вашей жизни вовсе необязательно?

— Ну что вы, конечно же, нет. Я — эмансипе в том смысле, что смогу выжить при любых условиях. Нание бы кризисы ни обрушились, я засучу рукава и найду себе достойное применение.

— Марина, вы довольны тем, что делаете? Только не говорите, пожалуйста, что в противном случае оставили бы сцену...

— Никогда не бываю довольна достигнутым. Хочу идти дальше.

— Давайте поговорим о ваших родителях.

— Они — инженеры-радиофизики. Я росла одна, но это вовсе не означает, что я избалованный ребенок.

— Где проходило ваше "босоное детство"?

— В Долгопрудном, в пионерских лагерях Подмосковья, в Крыму. Это летом, а зимой мы, конечно, никуда не выезжали.

— Многие ваши коллеги отмечают вашу порядочность и искренность. Но нельзя же быть такой "святой" в пасти акулы под названием шоу-бизнес?

— Если я буду непорядочной, со мной не пожелают работать.

— Ни разу не слышал скандальную историю, связанную с именем Марины Хлебниковой. Означает ли это, что их не было вовсе, или вы о них всегда умалчиваете?

— Скандалов действительно не было. Попа.

— В одном из музыкальных тестов я обнаружил вопрос: могли бы вы не глядя отличить Марину Хлебникову от Ларисы Черниковой? Вам не кажется, что вы несколько затерялись в потоке новоиспеченных наших певиц?

— Тембр моего голоса узнаваем.

— Вы как-то признались, что наделены мистической силой...

— Я не хочу об этом говорить. То, что нам дается свыше, подвластно лишь небесам... ■

Беседу вел

Рамазан РАМАЗАНОВ.

Фото **Бориса Фомина и**

Нatalьи Петькиной

“ТИТАН УЛЬТРА

■ Какой хозяйке не хочется порадовать своих близких кулинарным шедевром! Литая кухонная посуда “Титан Ультра Эксклюзив” поможет Вам приготовить любимые блюда без особых хлопот и усилий. Благодаря своим качествам литые кастрюли и сковороды

обладают целым рядом преимуществ по сравнению с кухонной посудой других европейских фирм.

■ Термоаккумулирующее днище толщиной 8 мм обладает способностью аккумулировать тепло и равномерно его распределять, что обеспечивает наилучший температурный режим.

■ Антипригарное титановое покрытие позволяет готовить пищу, используя минимум масла и воды. Вы можете пользоваться любыми металлическими ножами и лопатками, использовать для мытья посуды металлические щетки и абразивные порошки, можно мыть ее в посудомоечной машине — титановое покрытие сохраняет свои качества. Этим оно выгодно отличается от популярного, но “капризного” и чересчур “нежного” тефлона. Литые сковороды и кастрюли легко моются даже в холодной воде.

■ Тест (400 000 надрезов ножом), с немецкой скрупулезностью проведенный германской независимой ассоциацией технического контроля (TUV), показал, что любые царапины, оставшиеся на титановом покрытии, никак не влияют на его антипригарные свойства.

■ За готовностью блюда легко следить через жаропрочную стеклянную крышку, не снимая ее. Сохраняются аромат, вкус, естественный цвет продуктов и содержащиеся в них минеральные соли и витамины.

■ “Титан Ультра Эксклюзив” не деформируется при воздействии высоких температур, что позволяет готовить на кухонной плите любого типа, использовать посуду при приготовлении в духовке. Термостойкие ручки-держатели выдерживают температуру 260 градусов по Цельсию.

ЭКСКЛЮЗИВ^{УЭ}

**посуда,
о которой вы
мечтаете**

■ По своим качествам эта посуда намного превосходит другую высококачественную кухонную утварь. Каждому покупателю "Титан Ультра Эксклюзив" предоставляется полугодовая гарантия.

■ Кухонная посуда этой марки достаточно разнообразна: обычные и квадратные сковороды с удобными ручками, кастрюли различной емкости, гусятницы, сотейники и т.д.

■ Цена на посуду "Титан Ультра Эксклюзив" гораздо ниже, чем цена на продукцию других фирм, если сравнить ее со сроком службы.

■ Титановая кухонная посуда уже завоевала симпатии европейских домохозяек. Теперь вы можете купить ее в магазинах Москвы:

"ТИТАН УЛЬТРА ЭКСКЛЮЗИВ" —

это высококачественная и практичная варка.

Использовать посуду "ТИТАН УЛЬТРА ЭКСКЛЮЗИВ" —

значит попросту лучше питаться.

- "Армаг", ул. Зои и Александра Космодемьянских, 17/1;
- Ярмарка бытовой техники на Рижской;
- "Иван Поддубный", ул. Сходненская, 25;
- "Фонди", ул. Живописная, 6;
- "Магистраль", Ленинградское шоссе, 46;
- "Гименей", ул. Большая Якиманка, 22;
- "Лесная, 63", ул. Лесная, 63;
- "Подарки", ул. Тверская-Ямская, 7;
- "Удачный", ул. Малая Пироговская, 21;
- "Мета", ул. Маршала Бирюзова, 14;
- "Северо-Запад", ул. Свободы, 57;
- "Электроника", Ленинский проспект, 87;
- "Планета", ул. Большая Академическая, 6;
- "Домашний мир", ул. Тухачевского, 30;
- "Все для дома", Большая Полянка, 60;
- "Натали", ул. Люблинская, 61;
- "Прогресс", Зубовский бульвар, 17;
- "Даниловский", Люсиновская, 70;

- "Сокольники", ул. Русаковская, 22;
- "Перовский", Свободный проспект, 33;
- "Молодежный", Можайское шоссе, 31;
- "Гастроном 69", Ленинский проспект, 91;
- "Одиз-Групп", ул. Зорге, 1;
- "Мелис", Жулебинский бульвар, 14;
- ВВЦ, павильон "Москва";
- "Комета", ул. Лескова, 9;
- Торг. комплекс "Горбушка", 129-й магазин;
- "Седьмой континент", Арбат, 54/2, Охотный ряд, 2, ул. Фестивальная, 8.

рисунок **Алексея Остроменцкого**

Анна МАЛЫШЕВА

Тело в ШШЛЯШЕ

Глава 1

Хочу спать. Но, похоже, право на сон у нас имеют только грудные младенцы. Только им достаются сладкие слова: “Спи, деточка”, а вот мне никто никогда этого не говорит. За первым, кто скажет мне “спи, деточка”, я пойду на край света. У меня есть только право на труд, и мой шеф готов подтвердить это под присягой. Глядя на его печальное, величественное и вместе с тем утомленное и измученное лицо, я понимала, что выспаться опять не удастся. Он тоже устал, только я устала от работы, а он — от моей лени, тупости и нежелания сделать-таки что-нибудь приличное.

— Учись, — говорил он, демонстративно потирая виски. — Учись, Александра, читать милицейские сводки. Убивают же? Убивают. Грабят? Грабят. Насилуют? Насилуют. Ну так нарой что-нибудь хорошее.

Искать что-нибудь хорошее среди убийств, изнасилований и грабежей я поехала к моему приятелю Васе, оперу из второго (по расследованию убийств) отдела МУРа. Вася был милым, шумным, толстым, невредным и с удовольствием брал меня на выезды. По достигнутой в первые минуты знакомства с ним договоренности, оперативники использовали меня для написания протоколов. В результате, как было отмечено на одном из совещаний с участием больших МУРОВских начальников, процент орфографических ошибок в протоколах с мест происшествий резко снизился, и второй отдел получил почетное звание “самого грамотного подразделения”.

В ОМОНе Вася дослужился до звания старшего лейтенанта, совершил какой-то подвиг, получил орден, и как раз к тому моменту закончил юридическую академию. В академии он учился лет десять, не меньше, но выгнать его, как ни пытались, не смогли. Так что диплом со всеми тройками Вася бережно хранил в сейфе, который, под стать своему владельцу, был крепок, прочен и красив, а именно, представлял собой внушительную железную коробку, покрашенную коричневой масляной краской.

Странно, но в МУР я приехала очень вовремя — бригада отбывала на вызов по случаю падения с девятого этажа некоего Романа Гарцева. Вася был не в настроении и бушевал по поводу того, что его, старшего опера экстра-класса, посылают на какое-то фуфло, которое и убийством-то вряд ли окажется, и вообще — при чем здесь МУР? Такой ерундой сам Бог велел заниматься местному отделению.

— Наверное, потому, Вась, — заметила я, — что пострадавший — известный человек. Владелец ВИНТа, как-никак.

— А что, владение винтом сейчас возведено в ранг особо примечательных явлений?

* Журнальный вариант.

Детективная повесть “Тело в шляпе” — дебют молодой московской журналистки Анны Жановны Малышевой. Анна окончила факультет журналистики МГУ, в настоящее время работает руководителем пресс-службы Конституционного Суда РФ.

— ВИНТ — крупнейшая компьютерная фирма, и если у человека здесь (я постучала себя по голове) все хорошо, то странно, что он этого не знает.

На место мы приехали, разумеется, с опозданием, потому что был час пик, и мы попали во все возможные пробки по дороге, из которых не могли выбраться даже с помощью милицейской мигалки. В одной из пробок Вася, отвратительно скрипя зубами, заметил, что “женщина на корабле — стопроцентная гарантия катастрофы”, чем, естественно, спровоцировал ряд справедливых замечаний с моей стороны по поводу сомнительного сходства их воющего газика с кораблем. Вася тоже молчать не стал, завязалась дискуссия... Короче, когда мы все-таки доехали, “скорая” покойника уже увезла. То есть, когда “скорая” его забирала, он был еще жив, но до больницы его живым донести не удалось.

Отсутствие потерпевшего на месте преступления окончательно укрепило и расширило Васино плохое настроение, однако квартиру, откуда вывалился несчастный Гарцев, он нашел быстро.

В квартире была обнаружена девушка в состоянии тяжелой истерики. Девушку, судя по документам, звали Марина Вадимовна Грушина, 26 лет, не замужем, проживает в Москве. На вопросы она не отвечала, похоже, она их и не слышала, сидела, скрючившись, на краешке дивана, раскачивалась из стороны в сторону и бормотала что-то крайне невнятное. Соседи видели, как она входила в подъезд минут сорок назад. Самого падения никто не видел, и нашел Гарцева местный собачник, который выуживал из кустов своего добермана по кличке Зюган.

Опросив соседей, Васин напарник Леонид выяснил, что квартира, по словам соседей, была чужая, то есть в ней проживал не пострадавший Гарцев, а его компаньон и заместитель Иван Кусяшкин.

Квартира Кусяшкина произвела на меня странное впечатление. Она была скучна до омерзения — такая чистенькая казармочка. Все на местах, и ничего лишнего. Удручающий порядок, как будто здесь никто не живет: ни книжки у кровати, ни чашки в раковине, ни рубашки на спинке стула — ни-че-го. Даже бутылка шампанского на кухонном столе не могла придать помещению жилой вид. Кошмар какой-то! Конечно, люди в таких условиях жить не могут, а будут гроздьями бросаться с балконов.

В принципе, на заметочку в ненавидимую всем прогрессивным человечеством рубрику “Срочно в номер”, информации мне хватало, но усталое лицо любимого начальника стояло у меня перед глазами, и боязнь разбить его сердце написанием маленькой заметочки о таком известном человеке заставила меня поехать в офис фирмы ВИНТ, благо, рабочий день еще не кончился.

Он мог бы и не узнать об этой сделке. Как ловко они все концы запрятали! Прибыль от компьютеризации центрального офиса Нефтепрома должна была многократно превысить ту сумму, которую предлагал ему Кусяшкин за фирму. Если бы не проговорился,

Роман просто остался бы в дураках. И ведь какая морда у Рехвиашвили была шкодливая, когда он проболтался! Умники! Как старательно приучали его к тому, чтобы он не вмешивался в текущие дела, чтобы подмахивал платежки, не глядя... Не то, чтобы денег жалко, хотя и это, но обидно, обидно ужасно. Ну, Рехвиашвили ладно, от своего коммерческого директора Роман мог ждать чего угодно, но от Ивана... Скотина неблагодарная! Испугался, это чувствовалось. Интересно, что он сейчас будет говорить в свое оправдание?

Роман вышел на балкон, посмотрел вниз — нет, Кусяшкин еще не подъехал, да и вряд ли он будет особо торопиться, ему еще надо собраться с мыслями, придумать толковые отговорки.

Он вернулся в квартиру, прошелся по коридору. Квартира Ивана всегда казалась ему какой-то пустой. Пустые кухонные столы, пустые подоконники, пустая вешалка в прихожей. На вешалке болталась только шляпа отвратительного болотного цвета, полученная Кусяшкиным в подарок от тещи. Роман уже протянул руку, чтоб снять шляпу, как зазвонил телефон. Звонила Люся. С Люсей Романа связывали давние и непростые отношения, которые, как бы это сказать правильнее, несколько затянулись. Дело в том, что в далеком прошлом Роман активно занимался общественной работой. Был членом совета дружины и членом районного пионерского штаба. Люся в те времена работала в райкоме ВЛКСМ, и по комсомольской линии руководила пионерами. В этой роли по отношению к членам штаба она пребывала и по сей день, и избавиться от ее опеки не было никакой возможности.

— Рома? Здравствуй, малыш.

— Люсь, я ухожу, попозже созвонимся.

— Не придумывай, маленький, никуда ты не уходишь. Я прекрасно знаю, что к тебе едет твоя девчужка...

Роман действительно ждал свою приятельницу Ольгу — у них вот уже пять месяцев длились вполне интимные отношения, которые Люся сурово осуждала. И не потому, что придерживалась пуританских взглядов, а потому, что у Романа была невеста, милейшая девушка Марина Грушина, регистрация брака с которой планировалась в конце октября. Стоит ли добавлять, что и Оля, и Марина тоже находились под плотной опекой Люси, потому что и они в детстве увлекались пионерской работой и посещали районный пионерский штаб.

— Хочешь рассказать мне, что это нехорошо, нечестно и безнравственно? А ведь нравственность в нашем кругу... Кстати, — Роман насторожился, — а откуда ты знаешь, что Оля должна приехать?

Люся пропустила вопрос мимо ушей.

— Да, Рома, это нехорошо. Но мне сейчас некогда тебя воспитывать. Вместо того, чтобы хамить, сказал бы спасибо. Я звоню тебя предупредить — кто-то рассказал Марише о твоей встрече с этой...

— Спасибо, я понял. Давно она выехала?

— Только что. И имей в виду, она рвет и мечет. Обещала убить тебя, если все подтвердится.

— Вот было бы хорошо! — Роман швырнул трубку на рычаг и тут же стал набирать домашний телефон Оли — ему сегодня не хватало только бабских разборок.

— А-але, — пропела в трубку Олина мама.

— Алла Николаевна, это Роман, здравствуйте. А Оля...

— Уехала, Ромочка, уехала. — Дальше раздалось эдакое томное хи-хи, в том смысле, наверное, что они ОБА знают, КУДА она уехала.

— Давно?

— Только что.

На балконе, который выходил на западную сторону, было жарко. Роман закурил и облокотился на перила. Вечернее солнце било прямо в глаза, а голова от взрывов металлической музыки, доносившейся из соседней квартиры, раскалывалась. Он не услышал шагов за спиной. Сильный удар по голове не лишил его сознания, но оглушил настолько, что вытолкнуть его с балкона не составляло никакого труда.

Александра появилась в ВИНТе за несколько минут до окончания рабочего дня, однако принесенное ею известие о гибели Гарцева заставило сотрудников забыть о спешных домашних делах и планах. Смешное удостоверение “добровольного помощника милиции”, сделанное Васей для Саши в минуту всплеска добрых чувств, вызванных алкогольной интоксикацией, помогло Саше приступить к опросу. Поскольку начальства не было — Гарцева по вполне понятным причинам, Кусяшкина — по неизвестным, — общение с коллективом Саша начала с секретарши Гарцева Алисы.

Алиса являла собой типичную секретаршу. Блондинка с волосами ниже пояса, с ногами чрезмерной длины, с ногтями темно-синего цвета и с голосом томным и глуховатым. Короче, то что надо.

Минут через пятнадцать, после ритуального и вполне понятного в таких обстоятельствах монолога о том, какой “прекрасный человек был Роман Владимирович, нет, вы себе не представляете, такой умный, такой добрый...”, Алиса перешла, наконец, к сути дела. Оказалось, что секретаршей Гарцева она больше числилась, а на деле работала с Кусяшкиным.

— Знаете, Роман Владимирович фирму организовал, все наладил, а Иван Иванович, ну, они же друзья с детства, и так доверяли друг другу, он расстроится, вы увидите, такой удар! Да, так вот, Иван Иванович — он как бы директор, и в последнее время всем руководил, а Роман Владимирович, ну, они обсуждали все, наверное... Он считал, что главное — все хорошо организовать, а там уж само пойдет. Говорят, он даже хотел продать фирму Ивану Ивановичу, то есть не то, что он хотел, а ему предлагали.

— Кто?

— Ну, все. Сам Иван Иванович, потом наш коммерческий директор Сергей Алексеевич Рехвиашвили.

— И что?

— Он, вроде бы, согласился. То есть, он не всю фирму продавал, а контрольный пакет акций, но все равно оставался в совете директоров.

— Для вас это что-нибудь изменило бы?

— Нет, то есть, я хочу сказать, что нас не касается, как делятся прибыли. Мы тоже получаем маленький процент от суммы продаж, ну, как стимул, что ли. А так, Роман Владимирович к нам относился лучше, он — добрый, спокойный, а Иван Иванович, наоборот, очень строгий, может наорать, и очень даже часто орет. Но все равно последнее время всем руководит он, так что приходится терпеть его плохой характер.

Коммерческому директору Сергею Рехвиашвили гораздо больше подошла бы фамилия Иванов или Сидоров. Ничего грузинского в его внешности не просматривалось, скорее, все было наоборот: копна соломенных волос, светлые глаза, маленький нос картошкой. О том, что Рехвиашвили был акулой капитализма, говорило не только название его должности, но и наглый оценивающий взгляд, жесткие, как будто вырубленные из камня, носогубные складки и тонкие, крепко сжатые губы. Он изучал “милицейское” удостоверение Александры с видимым удовольствием:

— Добровольный помощник? Надо же, как времена меняются. Раньше добровольных помощников никому не показывали, и уж тем более сами помощники этого не афишировали, а сейчас уже и ксивы выдают. Прелестно!

— Я... не в том смысле помощник, а наоборот... то есть, я хочу сказать... Помощники бывают разные.

— Конечно! Если я правильно понял, вы будете расследовать этот несчастный случай?

— Несчастный случай? Вы так полагаете?

— А вы считаете, что Романа убили?

— Ну... просто все надо прояснить.

— И кто же убийца, по-вашему?

— Как вы справедливо заметили, я не следователь, а только помощник. Следователь просил меня узнать, не было ли у вашего шефа врагов, недоброжелателей, конкурентов, которым он перешел дорогу. Ну, вы же знаете, сначала всегда ищут мотивы.

— Вам уже напели здесь про Ивана? Ерунда! Во-первых, Роман не очень-то мешал Ивану. Иван забрал себе все рычаги управления, бухгалтерию в том числе, и имел все, что хотел. Во-вторых, они обо всем договорились, к взаимному удовольствию. Гарцев понимал, что успехи фирмы и, собственно, прибыли — это Кусяшкин, и только он. Кстати, Иван никогда не угрожал тем, что уйдет, но это как-то подразумевалось.

— И когда планировалась продажа акций?

— Акции, как вы себе это представляете, вообще нет. У нас закрытое акционерное общество. И не было торжественного подписа-

ния договора о том, что некто Гарцев некоему Кусяшкину продает часть фирмы. Они договорились, и все. Подобные дела так и делаются. Просто принимаются новые правила, и все участники процесса с этим соглашаются.

— И теперь Кусяшкин — владелец фирмы?

— У него 75 процентов.

— А было?

— Было 30.

— И Гарцев спокойно отвалил ему свои 45?

— Не за так же! Иван должен был заплатить ему очень приличную сумму.

— Сколько?

— Это их дело.

— Вы не знаете?

— Я не знаю точно, они долго договаривались, передоговаривались. Спросите у Ивана, захочет — расскажет.

— Мог Гарцев покончить с собой, как вы думаете?

— Нет, конечно. С чего? Для него продажа этих акций никакая не трагедия, обычная сделка. К тому же он собирался жениться, так что и здесь все в порядке. Я думаю — несчастный случай, облокачился неудачно, что-то в этом роде. Я был у Ивана дома, там такие низкие перила на балконе...

Рехвиашвили был единственным из обитателей офиса, кто, поговорив с Сашей, немедленно уехал. Остальные демонстрировали бешеную готовность поделиться с "сотрудником милиции" наболевшим. И делились почти до девяти вечера. Ничего принципиально нового, правда, они не сообщили. В своих предположениях о причинах смерти хозяина сотрудники фирмы были достаточно единодушны: несчастный случай. Убийство, и тем более самоубийство, отвергались с ходу. И Саша все больше склонялась к тому, чтобы с ними согласиться. И согласилась бы, если бы в офисе ВИНТа неожиданно не появился новый персонаж. Произошло это в тот момент, когда сердобольная Алиса отпаивала Сашу кофеем после трудов праведных в приемной Гарцева-Кусяшкина. Туда-то и влетела милейшая девушка Юля, которая, по счастливой случайности, работала в ВИНТе секретаршей Рехвиашвили. Ее не было в офисе, когда пришла Саша, — по причине посещения зубного врача она ушла с работы раньше.

— Ключи забыла, — сообщила она Алисе, — а вы-то чего здесь делаете? Ночь уже практически.

— Ой, Юля, у нас такая беда. — Алиса опять вооружилась страдальческими интонациями. — Роман Владимирович разбился!

— Господи! — Юля присела на стул рядом с ними. — Конечно, он был так расстроен сегодня, так огорчен. В таком состоянии вообще нельзя за руль садиться.

— Да нет, не на машине... — начала было объяснять Алиса, но Саша не дала Алисе договорить.

— Огорчен? Сегодня? Вы его видели?

— Да, здесь. Он с моим начальником ругался, а потом с Иваном Ивановичем.

— С обоими сразу?

— Нет, по очереди. Сначала они ругались в кабинете у Сергея Алексеевича.

— Рехвиашвили?

— Да.

— А потом Роман Владимирович звонил Ивану Ивановичу из приемной — Ивана Ивановича сегодня в офисе не было, — обвинял его в чем-то, вроде, тот его как-то обманул. Говорил, раз так, то их прежние договоренности не считаются.

— В чем обманул?

— Не знаю. Разговор был очень коротким, но получалось так, что Роман Владимирович чего-то не знал раньше, а теперь узнал, и сердится. Я вообще никогда не слышала, чтоб Роман Владимирович так с Иваном Ивановичем разговаривал, они же друзья, вы знаете? Он велел ему приехать и поговорить.

— Сюда приехать?

— Нет, где-то они встретиться должны были в другом месте. Вот, не сложилось.

“Ну почему же, — подумала Саша, — как раз сложилось, судя по всему. Только не в пользу Романа Владимировича Гарцева”.

— Достали! — орал старший оперуполномоченный МУРа Василий Феликсович Коновалов. — Я просто обожаю, когда все ставится с ног на голову, а потом все начинают радоваться, как оно хорошо поставлено! Ну, свалился человек с балкона, ну что такого-то? Ах, он такой известный! Ах, к делу надо подойти серьезно! Да будь ты хоть папа Римский!

Ярость старшего оперуполномоченного пытался ввести в цивилизованное русло следователь Георгий Владимирович Малкин, которого Коновалов, по его же словам, “нежно любил и трепетно ценил”, и обращался к нему не иначе, как “дружочек Гоша”. Василий Феликсович старательно распускал по МУРу слухи, что работать с Гошей Малкиным — одно удовольствие, потому что он, в отличие от среднестатистического следователя, в душу к операм не лезет, без нужды их не торопит, по мелочам не придирается, и нрав при этом имеет легкий и веселый. Кроме того, Гоша Малкин по первой своей специальности числился математиком, а потому знал много такого, что обычному следователю было совершенно неизвестно. Например, таблицу умножения. Шутка о таблице принадлежала перу младшего оперуполномоченного Леонида Константиновича Зосимова, неизменного напарника, младшего товарища и подчиненного Василия Коновалова. Леонид свою шутку любил, считал очень удачной, и, чтобы личный состав, не дай Бог, шутку не забыл, здоровался со следователем Малкиным не совсем обычно. Завидев Гошу в конце коридора, Леонид громко и четко вопрошал: “Шестью шесть?” На что следователь так же громко кричал в ответ: “Тридцать шесть!”

Встретив Гошу через день, Леонид с той же интонацией выкрикивал: “Пятью пять?”, и ответ получал... правильно: “Двадцать пять”.

Василий Коновалов, Георгий Малкин и Леонид Зосимов были почти неразлучны, и начальство с пониманием относилось к их творческому союзу. Считалось, что они прекрасно дополняют друг друга. Василий претендовал на роль лидера их антипреступной группировки, Леонид — на роль жертвы старших по званию, а Гоша — на роль третьей судьбы. Полковник Зайцев любил говорить, что если бы Гошу и Леонида поместить в одну пробирку, основательно взболтать, перемешать и разлить на двоих, получились бы две гармоничные личности. Гоша с Леонидом в пробирку помещаться не хотели, потому как были довольны собой и друг другом и так.

Кстати, именно полковник Сергей Иванович Зайцев, чрезвычайно встревоженный гибелью известного бизнесмена Гарцева, потребовал от Василия, чтобы тот поехал на вскрытие, что, собственно, и привело старшего оперуполномоченного в ярость.

Вообще, считается хорошим тоном, когда следователь присутствует при вскрытии. Но Гоша отказался наотрез.

— Еще чего! Что я, с ума, что ли, сошел?

Да, следователь Малкин в морге бывать не любил, а потому и не бывал.

Василий тоже был чужд патологоанатомической романтики, а, главное, считал, что визиты в морг — это бессмысленная трата времени. Какая разница, присутствует опер или следователь там физически, или забирает уже готовое заключение эксперта?

— Может, у тебя по ходу вскрытия вопросы возникнут, — объяснил свое указание полковник Зайцев.

— Не может, — попробовал возразить Василий. — По ходу вскрытия у меня возникает только рвотный рефлекс.

— Ты препираться тут со мной будешь? — поинтересовался полковник, и Василий, скрипя зубами, отправился в морг.

Дежурил Михалыч. Судебно-медицинский эксперт Роберт Михайлович Завада был прекрасным специалистом и гостеприимным хозяином. Когда оперуполномоченные заглядывали к нему, он всякий раз норовил их накормить, напоить и развлечь интересной беседой. От еды гости, как правило, отказывались, соглашались, правда, что Михалыч — великодушный кулинар, и приготовленная его руками жареная картошка является лучшим украшением операционного стола, на котором препарируют трупы.

Завада, как обычно, встретил Василия с радостью.

— Бог мой, Василий Феликсович, неужели? Какая честь для нас, простых кладоискателей! Как дела?

— Препарируем помаленьку, — ответил Василий. — Чего и вам желаем. Михалыч, у меня труп простой, сделай сразу.

— А что искать-то? — патологоанатом снял с вешалки халат.

— Просто падение, или, может, пьяный, или траванули чем.

— А тебе как лучше? — уточнил Роберт Михайлович.

— Мне лучше, если просто вывалился.

— Просто так, Вася, никому трупы на голову не падают. Пойдем, только мне сейчас санитары уже другой труп положили, не таскать же туда-сюда, быстренько его сделаем, а потом и твой. Кстати, тоже интереснейший случай... — на этих словах Василий уже перешагивал порог лаборатории, — взрыв в машине, 90 процентов кожи обожжено.

Капитан Коновалов был готов терпеть вонь формалина и вид разрезанного трупа. Но когда к этому примешивается запах горелого мяса... На столе лежала большая, килограммов на 150, котлета.

— Михалыч, я попозже заеду, ты тут занимайся, у меня цейтнот, — пробормотал оперуполномоченный слабым голосом и не вышел, не выбежал, а выпал из лаборатории, удивляясь, как это он смог произнести такую длинную фразу.

Завада позвонил через два часа:

— Ну что, нежнейший ты мой, оклемался? Твой труп очень мне понравился. Мелкий, но здоровье — отменное. Таких здоровых трупов у меня давно не было. Не пил, не курил, легкие, как у младенца.

— Ты про дело-то мне скажешь чего-нибудь? — Василий пропустил выпад по поводу своей чувствительности мимо ушей.

— Не выпивал, не травился. Зато ему был нанесен удар по голове тупым тяжелым предметом. Не очень сильно, но ощутимо.

— Он, я тебе говорил, о землю стукнулся. Не очень сильно, но с девятого этажа, — ласково заметил Василий.

— Вась, ты из меня идиота-то не делай. Об землю он, само собой, стукнулся, это я заметил. А следы от удара чем-то тупым у него с другой стороны. Понимаешь? Об землю нельзя стукнуться и животом и спиной одновременно. Если только вскочить, подняться и опять прыгнуть, но из другой позиции. А возможно, — Вась, ты слушаешь? — кто-то его на земле добил. Знаешь, какие люди бывают? Увидел, что человек из окна вывалился, подбежал, и ну долбить его по голове. Тяжелым и тупым.

— Да, скорее всего, так и было. Спасибо, Михалыч, ты мне заключение когда пришьлешь?

— Пишу уже, Васенька, пишу. А ты поезжай пока на место, почи орудие убийства. Поверхность у него, учти, неровная.

Василий расстроился не на шутку. Простой несчастный случай уже не проходит, а если убийство, то начальство вконец озвереет. Неужели Гарцева треснула эта обезумевшая девчонка? Не исключено. Она, как успел заметить сыщик, девушка сильная, рослая, а покойничек, напротив, хилота одна.

Дозвониться в больницу, куда в психосоматику сдали девушку Грушину, было совсем не просто. Зато, когда Василий все-таки дозвонился, психиатр его порадовал:

— Приезжайте, с ней уже можно разговаривать. Не то чтобы она совсем адекватна, но на вопросы уже отвечает, хотя и сквозь рыдания.

Почему Василий не поехал туда сразу? Впрочем, знал бы прикуп...

Сначала он поехал искать орудие убийства.

Кусяшкина — хозяйина квартиры — дома не было, и Леонид бестрепко смотался к нему в офис и взял ключи. Тупой тяжелый предмет оперативники нашли почти сразу — это был камень, который, по всей вероятности, использовали в качестве груза для засолки огурцов или капусты. Больше ничего интересного ими обнаружено не было, хотя криминалист обещал постараться. Отпечатки пальцев на камне оказались затерты, а многочисленные отпечатки по всей квартире, собранные еще в день смерти Гарцева, вряд ли могли им пригодиться.

Только после изъятия с места происшествия тупого тяжелого и неровного камня Василий поехал в больницу.

И вот что он заметил, вернувшись после больницы в отдел: "Верьте, ребятки, в милицейские приметы. Труп к трупу. Мертвые тянут живых, чисто для компании".

Дело в том, что он появился в больнице уже после того, как Марину Грушину оприходовала дежурная бригада из Ш-го отделения милиции. Потому как ровно через полчаса после звонка Василия доктору, она скончалась, и причиной этого, предположительно, явилось отравление.

Простенькое дело приобретало размах.

Глава 2

Иван продолжал злиться на Романа, даже на мертвого. При этом сознавал, что и сам виноват, но считал, что поступить иначе было невозможно. Не сделай он этого — Марина действительно вышла бы замуж за Романа. И дело даже не в его, Ивана, переживаниях, а в том, что Марина была бы несчастна.

Какое Роман имел право на то, чтобы обижать Марину? Какое он имел право на то, чтобы угрожать Ивану? Начальник жизни нашелся! Про Нефтепром он, видите ли, узнал. А кто этот Нефтепром два года окучивал, он спросил? Прибыль это сулит огромную! Да он-то какое отношение к ней имеет? Фирму он свою никому не отдаст! Да какая она ему своя? И куда он ее засунул бы, если бы Иван ушел?

Все в жизни Ивана и Марины могло бы быть иначе, если бы Роман не встрял самым подлым образом между ними, и если бы он не заморочил ей голову. Все было так противно, так неестественно, что у кого угодно нервы начали бы пошаливать. Не могла Марина не чувствовать, не понимать, что не нужна Роману. Чувствовала и понимала, но старалась себя обмануть.

Иван надеялся, что после смерти Романа Марина все поймет, простит и вернется к нему.

У Ивана была дурная привычка сравнивать своих женщин друг с другом. Причем, объективные критерии в расчет не принимались. Более того, резкой критике подвергались свои же прежние пристра-

ствия. То, что ему раньше нравилось в бывшей жене Ирине, теперь, в лучшем случае, казалось чем-то обыкновенным, а то и противным. Допустим, длинные волосы бывшей жены не шли ни в какое сравнение с короткой стрижкой Марины, хотя каких-то пару лет назад Иван категорически настаивал на том, что у женщины обязательно должны быть длинные волосы. Теперь же ему казалось, что короткая стрижка Марины — предел мечтаний и любований. “Не надо, не отращивай волосы, а то они будут повсюду — на подушке, в супе, все щетки для волос будут забиты”, — говорил он Марине, а Ирине однажды, на исходе их совместной жизни, предложил: “Может, пострижешься коротко?”, чем поверг ее в глубочайшее изумление.

Иван не склонен был обнажать даже перед собой истинные причины ухода от жены. Дело в том, что ему было очень важно чувствовать себя, что называется, “хорошим человеком”, и каждому своему поступку он искал “правильное” объяснение, научившись с годами укрощать чувство вины. Можно, конечно, признаться себе, что ушел от жены потому, что полюбил другую женщину. И к чему это приведет? Тебя сразу переведут в разряд подлецов, и будешь мучиться, страдать, ходить с поджатым хвостом, оправдываться. Так не лучше ли объяснить, что жить с женой больше не было никакой возможности, сделать упор на ее ошибки. Тогда удастся уйти героически, страдальцем, потерпевшим и глубоко оскорбленным.

Детектив, которого наняла Ирина для слежки за Иваном, с готовностью, всего за 500 долларов, согласился вывести саму Ирину на чистую воду. Он все разузнал, проследил, составил график ее встреч с любовником Геней и своевременно доложил, заговорщицки дыша в телефонную трубку:

— Приезжайте, Иван Иванович, пора.

Дверь квартиры, где проживал бывший трудный подросток Геннадий Попов, можно было бы открыть и гвоздем, но детектив, демонстрируя высокий профессионализм, достал из сумки целую связку отмычек. Вошли они вовремя. Ирина, совершенно голая, сидела на кровати и ела яблоко. Геннадий, тоже без всяких признаков одежды, стоял у окна и курил. Детектив сиротливо прятался за спиной Ивана, вероятно, смущаясь не столько увиденным, сколько встречей со своей бывшей клиенткой, по отношению к которой он повел себя как последняя сволочь.

— Да-а, — Голос у Ивана дрогнул, и он присел на табуретку. — А я не верил. Почему ты ничего не сказала мне сама?

— Что я должна была сказать? — взвизгнула Ирина.

— Что любишь другого. — Иван ткнул дрожащим пальцем в лого, посиневшего от страха Геннадия. — Вот его.

— Люблю?! Да ты с ума сошел! Если мне и было что тебе сказать, так это то, что ты ко мне равнодушен, что не спишь со мной, что растрачиваешь свою вот эту вот энергию черт знает где и черт знает с кем!

— Ах, так я же и виноват! Ну ничего себе! — Иван вышел из квартиры, оставив бедного детектива на растерзание жены. Теперь уж точно бывшей.

Шефу я рассказала о своей гипотезе по поводу Кусяшкина. Он одобрил и обещал поставить материал в послезавтрашний номер. У меня оставалось время, чтобы проконсультроваться с каким-нибудь компьютерным человеком и узнать о ВИНТе поподробнее. Человек нашелся в записной книжке и оказался моим однокурсником и тезкой Сашей Спириным, работающим в компьютерном журнале "Писи-вик".

Через час мы уже пили кофе в клубе "Вермель" на Раушской набережной. По моей просьбе он привез подшивку своей газеты, заметив, правда, что я там все равно ничего не пойму. И оказался прав. Саша знал много полезного о внутренней жизни компьютерных фирм.

— ВИНТ — серьезная контора, — рассказывал он. — Обороты у них сумасшедшие, и качество вполне приличное. Они и ГСМ идут с большим отрывом от всех, и, я думаю, скоро они поделят рынок друг с другом, а всех остальных вытеснят.

— Саш, если держатель контрольного пакета погибает, то оставшимся владельцам компании придется делиться с его наследниками?

— Ты же понимаешь, что официальная прибыль не имеет ничего общего с реальной. Везде двойная бухгалтерия; основной творческий метод — контрабанда, и даже если наследники предъявят свои права, они получают копейки. Там система простая — пока жив, пока работаешь, имеешь солидный доход. Убили, ушел — извиняй, дядька. Нет человека — нет дохода.

— Тогда получается, что каждый из владельцев должен стремиться к тому, чтобы перестрелять всех своих компаньонов и наложить лапу на их доли, — не столько спросила, сколько констатировала я.

— Не совсем, — не согласился Саша. — Три, четыре, иногда семь учредителей — это не просто слияние их первоначальных капиталов. Каждый везет свой воз. Они делят функции, за каждым — определенный участок работы. И если кого-то пристрелили, это может оказаться серьезным ударом для всех остальных. Потому что функции у них очень разные. Я, например, отвечаю за производство; ты — за продажу; он — за финансы. Убери его, и попробуй сама разобраться в бухгалтерии. А это ужас, просто ужас! Там каждый ключевой человек — на вес золота. Для того, чтобы работать в подобных структурах, надо иметь редкие мозги и редкую скорость мышления. Так что они друг для друга тоже капитал. Потом, они люди цивилизованные, это тебе не торгаши украинской водкой. Не в их правилах убивать друг друга.

— Но может же сложиться такая ситуация, когда кому-то из них это понадобится?

— Может. Если стратегии расходятся. Один считает, что надо затевать долговременное сотрудничество с китайцами, а другой китайцев не хочет, а хочет корейцев. Но, как правило, они все-таки договариваются. В ВИНТе, насколько я знаю, — Саша сморщил

лоб, как бы вспоминая, что в этой фирме делается, — таких разногласий вообще никогда не было.

— А если кто-то отошел от дел, прибыли с ним приходится делить?

— Ты имеешь в виду Гарцева? О его уходе от дел в компьютерном мире было много разговоров. Но общий принцип такой: если кто-то из отцов-основателей перестает работать, они передоговариваются, кому сколько в свете его ухода. Того, кто отошел от дел, вполне можно надуть. Откуда он может знать о реальном положении дел?

— Так он лезет во все, документы проверяет, — попыталась возразить я.

— Алесаша, даже налоговая полиция не может их толком проверить. Документы же надо где-то взять. Где они, эти документы, куда они запропастились? Да и были ли вообще? Нет, обмануть бездельника — не проблема. Если ты в этой каше не варишься вместе со всеми, то контролировать что бы то ни было будет очень трудно.

С Сашей я проговорила более двух часов с большой пользой для себя, но ему не удалось развеять мои подозрения по поводу Кусяшкина. Вернувшись в редакцию, я начала работать над статьей и присидела, надо отдать должное моему трудолюбию, до десяти вечера. Почувствовав, что толку от меня никакого — сказывалась усталость от всех впечатлений сегодняшнего дня, я сложила диктофон и исписанные листки в сумку и поехала домой.

Последующие события помню не очень отчетливо, поскольку все происходило быстро, как при ускоренной перемотке пленки. Помню, что было очень страшно. Сначала — шаги за спиной, а в таком тихом и безлюдном переулке, как наш, это уже достаточно неприятно. Потом обозначились “владельцы” шагов в количестве двух верзил отвратительного вида, потом один бросился ко мне и вырвал из рук сумку, заметьте, с диктофоном и свеженарисованным материалом. Не столько из любви к своему имуществу, сколько от страха, я вцепилась в сумку мертвой хваткой, то есть дала ему понять, что сумку мне отдавать не хочется. Он настаивал, и привлек к нашей молчаливой дискуссии товарища. Если бы мы играли в перетягивание каната, у меня не было бы никаких шансов одолеть этих двоих, но игра была другая, они просто таскали меня вместе с сумкой туда-сюда до тех пор, пока сильный толчок в спину не выбросил меня на проезжую часть. Последнее, что я услышала, был отвратительный визг резины по асфальту.

Когда Саша впервые появилась в управлении, маленькая, хорошенькая и наглая, Василий попытался ее выгнать. Журналистов он не любил с детства, и доказывать ему, что для Саши Митиной из “Городского курьера” он должен сделать исключение, было бесполезно. Однако Саня проявила завидное упорство. Отсутствие гостеприимст-

ва ее не испугало, даже взбудрило. Она ходила в отдел, как на работу, поила пивом сотрудников всего управления, рассказывала последние новости, демонстрировала сногшибательные туалеты — от юбок длиной в 20 сантиметров до кислотного цвета кофточек, от которых глаза заклинивало на лбу. Она сочиняла поздравительные стишки к дням рождения оперативников и, главное, не публиковала в своей газетке особых гадостей. Материалы показывала, фактические ошибки безропотно исправляла. Споры возникали только вокруг оценок работы милиции. Она уверяла, что это уже “не вашего собачьего ума дело; оценивать качество вашей работы — святое право налогоплательщиков”. Василий так не думал, но с годами пришел к выводу, что совсем избавиться от журналистов, как и от тараканов, невозможно: трави, дави, затыкай щели — все равно рано или поздно появятся. А если так, то из всех зол Саня — наименьшее, к тому же очень симпатичное. Значит, навсегда с ней ссориться нельзя. “А то, — говорили в отделе, — пришлют вместо нее какого-нибудь уroda”.

Ведомые любовью и нежностью оперативники не упускали возможности сделать для Сани что-нибудь приятное. К прошлому международному женскому дню отдел по расследованию убийств приготовил ей подарок — отпечатанный в типографии плакат: “Их разбивает милиция” с портретом Сани и подробным описанием ее внешности.

Плакат удался, и до сих пор украшал Санино рабочее место в редакции “Курьера”, то самое рабочее место, где ей надлежало быть и где сегодня ее не было.

Василий был готов извиняться, текст приготовил, доброе выражение лица репетировал, а Саню найти не мог. В редакции сказали, что она уже два дня не появлялась, злобно так сказали, с намеком на возможные санкции за столь вольное поведение. Дома ее тоже не было, во всяком случае к телефону никто не подходил.

“Ладно, сама появится, — решил Василий, — тем более, коллеги ей передадут, что я ее искал, так что она может мне звонить безо всякого ущерба для собственной гордости”.

Сосредоточиться на мыслях о пропавшей Сане Василию мешал служебный долг, а именно, необходимость найти убийцу несчастных Гарцева и Грушиной. Василий был почти уверен, что оба они стали жертвами одного и того же злодея, и не только потому, что при жизни были женихом и невестой, но и потому, что практически в одно время, со слишком маленьким интервалом, они из этой жизни ушли.

Роберт Михайлович колдовал над трупом Марины Грушиной, но и без него было понятно, что ее отравили. Зачем? И кому могла помешать эта парочка? Смерть Гарцева можно было бы объяснить множеством причин, но кому могла понадобиться его девушка? Если это мафиозные разборки, шантаж или вымогательство, то убийства должны были произойти в другой последовательности. Всегда сначала убивают кого-то из близких, а уж потом бизнесмена. Или Грушина знала, кто угрожал ее возлюбленному Гарцеву? Это не ис-

ключено, учитывая, что ее отравили вскоре после того, как она обрела способность разговаривать.

Оперативники поделили фронт работ — Леонид отправился в ВИНТ, а Василий — в дурдом, надеясь, что Грушина успела сказать что-нибудь важное перед смертью, с врачом-то она беседовала. Может быть, там есть зацепочка.

Однако... человек предполагает, а жизнь — начеку. Телефонный звонок, точнее, последовавший вслед за ним разговор, изменил планы капитана.

— Василий Феликсович, к вам посетительница, — известил его дежурный. — Говорит, по делу Гарцева.

— Пропустите.

Посетительницей оказалась внушительных размеров дама, одетая весьма витиевато во что-то греческо-японское — не то кимоно, не то туника красного цвета, — поверх чего был надет, разумеется, зеленый пиджак.

— Люся, — представилась она, — Люся Морозова.

— То есть Людмила..

— ...Григорьевна. Но для вас — просто Люся. Я, собственно, по поводу убийцы Ромы и Марины. Вы ведь его ищете?

Василий потрясенно развел руками.

— Ваша догадливость, Людмила Григорьевна...

— Люся. Просто Люся.

— У вас есть для нас информация?

— Да. Но только про то, кто убийца этих двоих.

— Боже мой, Людмила... Люся, я бы никогда не посмел переваливать на вас всю нашу оперативную работу.

— Так вот, их убила, записывайте, Ольга Вадимовна Мальцева.

— Почему вы так думаете?

— Вы мне не верите?

— Конечно, верю. Но мне придется убеждать в этом свое начальство, поэтому, вы уж извините, хотелось бы поподробнее.

— Хорошо. Потому что она вообще такой человек.

— То есть на досуге любит поразвлечься убийствами?

— Ей, знаете, ничего не дорого. Она не ценит самого главного. Предательница. Я ее знаю давно, с детства. И даже тогда она отличалась от других своим эгоизмом. У нас в пионерском штабе это не приветствуется.

— В пионерском?

— Сейчас наш штаб называется "Дом творчества молодежи", но мы, по привычке, называем его, как в детстве, "штаб", — продолжала гостя.

— И чем же вы занимаетесь?

— Преимущественно туризмом.

— И что же Ольга?

— Она живет в свое удовольствие, ни с кем не считаясь. Я так хочу, и все. Представляете? Есть же обязанности, долг, чувство локтя. Нельзя разорять чужие гнезда.

- Чье гнездо было разорено?
- Вы все поняли, да? Рома собирался жениться на Марине, а Оля, ну Мальцева, я имею в виду, она Рому сбивала с толку.
- Разлучница?
- Да! Да! Причем, я уверена, ей Рома и нужен-то не был, она все это делала из чистой вредности, чтобы досадить.
- Кому?
- Всем. Мне, например. Так и говорила: “Что, Люсечка, не складывается твой пробирочный брак”. Она считала, что это я уговорила Рому жениться на Марине.
- А вы не уговаривали?
- Ну какие могут быть уговоры, если взрослые люди решают создать семью.
- Твердо решили пожениться?
- Твердо.
- Тогда чем могла им помешать Мальцева?
- В том-то и дело, что ничем. Поэтому она их и убила.
- Убила из чистой вредности, чтобы вам досадить?
- А как вы думаете, мне не досадно?
- Ну, все-таки, убийство — это слишком сильное средство. И, заметим, небезопасное для убийцы. Так рисковать, чтобы просто вас позлить. Можно было придумать что-нибудь менее кровавое.
- Ой, да у нее фантазия-то не работала никогда. Придумать! Это Оля-то! Взяла и убила.
- “И я сейчас возьму и убью тебя, — с удовольствием подумал Василий. — Дыроколом или пепельницей”.
- Спасибо, Люся, спасибо. Информация — бесценная. Мы обязательно проверим.
- Вдруг Люся забеспокоилась:
- Вы мне не верите? Так вот, я точно знаю, что в тот день, когда Рому убили, Оля была у него. Чтоб вы мне поверили, я даже скажу, где у них было свидание — в квартире у Ивана. Убедились?
- А откуда вы это знаете? — строго спросил Василий.
- Марина была у меня, когда кто-то позвонил и рассказал об Оле и Роме.
- Кто мог знать, что Грушина у вас?
- Все знали. Она попросила секретаршу директора в своем лице, если ей позвонят, давать мой телефон. И эта женщина сказала Марине, что в эту самую минуту у Романа любовное свидание в квартире у Ивана.
- И Грушина туда поехала?
- Да, сразу.
- А кто, кроме вас, знал, что Гарцев собирается поехать в квартиру к Кусяшкину? — Василий положил перед собой лист бумаги и взял ручку.
- Оля, я же вам говорю.
- А еще?
- Зачем вам “еще”? Она же убийца.

— Конечно. Но таковы формальные требования.

— Еще Марина. — “Нет, все-таки дыроколом, — подумал Василий. — Оно — надежнее”. — Еще та женщина, которая нам звонила.

Прощание с гостьей было нежным, но коротким. Василия спас Леонид, вернувшийся с компьютерной фирмы.

— Твои девчонки с каждым годом становятся все привлекательнее, — заметил он, окинув Люсю придирчивым взглядом. — Хороша!

Однако его рассказ о фирме ВИНТ отбил у Василия всяческую охоту веселиться. Из всего, рассказанного Леонидом, было понятно, что формальный повод убить Гарцева был у его заместителя Ивана Кусяшкина, и, главное, что Саня все это узнала два дня назад, после чего и пропала. И чем больше старший оперуполномоченный слушал младшего, тем тревожнее ему становилось. Под конец рассказа он был убежден, что у Сани серьезные неприятности.

Глава 3

Очнулась я... правильно, гипс. Хотя гипс образовался не сразу, до него было приятное знакомство с приемным покоем института скорой помощи имени Склифосовского. Люди в белых халатах, похоже, собирались ужинать.

— Кто девочку посмотрит? — вопрошала в пространство суетливая женщина лет пятидесяти, дергая мою каталку из стороны в сторону.

— А что тут? — поинтересовался молодой доктор, пробегая мимо с кастрюлей в руках.

— Авто, — охотно ответила женщина.

— Ага, — с удовлетворением сказал доктор, уже практически скрываясь за дверями комнаты с приятным названием “операционная”, — хорошо.

— А посмотрит-то кто? — Добрая женщина не унималась.

— Может, нейрохирурги? — раздалось из глубины операционной.

Женщина быстро засемила по коридору и заглянула в одну из дверей.

— Где нейрохирурги? — спросила она.

Потому, вероятно, что вопрос был обращен не к кому-то конкретному, ответа на него не последовало.

— Где эти гады?! — повторила женщина, и на этом, посчитав свою миссию выполненной, удалилась в операционную, надо полагать, делать операцию. Вскоре оттуда раздался бодрый стук вилок.

— Хоть бы дверь прикрыли, — простонала соседняя каталка. — Как можно?! Врачи ведь.

— Что ж, раз врачи, им с голоду умирать? — возразил ей мужчина потрепанного вида с окровавленной головой. — Покушают, и полечат нас.

В глубине отделения кто-то все еще искал нейрохирургов, в операционной по-прежнему стучали вилками.

Дождаясь врачебного осмотра, от которого, я не сомневалась, докторам все равно уйти не удастся, я старалась успокоиться и осмыслить произошедшее. Первое удавалось с трудом — мне было по-настоящему страшно. Второе более или менее получилось. Кто-то хотел меня убить, это очевидно. Кто и зачем? Это я потом подумаю, а сейчас надо решить, как мне правильнее себя повести. Хорошо, если тот, кто покушался на меня, думает, что наезд был качественный, и со мной покончено. А если нет? Если он захочет в этом убедиться и станет, например, обзванивать больницы? Значит, мне надо спрятаться. Но как это сделать, имея при себе столько телесных повреждений? Единственное место, как мне тогда показалось, куда можно спрятаться, — это за чужое имя. Сумку мою они уперли, и здешние врачи не знают, кто я такая. Мама в отпуске, искать меня не будет... Значит, надо прикинуться не собой. Отлично. Не далее, как вчера, мы провожали Галку Терентьеву в отпуск, а отпуск она поехала проводить к бабушке в деревню. Стану-ка я пока Галиной Венедиктовной Терентьевой.

Потом, конечно, потребуется больничный, ну так не вечно же я буду Галкой. Полечат мне голову, и со временем я вспомню, что я — Александра Дмитриевна Митина. Надо только позвонить в кадры и узнать Галкины паспортные данные.

Эксперимент удался. Врачи ничуть не усомнились в том, что я — это не я, поэтому по телефону меня обнаружить в этой больнице не сможет никто.

А утром меня разбудил милиционер.

— С добрым утром, — весело сказал милиционер. Умеют они все-таки найти нужное место и нужное время для веселья. — Ну, как у нас дела?

— Спасибо, отлично.

В ответ на такую трогательную заботу хотелось его тоже порадовать. Но он почему-то не обрадовался, а даже как бы возмутился.

— Как это — отлично? Перелом ключицы, множественные ушибы... Как вам может быть отлично?

— Может, мне, лейтенант, до этого было еще хуже.

— Не понял.

— Ладно, попробуем еще раз, — предложила я. — Спросите меня, как дела.

Милиционер, сочувственно посмотрел на человека в белом халате, в том смысле, что "видать, и в голове у нее что-то повредилось", однако спорить не стал.

— Как дела? — опять спросил он.

— Очень плохо, перелом, ушибы, нравственные страдания, — мрачно ответила я.

— Ну слава Богу, — обрадовался он. — Был совершен наезд. Есть ли у вас претензии?

— Сам наезд, безусловно, заслуживает высокой похвалы. Но претензии есть: почему сломана только рука, почему не проломлен

череп, почему не отшибло память? Согласитесь, лейтенант, все это пахнет халтурой. Не умеешь наезжать — не берись.

Человек в форме, видимо, окончательно убедившись в моем полнейшем безумии, скорбно покинул палату, пообещав зайти позже.

Милиционер, оказавшийся гаишником, навестил меня ближе к вечеру. На этот раз он был не один. Бледный юноша с трясущимися руками, который плелся за милиционером со всей возможной обреченностью, оказался коварным водителем, совершившим на меня наезд. И теперь его молодая жизнь находилась в моих руках, и только я могла решить, заводить уголовное дело или нет.

— Если бы был летальный исход, — любезно объяснял милиционер, — вопроса бы не было. Сразу бы завели.

И он бросил гневный взгляд на молодого человека по имени Виталий.

— А раз вы все же живы...

Я виновато засопела.

— ...то на усмотрение пострадавшего.

— Знаете, сержант, мы, пожалуй, сами договоримся.

Милиционер раскланялся.

Юноша Виталий оказался сообразительным.

— Вы, наверное, хотите компенсацию? — спросил он дрожащим голосом, старательно намекая как бледностью организма, так и несчастным выражением лица, что много с него не возьмешь. Нам много и не надо.

— Хочу. Давайте, я пишу заявление, что не имею к вам претензий, и живите себе спокойно. Но вы за это достаете мне мобильный телефон...

Виталик страдальчески закатил глаза.

— ...только на то время, что я в больнице. Фрукты, йогурты — вы же понимаете — то, что здесь дают, есть невозможно, и знаете, вот еще что...

Виталик принес и телефон, и фрукты, и косметику, и книги. С остальным можно было не торопиться. Доедая второй килограмм персиков, я думала, что и в дорожно-транспортных происшествиях есть своя прелесть. Соседки по палате посматривали на него сочувственно, а на меня неодобрительно, принимая, видимо, за мелкую вымогательницу. Да и ладно. Теперь было важно вытурить их из палаты и позвонить маме и сестре Даше. А то ведь мои трепетные коллеги, обнаружив потерю, первым делом попытаются, движимые самыми добрыми чувствами, разделаться с моими родственниками, и доведут-таки маму до инфаркта, а Дашку до нервного срыва.

Милейший Виталик посидел несколько минут, полагая, наверное, что того требуют приличия, покряхтел, повздыхал и ушел наконец. Сплавив этого надоедалину до завтра, а соседок — в столовую, я стала дозваниваться маме.

Проблемы в этом не было — мама отдыхала в Доме творчества писателей в Переделкино, остатки номенклатурной роскоши, которые перепали литераторам, точнее, членам Союза писателей. Мама моя, слава Богу, писателем в полном смысле слова не была, зато считалась прекрасным литературоведом, и написанные ею учебники для гуманитарных вузов были любимы как студентами, так и преподавателями.

— Ой, Шурик, — сказала мама сонным голосом, — здравствуй, детонька.

— Я тебя разбудила?

— Нет, что ты, — привычно соврала мама, — я уже давно не сплю.

— Отлично. Мамуля, хочу тебя кое о чем предупредить. У меня тут очередные навороты в личной жизни... Я решила послать Синявского и сейчас от него скрываюсь. А он, ты ж его знаешь, меня с собаками везде ищет. Так вот, если тебе кто-нибудь позвонит, ты ничего про меня не знаешь.

— Я и так про тебя ничего не знаю.

— Но ты же начнешь дергаться. Я, собственно, тебя предупреждаю, чтобы ты не волновалась. Значит, кто бы ни позвонил...

— А зачем тебе прятаться от всех? — Мама потихоньку просыпалась и вникала в смысл разговора. — Ты же прячешься от Валеры?

— Затем, что сам он тебе звонить все равно не будет, он же знает, как ты к нему относишься. Он кого-нибудь науськает. Придумает, что из редакции или из милиции.

— Из милиции?

— Запросто. У него фантазия богатая.

— Но у тебя правда все в порядке?

— Мам! Ну что ты, в самом деле!

— Ладно, ладно. Ты цветы мои поливаешь?

— Конечно, не волнуйся.

— И еще. Шурочка, у меня на столе квитанция в прачечную. Получи, пожалуйста, белье.

— Получу.

— Целую тебя, деточка.

— Целую, мамуля.

С Дашкой, моей младшей сестрой, получилось еще проще. Она, как и мама, терпеть не могла моего приятеля Валеру Синявского, упорно отказываясь признавать, что в наших с ним запутанных отношениях есть большая доля моей вины. Правда, и в этом я с Дашкой согласна, у него нет права загонять меня в угол и запугивать, чем он занимался всякий раз, когда я пыталась от него отделаться.

С Валерой Синявским мы вместе учились, и он считался самым завидным женихом курса. Очень, ну очень талантлив, к тому же красив, высок, и вообще настоящий секс-символ. Поэтому в своей слабости, то есть в том, что я поддалась на его уговоры, виновата не столько я, сколько общественное мнение. Если все вокруг только и говорили: "Ах, Синявский, ох, Синявский", что мне, скажите, ос-

тавалось? Я, по молодости и по глупости, решила: “Ну, ладно, Синявский так Синявский”.

Первые пару лет все было очень мило и душевно, чего не скажешь о последующих двух годах, в течение которых мы снимали квартиру на окраине Москвы. То есть, вместо того, чтобы жить себе спокойно с мамой в центре и тратить на дорогу до факультета двадцать минут, я должна была надрывать свое здоровье, заботясь о пропитании и о личной гигиене Синявского. Наградой за это счастье стали переполненные автобусы, в которых я проводила по два часа ежедневно. В процессе совместного выживания выяснилось, что в первой половине дня у Синявского стабильно плохое настроение. Настолько плохое, что улыбаться по утрам он не может. Пробовал по моей просьбе, но — нет, не идет. Аргументация такая: “Утро же, какие тут улыбки?” Вечерние улыбки Синявского тоже доставались мне не без труда, и только в обмен на диетический обед из четырех блюд и на стерильную чистоту в квартире.

Наша совместная с Синявским жизнь длилась до тех пор, пока квартира не понадобилась ее законным владельцам, и нам пришлось разъехаться по родителям. Как полагал Синявский, временно. Как надеялась я, навсегда.

Но, даже находясь в изгнании, то есть в квартире у своих родителей, Синявский вел себя, как полноправный хозяин. Я, например, должна была оказываться дома вовремя, что он в обязательном порядке проверял по телефону; на выходные, когда его родители уезжали на дачу, я должна была переселяться к нему. Жаникулы, а впоследствии отпуск, мы тоже должны были проводить вместе. Кроме того, после окончания университета он взял себе в привычку раза три в неделю навещать меня в редакции, чтобы проверить, “все ли в порядке”.

С точки зрения сестры Даши, подобные визиты были ничем иным, как унижительной травлей, а сам Синявский — “мерзким филером”. Разумеется, сообщение о том, что больше никто не будет меня так унижать, Даша всячески приветствовала.

— Молодец! — вопила она. — Давно бы так! Вечно ты козлов разводишь. Где ты их берешь только?

— Они сами берутся.

— Почему одни только козлы, вот что непонятно.

Упрек совершенно незаслуженный, потому что Валера Синявский был первым и на сегодняшний день последним моим увлечением, так что образ многочисленных козлов был взят Дашей, вероятно, из ее собственной личной жизни.

Я решила признаться, что жива, хотя и не очень здорова, еще одному человеку — моему давнему поклоннику и коллеге по фамилии Гуревич. Звали его Пьер, причем, не в честь Безухова, а в честь Ришара, страстной поклонницей которого была его маменька. Зато отчество подходило к этому чудесному имени, как мозоль ноге, — Петрович.

Пьер Петрович Гуревич был человеком странным во всех отношениях, но в одном я могла не сомневаться — моим потенциальным убийцам он меня не выдаст ни за что. Опять же, появление Пьера должно было слегка разгрузить Виталика, который, благодаря заботам обо мне, уже на ладан дышит. Пьер, которому я дозвонилась без труда, пообещал приехать в больницу “сразу после работы”.

Что бы там ни гласили русские пословицы, я твердо знаю — ни слова правды в них нет. Поэтому я не стала пренебрегать погоней за тремя зайцами — отчего бы, оказавшись запертой в больничных стенах, мне не раскрыть убийство и не решить застарелые проблемы своей личной жизни, но попутно, только попутно. Дело, то есть раскрытие убийства, главное; общественное для нас всегда на первом месте, или мы не были пионерами? Еще как были, хотя сейчас ни в каких штабах и не состоим. Но раз уж я пообещала маме расстаться с Синявским, надо выполнять. Родителей обманывать нехорошо. Или мы не были октябрятами?

Марина Грушина была отравлена простым ядом из группы цианидов. Эксперт утверждал, что убийца — не опытный химик, а обычный рядовой фармацевт. “Ищите своего убийцу в аптеках”, посоветовал он. Однако поражала “точность попадания” — доза была ровно такой, чтобы достичь летального исхода через несколько минут после употребления ее внутрь, не больше и не меньше. Отраву была добавлена в воду, которой Грушина запивала таблетки, а их в психо-соматических отделениях дают больным немеренно. Войти к ней в палату проблемой не было, хотя врач старательно убеждал оперативников, что “этого просто не может быть”. Пронаблюдав, что там происходит в течение получаса, Василий и Леонид отбросили дурацкие мысли о том, чтобы составить список лиц, входящих в это помещение, и пришли к выводу, что убийца совсем не глуп и действовал наверняка: подлив отраву, он мог уже не сомневаться, что клиент будет убит, — в психушках не забалуешь, и все, что доктор прописал, в тебя впихнут.

Леонид все-таки остался в больнице опрашивать сестер, не видел ли кто посторонних в помещениях для персонала, а Василий поехал знакомиться с главным фигурантом и единственным подозреваемым — Иваном Ивановичем Кусяшкиным. Он в любом случае представлял для следствия интерес, потому что очень близко знал обоих убитых.

Иван Иванович имел вид бледный и неприятный. Мешки под глазами и двухдневная щетина намекали на то, что он не самым лучшим образом провел последние дни. Однако вел он себя вежливо, на вопросы отвечал старательно, хотя и без энтузиазма.

— Мы пытаемся понять мотивы. Есть ли у вас предположения на этот счет? — спросил Василий.

— Нет. Правда, нет. Еще на Романа что-то можно было наскрести, но все равно не до такой степени, чтобы убивать. А Марину — ну просто не понимаю.

— Есть люди, которые считают, что мотивом могла быть ревность, — сказал сыщик.

— Ревность? Да они могли ревновать только друг друга, точнее, Роман вообще, по-моему, не умел этого делать, а Марина... Она как бы ни ревновала, не могла причинить ему никакого зла, потому что очень его любила.

Кусяшкин, казалось, говорил вполне искренне.

— Я имею в виду, что это могла быть женщина, — попробовал подсказать Василий.

Кусяшкин не понял:

— Женщина? Какая?

— С которой Гарцева что-то связывало.

— Нет, что вы. Таких женщин у него не было, — отмахнулся Кусяшкин.

— Вам знакома фамилия Мальцева?

— Да. — Кусяшкин впервые слабо улыбнулся. — Выбросьте это из головы. Я догадываюсь, кто вам сказал. Но это бред.

— И все же, что вы о ней знаете?

— Смешная девчонка, то есть ей уже за тридцать, но маленькая собачка до старости щенков. Она задержалась в развитии, и ведет себя, как семнадцатилетняя. И с Романом у них не было ничего серьезного, так, развлекалочки.

— Но, согласитесь, странно — развлекалочки накануне свадьбы.

— Странно? Ничуть. У них нравы более чем свободные. К тому же для Романа эта свадьба была скорее вынужденной, и он-то от любви не сгорал. Там и Оле место могло найтись, и много еще кому.

— “У них” — вы имели в виду Дом творчества молодежи? — уточнил Василий.

— Нет, я имел в виду пионерский штаб, — покачал головой Кусяшкин.

— Это, насколько понимаю, одно и то же, — блеснул Василий своей осведомленностью.

— Да? Я это местечко знаю как “штаб”. Да, тогда я их имел в виду.

— И что же там за нравы?

— Подробностей я не знаю, но это что-то вроде корабля, потерпевшего крушение и выброшенного на необитаемый остров. Они ведут себя так, будто вокруг их штаба — огромный безлюдный океан. Отбегут на пять метров в сторону, на работу там или домой, и опять в штаб.

— И что они там делают?

— Ничего. За жизнь разговаривают, пьют много. Девушек отбивают друг у друга. Все как в жизни, только в очень замкнутом пространстве, и в рамках очень ограниченного коллектива.

— Но дружба и любовь на стороне все же бывают?

— Бывают. Они странные ребята, но не сумасшедшие. Бывают, но не поощряются. — Кусяшкин грустно усмехнулся.

— Кем не поощряются?

— Всеми.

— Теперь несколько вопросов о Марине Грушиной. — Василий придал лицу приличествующее случаю печальное выражение. Что касается Кусяшкина, то у него такое выражение было с самого начала разговора. — Врач в больнице сказал, что вы часто звонили, справлялись о ее самочувствии.

— Да.

— Когда он вам сообщил, что ей стало лучше, и она приходит в себя? — Василий достал блокнот и приготовился записывать.

— Утром того дня, когда ее убили.

— А вы кому-нибудь говорили об этом?

— Да, своей секретарше Алисе. Я обрадовался, вышел в приемную, сказал, что, слава Богу, Марина выздоравливает. Какое это имеет значение?

— Грушина была отравлена незадолго до нашего приезда. Как вы понимаете, мы ехали за показаниями. Логично предположить, что кому-то не хотелось, чтобы она нам что-то рассказала. Если мы установим, кто знал о том, что мы приедем...

— Да все! Надо знать Алису. Если хочешь, чтобы в курсе была вся фирма, скажи ей, и успех обеспечен.

— Вы и про милицию ей сказали? — спросил Василий.

— Сказал. Так что круг тех, кто владел этой информацией, слишком широк.

— Но, в любом случае, это служащие фирмы?

— Вероятно. Хотя на фирме у Марины даже знакомых не было. Она приходила к Роману пару раз, пару раз участвовала в наших офисных застольях... И все.

— Может быть, она что-то знала о его делах на фирме?

— Нет. Он и сам в последнее время не очень хорошо знал об этих делах. — Кусяшкин презрительно скривился, а старший оперуполномоченный взял себе на заметку, что фигурант не скрывает своего плохого отношения к компаньону.

— Тогда почему информация о выздоровлении Грушиной была так интересна для ваших служащих?

— Потому что она — невеста хозяина. И мое к ней... — Кусяшкин замаялся, — особое отношение тоже не было ни для кого секретом. В женском коллективе все обсуждается. Не потому, что это кому-то жизненно важно, а потому, что интересно.

— Что вы называете особым отношением? — уточнил сыщик.

— Я ее любил.

— И ваш компаньон знал?

— Роман? Знал.

— И как же реагировал на это?

— Был очень щедр. Говорил: "Старик, бери, мне не жалко, с ней только договорись".

— Не договорились, судя по всему?

— Не успел.

— Плохо.

— Очень плохо.

— Плохо потому, что... каждый, боюсь, может сказать, что у вас были причины недолюбливать Гарцева.

— Я не боюсь.

— Но причины были?

— Были.

— А как на фирме относились к Гарцеву?

— Нормально. Спокойно. Как к уходящему начальнику. Переориентировались на меня.

— Вернемся теперь к началу. Кто мог знать, что Гарцев находился у вас в квартире в тот день?

Василию показалось, что вопрос Кусяшкину не понравился. Он занервничал:

— Да кто угодно!

— Вы полагаете, что он стал бы распространяться о свидании с любовницей накануне свадьбы?

— Маловероятно.

— Вы никому об этом не говорили?

— Никому, — ответил Кусяшкин, но как-то не очень уверенно.

Василий достал из портфеля фотографию Сани и показал ее собеседнику:

— Вам знакома эта женщина?

— Нет. Кто это?

Кусяшкин по-прежнему был спокоен. Впрочем, — решил оперуполномоченный, — если даже он как-то причастен к исчезновению Сани, весьма вероятно, что он ее не видел. Не сам же он, действительно, за ней гонялся? Нанял кого-нибудь.

— Это наша помощница. Она пропала после посещения вашей фирмы.

— Найдется, — вяло отреагировал Кусяшкин. Было видно, что он готов разговаривать об убийствах Гарцева и Грушиной, о том, что у него болит, а чужие пропавшие женщины его интересуют мало.

В целом Василию Иван Иванович Кусяшкин понравился. Спокойный, неглупый. Видно, что все произошедшее его очень расстроило. Впрочем, убийства мало кого радуют, и многие убийцы, которых доводилось ловить капитану, очень даже печалились как до раскрытия преступления, так и после.

“Но где же, все-таки, Саня?” — думал Василий. Среди трупов никого с похожими приметам нет. Среди “бессознательных” — тоже. Он пытался утешать себя тем, что она просто уехала куда-нибудь, как она это любит, но в управлении его ждал очередной сюрприз. Как и следовало ожидать — неприятный. Более того — жуткий. И Василию уже ничего не оставалось, кроме как заявить Саню в розыск.

Зачем он спустился к почтовому ящику? Иван не смог бы ответить на этот вопрос. Почувствовал что-то. И когда увидел там кон-

верт, нисколько даже не удивился, хотя писем не получал уже... дай Бог памяти, лет двадцать, не считая, конечно, деловой корреспонденции, приходящей на адрес фирмы. Конверт выглядел вполне мирно, по-домашнему, но Иван был уверен, что внутри него какая-то гадость. И не ошибся. На маленьком листе было написано: "Он жил еще четыре минуты".

Ивану стало страшно.

Он поднялся в квартиру, перечитал письмо еще раз и позвонил Рехвиашвили.

— Ты хотел приехать, — сказал он, — не передумал?

— Что ты, конечно, еду, — с готовностью отозвался Сергей.

— Только... — Иван и сам удивлялся тому, как сильно испугался. — Сережа, побыстрее, пожалуйста. Похоже, у нас неприятности.

Второе письмо пришло на следующий день.

Оно, как и первое, являло собой образец лаконичности.

"Добровольное признание облегчает участь".

Упрекнуть Ивана в том, что он терялся в догадках, было невозможно. Догадки не было ни одной.

Накануне они с Рехвиашвили строили всяческие предположения относительно первого загадочного послания, но так толком ничего и не придумали. Сергей, правда, твердил, как заведенный: "Ирка это, Ирка твоя...", но Иван не соглашался. Зачем ей его травить, терроризировать?

Третьего письма он ждал с нетерпением, переходящим в истерику, надеясь, что оно хоть что-нибудь прояснит. И — зря. Третье письмо было абсолютно в духе первых двух: "Адрес учреждения, где с нетерпением ждут вашего добровольного признания, — Петровка, 38".

Четвертое письмо навеяло-таки кое-какие подозрения.

"Заявление в милицию советуем начать так: "Я не хотел его убивать..." И дальше — по памяти".

Шантаж? — подумал Иван. — Кто-то хочет денег, это понятно. Но — кто? И что он знает? Может, не шантаж, а провокация? Что же делать?

И Иван позвонил капитану Коновалову. Тот приехал сразу, положил каждое письмо в отдельный целлофановый пакет и отбыл, горячо поблагодарив за доверие.

После чего Иван позвонил Ирине. Не то чтобы он ее всерьез подозревал, просто слово "шантаж" у него ассоциировалось прежде всего с ней. Она — мастер этого дела, кроме того, всегда хочет денег, и много. Не исключено, что в ходе ведения боевых действий против Ивана она решила применить новую тактику, и к всегдашнему нытью и угрозам добавила дружескую переписку с бывшим мужем.

— Сегодня не получил от тебя письма и заволновался, — сказал Иван. — Все ли в порядке?

Ирина прореагировала на эту хорошо продуманную фразу странно, то есть не так, как того ожидал Иван.

— В порядке? — возмущенно сказала она. — Как же! Все отлично! Лиза часами крутится перед зеркалом и ни о чем другом думать не хочет, Алеша хамит, у мамы — давление. Так что радуйся, все, как ты хотел.

— За здоровье твоей мамы тоже я отвечаю?

— А ты думаешь, она не переживает по поводу твоего странного поведения? Кстати, — Ирина, наконец, вспомнила, с чего Иван начал, — какие письма?

— Дурацкие. Я отдаю тебе должное, как стратегу, у тебя неоднократно получалось обводить меня вокруг пальца, но вынужден констатировать, этот твой маневр слабоват. Скажи просто, чего ты хочешь, а я подумаю, могу ли соответствовать.

— Какие письма? Ты о чем?

У Ивана был очень странный голос, как у сумасшедшего. “Это из-за нее, — решила Ирина, — ну конечно, как я не подумала”.

— Я понимаю, у тебя неприятности, но ты же знаешь, что я тут ни при чем. — В ее голосе появились нотки сострадания.

— При чем “ни при чем”?

— При том, что ... ну, я имею в виду события последнего времени.

— Какие?

Чего он добивается? И зачем ей звонит? Видит Бог, она хотела быть тактичной, но с ним разве получится.

— Такие, что всех убивают.

— Ладно, — голос Иван сразу стал безразличным и тусклым. — Пока. Пишите письма.

Не Ирина. Похоже, не она. Тогда кто?

— Ах, оставь, — возразил этот гад, — в туалет я пока не хочу.

Соседки в ужасе замерли, и, казалось, боялись пошевелиться. Видимо, у них не было никакой уверенности, что это существо не опасно, и они готовы были пожертвовать любым количеством тумбочек, только бы он их не тронул.

— Девушки, — между тем обратился он к ним, — о чем повествует нам карта анализов? Не тревожны ли симптомы? Не падает ли гемоглобин? Не растет ли сахар? Что, скажите мне, наконец, мы лицезреем на рентгеновских изображениях? И, наконец, как вы трактуете последние попытки исламских фундаменталистов сорвать процесс мирных переговоров между Яссиром Арафатом и Нетаньяху?

Девушки, одной из которых было под восемьдесят, а другой — за семьдесят, выразительно молчали.

— А у вас тут мило, очень мило, прямо прелестно, — не унимался Гуревич, — сестры милосердия, э-э, визуально очень и очень нежны. Даже не ожидал, что в преддверии постсоветской цивилизации существуют такие островки умиротворенной грусти.

Я боялась одного: что пожилые женщины, не жалея поломанных конечностей, с криком о помощи бросятся из палаты. К счастью, старушек, похоже, парализовало.

Вернувшись со шваброй, Гуревич кое-как подтер лужу из заначенного моей несчастной соседкой с обеда компота и загнал остатки сухофруктов ей под кровать. Похоже, поход за шваброй удался — Гуревича очень заинтересовал как женский туалет нашего второго травмированного отделения, так и его обитатели.

— Там были, э-э, дамы, — сообщил он мне интимным шепотом, — и, кажется, они, э-э, не ожидали там увидеть джентльмена.

Далее Гуревич сообщил мне последние редакционные новости, более всего наслаждаясь эффектом того переполоха, который возник по причине моей пропажи, то есть пропажи меня. Сказал, что “этот вопрос уже дошел до милиции”, и что все встревожены не на шутку. Поклялся не выдать факт наличия меня на этом свете, с готовностью согласился поливать мамины цветы и получить белье из прачечной, а также оставить Синявскому прощальную записку. Горячо одобрил мое намерение поставить крест на затянувшемся романе с моим, как он идиотски выражался, “другом” и, по совместительству, вампиром и кровососом.

— Подобная развязка, э-э, напрашивалась давно. Думаю, тебе мешал претворить ее в жизнь, э-э, общегуманистический настрой. Но хорошо, что разум все же взял верх над... над... над немотивированным состраданием и пагубной привычкой.

А что — прав, как ни странно. Синявский — это, действительно, моя пагубная привычка. Что-то вроде курения — и тянет, и противно одновременно.

— Но у тебя в доме я же могу, э-э, встретить Синявского. Он мне...э-э, ничего?

— Ничего. Он в командировке, не бойся, — утешила я осторожного Гуревича.

В качестве гостинцев, которые положено приносить в больницы, Гуревич оставил мне две свои последние статьи, одна из которых называлась “Имидж как позитивная форма коррозии личности”, а другая “Нетолерантный монолог”, и удалился.

— Что это было? — с ужасом спросила дежурная сестра, заглянув в нашу палату после его ухода.

— А-а, так, — ответила я, стараясь быть предельно индифферентной.

— Он еще придет? — допытывалась сестра. — Это возможно?

— Если подумать, — сказала я, — на свете нет ничего невозможного.

— А как он, к примеру, улицу переходит? — Видно было, что сестра находится под большим впечатлением.

Глава 4

Перед старшим оперуполномоченным Коноваловым сидели два отвратительных типа, которых взяли при попытке угона автомобиля, и которые уже полгода числились в розыске. Сами по себе они не представляли ровным счетом никакого интереса; все, что наворотили за эти полгода, в МУРе хорошо знали, ибо они везде щедро

оставляли свои следы. Василия же пара заинтересовала только тем, что на чердаке, на котором они проживали, была найдена сумка Сани со всеми документами, бумагами и диктофоном.

Злодеи, разумеется, отказывались от всего: никакой Александры Митиной не знают, сумку нашли на улице, "что наше — то наше, а это, начальник, извини".

Ситуация, честно говоря, была сыщику предельно непонятна. Оба задержанных были хорошо известны четвертому отделу МУРа как мелкие жулики и никак не тянули на серьезных грабителей. МУР никогда бы не стал интересоваться такой мелочевкой, если бы ни заявленная в розыск Саня.

Да, отобрать сумку они могли, украсть ее у зазевавшейся Сани тоже. Впрочем, при ее расхлябанности, это мог сделать кто угодно. Но пойти на серьезное преступление, тем более убийство, в это верилось с трудом.

Как явствовало из статьи, найденной опять же в злополучной сумке, Саня была уверена, что убийца Гарцева — Кусяшкин. Прослушав магнитофонную запись в ее диктофоне, оперативники даже поняли, почему она так решила. Непонятно только, что могло связывать Кусяшкина с этим мелким жульем, и почему они не уничтожили материал и пленку, если охотились за ними. Можно даже предположить, что Иван Кусяшкин нанял кого-то и поручил расправиться с Саней за то, что она узнала что-то лишнее. Но если Кусяшкин для подобных целей использует таких, как эти, он круглый идиот. А на идиота вроде не похож.

Короче, ситуация стремительно заходила в тупик, и Василий решил навестить коварную разлучницу Ольгу Вадимовну Мальцеву, хотя почти не надеялся, что эта встреча даст результат.

Оля, как показалось капитану, его ждала.

— Наконец-то! — сказала она, внимательно изучив удостоверение старшего уполномоченного. — Что ж вы так долго не приходили? У меня — алиби. Наш сосед может подтвердить, что я не вышла из машины, и сразу поехала домой.

— Секундочку. Дойдем и до соседа. А почему вы решили, что я собираюсь вас в чем-то обвинять? — улыбнулся Василий.

— Ха, так мне Люся сообщила, что меня скоро арестуют за убийство Ромы и Марины.

— А сообщила, почему она считает вас убийцей?

— Потому что терпеть меня не может!

— У нас, знаете, действительно большая тяга к тому, чтобы в переполненные следственные изоляторы запихнуть еще кого-нибудь, но не до такой степени, чтобы арестовывать всех, кого Люся терпеть не может.

— Кто ж вас знает! Я решила...

— Давайте по порядку, — перебил девушку Василий. — Что за алиби вы себе придумали?

— Я не придумала! Я ехала к Роме, не отрицаю, и меня подвозил один знакомый, я дам вам его телефон, он живет в соседнем

подъезде, в том, который под аркой. Вот, мы приехали, а там уже "скорая" и милиция. Я даже выходить из машины не стала, испугалась, и попросила Георгия Викторовича, чтоб он отвез меня обратно. И все. А, еще я Марину видела на балконе.

— А почему вы посмотрели на балкон?

— Так у нас было принято. Рома меня всегда встречал на балконе, махал оттуда и шел открывать дверь. Вроде, знак такой, что все в порядке. Он боялся, что Маринка его выследит. Собственно, так и случилось в тот раз, как я понимаю.

— А зачем вы прятались? Если у вас с Гарцевым...

— Так просто. Рома решил жениться, зачем же ему мешать. — Она посмотрела на сыщика укоризненно.

— И вам не было обидно?

— Конечно, нет. Я же не собиралась за него замуж. Ну, просто мы были в хороших отношениях, с ним было приятно, а вы что, будете меня воспитывать?

— Боже сохрани! — Василий замахал руками. — Я просто пытаюсь во всем этом разобраться. Вы говорили кому-нибудь, что собираетесь на встречу с Гарцевым?

— Нет, только маме перед отъездом. Она спросила: "Ты куда?", я ответила: "К Роме".

— А ваша мама могла кому-нибудь об этом сказать?

— Вряд ли. Спросите ее. Но все равно она не знала, где мы встречаемся.

— Хорошо, давайте, Оля, попробуем зайти с другого боку. Вы ведь хорошо знали Гарцева? Он не говорил вам, что чего-то боится, что кто-то ему угрожает? Неприятности, опасения?

— Да что, мы с ним разговаривали, что ли? Нет, никто не угрожал, он не говорил. Нормальный был, веселый. Только жениться не очень хотел, так за это ж не убивают. К тому же он все равно женился бы, а кому какое дело — хотел, не хотел. Главное, результат.

— А почему собрался жениться, если не хотел?

— А кто его знает. Решил, наверное, что пора. Тридцать пять уже. Не знаю, я не спрашивала. Ой, можно я Люсе позвоню? Вы извините.

— Конечно.

Оля бросилась к телефону, и набрала номер.

— Люсечка, — начала она нарочито противным голосом, — представь, никто меня не арестовал. Да. Да. И даже не собирались. Им твои idiotские рассказы только мешают. Отвлекаешь людей от работы. Да. Да, представь себе. Просили передать, чтоб ты им больше не мешала. Кстати, — Оля повернулась к Василию, — спросите мою маму, она сказала, что Рома звонил в тот день и показался ей чем-то расстроенным.

Василий отправился к маме в соседнюю комнату. Олина мама, похоже, была не совсем в курсе образа жизни своей дочери. Гарцева она, во всяком случае, воспринимала почти как Олиного жениха.

— Это была бы такая хорошая партия, — сообщила она сыщнику томным голосом. — Солидный человек, при деньгах, старше Олечки. И вот как...

— Оля говорила, он был чем-то расстроен.

— Да. Позвонил, позвал Олю, я сказала, что она уже уехала к нему, а он так взволнованно спросил: “Давно?” Я говорю “Только что”.

Как бы кстати оказалась эта информация, если бы высвечивалось самоубийство. А так — оперуполномоченный решил, что плохое настроение потерпевшего ни убавить, ни прибавить ясности не может.

— Всего доброго, спасибо.

— До свидания. Оля, проводи гостя!

Но Оля вцепилась в Люсю мертвой хваткой и не собиралась, похоже, разжимать челюстей до полной Люсиной капитуляции.

Пока Василий добирался до МУРа, в свежей почте управления было обнаружено и положено на стол старшего оперуполномоченного письмо от “гражданина России, верного идеалам революции”. Копия, как явствовало из послания, была разослана в редакции “центральных газет”. Надеяться на то, что газеты проигнорируют письмо неизвестного, не приходилось. А писал он буквально следующее:

“Бездействие правоохранительных органов вынуждает нас защищаться самостоятельно и защищать русский народ. Преступники, наводнившие компьютерами страну, наносят колоссальный вред людям, а органы правопорядка закрывают глаза на их злодеяния. Впрочем, это не удивительно, потому что сами прокуроры и следователи оказались под колпаком у злодеев, и воротили компьютерного бизнеса полностью подчинили себе правоохранительную систему, заполонив компьютерами все следственные управления. Зачем это делается? Затем, чтобы можно было их зомбировать и оболванивать государственных служащих. Поэтому нам ничего другого не остается, как защищаться своими силами. Мы спасем и вас, и себя. И пусть знают те, кто встал на преступный путь оболванивания собственного народа, что им не жить! Тем более порочно наживаться на этом! В то время, как люди теряют разум и дети сходят с ума от дебильных компьютерных игр, такие люди, как Гарцев и ему подобные, наживают миллионы долларов и жируют на народной беде.

Гарцев был первым, и это только начало. Мы вытравим эту гадость из нашего отечества, мы освободим народ из заточения компьютерных сетей. Следующей казни ждите на этой неделе!

Патриоты”.

Письмо пришло на Петровку и было расписано МУРу и ФСБ. Но ни Василий, ни Леонид не верили, что за этим “признанием” может скрываться серьезный террор. Не верили, что называется, во вред себе, потому что сейчас для них не было бы большей радости, чем отдать дело Гарцева чекистам.

Василий брезгливо отодвинул письмо безумного патриота в сторону.

— Лён, запроси для очистки совести последние сводки, — попросил он. — Сколько там они компьютерщиков удавили?

— Уже, — широко улыбнулся Леонид. — Ты будешь очень смеяться, но сегодня заявлен в розыск вице-президент фирмы “Дугус”, торгующей компьютерами. Вчера уехал из дома и не вернулся. Ни его, ни машины.

Институт Склифосовского всегда славился длинными и скользкими коридорами, особенно в травматологическом отделении. Зато подоконники на лестнице потрясали своей шириной, и на одном из них я легко уместилась вся, вместе с загипсованной рукой. Сквозь мутное и грязное стекло медицинского учреждения пробивалось солнышко, и я с грустью подумала, что бабье лето и в этом году меня не коснется. Зато — примета верная — как только зарядят дожди, и Москва превратится в сгусток жидкой грязи, меня отсюда выпустят. Стоило мне вожделенно затянуться сигаретой, как прямо передо мной возник до боли знакомый персонаж. Да, конечно, Москва — город маленький, а в Склифе лечатся все и от всего, но все же я не ожидала встретить на этой лестнице секретаршу моего любимого подозреваемого Ивана Ивановича Кусяшкина.

— Алиса?! — простонала я.

— Александра?

— Что вы здесь делаете? — этот вопрос был задан нами обеими одновременно.

Я молча ткнула пальцем в гипс, и этого объяснения оказалось достаточно. Алиса же, страдальчески закатывая глаза, начала таторить:

— Ужас! Просто ужас! Вы представляете, Иван Иванович в тяжелейшем, ну в очень тяжелом состоянии. Просто напасть какая-то! Сначала Роман Владимирович, теперь Иван Иванович. Кошмар! У нас в офисе все в панике, мы не знаем, что и подумать. Все потому, что високосный год, все время что-то страшное случается. Ну, правда, все, кто мог умереть, умерли, остальные — болеют. У вас вот рука, у мамы моей — почки...

— Что, так серьезно? — прохрипела я, придя в себя.

— Да. Последняя колика была очень-очень сильная.

— Да нет, у Ивана вашего Ивановича.

— Да, очень серьезно. Врачи говорят, что не ручаются за его жизнь, вы представляете? Какой-то очень сильный яд.

— Яд?

— Яд. То есть отравы. Ну, химическое что-то. Выпил вечером, и привет. Хорошо еще, что к нему дочка приехала, а то бы точно... ой, не будем вслух произносить, ну, я имею в виду, что умер бы.

Алиса готова была еще долго развлекать меня разговорами, но мое смятенное состояние помешало нам продолжить беседу. Милая Алиса пожелала мне крепкого здоровья, ничем не травиться,

и рука — пусть, в самом деле, срстется. Я заверила ее, что разумеется, срстется, куда ж она денется, на что Алиса любезно возразила:

— Что вы, что вы, знаете, сколько случаев, когда потом хромота остается. — Наверное, Алиса предполагала, что передвигаться с помощью ног мне придется не всегда, хотя я ни разу в ее присутствии на руках не ходила. Впрочем, я ни в чьем присутствии этого не делала. Да что там! Я и в одиночестве не ставила таких экспериментов. Собственно, на этой оптимистической ноте мы и расстались. Я поплелась к себе, она вихрем унеслась вверх к любимому шефу.

— Может, еще живой, — крикнула она с верхней площадки лестницы.

Сам факт того, что Кусяшкин отравился, точнее, пытался отравиться, не вывел бы меня из равновесия. Но сознание, что, может, это я довела человека до такого состояния, ввергло меня в полнейшее уныние. Поразмышляв о том, не отравиться ли и мне тоже, я отмела эту мысль, как несвоевременную, и решила сдать Васе. Пусть лучше он меня удавит, а то самоубийство — самый тяжкий грех. Отдам себя на растерзание опера Василия и тем самым спасу свою бессмертную душу. Прямо сейчас и позвоню.

Нет. Все мои благие намерения проваливаются. Васи нигде не было, сказали: “будет вечером”. А вдруг к вечеру у меня пройдет тяга к самоубийству, и мне уже не захочется встречаться с палачом?

Оперативники ломали головы над тем, как связать убийство Марины Грушиной с патриотом, ненавидящим торговцев компьютерами. Если допустить, что эта бешеная тварь уничтожает не только компьютерщиков, но и их близких, то почему в письме об этом ничего не сказано? Если патриот не врет, и исчезновение вице-президента “Дугласа” и убийство Гарцева — не случайное совпадение, то кто пишет письма с угрозами Кусяшкину? Тем более, что патриотическое письмо было очень непохоже на те письма, которыми пугали руководителя фирмы ВИНТ.

Василий целых полчаса уделил сравнительному анализу писем. Выводы были следующими: патриот и автор писем Кусяшкину — не одно и то же лицо; более того, цели у этих людей разные. Патриот играет на общественное мнение, в то время как кто-то другой старается вывести из равновесия именно Кусяшкина и толкнуть его на необдуманные действия. Этот кто-то знает или предполагает, что Кусяшкин убил своего компаньона Гарцева, но при этом не знает про второе убийство, потому что только человек с очень запутанным воображением может предположить, что убийства Гарцева и его невесты, совершенные с интервалом в два дня, никак не связаны друг с другом.

— Скажи, лейтенант, — спросил Василий у Леонида, — может ли кто-то не знать об убийстве Грушиной?

— А? — Леонид пожал плечами. — Конечно, кто угодно, в газетах — не писали, по телевизору — не показывали.

— Из знакомых Кусяшкина — может кто-то не знать?

— Это вряд ли. Все его знакомые и знакомые его знакомых только об этом и говорят.

— Смотри, ему пишут письма, раскручивают на признание, но — только в одном убийстве. “За убийство”, “по неосторожности”...

— Почему ты думаешь, что не знают о втором? Скорее, считают, что Грушину он не убивал.

— Возможно. Но в письмах это как-то бы прозвучало. “Грушину ты не убивал, мы шьем тебе только Гарцева, но...”, и далее по тексту. А не знать о том, что стряслось с бедной Грушиной, может только тот, кто не имеет никаких контактов ни с ВИН-Том, ни с пионерским штабом, ни с нами, ни с родней Кусяшкина.

— И кто же это? Точнее, где же отсиживается этот шантажист?

— Вот! Вот именно — где! Допустим, вдали от Москвы. Или... в больнице. Леня, я знаю, кто пишет эти письма. Это Саня.

— Ты же не нашел ее в больницах.

— Хорошо спряталась. Умная очень. То есть, дура, конечно.

Василий и дальше с удовольствием развивал бы тему Саниной умственной отсталости, но позвонил полковник Зайцев и порадовал личный состав сообщением о том, что вчера вечером было совершено покушение на Ивана Кусяшкина. На текущий момент он в тяжелом состоянии доставлен в токсикологическое отделение института Склифосовского. Летальный исход возможен, так что полковник оптимистично разрешил сыщикам считать, что “у них уже три трупа”.

— Ты знаешь, дружище, — задумчиво произнес Василий голосом артиста Броневого, — покушений на компьютерщиков мы имеем уже числом три, и я так рассуждаю: не террористическая ли организация?

— Ах, не обнадеживайте меня, группен-фюрер, — заметил Леонид, старательно подражая голосу артиста Тихонова, — ведь если это так, то дело отдадут чекистам.

— Но пока этого не произошло, — голосом Броневого продолжал Василий, — вас, Штирлиц, я попрошу остаться, сесть на телефон, дозвониться до экспертов и выбить из этих тыловых крыс информацию о том, чем траванули нашего фигуранта. Внутренний голос подсказывает мне, что они обнаружат ту же отраву, что у Грушиной. А сам я наведаюсь к Кусяшкину в институт Склифосовского.

— Так девушкам и говорить, если позвонят?

— Да. Говори, что болезнь перешла в острую фазу и потребовалась госпитализация.

— Будете так работать, — раздалось с порога кабинета, — госпитализация потребует вас обоим. Но тебе, Коновалов, в первую очередь.

Полковник Зайцев всей своей грузной персоной вплыл в кабинет и удобно уселся за стол старшего оперуполномоченного. Полковнику хотелось поговорить. Да, Сергей Иванович Зайцев был заботлив, как мама, и безжалостен, как папа. Несмотря на неуклонно приближающийся пенсионный возраст, от которого полковника отделяли считанные часы, Сергей Иванович служебной активности не терял, оборотов не сбавлял, и вел себя так, как будто ему в органах еще работать и работать. То есть он упорно и маниакально требовал от подчиненных раскрытия преступлений. Особенно — убийств.

— Никуда твой полутруп от тебя не денется, — сказал он Василию, — тем более мы около него охрану уже поставили. И эксперты через себя не перепрыгнут, неделю будут пробирками греметь. Давайте-ка, мальчики, подведем итоги. Итак, что мы имеем?

— Мы имеем много версий, — мрачно проговорил Василий.

— Много?

— Четыре. Первая — идейный террорист, убивающий компьютерных бизнесменов.

— Сразу отметай, — приказал полковник.

— Почему?

— Почему — отметай, или почему — сразу? Потому что если маньяк есть, то это не нашего ума дело. Чекисты уже занимаются, вот и славно. Найдут — считай, тебе повезло. Но это не повод прохлаждаться, пока они террориста вычисляют.

— Я — прохлаждаюсь?! Да я... — Василий изобразил на лице смертельную обиду.

— Продолжай. Какая вторая версия?

— Вторая — конкуренты. Бизнес — вещь опасная.

— А Грушина конкурентам зачем сдалась? Тем более, в такой последовательности: сначала — главу фирмы, потом — его невесту.

— Грушина могла знать врагов своего жениха и предполагать, кто убийца.

— Допустим. Третья версия?

— Третья — жена или хахаль жены с целью получения наследства. Алиби нет ни у той, ни у другого. Денег хотят и та, и другой. Они — не профессионалы, и тогда становится понятной вся эта кустарщина — камнем по башке, яд в воду. Была еще четвертая версия — в убийстве Гарцева мы подозревали Кусяшкина.

— Сейчас уже не подозреваете? — ехидно спросил полковник.

— Сейчас подозрения слегка ослабли, — серьезно ответил Василий. — А уж если он не выживет, будем считать, что у него полное алиби.

Сергей Иванович брезгливо поморщился:

— Цинизма многовато.

— Странно для сыщика, специализирующегося на убийствах, правда? — кротко поинтересовался Василий.

— У тебя два трупа? — полковник пропустил очередную хамскую реплику старшего оперуполномоченного мимо ушей.

— Пока два. Но вы велели не мелочиться и считать, что уже три. То есть, вы надеетесь, что Кусяшкин не подведет и за жизнь цепляться не будет.

— Отставить! Я тут шутить с тобой не намерен! — гаркнул полковник. — Объясни, веселый ты мой, почему разрабатываешь только первого убитого, а об этой Грушиной вообще не думаешь? Знаю, потому что считаешь ее бесплатным приложением к Гарцеву. Да?

— Нет. То есть — да. Хотя — нет... — Василий закатил глаза.

— Ну и дурак, — перебил его полковник. — Кстати, я давно уже замечаю у тебя тягу к примитивной логике — как же, убили большого богатого человека, потом — его невесту, значит, думает умный Коновалов, все дело в нем. К тому же, его убили первым, и это, думает умный Коновалов, тоже свидетельствует о том, что вся резня из-за него. А такое простое допущение, что все дела из-за нее, тебе в голову просто не пришло?

— Шерше ля фам, да, Сергей Иванович? А почему, скажите, если дело было в ней, наш убийца взялся за ее бывших и настоящих возлюбленных? А? — Василий уставился на полковника преданным взглядом.

— Вот и разберись. Займись девушкой, я тебе советую.

— Так точно, товарищ полковник, разрешите выполнять?

— Выполняй, родной, и чтоб к завтраму были новости.

Слово начальства — закон. Но перед тем, как поехать на службу к Марине Грушиной, Василий позвонил своему приятелю в ФСБ, работавшему в отделе по борьбе с терроризмом. Тот, как оказалось, звонка из МУРа ждал.

— Записывай, — сказал он. — Кузин Игорь Григорьевич, 1929 года рождения, шизофреник, буйно помешанный. Убежденный коммунист, готовит революцию. Угрожает всем состоятельным людям. Регулярно прокалывает шины всех автомобилей в своем дворе, за что дважды сидел по пятнадцать суток. Как только узнает об убийстве бизнесмена, берет ответственность на себя. Записал? Теперь вычеркивай. К твоим убийствам, капитан, он отношения иметь не может.

— Ты все-таки адресок скажи, — попросил Василий.

— Зря. Время потратишь, удовольствия не получишь. Псих, я тебе говорю. Со справкой.

— Адрес?

— Пожалуйста, если тебе делать нечего.

Старший оперуполномоченный записал адрес и поехал навесить старичка.

Игорь Григорьевич встретил МУРовца радушно, и извлек на свет сорок папок компромата на крупных бизнесменов. В пяти папках были карандашные рисунки, типа комиксов, отражающие разнобразные неприглядные действия известных людей, а также соседа Игоря Григорьевича по подъезду — гинеколога Дуднева, который имел наглость развезжать на собственной новенькой "вольво".

— Давно пора заняться этими субчиками, — радостно потирая руки, говорил Игорь Григорьевич. — Вы посмотрите, что творят!

— Откуда это у вас, Игорь Григорьевич?

— Сам, милый, все сам. Следил за ними, гадами, ночей не спал. Техники-то у меня нет, на пенсию инвалидную живу, приходится с натуры срисовывать. Но здесь все верно, все доподлинно. Все как было, так в точности и срисовал. Так что это все свидетельства. Только в нашем райсуде все купленные, не принимают иск, выгодно раживают этих.

Кузин говорил, говорил, говорил... А Василий ругал себя за недоворчивость. Почему не послушался приятеля-фэсбэшника? Зачем приехал к несчастному инвалиду?

— Если бы милиция ими занималась... Стыдно! Старика заставляете порядок наводить, за бандитами бегать. Стыдно вам, молодым! — Игорь Григорьевич гневался и грозил Василию.

— А убиваете вы их как? — спросил старший оперуполномоченный для очистки совести.

— Так — бомбами.

— У вас есть бомбы? Покажите.

— Были, милый, так все кончились. Вчера только кончились. Но я еще добуду, и пока наши власть не возьмут, буду эту мразь взрывать, имей в виду.

От Игоря Григорьевича сыщик уходил в дурном расположении духа.

Глава 5

Марина работала в пансионе для одаренных детей.

Устроил ее туда Роман, который имел с хозяйкой пансиона Рэне Ивановной Казаковой какие-то деловые отношения. Вообще-то Рэне Ивановна была президентом фонда "Одаренный ребенок". Говорили, что фонд называется так в честь сына Рэне Ивановны, именно поэтому "ребенок", а не "дети", и что, придумывая название для фонда, она собрала в кулак всю свою скромность и сдержанность, потому что на самом деле полагала, что ребенок у нее гениальный. По достижении им, ее сыном Альбертом, семилетнего возраста, Рэне Ивановна со всей очевидностью и горечью констатировала, что в России не существует учебного заведения, которому можно было бы доверить Альберта, поэтому пришлось такое заведение создать. То есть — пробить. Помогли комсомольский напор и комсомольские связи — Рэне Ивановна в прошлой советской жизни, разумеется, была секретарем горкома ВЛКСМ. Она смогла заручиться поддержкой глав двух церковных конфессий и выбить из них благословение, смогла "договориться" с руководителями шести крупнейших банков, а также с театральной и музыкальной богемой, точнее с некоторыми, но ключевыми ее представителями, которые также поддержали идею создания новой элиты. Последней пала московская кибернетическая Академия, под крылом которой Рэне Ивановна планировала создавать свое педагогическое чудо. Академия сдалась практически без боя, но

не под натиском президента фонда и пансиона, а под грузом благоговения знаменитостей.

Марина наблюдала за всем происходившим в пансионе с глубоким недоумением, временами переходившим в ужас. Дети в количестве пятнадцати штук были замечательные, но под чутким руководством Рэне Ивановны за первые три месяца "учебы" они дошли до состояния полной растерянности и дезориентации. Марину больше всего потрясло, что у семилетних детей из благополучных семей за это время успел развиться детдомовский синдром, и всех женщин, работающих в пансионе, от врачей до учителей, они называли "мама". Что касается учебы, то к ней пока не приступали, потому что готовились к торжественному открытию пансиона, то есть целыми днями репетировали. Дело это было настолько сложным, что дата открытия переносилась трижды, причем каждый раз в последний момент. Первый раз перенос состоялся из-за того, что приболел сын Рэне — гениальный Альберт. Второй раз, во время генеральной репетиции, Рэне Ивановна с ужасом узнала, что в программе праздника нет бега в мешках, и открытие опять было отложено, а весь персонал пансиона приступил к изготовлению мешков для воспитанников и гостей. Третий раз открытие перенесли еще на две недели из-за морозов, потому что программа праздника включала в себя шумные мероприятия на свежем воздухе. В тридцатиградусный мороз выгнать детей на улицу не рекомендовали врачи, а Рэне Ивановна ни за что не соглашалась отказаться от уличной части представления.

В тот самый день Марина поняла, что она на пределе, и ее терпение стремительно иссякает. Неделя, в течение которой она шила мешки, добавила ей храбрости, и на педсовете она сказала Рэне Ивановне все: что нельзя так издеваться над детьми, их надо учить хотя бы иногда, что вводить раздельное обучение семи мальчиков и восьми девочек при том, что и санузел, и спальня у них общие — идиотизм, и что если учителям и психологам платят такие деньги, их надо использовать по прямому назначению, а не в качестве масковок-затейников и посыльных.

Педагогический коллектив в ужасе замер, а Рэне Ивановна, внимательно выслушав Марину, задумчиво произнесла:

— Да, этот твой костюм никуда не годится, и на открытие тебя в нем пускать нельзя. Зайди ко мне завтра за деньгами и купи себе что-нибудь приличное.

Марина не нашлась, что ответить — она ожидала какой угодно реакции от властной, вздорной и сумасшедшей президентши, вплоть до немедленного увольнения, но только не такой.

— Она тебя не слушала, — объяснил Марине психолог Юра, — она тебя рассматривала. Так что реакция, хм, вполне адекватная. Для нее, во всяком случае.

Однако психолог ошибся — вечером президентша вызвала к себе директора пансиона Игоря Роговцева, велела ему поговорить с девушкой и узнать, не собирается ли она "свои глупости" распространять еще где-то.

— Мы все силы бросаем на имидж, и нам не нужны сплетни и слухи. Если она ничего не понимает в педагогике, пусть... — и дальше пошел обычный бред, который пансион выслушивал ежедневно.

Игорь держался за свое место, точнее, за зарплату, многократно превышающую жалование директора в обычной школе. Конечно, он мог бы сказать начальнице о том, что абсолютно все сотрудники пансиона в душе солидарны с Мариной, что они просто диву даются, как это Рэне Ивановне удалось пробить проект с пансионом и запудрить мозги стольким уважаемым и известным людям. Вместо этого Игорь произнес:

— Да, понимаю вашу тревогу, Рэне Ивановна. Думаю, все дело в том, что Марина — человек вспыльчивый, и она, как и все мы, устала. Вот и сорвалась.

— Нам тут психопаты не нужны, — перебила его президентша, — мы с детьми работаем.

— Не нужны, точно, — согласился Игорь.

— Вот и хорошо, что вы тоже так думаете. Сделайте так, чтобы этих выходов больше не было.

С Мариной Игорь договорился без труда.

— Ты ж понимаешь, что спорить с ней бесполезно. Не связывайся. Захочешь уйти — уходи, мы вместе придумаем мотивировку.

— Я замуж скоро выхожу, — подсказала Марина.

— Вот! Отлично! Не зли ее, Мариш, с сумасшедшими надо помягче.

— Да, понимаю, детей только жалко.

— Жалко. Но мы-то надеемся, что она наиграется в пансион и отвалит в свой бизнес. Будет изредка только нервы нам трепать. Тогда и дети оклемаются.

Учителя опять занялись репетициями, а Игорь стал избегать Марину и вплоть до самого открытия пансиона ни словом с ней не обмолвился.

А на открытии Рэне Ивановна чуть не набросилась на Марину с кулаками. Пока дети пели песни и читали стихи, все было ничего. Пока именитые гости перед телекамерами произносили торжественные речи о “нашем будущем” и о “силе таланта, который надо оберегать”, все было даже прекрасно. Но во время банкета Марина по неосторожности позволила себе немислимую вольность.

Известный танцовщик, нахваливая детей, посетовал на то, что “дети у вас замечательные, это видно, но что же они такие зажатые?”

Рэне Ивановна не успела ответить, зато Марина танцору возразила:

— Сейчас они совсем не зажатые, обычно они у нас куда скованнее.

Известный композитор, услышав, видимо, только слова Марины и не поняв, о чем, вообще, речь, поддержал разговор следующим образом:

— Да, детей надо воспитывать и держать в строгости. Они хорошие у вас, но очень развязные, наглые.

Потом танцовщик похвалил девочку, которая уже успела прославиться своими эстрадными песенками:

— Голос замечательный, данные хорошие, но зачем она поет такую дрянь? Потом, эти вульгарные ужимки, прыжки...

Рэне Ивановна, будучи женщиной незатейливой и простой, отреагировала на это так:

— Шоу-бизнес требует таких песен, и, знаете, она же нарасхват со своим репертуаром, все время гастролирует, ездит повсюду, такая известность!

На это немедленно откликнулся глава одной из конфессий:

— Как все время гастролирует? А учеба?

Рэне Ивановна охотно выдвинула свою версию происходящего:

— Родители понимают, что дар не вечен, и неизвестно, долго ли она еще сможет так успешно выступать. Они, наверное, хотят заработать деньги сейчас, пока есть возможность.

Жена видного государственного чиновника в ужасе воскликнула:

— Как! Зарабатывать деньги на собственном ребенке?! Какой кошмар! Нет, надо учиться, обязательно надо.

И вот тут Марина опять оплошала:

— Да у нас пока до учебы не дошло, мы все к открытию готовились, так что гастроли не мешали.

В коридоре Рэне Ивановна схватила Марину за грудки и зашипела:

— Ты мне за это ответишь! Я тебе обещаю. Ты еще пожалеешь о том, что вредишь нам! Горько пожалеешь!

Открыв дверь и увидев милиционера, Ирина не удивилась. Даже, пожалуй, обрадовалась. Вдруг ему удастся разрядить обстановку в доме? Лиза целый день рыдает в своей комнате, Алеша сидит у себя, не выходит. Единственный нормальный человек — мама, она не паникует, успокаивает всех, пока, правда, безуспешно.

— Мне бы хотелось поговорить с вашей дочерью, — сказал милиционер.

— Попробуйте. Боюсь, не удастся, — процедила Ирина сквозь зубы.

— Почему? •

— Она очень расстроена, испугалась за отца. Когда она к нему приехала, ей в первый момент показалось, что он уже умер.

— Ничего, мы умеем разговаривать с расстроенными. Но сначала, Ирина, несколько вопросов вам. Правильно я понимаю, что в случае смерти вашего бывшего мужа вы наследуете все его имущество? — Милиционер смотрел на нее наглыми глазами — бестактность собственного вопроса его нисколько не смущала.

— Что вы имеете в виду?

— То самое, что вы подумали.

— Вы хотите сказать, что я их всех убила, чтобы получить наследство?

— Я хочу, чтобы вы ответили на вопрос.

— Нет. — Ирина зло прищурилась. — Я ничего не наследую. Если, не дай Бог, с Иваном что случится, наследниками будут дети.

Милиционер понимающе улыбнулся:

— Опекуном которых вы являетесь.

— На этот вопрос вам может ответить кто угодно. Вам нужно было непременно от меня получить разъяснение? Кроме того, я не из тех, кто наживается на собственных детях и отбирает у них деньги.

— Да. Я в этом и не сомневался. Каждый скажет, что вы прекрасная мать. — Милиционер явно издевался. — Скажите, пожалуйста, где вы были вчера вечером, а также 12 сентября, в день убийства Гарцева, и 14 сентября, в день убийства Грушиной?

— Дома. — Ирина хотела ответить твердо и даже грубо, но голос задрожал.

— Разумеется, одна?

Она не успела ответить. Мама, которая появилась на кухне именно в этот момент, ответила за нее:

— Вместе со мной.

Милиционер понимающе кивнул и поинтересовался:

— Не заходил ли кто-нибудь из соседей, почтальон, сантехник или еще кто? Постарайтесь вспомнить.

— Вы не верите моей маме? — возмутилась Ирина.

— Свидетельство близких не имеет юридической силы, — развел руками милиционер.

— Конечно, для вас было бы лучше, если бы я сидела дома в окружении большого количества чужих людей.

Милиционер кивнул:

— И для вас тоже.

— На что вы намекаете?!

— На то, что только у вас был мотив убить всех троих. Но мотив — это только мотив, и если будет алиби...

Ирина опять взорвалась:

— А вы докажите, что это я! Презумпция невиновности, кажется, еще не отменена, или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. Будем доказывать, а как же. Нельзя ли позвать вашу дочь?

— Сами зовите, она со мной не разговаривает.

— Почему, интересно?

— Не потому, что я якобы убила Ивана. А потому... вот сами у нее и спросите.

— Лизонька, детка, — крикнула в глубь квартиры мать Ирины, — с тобой хотят поговорить из милиции.

Лиза появилась сразу, бледная, с опухшим лицом и красными глазами. Сказала тихим голосом:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Вы нам поможете?

— Да. Только как?

— Расскажите, что вы увидели, когда приехали к отцу.

— Он лежал на полу, скорчившись вот так, — Лиза прижала руки к животу и согнулась, — не шевелился. Рядом валялся телефон, наверное, он хотел позвонить врачу, но не смог. — Лиза всхлинула, было видно, что она изо всех сил старается не расплакаться. — Собственно, из-за телефона я и приехала, я звонила, звонила, все время было занято, а у нас завтра... мы собирались в ресторан, а я узнала, что не смогу, у нас там в школе, ну это не важно, вот, то есть мне нужно было его предупредить, а то он бы поехал специально, а я бы не пришла. И я звоню, звоню...

— И вы поехали к нему, чтобы предупредить, что ваша завтрашняя встреча не состоится?

Лиза кивнула.

— Безобразие, — сказала мать Ирины. — Просто безобразие.

Это было так неожиданно, что милиционер вздрогнул.

— Что?

— Девочка поздно вечером едет к черту на кулички, а там улица не освещается, двор темный. Просто безобразие. А ведь попробуй не пусти, не слушается, "поеду", и все тут.

— Да, — милиционер кивнул, — но она тем самым спасла отцу жизнь.

— Спасла?!

— Возможно. Пока положение критическое.

Лиза закрыла лицо руками и расплакалась. Мать Ирины, между тем, продолжала возмущаться:

— У него так всегда. Таскать детей в рестораны, зачем это? Такие деньги тратить! Лучше бы принес в дом еды, я бы накормила не хуже. А если что меняется, так его не найдешь. Сам никогда не позвонит, не уточнит, могут ли они к нему приехать.

— Так вы же не разрешаете ему звонить! — закричала Лиза, но бабушка ее перебила:

— Она вчера вся испереживалась, не случилось ли чего.

— Так правильно, оказалось, переживала. — Милиционер помолчал, потом добавил: — А вы зятя не любите.

— А за что его любить-то? Дети брошенные...

— Мама! — Ирина решила все-таки пресечь откровения матери. — Хватит!

— Нет, отчего же... — Кажется, милиционер с удовольствием погрузился бы в их непростые семейные отношения, но, к счастью, положение спас Павлик. Он громко завопил в соседней комнате, проснувшись после дневного сна, и женщины бросились к нему. Милиционер поговорил с Лизой еще минут десять и ушел.

— Зачем ты, мама, — сказала Ирина, — зачем при посторонних так об Иване говорила? Что он подумает?

— Что думала, то и говорила. Подлец — он и мертвый подлец, туда ему и дорога.

— Мама! Ну что ты!

— А что? Тебе хорошо, разве? А представь, он бы женился, завел там детей, так про Лизу и Алешу и думать бы забыл.

— Меня могут посадить за убийство.

— Небось, не посадят. Я же сказала, что ты была дома.

— Я и правда была дома. Спасибо. Но они понимают — мать что угодно подтвердит. Даже если бы ты действительно была со мной дома, они все равно тебе не поверят.

— А тебя никто не видел? Клава не заходила?

— Никто не заходил.

— Ничего. Пусть доказывают, пусть ищут.

Надо же как-то представиться. Неудобно все-таки — довела человека до такого расстройствa, не познакомившись, не увидев его ни разу. И я похромала на пятый этаж. У палаты реанимации, в которой лежал Кусяшкин, стоял хмурый детина и сверлил всех маленькими беленькими глазками.

— К кому? — вежливо рявкнул он, когда я сделала попытку протиснуться в дверь палаты.

— Не волнуйтесь, не к вам, — ответила я столь же любезно.

— Минутку, — он схватил меня за локоть. — К кому?

— К Кусяшкину. Я его сестра. У нас принято болеть всей семьей и обязательно лежать в одной и той же больнице.

— Туда нельзя.

— Я только заглянуть.

— Зачем?

— Соскучилась.

Он задумался, хотя было совершенно очевидно, что делать он этого не умеет. Но, видимо, мой облик — больничный халат, рука на веревочке и тапки, которые были мне на восемь размеров велики, пробудил в нем снисхождение к сирым и убогим.

— Пройдите.

Кусяшкин был весь какой-то трубчатый. Трубки торчали у него из носа, изо рта, тянулись к его рукам от капельниц, которых было в избытке. Не успела я прийти в себя от увиденного, как за спиной раздался до боли знакомый голос:

— Преступника всегда тянет на место преступления.

Капитан милиции Василий Феликсович Коновалов стоял в дверях палаты, привалившись к косяку и скрестив руки на груди.

— Хотела добить своего убийцу гипсовым кулаком? Правильно. Пока суд да дело, а сейчас он слаб, беспомощен, самое время вершить произвол.

— Вершат правосудие, а произвол творят, — проямлила я.

— Больше тебе нечего сказать? — Вася отлепился от косяка и сделал шаг вперед.

— Васенька, ну прости меня, дуру, так получилось! Я больше не буду!

— Конечно, не будешь. Я больше близко тебя к МУРу не подпущу. Документы сдашь коменданту.

— Ты хочешь отобрать у меня удостоверение?

— Уже отобрал. Оно, к счастью, оказалось в твоей сумке, которую ты подарила уличным хулиганам.

— Хулиганам?! Да они убийцы и грабители!

— Ну уж. Мелкое хулиганье. Даже не потерянные для общества люди, можно за них побороться.

— Они отобрали у меня сумку и толкнули под машину!

— Я бы на их месте...

— Вася!

— Посуди сама, не сделай они этого, мне бы пришлось трясти тебя за ноги вниз головой, дожидаясь, пока из тебя вывалится удостоверение. Из сумки взять проще, тем более, что тебя и трясти теперь опасно, еще развалишься.

— Грешно смеяться над больными.

— Я не смеюсь, я плачу. Марш отсюда, и чтоб духу твоего не было в этой палате!

Что мне оставалось? Я поковыляла к себе, и по дороге на родной травматологический этаж решила зайти к заведующему травматологическим отделением Михаилу Ивановичу. Познакомиться. То есть — представиться.

Он, в отличие от уroda Васи, мне обрадовался.

— А-а, Галочка, уже ходим? Молодец.

— Ходим потихоньку, Михал Иванович. Только я не Галочка.

Он потер переносицу, достал из стола историю болезни, полистал.

— Сотрясение ищите? — Я мучительно придумывала оправдание. — Дело не в этом. Понимаете, я думала, что меня хотят убить, и спряталась под чужим именем.

— Спряталась? — Михаил Иванович надел очки и внимательно посмотрел на меня. — Ну-ну.

— Правда! Просто испугалась. Но больше не хочу морочить вам голову. Меня зовут Саша, фамилия — Митина. Вот.

Михаил Иванович продолжал смотреть на меня с профессиональным интересом.

— Ну-ка, голубчик, не знаю, как тебя там зовут, иди-ка сюда, я тебя послушаю. Сядь здесь, та-ак, открой рот, та-ак, ага, дай-ка руку...

— Да нет, со мной уже все в порядке. — Я попыталась увернуться от цепких рук доктора. Не удалось.

— Конечно, в порядке. Так-так.. голова не кружится?

— Михал Иванович, там наверху, в токсикологии, в реанимации, мой знакомый капитан милиции. Он вам подтвердит, что я все придумала с другим именем, и объяснит почему. Я вижу, вы мне не верите.

-
- И что же с ним случилось?
 - С кем?
 - С капитаном.
 - С ним — ничего. Он там допрашивает одного умирающего.
 - Ага. Ладно, разберемся.

Возвращаясь в палату, я думала о том, что Вася в отместку с удовольствием может поддержать версию моего безумия. Он ведь такой, мстительный и злопамятный. Мент, одним словом.

Глава 6

Завтра меня выписывают, и это совершенно закономерное явление, потому что погода испортилась, пошли дожди и задули ветры. В окно я теперь не смотрю из принципа. Виталик ликует и уже довольно нагло интересуется, может ли забрать свой сотовый телефон, потому что его “уже торопят.” Пришлось отказать, хотя телефон мне совершенно не нужен. Жмотов воспитывать надо. Этот недоделанный Виталик все две недели моей больничной жизни ныл и скулил из-за своего телефона: “Извините за вопрос, Александра, но каков, по-вашему, будет счет за ваши переговоры?” И морда такая, как будто я выношу из его квартиры последнюю табуретку. Жадные мужчины изобретательны и предприимчивы, им есть, что терять, поэтому они выстраивают хлипкие укрепосоружения, делая вид, что это непрошибаемые логические конструкции. Например, наехавший на меня Виталик позволил себе такой псевдологический пассаж: “Вам ведь, Александра, уже лучше, дела пошли на поправку, значит, и телефон вам, наверное, уже не нужен”. Умен, правда? Общеизвестно, что телефоны более всего нужны людям, находящимся на грани жизни и смерти. Следуя этой логике, Кусяшкину, умирающему двумя этажами выше, телефон сейчас остро необходим. Дашь повальную телефонизацию реанимаций! Короче, Виталик сам меня спровоцировал, и я приняла единственно правильное и принципиальное решение — звонить, звонить и звонить. Оставалось придумать — кому? Васе, что ли? Действительно, позвоню, все равно его на работе застать невозможно.

Вася, вероломно опровергая мои предположения, снял трубку сразу. И даже, как будто, обрадовался:

— Ладно, пора грехи замаливать. Ты с Кусяшкиным хотела проститься, так вот сбегай к нему, поболтай, он уже пришел в себя.

— Сбегай — это сильно сказано...

— Сползай. Мне, собственно, все равно, какой способ передвижения ты выберешь. Разговори его, ты умеешь. Повыясняй, есть ли у него враги.

— Вася, а ты простил меня, ведь правда?

— Потом. Это потом. Все будет зависеть от качества исправительно-трудовых работ. Поняла?

— Так точно. Разрешите выполнять?

— Да. Позвони мне потом.

— Позвоню. (Трепещи, жадный Виталик.) А меня пустят? Там же этот стоит...

— Скажи, что я разрешил.

Амбал, охраняющий палату, сразу поверил, что я “от товарища капитана Коновалова”, и разрешил войти, “только ненадолго”.

Кусяшкин выглядел неважно, но элегантно. Ввалившиеся щечки, серые тени под глазами, скучающий взгляд.

— Иван Иванович, позвольте представиться, меня зовут Саша, и это я послала вам письма.

Кусяшкин посмотрел на меня внимательно, даже голову повернул, что ему было крайне неудобно делать — мешали трубки, которые по-прежнему торчали из носа.

— Зачем? — наконец спросил он слабым голосом.

— Я думала, что вы убийца и что меня тоже хотели, то есть пытались убить.

— Вас? Зачем?!

— После того, как я побывала на фирме, и мне там все рассказали, вечером на меня напали, вот видите? — я постучала кулаком по гипсу, — и я решила, что это вы наняли бандитов, потому что я теперь слишком много знаю.

Кусяшкин прореагировал на мой правдивый рассказ прямо-таки бурно. Он закатил глаза и прошептал:

— О Господи!

— Согласна. Но ведь чего не подумаешь от страха.

— Теперь вы так не думаете? — спросил он и вдруг тяжело закашлялся, из-за чего меня немедленно выставили из палаты.

Васе докладывать нечего, зато знакомство состоялось. Пообещав амбалу у двери зайти вечером, я побрела к себе думать. Нет, не похож Кусяшкин на убийцу, не похож, и все тут. Хотя под капельницей все выглядят более-менее мирно.

Васе я все-таки позвонила, главным образом для того, чтобы уточнить мотивы убийства Кусяшкина. У Васи было три предположения: деловое, семейное и комбинированное. Деловое — все-таки конкуренты, уничтожающие фирму ВИНТ. Семейное — бывшая жена, претендующая на наследство. Комбинированное — сговор конкурентов с бывшей женой. Дети наследуют все, в том числе и ВИНТ, а Ирина Кусяшкина, будучи опекуном, становится подставным директором фирмы. Последняя версия понравилась мне больше всего, разумеется, своей сложностью и замысловатостью. Васе она, напротив, не нравилась совсем, потому что такие убийства не раскрываются, ибо совершаются наемными киллерами. К тому же в эту схему не вписывалась Марина Грушина, и странными выглядели орудия убийства — где это видно, чтобы киллеры пользовались камнями для придавливания квашеной капусты или подмешивали яд в спиртные напитки. Все это пахло экспромтом. Поэтому, стремясь выполнить и перевыполнить план по разорению Виталика, я позвонила бывшей жене нашего больного — Ирине.

— Вот уж не ожидала, — Ирина мрачно усмехнулась, — нами сейчас занимаются совсем другие представители органов.

— Честно говоря, Ира, я вами не занимаюсь, а звоню потому, что чувствую себя виноватой перед вашим мужем.

— Это в чем же?

— Я думала, что он убийца, и писала ему странные письма, которые вряд ли могли его порадовать. Пожалуйста, ответьте на несколько вопросов. Ваш муж выпивал?

— Да.

— Часто?

— Ежедневно. За ужином — грамм сто пятьдесят водки или коньяку. Но только дома. На деловых встречах не употреблял.

— И тогда, приехав вечером домой, он просто ужинал и...

— Выпивал, конечно, свой коньяк.

— А кто, кроме вас, знал, что вечером, придя домой, он обязательно выпьет коньяк?

— А-а, вот вы о чем. Многие знали. В ВИНТе все, я думаю. Уж точно, не хуже меня. Я, как вы понимаете, последние два года не имела удовольствия изучать его привычки. Хотя, говорят, они не сильно изменились.

Говорят. Она даже не боится признаться, что следила за его привычками. И вот тут меня посетила очередная гениальная идея: может быть, убийца — это ее воздыхатель?

Вася подтвердил факт наличия такого воздыхателя, материально, между прочим, весьма скромно обеспеченного.

— Мы его потрясем, но позже, а ты сегодня еще разок навести Кусяшкина, вдруг у него какие догадки появились.

— Вась, а давно у Ирины этот воздыхатель?

— Года два с половиной. Давно это, по-твоему?

— Ужас! Сто лет. А зовут его как?

— Геннадий. Зачем тебе?

— Мне в ВИНТе рассказывали о том, что Ирина завела себе любовника, из-за чего они с Кусяшкиным и развелись. Раз Геннадий, значит тот самый.

Иван Иванович к вечеру выглядел совсем неплохо. У него даже вынули трубки из носа, хотя капельница пока стояла. Меня он встретил, как родную:

— Вот и жертва моя пришла. А чем я вас пытался убить, позвольте спросить?

— Бандитами, я ж вам сказала. Двумя.

— Били?

— Нет, пихали. Сумку отняли, с документами, кошельком и диктофоном.

— Сумку? — он сделал попытку улыбнуться. — Сумку — это мои. Тем более, с кошельком.

— Ладно, я на вас уже не сержусь. К тому же мне поручено вас разговорить и составить список тех, кто мог хотеть вас убить.

— Не знаю. Правда, не знаю.

— А вот, к примеру, возлюбленный вашей бывшей жены, как к вам относился?

— Гена? Никак.

— Но любить вас у него нет поводов, правда?

— Правда. Но и не любить — тоже. Я ему не мешаю, а однажды даже помог. Освободил его возлюбленную от моей навязчивой опеки. Теперь он может ею располагать практически в любое удобное для него время.

— А корыстные побуждения? Он ведь бедный человек. Представьте, если бы вы умерли, все ваше состояние досталось бы вашей жене.

— Да. Ради того, чтобы этого не произошло, стоит жить вечно.

— Кусяшкин принялся ухмыляться и строить рожи каким-то своим мыслям.

— Гм, — я осмелилась-таки прервать его раздумья, — мы, собственно, об убийстве.

— Слабоват он для убийства. Тихий, забитый. Неудачник к тому же. Но если окажется, что он... Хотя, вряд ли. Но если... он ведь в дом к ним ходит. А там Алеша и Лиза. Я тогда детей к себе заберу. А она пусть живет со своим Геной-убийцей, и с младшеньким.

— Вообще-то убийцы, вина которых доказана, у нас, как правило, проживают в отрыве от семьи.

— А, ну да, ну да. Но ведь надо еще доказать, что он убийца.

— Вот именно. Я предлагаю вам взять его с поличным. Поверьте мне, это самый надежный способ.

— Вы мне предлагаете его брать? — Кусяшкин так удивился, что даже попытался приподняться в постели.

— Нет, конечно, — успокоила я его. — Брать будут специально обученные люди, а вас мы еще раз подставим под удар. То есть вы будете приманкой. И когда он опять будет вас убивать, в этот самый момент его и возьмут.

— Спасибо, конечно, за доверие, но нельзя ли придумать что-нибудь менее рискованное. И почему вы думаете, что он придет меня убивать?

— Ну это, как раз, элементарно. Он же хочет вас убить? Хочет.

— Почему вы так уверены?

— Потому что он уже однажды пытался.

— А вдруг он, или не он, ведь неизвестно кто, на этом ограничится? — Кусяшкин явно старался увильнуть от операции по поимке опасного преступника.

— Вот этого-то как раз допустить нельзя!

— Вы думаете? А я бы...

— Нет, нет и нет. Надо вынудить его совершить последнюю попытку.

— Последнюю? То есть — удачную?

— Не обязательно. Мы постараемся этого не допустить.

— Постараетесь, ага... А как?

— Убийце нужно от вас избавиться с целью завладения вашим имуществом. Так?

— Допустим.

— Значит, нужно пустить слух, что вы распродаете все свое имущество, потому что испугались и собираетесь уехать за границу. Навсегда. Тогда никто не сможет завладеть вашим имуществом, которого, впрочем, уже не будет, если вы его продадите. Заберете денежки и отвалите за рубежи отечества.

— Я?!

— Ну не я же! На меня, конечно, тоже покушались, но, в отличие от вас, не из-за многочисленного имущества.

Кусяшкин, наконец, понял меня и даже внес свою лепту в построение ловушки для убийцы Гены.

— Давайте тогда скажем, что я уже отдал материалы на экспертизу.

— На какую экспертизу?

— На генетическую. Как же вы не понимаете? Если я точно узнаю и смогу доказать, что младший сын Павлик — не мой ребенок, Ирина решит, что я буду меньше помогать ей и расскажет обо всем своему Гене. А он постарается побыстрее со мной разделаться.

— Он и так постарается побыстрее. Ему нужно вас убить до продажи имущества, иначе что наследуют ваши дети? Деньги, полученные в результате продажи, ищи-свищи потом.

— Отлично. Давайте. Только про экспертизу тоже скажем, ладно?

— Кстати, какие материалы вы отдали на экспертизу? — полюбопытствовала я.

— Там годится любой биологический материал. Кровь, волосы, ногти. — Чувствовалось, что Кусяшкин хорошо подготовился к вопросу.

— Откуда у вас кровь, волосы, ногти невинного младенца?

— Из детского сада. Куда-то они там его водят, в какое-то дошкольное учреждение. Скажем, что я подослал своего человека, и он отрезал волосок.

— Ладно, скажем. Только мне теперь надо договориться с капитаном Коноваловым. Будем надеяться, что он наш план одобрит. И в засаде посидит.

— Да, пожалуйста, — обрадовался Кусяшкин, — пусть обязательно посидит в засаде. И пусть, если можно, будет повнимательнее.

Капитан одобрил. Распускание слухов велел проконтролировать. Наивный человек — завтра Кусяшкина навещает Алиса, и для того, чтобы нужный нам слух охватил широкие слои населения, более сильного и надежного средства придумать невозможно. Что касается меня, то я намеревалась покинуть стены гостеприимного института Склифосовского еще до прихода этой милой девушки. Пусть уж сами.

То, что главным конкурентом прославленной фирмы ВИНТ была фирма ГСМ, старший оперуполномоченный узнал без труда, ибо об этой коммерческой тайне говорил весь околосекторный мир. Проверку ГСМ Василий решил поручить своей “младшей”, то

есть последней жене. Капитан Коновалов женат был трижды. Первая жена Ксюша работала врачом скорой помощи, так что к расследованию убийства Гарцева — Грушиной ее привлекать было бесполезно. Вторая жена Алла Михайловна по профессии была психологом, а Василий считал, что представитель столь странной профессии не то что следствию, а вообще никому и ничем помочь не может. Зато последняя жена Елена трудилась на ниве выколачивания налогов из тех, кто уклонялся от конституционной обязанности их платить. Бюджет, благодаря стараниям Елены Коноваловой, в девичестве Мухиной, пополнялся активно, а потому и карьера ее складывалась удачно: в свои тридцать лет бывшая жена старшего оперуполномоченного имела должность начальника отдела налоговой полиции. И сведениями, порочащими компьютерные фирмы, должна была располагать по долгу службы.

Когда Василий набрал номер телефона Елены, в дверях появился известный телепат полковник Зайцев.

— Старшенькой своей позвони, — велел он. — Пусть конкурентов пощупает по своим налоговым каналам.

— По налогам у меня младшенькая, — холодно поправил начальника Василий.

— Ладно, младшенькой, — добродушно согласился Сергей Иванович. — Немудрено запутаться в толпе твоих жен. Вот в мирное время тебя с такой анкетой близко к органам не подпустили бы.

— Товарищ майор, разрешите обратиться? — Василий, наконец, дозвонился в налоговую полицию.

— Обращайтесь, капитан, — устало, но снисходительно разрешила Елена.

— Всем известна твоя доброта. Помогии бедному оперу, родная. Надо бы фирму одну проверить.

— Вот сейчас я все брошу...

— Ты посмотри, у вас наверняка по ней что-то есть, — ныл Василий жалобно.

— Не знаю, не знаю. Что за фирма-то?

— Компьютерная. ГСМ-групп.

— Есть, как же. Но ничего такого.

— Такого и не нужно. Мне интересно, насколько они не поделили рынок с компьютерной фирмой ВИНТ, какого рода противоречия, пытались ли договориться и какова динамика продаж. Конфликтов хочу. Допустим, у одних все резко похужело, а у других — поперло. Или каким-то новым компьютером они конкурентов сильно потеснили.

— Хорошо, сделаем. Завтра позвони.

К вечеру следующего дня Елена выдала Василию пухлую папку с красивым названием "Данные на ГСМ", из которой Василий узнал, что в тяжелой рыночной схватке ВИНТа с ГСМ по объему продаж уверенно лидировал ГСМ. Правда, у ГСМ вырос большой зуб на ВИНТ после того, как к нему "уплыл" заказ Нефтепрома, за который ГСМ бился несколько месяцев.

Надо было выяснить, насколько далеко зашло недовольство руководителей ГСМ руководителями ВИНТа, и Василий решил не мелочиться, а обратиться за консультацией прямо к президенту ГСМ Сергею Александровичу Шуляеву. Последний к перспективе встречи с капитаном МУРа отнесся, мягко говоря, без восторга.

— Да? Капитан? Как? Василий Феликсович? В таких случаях положено говорить "очень приятно", но если вы не будете настаивать, то я не буду врать. Надо побеседовать? Надо так надо. Вы сами приедете или повестку пришлете?

— Зачем же повестку? Приеду. С детства, знаете ли, мечтал побывать на хорошей компьютерной фирме, взглянуть, так сказать, на святая святых этого... как его... — Василий запнулся и задумался, святая святых чего может быть на подобном предприятии.

— Понимаю ваши осложнения. — Шуляев расхохотался. — Святая святых, по моим сведениям, располагается в культовом учреждении — все стены завешаны. Могу дать адресок. Вы, пардон, не верующий, капитан? А то ведь, не дай Бог, травмируешь доблестную милицию богохульством.

— Где ж вы видели неверующего милиционера? — Василий никогда не пренебрегал возможностью порезвиться с подозреваемыми. — А уж в розыске — так просто религиозные фанатики все.

Собеседники остались довольны друг другом, а потому решили встретиться и побеседовать немедленно. Через сорок минут Василий уже утопал в огромном кресле, которое украшало, наряду с другими дорогостоящими предметами интерьера, кабинет директора ГСМ.

Разговор с хозяином кабинета старший оперуполномоченный начал, как и положено, издавдалека. А именно, поведал Сергею, что над ним в лице маньяка-патриота нависла смертельная угроза. Шуляев, будучи по природе человеком веселым, воспринял все это неадекватно.

— Да, расстроили вы меня, — говорил он, давась от смеха. — И испугали. Страшно стало жить на свете — везде маньяки. Придется врезать новый замок в дверь, а то ведь не ровён час...

— Но Гарцева-то убили, и Кусяшкина пытались, — напуская на себя взволнованность, заметил Василий.

Шуляев волнение гостя заметил, но остался по-прежнему спокоен.

— Это их проблемы. Рома был без царя в голове, да и от дел он в последнее время отошел.

— Ну, маньяк мог этого и не знать, — гнул свое Василий.

— Да какой там маньяк? Что вы! — упорствовал Шуляев.

— А кто же, по-вашему?

— Вот этого не знаю. Я с ВИНТовскими мальчиками только по делам пересекался. Иван — да, деловой человек, серьезный, ничего не скажешь, а Рома — так. — Шуляев пренебрежительно махнул рукой.

— Но, согласитесь, если пытаются убить, причем не без успеха, обоих руководителей фирмы, начинаешь подозревать, что их общий бизнес имел к этому отношение.

— Конечно, — согласился Шуляев.

— Вас не поймешь.

— Что ж тут непонятного? Я соглашаюсь, что подозревать начинаешь. Но не все подозрения подтверждаются. Помимо бизнеса у них было множество общих интересов, они дружили с детства, женщин все время делили.

— Скажите, какая осведомленность о конкурентах! — одобрительно заметил Василий.

— А как же. Впрочем, не исключаю и бизнес, с бандитами не договорились, например. А нас, вроде, убивать не за что.

— Так не бывает. Убить всегда есть за что. — Василий счел своим долгом развеять заблуждения директора ГСМ. И для убедительности повторил: — Всегда.

— Нравится мне наша оптимистичная милиция. Ну, вам виднее. Только маньяка выбросите из головы, до добра эти мысли не доведут. Скажу вам, как рентгенолог рентгенологу...

— А я вам скажу, — перебил сыщик, — что маньяки на свете бывают, и еще какие. И многим весельчакам, вроде вас, жизнь испортили.

— Ладно, маньяк так маньяк. Мне такая дурная версия только на руку. Куда было бы неприятней, если бы вы нас, скромных представителей среднего бизнеса, заподозрили в убийстве конкурентов.

Василий остался доволен поездкой в ГСМ. Шуляев, поломавшись для приличия, рассказал ему множество интереснейших баек про Кусяшкина и Гарцева, про их амурные дела. Не исключено, что прав полковник Зайцев, — думал оперуполномоченный, покидая гостеприимную ГСМ, — предлагая сосредоточить оперативное внимание на Марине Грушиной. Такие там страсти-мордасти, что мало не покажется.

Глава 7

Ирина сидела на кухне, обхватив голову руками, и не то чтобы плакала, а скорее, стонала. Она впала в это состояние после того, как позвонила Маша Цигина, ее приятельница из ВИНТа, и рассказала о том, что Иван продает фирму, квартиру и дом. Уезжает в Америку, потому что после смерти Ромы и Марины не хочет иметь "ничего общего с этой страной". Маша, хотя и изображала сочувствие, не могла скрыть злорадства:

— Как же ты теперь, Иришка? Он ведь канет туда, ищи-свищи... Это сейчас он такой трепетный отец, а, как у мужиков бывает, с глаз долой — из сердца вон. О детях и думать забудет.

Да! Да! Да! Все правда! Так все и будет. Пока он здесь — все решаемо, а уедет, и она останется одна. Ирина вдруг поняла, что все эти годы она не была окончательно брошенной женщиной. Он ушел, но во-первых, она надеялась его вернуть, а во-вторых, он всегда рядом, и оставалась некая надежность даже в их плохих отношениях. Она знала, что может рассчитывать на него, и никогда не чувствовала себя одинокой женщиной с тремя детьми.

Ирина позвонила Гене. Нет, Гена ее не понял, а, наоборот, обрадовался:

— Слушай, пусть он старших возьмет с собой. А мы с тобой поженемся.

— Как — возьмет? Ты что говоришь? Это мои дети! Я их не пушу!

— Зря. Они уже взрослые, и они к тебе будут приезжать. Ты же боишься, что твой Иван детей бросит, забудет? А так, если они с ним будут, не забудет ни за что. Вот и пусть.

— Нет! Никогда!

— Ну нет, так нет. — Гена, как всегда, был миролюбив. — Я тебе это просто как вариант предлагаю. А потом, может, он вам много денег оставит, уезжая.

— Сколько это — много? А если не оставит?

— Ну, придумается что-нибудь.

— “Придумается”! — Ирина злобно передразнила Гену, пытаясь повторить его протяжные интонации. — “Придумается”... Кто придумывать-то будет?

Гена, конечно, был ни при чем, но на кого-то ей нужно выплеснуть свою злость. Мама тоже расстроилась и тоже предложила договориться с Иваном о деньгах.

— Пусть оставит.

— Мам, что значит “пусть”. Я же приказать ему не могу. Только попросить.

— А ты попроси. Скрой гордыню-то. Вот он болеет, сходи к нему, проведай, домашненького отнеси, пожалей. А как же?

— Ах, ах, ах! Ты ж его терпеть не можешь. А сходить-принести советуешь.

— Да, не люблю. Так не ради ж него. Чтоб дети сиротами не остались. Чтоб было им на что хлеб-соль купить. Сходи, не развалишься.

Ирина уже почти согласилась, но опять позвонила Маша.

— Ир, Алиса говорит, что он в детсад к твоему Павлику послал шофера, и тот взял с его шапки волосок для экспертизы.

— Что-о?!

У Ирины в буквальном смысле подогнулись ноги, и она стала медленно оседать на пол.

Мой приход в редакцию произвел фурор. Синяки особенно понравились девушкам, гипс — мужчинам. Меня щупали, трогали, стучали по гипсу карандашами и ковыряли его ножницами.

— Санечка, — томно, с придыханием и, особенно выделяя звук “ч”, сказал мне начальник отдела иллюстраций, шестидесятивосьмилетний Марк Семенович, — в жесткой оболочке вы стали еще сексуальнее.

Что касается моего непосредственного начальника Александра Ивановича Полуянова, то он моих увечий просто не заметил. Подумаешь, рука в гипсе! Он же здесь посажен не затем, чтобы меня рассматривать. Он здесь для дела посажен! Во всяком случае задания,

которые он мне выдал в переполненном объеме — куда “сбегать” и что “разнюхать”, предполагали немалую как мобильность, так и подвижность.

— Дописывай уже свою бодягу с ВИНТом, — мрачно велел шеф, — а то ты неприлично затянула это дело.

— Ладно, — согласилась я, со скрежетом почесывая гипсом голлову.

— Твой бред насчет ограбления адвоката вышел в прошлом номере. Видела? — продолжал шеф.

— Видела.

— И как?

— Я его читала, когда, так сказать, над ним работала.

— И как?

— Ну, бред, он и есть бред.

Мне было велено сходить на редколлегию и раздобыть хронику происшествий прошедшей недели.

Редколлегия в тот день была многолюдной и бурной. Накануне, в прошедшую пятницу, отмечался день рождения Марка Семеновича, где к водке подавали квашеную капусту и соленые опята, по поводу вкусовых качеств которых Марк Семенович всем проел плешь: “Чудесные грибочки, сам собирал, сам солил — с чесночком, с укропчиком, сейчас так уже не умеют, они ведь что, плюхнут пуд соли в банку и думают, что так можно, а я по старой рецептуре, мне возиться не лень, гриб — дело благородное, его портить грех...” и т.д. и т.п. Так вот, опята оказались пересоленными, и их пришлось промывать над ванной, в которой раньше, до научно-технического прогресса, сотрудники отдела иллюстраций промывали снимки. Технология изготовления фотографий для газетных иллюстраций сто лет, как изменилась, а ванна в отделе осталась. Она считалась историческим памятником и служила емкостью для охлаждения бутылок и арбузов. Все бы обошлось, если бы кран над этой ванной не тек уже второй год. Закрывать воду было просто невозможно, но поскольку затычки в ванне сроду не было, вода как втекала в нее круглосуточно, так же круглосуточно из нее и вытекала. Беда случилась из-за гриба, который выпал из дуршлага и широкой шляпкой закрыл слив. Во время самой пьянки этого никто не заметил — вода из крана текла тонкой струйкой и прибывала, зараза, очень медленно. Однако за прошедшие после пятницы субботу и воскресенье вода не просто дошла до краев ванны, но и залила все пространство фотолаборатории. Строго под отделом иллюстраций на четвертом этаже нашего пресс-здания располагался кабинет главного редактора газеты “Финансы и бизнес”, и, что приятно, этот самый кабинет за неделю до дня рождения Марка Семеновича был капитально отремонтирован. Когда главный редактор “Финансов” Николай Павлович Крутой пришел на работу в понедельник, на его рабочем столе поверх бумаг лежала прекрасная итальянская лепнина, а с того, что раньше было потолком, шел дождь, ковер дышал

влагой, то есть был покрыт мутным раствором глубиной в шесть сантиметров, что трудолюбиво замерили подчиненные Николая Павловича.

Редколлегия прошла под девизом: "Кто и сколько должен платить?" Обсуждались также вопросы, каков персональный вклад Марка Семеновича в это безобразия, насколько виноваты сантехники, которые не только не чинили текущий кран годами, но и не выбросили "устаревшее оборудование" в виде ванны, а также решительно осуждался факт пьянки в редакции всеми, кто в ней, в силу непонятных причин, не участвовал.

Марк Семенович придерживался версии, что он, конечно, виноват, но он и не виноват, потому что "те, кто портил такие замечательные грибы промыванием, просто варвары", а сантехники, конечно, "просто бездельники, их никогда не дозовешься". Участники пьянки стояли на том, что "а как же не отметить день рождения, не люди, что ли?" и "есть грибы, которых в банке в пять раз меньше, чем соли, попробовали бы сами".

Короче, решение принято не было, если не считать того, что все, замеченные в промывании грибов над ванной, были направлены на уборку мусора в кабинет Крутого.

Лида Мещерякова из отдела общества, которой тоже предстояло принять участие в субботнике, схватила меня за руку и потащила с собой.

— Поболтаем, пока я буду переодеваться. Синявский приходил пять раз, — говорила она, стаскивая через голову платье, гораздо более подходящее для коктейлей, чем для уборки мусора. — У тебя ничего простенького здесь нет? Свитера или халатика? Орал, ногами топал. Меня чуть не убил. Хороший он у тебя, тьфу, зацепилось, посмотри, что там... Да, тебе тоже обещал райскую жизнь, сказал, что просто так ты от него не отделаешься, убьет обоих. Сань, загляни к Аське, а то я уже голая, попроси у нее маечку. У них в шкафу валялись какие-то тряпки.

— Кого "обоих" он убьет?

— Тебе какая разница, кого еще. Главное, что среди них есть ты.

— Но людей-то жалко.

— Принеси маечку, будь человеком.

Я принесла Лиде грязную майку из секретариата, и в тот момент, когда она брезгливо ее осматривала, появился Савельченко. Странного в этом не было ничего — у него удивительный нюх на голых женщин. Стоило кому-либо из наших девиц начать примерять колготки или лифчик, неизменно распахивалась дверь, и появлялся Вячеслав Александрович Савельченко, начальник коммерческого отдела. Редакционные девушки к этому давно привыкли и стеснения в подобных ситуациях не испытывали никакого. Лидино поведение было лучшим тому доказательством.

— Вот, — мрачно сказала она Савельченко, как только он возник на пороге, — вот скажите, Вячеслав Александрович, можно такую гадость на себя надевать?

— В принципе, для мытья полов — самая подходящая одежда, — заметил Савельченко, — только советую вам снять французское белье.

— Во-первых, оно английское, — ответила Лида, — а во-вторых, другого белья у меня здесь нет. А-а, ладно. — Она натянула на себя майку и отправилась в “Финансы и бизнес”. И тогда Савельченко обратил внимание на меня, хотя смотреть было особо не на что — я была не просто одета, а одета сверх всякой меры.

— Здравствуйте, Александра. — Он медленно прошел через комнату и сел напротив меня. — Скучал. Ждал. Надеялся.

— На что? — мрачно спросила я.

— Все на то же. Вы же знаете, Александра, много мне от вас не надо. Просто знать, когда вы будете моею.

Я виновато развела руками:

— Боюсь, в ближайшее время не получится.

— Дела?

— Да.

— Но ведь каждый человек имеет право на отдых, — доверительно сообщил Савельченко.

— И отдых распланирован.

— Весь?

— Весь.

— Тогда так поступим: я жду вашего ответа в течение недели, а потом перехожу к решительным действиям. — Он встал и аккуратно придвинул стул к стене.

— Вы меня пугаете, Вячеслав Александрович?

— Боже сохрани! Ставлю в известность. Предупрежден, значит вооружен, не так ли? — Он отвратительно улыбнулся. Я уверена, что так улыбаются крокодилы перед тем, как сожрать свою жертву.

— Не так. У меня, если я вас правильно поняла, нет выбора?

— Вот именно. Хотя выбор всегда есть, главное — не ошибиться. Кстати, мы сейчас меняем компьютеры в отделах. У вас, кажется, старый и плохой?

Фу, какая дешевка! Я даже взбодрилась после столь щедрого жеста.

— Спасибо, меня устраивает мой, я привыкла.

— Но мы меняем всем.

— Тогда зачем спрашиваете? Всем так всем.

Однажды Савельченко столкнулся в нашей комнате с Синявским. Беседовали они довольно долго и, я бы сказала, понравились друг другу.

— Новый сотрудник? — строго спросил Савельченко.

— Никак нет, — гаркнул Синявский. — Старый сотрудник другой газеты.

— Кем же вы, если не секрет, приходитеесь нашей очаровательной Сашеньке? — поинтересовался Савельченко.

— Я прихожусь ей поддержкой и опорой, — со свойственной ему скромностью ответил Синявский.

— Даже так? — как бы удивился Савельченко. — И что, серьезные намерения?

— Вы хотите спросить, собираюсь ли я на ней жениться? — Синявский временами бывал омерзительно прямолинеен.

— Я, знаете ли, как деловой человек, считаю, что все, подлежащее регистрации, должно быть зарегистрировано. Мало ли что, знаете ли, — пояснил Савельченко.

— Вот, уговорите девушку, а то ей все некогда, и к священному институту брака она относится без должного рвения, — пожаловался Синявский.

— Будете уговаривать? — спросила я не без интереса, хотя сам по себе их разговор меня тревожил.

— А как же! — Савельченко уселся поудобнее и в течение получаса излагал мне преимущества замужней жизни, а также свою вольную трактовку женской природы, тяготеющей к замужеству, как важнейшей стадии самореализации, ибо женщины, в отличие от мужчин, стремятся... И так далее, и тому подобное.

— Ладно, уговорили, — сказала я, когда он в очередной раз сделал паузу, чтоб набрать воздуха для следующей идиотской тирады. — Вы так убедительно говорили, что мне ничего другого не остается, кроме как выйти замуж за первого встречного.

— За кого? — переспросил Синявский, намекая на то, что я опять брякнула глупость. — И где ты собираешься его встречать?

— Не волнуйтесь, юноша, — усмехнулся Савельченко, — учитывая, что нас здесь двое, думаю, вы как минимум один из двух первых встречных.

— Грустно быть случайным встречным и одним из двух, — весело заметил Синявский, — хочется быть единственным, и не встречным, а найденным.

— Где же мне тебя искать, — спросила я, — если ты уже сам нашелся?

— Спрячьтесь, а Александра вас поищет. Она девушка упорная, так что в любом случае найдет, и вы станете и встречным, и найденным, так что удастся убить сразу двух зайцев, — посоветовал Савельченко.

— Да. — Синявский разыгрался не на шутку и немедленно залез под стол. — Саня, найди меня, я здесь! Где ты? Найди меня, найди!

В этот момент появился шеф. Синявский продолжал орать, настаивая на том, чтобы я проявила смекалку и сообразила, наконец, где же "любимый первый встречный".

Шеф с минуту послушал его крики и мрачно посоветовал мне поискать моего любимого вот под этим столом, а также предположил, что "у него там, видимо, какие-то проблемы". Синявский вылез, нисколько не смутившись, а Савельченко, напротив, смущенно развел руками, что, мол, поделаешь, молодежь балуется.

На следующий день Савельченко заметил, что вообще-то против этого конкретного юноши он ничего не имеет, но лично ему ка-

жется, что я заслуживаю большего, и если уж мне так важно непременно выйти замуж, то он готов это обсудить.

Я сказала, что еще слишком молода как для замужества, так и для долговременных отношений.

— А для кратковременных? — быстро спросил Савельченко.

— А кратковременные ниже моего достоинства, — ответила я.

Вообще, этим разговорам не было конца, и временами, в минуты сомнений и тягостных раздумий, я сама себе казалась жалкой мышью, томящейся в мышеловке, причем хвост мой был варварски придавлен.

Пансион для одаренных детей произвел на старшего оперуполномоченного странное впечатление. Возможно, место для санатория “Лес” в поселке Николиха, на территории которого располагался пансион, было выбрано удачно, возможно, природа в этом уголке Подмосковья была прекрасной, но сейчас, в конце сентября, оценить это уже не представлялось возможным. Деревья облетали, трава трудолюбиво вытоптана, и единственным украшением детской площадки была огромная песочница, которая вряд ли интересна детям хоть и младшего, но все-таки школьного возраста.

Одаренные дети мрачно слонялись по пустому двору в ожидании обеда, некоторые из них вяло собирали кленовые листья. Дежурная воспитательница призывала их предаться подвижным играм. Дети на призывы не реагировали. Василия воспитательница встретила вежливым вопросом: “Как это вы проникли на территорию, мужчина?”, на что он ответил прямо и честно: “Через ворота”. Внимательно изучив удостоверение сотрудника милиции, воспитательница разрешила Василию проследовать к директору. По дороге сыщика поразило роскошное убранство пансиона — в холлах стояли кожаные диваны и столики из красного дерева, инкрустированные мрамором. В стенах детского учреждения они выглядели дико. Над некоторыми холлами висели таблички “Игровая”, но ни одной игрушки старший оперуполномоченный там не заметил, из чего сделал вывод, что дети здесь играют в диваны и столы.

Директором пансиона оказался молодой человек, которому Василий тоже попытался предъявить свое удостоверение, но безуспешно. Директор смертельно побледнел, замахал руками и с криками: “Что вы, что вы, я вам верю”, выбежал из собственного кабинета. Вернувшись через несколько секунд, он извинился и представился: “Роговцев. Игорь. Можно без отчества”. Старшему оперуполномоченному поведение директора пансиона не то чтобы не понравилось, но показалось не совсем обычным. Во всяком случае подозрения полковника Зайцева о том, что в окружении покойной Грушиной что-то не чисто, стали приобретать вполне зримые очертания.

— Нет, не думайте ничего такого. — Этими словами Игорь начал разговор с капитаном. — Марину здесь любили, и даже очень.

Да, она иногда критиковала учебный процесс, ну так что ж? Она никуда не сообщала эти сведения...

— Сведения?

— То есть свои соображения. Понимаете, она — учитель молодой, пришла из обычной школы, с одаренными детьми раньше не работала, и, конечно, ей многое казалось странным.

— А остальные учителя пришли из необычных школ? — уточнил Василий.

— Тоже из обычных, но у них опыта побольше. Она, собственно, просто душой радела за дело. Вот. — Игорь с каждым словом становился все бледнее и несчастнее.

— А что же ей казалось странным?

— Не помню. То есть, это не важно. Это чисто педагогические споры — как учить, чему учить. У президента фонда, при котором образована школа, есть четкая концепция развития, а Марина исходила из немного других установок.

— Например?

— Например, она не одобряла бег в мешках.

— Что? — Василий забеспокоился, в своем ли уме его собеседник.

— В программе праздника по случаю открытия было предусмотрено такое развлечение, для смеха, понимаете?

— Понимаю. И что же она имела против бега в мешках?

— Наверное, ей самой такое развлечение не нравилось.

— Ну так не бегала бы, какая проблема, — пожал плечами сыщик.

— Нет, у нас так нельзя. Все должны. Праздник-то для всех, все и должны развлекаться.

А веселенькое у них здесь местечко, — подумал Василий.

— Постойте, Игорь, давайте поговорим серьезно. Убили человека, вашу коллегу, и мы пытаемся выяснить, не было ли у нее недоброжелателей, врагов, не было ли людей, имевших причину желать ей смерти.

Директор переменился в лице, страшно вытаращил глаза и заорал истошным голосом:

— Я вам не позволю! Оставьте ваши грязные намеки! Как вы смеете?! Думаете, я не знаю об этих ваших милицейских штучках?!

Василий улыбнулся своей прославленной недоброй улыбкой и приготовился слушать дальше.

Директор, между тем, продолжал орать:

— Я обо всем доложу нашему начальству! Имейте это в виду! И не буду разговаривать с вами без адвоката!

— Вы служили в армии? — спросил Василий.

— Что? — Директор растерялся. — Что вы сказали? А при чем тут...

— Я спросил — вы в армии служили? Знакомая терминология: "Я обо всем доложу". Или у вас тут армейские порядки?

— Опять?! Без адвоката, я сказал...

— Но я ведь не предъявил вам никакого обвинения. Зачем вам адвокат? Я, по наивности своей, просто надеялся, что вы, как законопослушный человек, к тому же педагог, захотите оказать следствию посильную помощь. В этом нет ничего опасного для вас, но вы могли бы помочь нам найти убийцу. Или вы предпочитаете, чтобы серийные убийства оставались нераскрытыми? Что ж, у каждого свои увлечения, я понимаю. Хотя, странно, согласитесь, что директор знаменитого пансиона любит убийц и поощряет рост преступности.

— Да с чего вы взяли?

— Да с того, что от моих вполне невинных вопросов, которые мы задаем всем, знавшим покойную, вы впали в истерику.

— Всем?

— Всем, кто знал Грушину. И никто не реагировал на это так, как вы, представьте. — Старший оперуполномоченный перестал сюсюкать и разговаривал с директором предельно жестко. Как правило, резкая смена тона при ведении допроса, резкий переход от ласковых интонаций к ледяным давал хорошие результаты. И директор пансиона тоже стал спокойнее.

— Хорошо, я готов отвечать. Нет, в нашем пансионе у нее врагов не было. Наоборот, все были страшно расстроены тем, что с ней произошло.

— Это понятно. Но все-таки расскажите поподробнее, что за разногласия были у нее с руководством.

— Нет! — Директор опять впал в ступорное состояние. — Это неважно! Считайте, что мелкие педагогические споры. Из-за этого не убивают.

— Из-за разговоров о мелких педагогических спорах так не психуют, гражданин Роговцев.

Услышав слово “гражданин”, директор потерял последние остатки вменяемости. Он трясся, потел, едва сдерживал слезы, но ни на один вопрос не дал вразумительного ответа. Но по-настоящему Василий удивился тогда, когда столь же замкнутыми и нервными оказались все остальные сотрудники пансиона, которых удалось застать на рабочих местах. Они все прятали глаза, краснели, нервно курили, горячо уверяли, что отношения в их коллективе на редкость хорошие и что Марина Грушина была всеобщей любимицей, а также, пряча глаза, недоумевали, зачем милиция нервнует их всех и каждого в отдельности.

Глядя на их ужимки и прыжки, на их бегающие глаза и дрожащие руки, старший оперуполномоченный ни секунды не сомневался, что они все врут и что-то скрывают. Знать бы только — что.

Вернувшись на Петровку, Василий обнаружил на своем рабочем столе записку угрожающего содержания, написанную, к тому же, красным фломастером:

“Срочно к полковнику!”

После посещения пансиона для одаренных детей Василию хотелось общения с нормальными спокойными людьми, ему хотелось

тишины и уравновешенности. Полковник Зайцев в принципе подходил для этой цели, но только не сегодня. Стоило Василию переступить порог полковничьего кабинета, Зайцев шарахнул кулаком по столу и заорал:

— Что ж ты вытворяешь, паршивец?

Вопрос как вопрос, и задан грамотно, но Василий не сразу понял, чего именно от него хочет начальство и о чем, собственно, речь. Поэтому, на всякий случай, возражать не стал и счел за благо покаяться:

— Виноват, товарищ полковник!

— Звонили из министерства, бушевали, говорят, ты грубо хватаешь какую-то крупную деятельницу из системы народного образования.

— Я?! Да вранье это!

— Повторяю, поступил сигнал. Жалуется деятельница народного образования...

— Ну уж и народного! К тому же я ее и не видел ни разу. Вы же сами меня в этот пансион послали, помните, это ваша версия была, что надо вокруг убитой Грушиной поискать. А теперь ваши указания...

— Капитан! — Зайцев опять стукнул кулаком по столу.

Василий вскочил и вытянулся:

— Слушаю вас, товарищ полковник!

— Препираться бесполезно. Пансион пока оставь в покое. У тебя, кажется, есть чем заняться по этим убийствам.

— Но если они так засуетились ни с того, ни с сего, это же верный знак...

— Я сказал — препираться бесполезно. Иди. — И полковник подвинул к себе папку с бумагами.

Старший оперуполномоченный двинулся к двери со всей возможной демонстративностью.

— Для нас ведь что главное, — тихо произнес полковник, когда Василий распахнул дверь, — чтоб не жаловались, чтоб начальство выволочек не устраивало. А так — работай, капитан, работай...

— И в пансионе? — не поворачиваясь к полковнику, так же тихо спросил Василий.

— Работай, работай, делай, что считаешь нужным.

Обрадованный Василий вытянулся в струнку:

— Так точно, рад стараться!

— Вот орать не надо, — неодобрительно посмотрел на сыщика Сергей Иванович. — Тихо, без пыли, без шума.

Иными словами, Зайцев пансион не отменил, но велел не светиться и работать так, чтобы никто не догадался о присутствии второго отдела в подозрительном санатории "Лес".

Наведение справок о кадровом составе пансиона заняло у Леонида минут пять-семь. Оказалось, что из сорока семи предусмотренных штатных рабочих мест были заняты только шестнадцать, то есть перед сыщиками открывался невиданный опера-

тивный простор. Леонид, которому предстояло стать лазутчиком, выбрал для себя амплу преподавателя фортепьяно. В сущности, продержаться ему следовало пару дней, не больше, и он уверял, что глубокого и всестороннего музыкального образования, полученного им в музыкальной школе пятнадцать лет назад, должно хватить.

Получив в лаборатории фальшивый диплом Гнесинского института по специальности "фортепьяно" на свое имя, Леонид, не дожидаясь утра, которое вечера мудренее, отправился прямехонько к Рэне Ивановне Казаковой, президентше фонда "Одаренный ребенок". На прощание Гоша Малкин подарил Леониду яблоко и по-отечески поцеловал младшего товарища в лоб:

— Береги себя. Опасное дело ты затеял, сынок. Дети — это страшная, неуправляемая стихия. Одаренные дети опаснее вдвойне. Помнишь, "дети в котельной играли в больницу, в муках скончался сантехник Синицин"?

Леонид пообещал бдительность не терять и вечером позвонить. И не обманул. Звонок раздался ровно в 21.00. Трубку снял Василий. Гоша, правда, пытался его опередить, но реакция у бывшего омовца оказалась лучше, чем у бывшего математика. И Гоша смирился.

— Мама, — сказал Леонид Василию, — ну как ты, мама?

— Да ничего, сынок, помаленьку. — Капитан взял ручку и бумагу. — Рассказывай.

— Мамоchка, я сегодня домой не приеду. Не подумай ничего такого, я просто тут на новой работе задержался, и мне предлагают остаться. Здесь же санаторий, и многие учителя остаются ночевать. Да, мама, да. Приеду завтра в середине дня, после занятий. Откуда звоню? Из кабинета директора. Отсюда очень трудно дозвониться, перебой на линии.

— И более уединенного места не нашлось? — недовольно пробурчал Василий.

— Ну, мамочка, конечно, нет. Сюда звонить неудобно, здесь только один телефон. Да, люди прекрасные, мне все нравится.

— Но ты что-нибудь нарыл?

— Еще как! Завтра, все завтра, это не горит. Целую тебя, мамуля.

— Спокойной ночи, крошка.

Следователь Гоша во время разговора беспокойно ерзал на стуле и посылал Ленечке многочисленные воздушные поцелуи.

— Похоже, Леонид решил прикидываться сентиментальным идиотом — маменькиным сынком, но что-то он там узнал, завтра расскажет, — резюмировал Василий. — Не пора ли нам, следовательно, по домам. Мы консерваториев не кончали, так что вполне заслужили здоровый сон.

— Почему бы не рассказать нам этого сегодня? — Гоша был недоволен.

— Потому что он не нашел телефона без свидетелей.

— Салага! — Гоша в четные дни месяца бывал необычайно строг.

Леонид появился, как и обещал, на следующий день к обеду. Зрители в лице Василия и Гоши заняли места на подоконнике и приготовились слушать.

— Итак, девушка там мутила воду основательно, — начал Леонид. — Директор, трусоватый парнишка, даже предлагал ей уволиться, потому что ихняя Рэне просто на стенку лезла, и он нашу Грушину так и предупреждал — лучше уходи тихо, а то как бы чего не вышло.

— А она не хотела уходить? — спросил Гоша.

— Не то чтобы не хотела, а просто еще не собралась. Но у начальницы на нее зуб вырос огромный. И дело было уже не только в уходе или не уходе, а в том, что она боялась, как бы наша Грушина не разболтала всего, что там происходит.

— А что такого там происходит? — На этот раз вопрос задал Василий.

— Кошмар! Дурят голову нашему брату. Сумасшедшая баба придумала себе игрушку в виде пансиона для одаренных детей, не имея ни малейшего понятия ни о педагогике, ни о детях, ни об одаренности.

— Вась, ты послушай, как он заговорил! — Гоша всплеснул руками. — Нет, Вась, с его педагогических фортепьянных высот он сразу все это увидел! Особенно об одаренности имеет обширные представления!

— Что ты разорался? — Леонид обиженно засопел. — Это ж не я придумал, я ведь с людьми разговаривал, с педагогами. Они в один голос все это говорят. А потом, и так видно — дети запуганные, несчастные, неприкаянные, никто их не учит...

— Кроме тебя. Ты их музыке-то уже, небось, обучил? — Василий растопырил пальцы и постучал ими по столу. — Да и видел я этих учителей. Лживые уроды.

— Отстань. Какие-никакие там учителя, но все-таки учителя. И они все в ужасе.

— А чего ж они там сидят и в этом участвуют? — Похоже, Гоша твердо решил вывести Леонида на чистую воду.

— Деньги. В школе они получали рублей семьсот, а здесь — от пятисот баксов и выше. Но, несмотря на это, многие уже собираются уходить, не могут больше. Так вот, наша Грушина, в отличие от остальных учителей, этой Рэне правду-матку в лицо резала. Ну, та и завелась. Вызывала директора, требовала, чтобы он ее заткнул.

— Лён, но ведь это не повод для убийства, согласись.

— Не соглашусь. Во-первых, Рэне сумасшедшая, а во-вторых, пансион — главный проект ее жизни. А тут какая-то девчонка может ей всю песню испортить.

— Да как испортить? Не в милицию же она собиралась идти — заявлять, что детей не так учат? — встрял Гоша.

— Откуда я знаю? Может, и в милицию. Грушину уже об этом не спросишь. Но имей в виду, — Леонид повернулся к Гоше, — эта Рэне занимается таким бизнесом, который предполагает тесное общение с бандитами.

— Неужели похищением людей в Чечне?

— Дурак ты, как все следователи. Она занимается грузовыми перевозками. Вот и прикинь. Еще я понял, что больше всего Рэне боится прессы. И очень много денег вбухала в раскрутку пансиона — какой он замечательный, какой элитный и духовный.

— Прессы... прессы, так. Может... — договорить Василий не успел.

— Нет! — заорал Гоша. — Только не Саня! Она уже много чего наворотила.

— Вот и пусть грехи замаливает.

— Не понял. — Леонид обиделся вконец. — Ты что, не доверяешь моей информации? Хочешь, чтобы Саня меня перепроверяла?

— Дурак ты. Я хочу сделать из нее подсадную утку. Пусть изобразит из себя гадкую журналистку, которой известно нечто плохое про пансион и его начальство. Причем, пусть компромат будет известен только ей. И проследим, как наша начальница себя поведет. Если она действительно за ценой не стоит, и уже одна жертва у нее на счету, так она и Саню попытается прихлопнуть.

— Не много ли у тебя получается подсадных уток? Отравленный Кусяшкин, поломанная Саня.

— А-а, все равно они уже с дефектами. Это здоровыми полноценными людьми грех рисковать... — добродушно ответил Василий.

— К тому же, что-то мне в это мало верится. Сумасшедшая — возможно, но не до такой же степени, чтобы каждого оппонента уничтожать, — продолжал Гоша.

— Вот и поглядим. Леня, ты мне за Саню головой отвечаешь. Будешь ее прикрывать.

— Я так и знал, что в результате хуже всех будет мне, — произнес Леонид с рыданиями в голосе.

Рэне Ивановна была любезна ровно первые тридцать секунд. Милость на гнев она сменила стремительно, и не очень понятно почему. Вопрос, который лишил ее хорошего настроения, был вполне невинен:

— Как вы думаете, — спросила я, — из ваших пятнадцати одаренных детей может вырасти пятнадцать же одаренных взрослых?

— Пятнадцати? — Рэне Ивановна схватилась за грудь, намекая, видимо, что где-то в том районе у нее располагается сердце. — Кто вам сказал?

— Кто мне сказал "что"? — не поняла я.

— То, что их пятнадцать.

— А это тайна? — я заговорщически оглянулась и перешла на полупшепот.

— Если вы хотите, чтобы наш разговор продолжился, — надменно произнесла Рэне Ивановна, — оставьте ваши странные намеки! Сколько бы ни было у нас детей, от этого суть дела не меняется.

— Так-так... — я открыла блокнот. — А суть дела в том, чтобы...

— Чтобы воспитывать детей в традициях лучших учебных заведений мира, лучших учебных заведений дореволюционной России.

— Откуда вы знаете о том, какие традиции в этих учебных заведениях? Вы педагог? Или историк? Насколько мне известно, вы заканчивали технический вуз. Какими методическими разработками вы пользуетесь? И почему в первые несколько месяцев пребывания в вашем пансионе дети практически не учились? В каком они окажутся положении, если родители решат их забрать из пансиона и отдать в обычную среднюю школу? Или вы не допускаете такой возможности?

Я изо всех сил старалась не понравиться Рэне Ивановне, и мне это удавалось все больше и больше. К концу нашего разговора она практически утратила дар речи, только хрипела и разбрасывала по помещению гневные взгляды. На прощание, не получив ответов на большинство вопросов, я смиренно заметила, что пока ни с кем не делилась своими соображениями о положении дел в пансионе для одаренных детей, “с моей точки зрения весьма прискорбном”, но мне бы очень хотелось разобраться во всем происходящем и написать об этом всю правду. Всю!

— Не считаю возможным вводить вас, Рэне Ивановна, в заблуждение и скрывать своих намерений. Около месяца назад ко мне обратилась ваша, ныне покойная, сотрудница Марина Грушина, которая рассказала о пансионе много интересного. Разговор с ней записан на диктофон. Я пообещала ей опубликовать серию материалов о нарушениях прав детей в пансионе, а также довести до сведения министра образования эти данные. Да, мне кажется, что родители ваших воспитанников не понимают, куда они отдали своих детей и что с ними здесь делают. Но они должны знать, и средства массовой информации им в этом помогут. До свидания, было интересно с вами познакомиться. Я оставляю вам свою визитную карточку?

Вася был бы мною доволен. Я позвонила ему из ближайшего телефона-автомата и близко к тексту пересказала беседу с президентшей. Вася вынужден был согласиться, что до такой потрясающей стервозности, которую я демонстрировала в кабинете Рэне Ивановны, ему еще расти и расти.

От санатория “Лес” до редакции “Городского курьера” езды час сорок. Но этого Рэне Ивановне оказалось достаточно. Переступив порог родного отдела происшествий, точнее, переступая его, я поняла, что шеф на меня зол.

— Что, Александр Иванович? — жалобно спросила я. — Что случилось?

— Скажи, только на этот раз без вранья: ты готовишь какую-то заказуху о турфирмах?

— Я? Во-первых, я не пишу заказов.

— Просил же не врать!

— Во-вторых, как вы себе это представляете? Я могу написать о турфирме, только если убьют какого-нибудь ее владельца или затонет теплоход с туристами. Вообще, Александр Иванович, отдел происшествий — самое невыгодное место в смысле заказов.

— Допустим. Как ты тогда объяснишь, что тебя, именно тебя, а не того, кто действительно этого заслуживает, приглашают на семинар в курортное местечко. В Грецию.

— Кто приглашает?

— Фонд Моррисов.

— Тогда при чем тут туристические фирмы? Это же научный фонд.

— Но ведь в курортное место. — Шеф был как всегда логичен. — Они порют какую-то чушь, якобы, им порекомендовал тебя Союз журналистов. Якобы, их заинтересовало твоё творчество. Творчество! Это они так сказали, не я.

— Александр Иванович, а давайте так сделаем: предложите им кого-нибудь достойного.

— Предлагал! Или ты меня совсем за идиота держишь? Предлагал им других, но они ни в какую. Подавай им Александру Митину, и все тут.

— Хорошо. — Я решительно подошла к столу. — Сама попробую их убедить. Кого вы предлагали из достойных?

Шеф несколько смутился:

— Ну... себя, например. Хотя это неважно. Ты с ними в принципе договорись.

— Ладно, договорюсь.

— И зайди к главному. Он тебя искал.

Я пошла. Главный редактор "Городского курьера" Юрий Сергеевич Мохов относился ко мне по-отечески и не разделял критического настроения шефа. Более того, он весьма критически относился к самому Полуянову. Юрий Сергеевич называл жанр, в котором тот работал, "мертвый труп убитого покойника".

— Не сам придумал, — горестно вздыхал он, — это термин Бори Пастернака, не поэта, а бывшего редактора журнала "Парус".

Главный, как оказалось, не видел никакого криминала в том, чтобы я поехала в Грецию.

— Поезжай. Только в счет отпуска.

— Что вы, Юрий Сергеевич, меня же шеф сожрет.

— Почему? Ты же не в рабочее время...

— Потому что он сам хочет поехать.

— Да что ты? — Главный расхохотался. — Перебьется. Они заказывали тебя, и неприлично предлагать кого-то другого. Кроме того, они сказали, что это стажировка молодых журналистов, пишущих на правовые темы. Какой он, на фиг, молодой журналист? Вот будет стажировка престарелых вампиров — тогда пожалуйста,

пусть едет. К тому же Зина (это секретарша Главного) уже отправила им твои анкетные данные и характеристику.

Васе я не дозвонилась, поэтому пришлось после работы ехать к нему в МУР.

— Радуйся! Им уже отправлены мои анкетные данные с адресом и телефоном, — сообщила я с порога.

— Вот оно! — сказал Вася. — Леня тебе тоже кое-что интересное расскажет.

Леня рассказал. Оказалось, что после моего ухода Рэне собрала коллектив для серьезной проработки. Леонид, как член коллектива, присутствовал.

— Что это такое?! — орала она на сотрудников. — Через кого происходит утечка?! Как можно работать в обстановке стукачества и доносительства, я вас спрашиваю? Мне хотелось бы знать, кому из вас нужно вставлять палки в колеса нашему общему делу, я все еще надеюсь, что общему, но, может быть, у вас другая точка зрения? Тогда скажите, мы ведь никого не держим, не нравится служить благородному делу — милостью дорога.

— Скатертью, — пискнул кто-то в зале, но кто этот храбрец, Леонид не понял.

— Я не могу и не хочу работать с такими людьми, — продолжала президентша, пропустив "скатерть" мимо ушей. — С сегодняшнего дня все уволены.

Леонид утверждал, что его угрызениям и раскаяниям не было предела; он действительно поверил, что из-за нашей акции, из-за того, что Вася натравил меня на Рэне, всех уволят. Но кто же мог предположить, что мое появление в пансионе поставит под удар трудовой коллектив? Он уже собрался заступиться за людей, но, к счастью, не успел.

— Рэне Ивановна, — спокойно сказал главный врач пансиона, — вы, конечно, правы. Так дальше жить нельзя. Мы тоже это понимаем...

— Да, — перебил врача учитель математики, — и ужасно, что пока Рэне Ивановна нам не укажет на наше разгильдяйство, равнодушие и болтливость, мы сами этого и не замечаем.

— И ведь что самое страшное — мы вредим не только делу, но и себе самим, — говорил уже кто-то третий, — и не понимаем, не видим этого.

Голоса были спокойные, размеренные, никто не испугался угрозы увольнения, никто не запаниковал. Люди вроде бы оправдывались, но как по нотам, как будто подобные разборки для них — явление не просто обычное, но и обыденное, привычное.

Посыпание своих голов пеплом еще некоторое время продолжалось, хотя и крайне вяло. Рэне Ивановна еще раз десять пригрозила служебным расследованием, вверенный ей коллектив еще раз двадцать возмутился своей безнравственностью и подлостью, на чем сотрудники пансиона и расстались.

— Ничего-ничего, — похлопал Леонида по плечу физрук, — это у нас в порядке вещей. Привыкай.

— Значит так. — Вася с удовольствием выслушал по второму разу рассказ Леонида. — А теперь быстренько проверь этих Моррисов. Есть такой фонд? Хотят они Саню?

Леонид сел на телефон, а Вася пошел за бутербродами. К его возвращению мы порадовали его тем, что никакой стажировки в Греции фонд не планировал, прессой никогда не занимался, и руководство фонда было несказанно удивлено вопросом, когда именно журналисты должны представить документы для поездки.

— Они собираются напасть на тебя дома. Ночью. Это очень хорошо! — с чувством глубокого удовлетворения констатировал Вася.

— В этот момент, я надеюсь, меня дома не будет? — чисто из любопытства поинтересовалась я. — Там ведь будешь ты, правда, Вася?

— Я?! Я-то им зачем? Они хотят убить тебя.

— Хотят! Мало ли кто чего хочет! Вот мой коллега Савельченко тоже хочет, да кто ж ему даст.

— Савельченко? А что он... Саня! Не сбивай меня с мысли. Если ты боишься... — Вася скорчил удивленную мину.

— Ни фига себе — если! Конечно, боюсь.

— Так вот, я готов разделить с тобой кров. И хлеб. — Вася мечтательно закатил глаза.

— Тебя еще и кормить? За то, наверное, что ты подвергаешь мою жизнь смертельной опасности и подсовываешь меня кровавым убийцам?

— Ничуть они не кровавые. Никого не зарезали, работают чисто, деликатно — либо камнем по голове, либо отраву в стакан. Интеллигентные люди. Но если тебе жалко для друга тарелки супа, сиди дома одна и жди. Понимаю — собственная безопасность таких жертв, как жидкий супчик твоего приготовления, не стоит.

— Жидкий?! Да как тебе не стыдно! Мои супы славятся на всю Москву. Тысячи людей не ели ничего вкуснее в своей жизни. Жидкий! Да тебя убить мало.

— Слушаю я вас, и просто с ума схожу, — вступил в дискуссию Леонид. — Сразу понятно, что здесь собрались серьезные люди, которые ловят убийц и тщательно готовятся к операции захвата. Ни слова лишнего, все о деле и о деле.

— Что же теперь, Ленечка, из-за серьезности операции я должна терпеть эти гнусные инсинуации? Пусть только еще что-нибудь скажет о моем супе, и тут же получит сковородкой по голове.

— Ну, его голове это не повредит. Она со времен работы в ОМО. Не к ударам не чувствительна, — с завистью заметил Леонид.

— Вася, а ты не допускаешь мысли, что они могут поджидать меня в подъезде или в темном переулке? — спросила я.

— За эти места у нас отвечает Леонид. Он тебя охраняет на улице, я — дома. Все по-честному.

— Спасибо. — Леонид встал и поклонился. — Пока я буду замерзать в холодных подворотнях, он будет жрать суп у тебя на кухне. Спасибо, товарищ капитан.

— Да, собственно, не за что. — Вася потер живот в предвкушении ужина.

Глава 8

В офисе царило возбуждение, переходящее в панику. Служащие паковали вещи, “чистили” свои компьютеры, бесконечно охали и ахали. Каждый переживал беду по-своему, но все вместе пребывали в состоянии горькой обиды. Как же так? Мы так старались, а теперь все коту под хвост!

Предположения высказывались разные, и все с нервным надрывом задавали друг другу одни и те же вопросы. Продается фирма вместе с сотрудниками, или только товарная марка? Уходить сейчас или подождать прихода нового хозяина? Его имя никому ничего не говорило, и было совершенно не понятно, что это означает — может быть, предполагается слияние с ГСМ или с “Мастером”?

Алиса беспрерывно рыдала на лестнице после разговора с Кусяшкиным, который велел ей заказать пропуск покупателю фирмы. Покупателя ждали сегодня, он хотел познакомиться с сотрудниками. На многочисленные вопросы Алисы Кусяшкин отвечать не стал и вообще был очень холоден. Рехвиашвили заперся в своем кабинете и все время разговаривал по телефону и отправлял факсы, девушки из отдела продаж уже с утра приступили к траурному распиванию коньяка, и выгодно отличались от остальных ВИНТовских служащих уже хорошим настроением. “Продаем? Ну и ладно! Начальство — оно и в Африке начальство, не пропадем”. Коллектив поглядывал на них с неодобрением, однако к часу дня почти все отделы послали своих курьеров в ближайший магазин “Вина, воды”.

В этот непростой момент в офисе появилась Ирина Кусяшкина. Окинув всеобщий бардак суровым взглядом, она напрямик прошествовала в кабинет Рехвиашвили, откуда немедленно раздались крики. Алиса, по такому важному случаю временно переставшая рыдать, припала ухом к двери кабинета коммерческого директора, но слов разобрать не смогла.

— Слышу, что кричат. А вот что кричат — не слышу, — доложила она страждущим.

— Мы все слышим, что кричат, — мрачно заметила Галя Слоним, — а что толку-то? Уж могла бы за пять лет научиться подслушивать.

— Ха! — Алиса захлебнулась от обиды. — Это ж кабинет Рехвиашвили! Я своих начальников хорошо подслушиваю, у меня там все устроено. Но не все же кабинеты офиса, я ж тебе не ФСБ.

— Стихами заговорила, — похвалил Дима Возин, программист, и повторил нараспев: я ж те-бэ не фэ-эс-бэ.

Ирина вышла из кабинета столь стремительно, что любопытствующие не успели отпрыгнуть от двери.

— Подслушиваете? Гады!

— Что-о? — Маленькая, но гордая Алиса, расправив плечи, вышла вперед. — Мы — гады? А твой муж — не гад? Бросить нас всех, не сказав ни слова, не предупредив, не дав двух месяцев — положенных, между прочим, по КЗОТу! Хотя тебе откуда про КЗОТ знать, ты же не работала никогда, за пазухой у богатенького мужа отогревалась...

На Алису зашикали и попытались спрятать ее за своими широкими спинами. Но она прятаться не хотела и наступала на Ирину, вращая глазами. Ирина, впрочем, не испугалась:

— Мне, небось, не лучше, чем вам. Я вообще на бобах остаюсь.

— Ой, как нам тебя жалко! — Алису несло, и бороться с этим было бесполезно. — Ты ведь столько сделала для процветания нашей фирмы, можно сказать, всю душу в нее вложила. Старалась-старалась, работала-работала, и вдруг такой облом.

— Я тебе потом расскажу, во что я душу вложила, чтоб ваша фирма процветала. И не только душу. — Ирина широким шагом направилась к двери, не забыв, уходя, хлопнуть ею со страшной силой.

— Вот психопатка. — Алиса вдруг успокоилась и засобиралась на лестницу курить и рыдать.

— Ты что! — напустился на нее Дима. — А вдруг она потом твоей начальницей окажется?

— Ну, это вряд ли. И я ни за что с ней не останусь. Ой, Дим, ты что — серьезно?

— Дошло, наконец. Тьфу! — Дима не опустил до объяснений и отправился в отдел продаж поднимать настроение. Алиса залилась слезами и удалилась на лестницу, где и столкнулась со странным субъектом, чистящим свой ботинок о перила.

— Простите? — Алиса обошла странного субъекта со спины, и, так и не дождавшись ответа на свой вопрос, продолжила: — Вы кто? Что вы здесь делаете? Не могли бы вы не сорить, у нас тут приличная фирма, а не забегаловка!

— Что-то к башмаку прилипло, — ответил субъект, — наступил во что-то, э-э, ненужное.

Они помолчали. Алиса громко высморкалась и поднесла ко рту незажженную сигарету. Субъект принялся нервно шарить по всем своим многочисленным карманам, в результате на пятой минуте поисков Алиса, бросив на него испепеляющий взгляд, достала из кармана свою зажигалку и закурила.

— Если вы к начальству, то его у нас теперь нет, — сказала она и вежливо добавила: — Вас не примут, уходите.

— Дело в том, э-э, милая леди, что я, э-э, и есть ваше начальство, как вы изволили элегантно выразиться. С сегодняшнего дня.

Дальнейшее вполне могло бы по выразительности соперничать с немой сценой из "Ревизора", если бы Алиса громко и произительно

но не заорала. На лестницу выскочили сразу пятеро сотрудников фирмы, даже Рехвиашвили. Увидели они кричащую Алису и контуженного ее криком странного субъекта, на которого Алиса, мелко трясясь, показывала пальцем. Крик секретарши бывшего шефа был приблизительно такого содержания:

— Он... а-а-а! он... а-а-а! это он... он.

Внимательно осмотрев субъекта, все вынуждены были согласиться, что да, это явно “он”, и никак не “она”. Алиса же, придя в себя столь же стремительно, сколь она до этого из себя вышла, мрачно добавила:

— Знакомьтесь, это он — наш новый начальник.

На ВИНТовцев после этого заявления смотреть было одно удовольствие. Впрочем, на них смотреть было некому, потому что все присутствующие, отринув вежливость, уставились на странного субъекта.

— Боюсь, — промямлил он, — что... э-э, климат вашего трудового сообщества недостаточно гармоничен. Почему, э-э, вас так зпатирует моя персона? Однако пройдемте внутрь помещения, и э-э всех имею честь пригласить в свои апартаменты. Кстати, где они?

Далее он наглой, хотя и нетвердой походкой зашел в кабинет Кусяшкина, гостеприимно оставив дверь открытой.

— Значит, так. — Рехвиашвили умоляюще сложил руки на груди и воззвал ко всем присутствующим. — Пожалуйста, я вас прошу — ведите себя тихо. Временно. Пока мы не разобрались в том, что происходит. Никаких комментариев, никаких выпадов...

— Вопрос можно? — переспросила Маша Сухова из “продаж”.

— Вопросы — можно, но только в очень корректной форме, — ответил Рехвиашвили.

— Тебе можно вопрос задать? — спросила Маша.

— Мне? Задай.

— Он же козел, ты не заметил? — Маша ткнула пальцем в кабинет Кусяшкина.

— Это — вопрос? — Рехвиашвили начал раздражаться.

— Ну не ответ же. Я спросила — ты заметил? Может, ты его не рассмотрел.

— Все. Потом разберемся. Тихо, я прошу еще раз.

И все имеющиеся в наличии сотрудники ВИНТа потекли в кабинет нового начальника.

— Значит так, товарищи наемные служащие, — начал он, когда все расселись. — Допускаю, что, э-э, начинать этот разговор преждевременно, логичнее и, э-э, последовательнее было бы положиться на поступательное развитие событий, дожидаться аттестации и тогда приступить к процедуре знакомства, но, э-э... — он почесался и скрылся под столом, куда за секунду до этого уронил ручку из чернильного набора Кусяшкина. ВИНТовцы, не дыша, прислушивались к пыхтению и шуршаниям, доносившимся из-под стола, и, не отрываясь, смотрели на спинку кресла, в котором только что восседал новый шеф. Однако когда его рыжая голова появи-

лась, наконец, над поверхностью стола, все вздрогнули и отпрянули.

— На чем, э-э, я прервал свою речь, господа? — поинтересовался субъект, безо всякого, впрочем, интереса.

— На “э-э-э”, — громко ответила Маша.

— А, да, так вот, — продолжил рыжий, — кое-кто из вас, вероятно, то есть, я хочу сказать, не исключено, останется на фирме, но, э-э, скажу мягко, не все. То есть, я имею в виду, э-э, немногие. Даже, правильнее будет сказать, мало кто. Можете задавать.

— Вопросы? Вопросы вам можно задавать? — спросил Рехвиашвили.

— Разумеется. А что вы еще умеете задавать?

— Еще он умеет задавать перцу, — пискнул кто-то из девушек, своевременно позаботившихся о своем хорошем настроении.

— Э-э, пожалуйста. — Рыжий плавно, а-ля умирающий лебедь, взмахнул левой рукой и принялся чесать ею правое ухо.

— Вы не представите? — В устах Рехвиашвили это предложение действительно прозвучало, как вопрос.

— О, да, прошу великодушно меня простить. Гуревич Пьер Петрович.

— И кем вы нам приходите?

— Большинству, э-э, никем, ибо я намерен сменить кадровый состав, а тем, кто меня удовлетворит, владельцем фирмы ВИНТ. Вы, вероятно, коммерческий директор? Швилидзе?

— Рехвиашвили, — мрачно поправил Сергей.

— Неважно. Коммерческого директора я планирую, э-э, незамедлительно... Да. Вот так. — Он замолчал и уставился в окно.

— Незамедлительно — что? — уточнил Рехвиашвили.

— Незамедлительно сменить, — с готовностью ответил рыжий. — На более, э-э, толкового.

— Сделка уже оформлена? — спросил Рехвиашвили, багровея. — Сделка по продаже нашей фирмы.

Рыжий насупил:

— Не вашей, Швилидзе. Нашей. Да, почти оформлена. Договоренность с вашим бывшим руководителем достигнута, адвокаты — мой и его — готовят документы, и окончательная встреча у нотариуса через два дня. Через два.

— Вот через два дня и поговорим. — Рехвиашвили встал и решительным жестом указал рыжему на дверь. — Вон отсюда.

— Э-э, не понял вас? — заерзал рыжий.

— Не понял? У нас не принято кого попало пускать в кабинет начальства. Здесь ценности, документы, здесь чисто, между прочим, и нечего грязь носить. Пошел вон!

— Я! — Рыжий взвизгнул. — Я! Я хозяин этого кабинета и этой фирмы!

— Как мы поняли из твоих невнятных объяснений, ты еще не хозяин, так что вали отсюда.

Рыжий вцепился в подлокотники кресла и злобно уставился на Рехвиашвили. Выражение лица у новоявленного шефа было, как у верблюда перед плевком. Тогда Рехвиашвили подошел к нему сбоку, взял за шиворот, легко вынул из кресла и поволок к двери. Рыжий безвольно болтался в руках Сергея, то задевая ногами пол, то вяло помахивая ими в воздухе. На лестнице Рехвиашвили разжал кулак, в котором был зажат воротник куртки непрошенного гостя, и рыжий, как тряпичная кукла, плюхнулся на пол.

— Чтоб духу твоего... — Коммерческий директор с грохотом захлопнул дверь. Коллектив “наемных служащих” разразился бурными аплодисментами.

— А сам-то призывал — “тихо, вежливо”, — радостно щебетала Маша Сухова из “продаж”, — а каким львом оказался. Ну чистый тигр. Царь зверей. Гордый и прекрасный.

— А хватка, хватка какая. Не тигр — бульдог, — по-мужски похвалил программист Дима. — Ну, ребятки, теперь выпивать. С горя.

Странный субъект, тем временем, поднялся и, не отряхиваясь, двинулся к выходу. Там, дойдя до ближайшего телефона-автомата, он набрал номер и сказал буквально следующее:

— Э-э, это я. Да. Да. Все прошло очень удачно. Очень. Да.

И повесил трубку.

Саня изображала опытного кулинара. Она с немыслимой скоростью строгаала салат и овощи для борща, параллельно мешала что-то жареное в сковородке, мыла зелень и терла сыр.

— Наши отношения никогда еще не заходили так далеко, — томно заметил Василий, наслаждавшийся предвкушением ужина в милом его сердцу обществе. У старшего оперуполномоченного не возникало ни малейшего сомнения, что вся мизансцена посвящена ему. Бывает театр одного актера, а бывает — одного зрителя. Если бы кроме Сани и Василия на кухне был еще кто-нибудь, спектакль был бы загублен, и все Санины старания превратились бы в простое приготовление еды, на которое и смотреть-то не хочется. А так — Саня собрала волосы на затылке в пучок, заколола какой-то кривой пластмассовой палочкой, и когда один, два, а то и три волоса вываливались из этой сложной конструкции, она сдувала их со лба и чесала нос тыльной стороной ладони. Она надела шорты и длинную майку и шныряла туда-сюда, а Василий внимательно следил за ее передвижениями.

— Еще пять минут потерпи, паразит, — говорила она ласково. — Все почти готово, и скоро твоя ненасытная утроба получит свое.

— Я никуда не тороплюсь, солнышко, хотелось бы только, чтобы еды было побольше, и чтобы она была повкуснее.

Саня брызнула в него водой с петрушки и опять устремила к плите. Тут-то и зазвонил телефон.

— Подойди, — велел Василий, а сам пошел в комнату и снял параллельную трубку.

Саня осталась на кухне. Было видно, что она волнуется.

— Але. Здравствуйте.

— Здравствуйте, Александра. Это Рэне Ивановна. Не поймите меня превратно, но мы хотели бы сделать вам предложение. Наш фонд готовит сейчас проведение семинара для журналистов в Греции. Не согласились бы вы принять в этом участие?

— Разве это ваш фонд, Рэне Ивановна? — Голос Сани звучал достаточно твердо, хотя поджилки у нее тряслись. — В редакцию пришла бумага из фонда Моррисов.

— Да, стажировка будет проводиться по линии Моррисов, но на наши деньги. Так как?

— Но в фонде Моррисов ничего об этом не знают.

— Уже знают. Мы сегодня отправили им программу, и они согласились. Так вы хотите поехать? — Рэне Ивановна была сама доброжелательность.

— Если я правильно вас поняла, Рэне Ивановна, в ответ на вашу любезность мне придется отказаться от написания материала о пансионе? — спросила Саня.

— Разумеется. Так как?

— Нет. Я не переносу жару, а из греков люблю только древних.

— Но вы все-таки еще подумайте. — Чувствовалось, что дама с трудом сохраняет спокойствие. — Может получиться так, что материал ваш все равно не выйдет, но и в Грецию вы не поедете.

— Это почему же он не выйдет? — Саня тоже разозлилась.

— Мы уже переговорили с вашим начальством, и нас заверили, что все будет в порядке.

— Ах, так. А я могу вас заверить, что если материал не удастся опубликовать в нашей газете, его опубликуют в другой. С радостью. Всего доброго, и спасибо за предложение.

Василий вернулся в кухню. Саня сидела за столом, злая и красная.

— Ну что, съел? “Тебя хотят убить! Я посижу у тебя в засаде! Они узнали твой домашний адрес!” Мыслитель, стратег! Как умно все придумал, как убийцу заманил! Вася, они не убить, а купить меня хотят! Это просто взятка, понял?!

— Что ты разоралась? Ты же от взятки отказалась, решимость довести дело до конца продемонстрировала. Так что покушение очень даже возможно.

— Перестань! — Саня стукнула по столу ладонью только-только освобожденной от гипса руки и тихонько взвизгнула. — Какое там покушение! Ладно, садись, ешь. И зови Леонида из подворотни, пусть тоже поест. Порадуй его, что охранять меня больше не надо, никому я на фиг не нужна.

Василий сосредоточенно собрался, мрачно сказал, что “спасибо, не голоден”, пообещал, что “лейтенант сейчас прибудет”, попрощался и ушел. Особое внимание он обратил на то, что Саня да-

же не попыталась догнать его и вернуть. Правда, уходил он стремительно, но минут десять посидел в подъезде на подоконнике и покурил. Могла бы и одуматься. Нет, не вышла, не позвала.

Глава 9

Ирина страдала, но страдала активно. Ей хотелось со всеми и постоянно обсуждать сложившееся положение. Разговаривать, однако, удавалось только с мамой и Геной, и оба ее вынужденных собеседника на страдательные речи Ирины реагировали неправильно. Мама призывала съездить к Ивану и поговорить. Гена затравленно молчал, боясь сказать что-нибудь не то. И все-таки сказал:

— Может, тебе пока устроиться на работу?

— Да? Это на какую же? — язвительно поинтересовалась Ирина.

— По специальности. Ты же математик.

— Ага. Ты, Гена, умник. Я была математиком, точнее программистом, пятнадцать лет назад. С тех пор все изменилось до неузнаваемости.

— Кто — математика изменилась?

Ирина застонала. Объяснять Гене, чем отличается математика от программирования, было бесполезным делом. Самым неприятным оказалось то, что мама Гену поддержала:

— А то и работать — так что ж. За детьми я присмотрю.

— Мама! Дети привыкли жить так, как живут сейчас. Есть нормально, одеваться нормально. А мне, если работать, придется начинать с нуля. Помнишь, как мы жили, когда учились в университете? Только тогда у меня детей было в три раза меньше.

— А почему же ты к нему не едешь? — Со времени развода мама никогда не называла Ивана по имени.

— Потому что он уже, скорее всего, получил результаты генетической экспертизы — мне сказали, что он взял волосок Павлика и отвез его в лабораторию.

— Ой, вот беда! — Мама схватила за голову. — Что же делать? Надо же что-то делать! Ты меня винишь, Ириша?

— Ой, мам, я жизнь виню. Ивана, Гену. Детей — они своему папаше все гадости прощают. Как Лиза говорит? “Папу можно понять”. Только меня никто понять не хочет.

— Детей винить нельзя — они дети. Потом во всем разберутся.

— Когда — потом? На моих похоронах?

— Что ты, что ты! Нельзя так говорить. — Мама замахала руками.

— Почему нельзя? Когда я думаю, что Иван уедет, и я останусь в дураках, мне жить не хочется.

— А вдруг не уедет? Почему обязательно уедет?

— Я вчера была на его фирме. Фирма готовится к продаже. Мне Маша звонила, вчера уже новый хозяин приходил — знакомиться. Завтра или послезавтра уже продадут. И все. Тогда — все.

Квартира Кусяшкина была опечатана. Пока Леонид ковырялся с печатами, Василий осматривал лестничную площадку. Неудачная. Всего две квартиры — одна напротив другой, шансов, что кто-то что-то видел, почти никаких. Соседи уже все рассказали, и рассказ получился коротким: не видели, не слышали. Оперативники современных соседей невысоко ценили за невнимательность и неблуждательность, называли их слепо-глухо-тупыми. То ли дело в прежние времена — как хорошо, как сплоченно жили, от дверных глазков было не оторвать. И чего не знали — рассказывали. А сейчас — сонное царство.

Следователь Малкин тоже выразил желание осмотреть место происшествия, и оперативники ждали его с минуты на минуту.

Накануне вечером Василий и Гоша еще раз попытались смоделировать психопортрет убийцы, которому помешали и Гарцев, и Грушина, и Кусяшкин. Гошин метод базировался на том, что если какая-то деталь мешает выстроить версию, надо эту деталь временно убрать. Василию метод казался уязвимым и спорным.

— А как, Гошечка, потом с ней быть, с деталью? — спрашивал он гаденьким голосом.

— Там видно будет, — уклончиво отвечал Гоша.

Как ни странно, но Гошин метод время от времени срабатывал.

В данном случае следователь предлагал “сделать вид, что Грушиной нет”, и сосредоточиться на двух совладельцах фирмы ВИНТ — Кусяшкине и Гарцеве.

— Если убить хотели только их двоих, тогда все понятно. Либо конкуренты, либо наследники. Хоть есть, где рыться, — рассуждал Гоша.

— Но убили-то троих. Ни конкурентам, ни наследникам девушка не могла помешать, — стоял на своем Василий.

— Значит, она оказалась свидетелем. Она же приехала на место преступления раньше всех? Да. И что-то или кого-то увидела. Все просто. И если бы тебе, Василий, не отбили последние мозги на предыдущей работе в ОМОНе, ты и сам бы догадался.

— Моя предыдущая работа не дает покоя всей российской правоохранительной системе. Хотя ты, Гоша, как мужчина хилый и блеклый, завидуешь моей мощи вполне закономерно, и выпады твои меня не удивляют, — огрызнулся Василий. — Удивляет меня твое упорное нежелание обращать внимание не только на твою единственную версию, но и на другие. Ведь не исключено же, что убить с самого начала хотели всех троих?

— Да? — Гоша ехидно прищурился. — Для этого хорошо подготовились, взяли из-под шкафа камень, среди бела дня, практически на виду у всех, спихнули человека с балкона. Типичное хорошо продуманное убийство. А потом, одна “только версия” — это все-таки лучше, чем ни одной.

— Тогда почему, раз тебе все кажется таким непрофессиональным и случайным, ты допускаешь участие конкурентов ВИНТа? Богатые люди уstraняют конкурентов иначе, — гнул свое Василий.

— Это — да, — соглашался Гоша. — Но проверить надо. Наследники, конечно, более вероятны.

— Наследница. Вызови ее, поговори. Мне слабо верится, что это она. Но алиби нет, только ее мать может подтвердить, что она была дома во время всех убийств.

— Все три раза дома? Хм, странно, — заметил Гоша.

— Она — домохозяйка, и три четверти своей жизни проводит дома.

— Нормальные домохозяйки, — назидательно поведал Гоша, — тем более состоятельные, три четверти жизни проводят в косметических салонах, парикмахерских, бассейнах и ресторанах. Вот так-то.

В результате следствие и розыск остались каждый при своем мнении, а если честно — то каждый без какого-либо определенного мнения и версии. Их объединяла только надежда на то, что экскурсия в квартиру потерпевшего наведет-таки на некую общую мысль.

В ожидании следователя сыщики решили приступить к распитию крепких кофейных напитков — Леонид славился на весь МУР своим умением варить классный кофе. И надо же было такому случиться — в холостяцком хозяйстве Кусяшкина не оказалось сахара.

Ведомый долгом и начальственными напутствиями, Леонид вынужден был удалиться в ближайшую булочную за сахаром, а через пару минут появился Гоша.

— Мы зарастаем трупами, как лесом зарастает пустошь! — пропел он с порога. — А, кофеек, замечательно!

— Сахара нет, — мстительно сообщил Василий.

— Ну, так будет! Я как увидел печальную спину Леонида в дверях булочной, так сразу и подумал — сахар будет!

Размахивая руками, точнее, плавно поводя то правой, то левой рукой вправо и влево, Гоша проследовал на балкон, декламируя следующее, только что “написанное” им стихотворение:

— Я знаю, сахар будет, я буду кофе пить, когда такие люди, — Гоша обернулся к Василию, — будут по булочным ходить!

— Складно, да. Впрочем, как обычно, — похвалил тот.

— Зато — рифма какая: будет — люди, пить — ходить. — Гоша поднял вверх указательный палец. — Хорошая рифма, не спорь.

— Где-то я уже эту рифму слышал.

— Какие опера недобрые пошли. — Гоша попытался изобразить недовольство и, повернувшись к Василию спиной, как бы обиженно закурил.

— Смотри, не свались. Балкончик-то бракованный, — предостерег старший оперуполномоченный коллегу, но Гоша даже не обернулся и, демонстрируя свою обиду, остался на балконе. Василий, демонстрируя Гоше, что не собирается к нему подлизываться, ушел на кухню. Леонид, демонстрируя свою обиду на Василия за неуставные отношения, выразившиеся в принудительном выгоне его за сахаром, вошел в квартиру, громко хлопнув дверью, и направился напрямиком к Гоше на балкон.

Капитана Коновалова это, признаться, удивило, ибо кофе предполагалось распивать на кухне, к тому же сахар заказывал Василий, а не Гоша. Однако Леонид, подойдя к Гоше почти вплотную, сунул ему в руки пакет, сказав при этом странные слова:

— Подавись, начальник!

И только после того, как Гоша недоуменно поинтересовался, когда именно он стал начальником “дикого и свободного племени оперативников”, Леонид, несколько смутившись, усмехнулся: “Обознался, товарищ следователь, виноват”.

— Как можно спутать меня, большого, красивого и темноволосого, с Гошей — маленьким, страшеньким и блондином? — возмущенно кричал Василий из кухни. — Как? Объяснитесь, лейтенант!

— Когда ненавидь застит глаза, — ответил Леонид, — еще не то и не с тем спутаешь.

К сожалению, на этом инцидент был исчерпан, и зря. Никто из них не догадался об истинной причине этой ошибки. А если бы догадались, раскрыли бы убийства на несколько дней раньше, без последующей нервотрепки и душераздирающих сцен.

Иван ждал убийцу, ждал изо всех сил, ждал страстно, как влюбленные ждут свидания, считая часы и минуты, и это ожидание даже отвлекало его от мыслей о Марине. Хотя, нет, скорее, переводило эти мысли в другое русло. Он вышел из стадии пассивного горя, и безысходность сменилась беспокойством, стремлением что-то делать, искать, мстить, добиваться возмездия. Он был готов служить приманкой для того, чтобы помочь милиции поймать убийцу, но ему вовсе не интересно, кто же хочет убить его, Ивана. Он ждал того, кто убил Марину.

Нетерпение Ивана перед этой гипотетической встречей к середине дня достигло, казалось, своего предела, он уже не мог лежать, хотя врачи категорически на этом настаивали, и бродил по палате, хватался за предметы, что-то все время делал. То брался заваривать чай, то шел выливать его и мыть чашку, то чистил яблоко, а потом резал его на мелкие кусочки и выбрасывал в окно. Поэтому когда в дверях его палаты появилась Ирина, он чуть не взвыл от досады: она же может помешать его встрече с убийцей!

— Что? Что тебе еще надо?!

Ирина, надо отдать ей должное, не подхватила агрессивный тон бывшего мужа, хотя в прежние времена делала это виртуозно, а напротив, спокойно и ласково сказала:

— Я, Вань, навещать тебя пришла.

— Навестила? До свидания.

— Ну, перестань. Я-то в чем виновата? Смотри, дети тебе письмо написали, прислали вкусенького.

Дети. Это слово всегда действовало на Ивана умиротворяюще. Но не сегодня.

— Вкусенького? Мне ничего нельзя, у меня строгая диета. И я занят, извини, Ира, мне сейчас не до тебя.

— Чем же ты так занят? Не делами же ВИНТа, фирму ты продал, новой не завел, или ты здесь уже чемоданы пакуешь?

— А-а, так ты за этим!

— Нет, не за этим. Что сделано, то сделано, тем более, что уже ничего не поправишь. Но я готова обсуждать с тобой планы на будущее. — Ирина присела на стул у двери.

— Мои планы на будущее...

— Знаю, знаю. Твои планы — это твои планы, а мои — это мои. Но все-таки кое в чем наши планы пересекаются и будут пересекаться. Правда? — она посмотрела на Ивана умоляюще.

— Тебя интересует, сколько денег я буду вам присылать?

— Интересует.

— Это зависит от того, поедут ли дети со мной.

— Не поедут.

— Почему?

— На то есть тысяча причин, но, чтобы не отвлекать тебя от срочных дел, назову только одну: я их не отпущу. — Ирина встала. — Ты ведь знаешь, что для выезда несовершеннолетних детей за границу необходимо согласие обоих родителей?

— В таком случае тебе следует настраиваться на минимальное пособие. Одеждой и деньгами на учебу я их обеспечу. — Иван подошел к окну и облокотился на подоконник, так что Ирина могла смотреть только на его спину. А спина Кусяшкина была абсолютно невосприимчива к кротким взглядам.

— Минимальное пособие — это сколько? — уточнила она.

— Я еще не решил, долларов триста, наверное.

— Триста?! — Ирина не скрывала своего изумления, но по-прежнему держала себя в руках. — Триста... Ну что ж. — Она выложила на тумбочку продукты и направилась к двери. — Триста. За что же такая немилость?

— Сама знаешь. Ты своего Гену наяриваешь, пусть теперь он для тебя деньги зарабатывает.

Ирина вышла из палаты, но тут же вернулась:

— А дети-то чем виноваты? Гена — это моя вина. А ты детей штрафуешь.

— Знаешь, дорогая, больше ты с этой нивы ничего не выжмешь, и спекуляции детьми тебе ничего не дадут. Понятно?

— Понятно. Выздоровливай.

Ирина ушла, а Иван впал в еще большее беспокойство. Конечно, он не так бы с ней разговаривал, и наличие Гены вовсе не столь сильно его волновало. Но он строго следовал милицейским инструкциям, а они требовали, чтобы он был с Ириной предельно жесток и даже груб. Надо, значит надо. Но зачем? После разговора с Ириной у него остался крайне мерзкий осадок и недовольство собой. Он уже и так чувствовал себя подлецом по отношению к ВИНТовцам за инсценировку с посещением покупателя фирмы. Да, он согласился с муровцами, что подобный спектакль развеет всяческие сомнения в реальности его намерений, но своих служащих

ему было жалко, они-то всерьез переживают, а он, Иван, выглядит, как свинья. Теперь еще Ирина, тоже ни за что ее обидел. Он впервые задумался: зачем милиции нужно выводить Ирину из себя? Они что, подозревают, что предполагаемый убийца — действительно этот самый Гена? Ерунда, не может этого быть. Они считают, что Гена действует по наводке Ирины? Чуть ли какая-то. Стерва она, конечно, стерва, но не убийца же, это понятно.

Приход Ирины переломил настроение Ивана, и ему почему-то стало казаться, что убийца к нему теперь не придет. А между тем тот, кого он ждал, уже готовил визит в третье токсикологическое отделение института Склифосовского. Как полагал убийца, после этого визита навещать Ивана уже никто не будет. Разве что на кладбище.

Гена дозрел до самоосознания. Началось это с того, что ему захотелось поучаствовать в происходящем. “А почему бы, собственно, нет? — подумал он, проснувшись спозаранку. — Все бегают, кричат, рыдают, а я только смотрю со стороны?” Гена совершил такой рывок в собственном развитии после того, как смутно почувствовал, что его пассивность раздражает Ирину. Он ее утешает, жалеет, помогает, чем может, а она злится. Почему? Да потому, что он ничего не делает для нее. Потому, что она понимает, что ждать от него нечего. И как только он совершит *поступок*, Ирина сменит гнев на милость и начнет его уважать.

Сначала Гена привел себя в порядок, то есть сменил рубашку, носки и носовой платок, потом отправился в Склиф. Разговор с Иваном планировался серьезный и долгий, и Гена чувствовал себя благородным рыцарем, защищающим честь прекрасной дамы. А значит, следовало быть как строгим, так и справедливым.

Иван принял гостя радушно.

— Геннадий? Как же, помню. С момента последней нашей встречи больше двух лет прошло, если не ошибаюсь, а вы ничуть не изменились. Слушаю вас.

Гена устроился поудобнее, положил ногу на ногу.

— Разговор у нас будет серьезный, Иван Иванович.

— Да? Сделайте одолжение. О чем же?

— О будущем ваших детей.

Иван присвистнул.

— Что вы говорите! Очень интересно. Так что же вам известно о будущем? Вы, вероятно, экстрасенс? Я, признаться, все время думаю об их будущем, но пока ничего конкретного мне узнать не удалось. Кто их, детей, знает? Куда поведет их тернистая дорога жизни, перед какими соблазнами они не смогут устоять, какие трудности выпадут на их детскую долю? Рассказывайте, умоляю вас, мне очень интересно.

Гена слегка напрягся, тон Ивана ему не понравился, но боевой настрой бывшего трудного подростка не так-то просто было сломать.

— Я имею в виду не предсказания судьбы, на что вы намекаете, Иван Иванович, а перспективы.

— Ах вот как. — Иван горестно вздохнул. — Это, конечно, меняет дело. Боюсь, эта тема для меня не столь привлекательна. Да, кстати, вы хотели говорить со мной о моих детях или о наших?

— О наших?! — Гена изумленно уставился на Ивана.

— В том доме, где имеют несчастье проживать мои дети, наличествует еще и ваш сын, не так ли?

К такому повороту событий Гена был совсем не готов. Он заметался, покраснел, попробовал собраться с мыслями, но это ему не удалось. В результате он так и остался сидеть с красным лицом и прилипшим к нему выражением воришки, застигнутому на месте кражи. Иван, между тем, продолжал резвиться:

— Ну что же вы, Геннадий, что с вами? Я слушаю вас, не молчите, пожалуйста, а то мне становится одиноко. Вы как бы здесь, но в то же время вас, вроде, и нет. Конечно, молчание — золото, но не во время же “серьезных разговоров”.

Гена на провокации не поддавался и молчал.

— Хорошо. Как вам будет угодно, — сказал Иван холодно. — Пока вы готовитесь к выступлению, я сам задам вам несколько вопросов. Вы ведь пришли сюда, чтобы убить меня? Но как именно вы собираетесь это сделать? И, главное, зачем? Вы, извините, не тянете на гангстера и вообще производите весьма жалкое впечатление. Так нужны ли вам эти потоки крови, эти горы трупов? У меня к вам, милый мой, свой счет, и вовсе не все из ваших безобразий я намерен вам прощать. Скажу больше — если я пообрываю вам ваши поганые ручонки, а потом и голову, меня не осудят. А даже если и осудят, я все равно ни на что не променяю несказанное удовольствие удавить вас, Геннадий. Вы не допускали такого исхода нашей встречи?

Гена, наконец, пришел в себя:

— Убить меня? За что? За Павлика?

— Предлагаю вам сделку. Раз уж я застукал вас на месте преступления, было бы глупо отпускать вас без отступного. Садитесь и пишите расписку.

Гена совсем растерялся.

— На месте преступления? Расписку?

— Да. Признание в том, что Павел Иванович Кусяшкин полутора лет от роду — никакой не Кусяшкин и никакой не Иванович, а вовсе Попов и Геннадьевич. Пишите, друг мой. Признание, как разъяснила мне в письмах одна молодая особа, облегчает участь. Напакостили — признайтесь, снимите грех с души. Или вы тоже, как ваша подруга Ирина, пришли просто навестить меня? Вы, видимо, знали, что ваш визит доставит мне особое удовольствие. Конечно, понимали, что я без вас скучаю. Что мне вас не хватает. И что в разлуке с вами...

— Хватит! — Гена заорал так, что стоящий за дверью охранник немедленно влетел в палату. Гена повел себя странно. Он забежал за спину охраннику, и, выглянув у него из-за плеча, продолжил:

— Хватит надо мной издеваться! Я не такой умный, как вы, но я не сделал вам ничего плохого. Может быть, Павлик действительно мой сын, но это не очевидно. Я никогда не хотел вас убивать! Да, я люблю вашу бывшую жену, но вам-то что? Вам же она безразлична, или вы ни за что не можете допустить, чтобы она была счастлива? Я пришел сказать вам, что если она будет несчастна, если она будет так переживать, как сейчас, то и вашим детям хорошо не будет. Когда дома все время слезы, сплошная злость и плохое настроение, это действует на всех, и на Лизу с Алешей в первую очередь. Вы у них-то спросите, каково им. Я вот за этим и пришел. Зачем вы Иру доводите до такого состояния?

— А ведь он прав, — подумал Иван грустно. — И не он убийца, это понятно. Но кто же тогда? Иван улегся на койку, разговаривать с Геной ему уже не хотелось. Хотелось, чтобы он ушел.

— Bravo, — сказал Иван тусклым голосом. — Речь не мальчика, но мужа. Вижу, что моя бывшая жена в надежных руках. Я подумаю над своим недостойным поведением и обещаю исправиться, — и повернулся лицом к стене.

Гена, потоптавшись перед дверью палаты, ушел. Нет, у него не было уверенности в том, что Ирина после всего этого станет его уважать. Да и обойдется он без ее уважения, обходился же раньше. Только вот... хуже бы не было.

С одной стороны — в то, что Рэне Ивановна припрется меня убивать, верилось с трудом. С другой стороны — совсем отделаться от мыслей о возможном покушении не удавалось. Было бы спокойнее, если бы они меня все-таки охраняли. Так, на всякий случай. Но обиженный Вася перебросил Леонида в больницу следить за Кусяшкиным. Охрана у двери палаты, решил Вася, может отпугнуть убийцу. Наблюдение должно вестись скрытно. Леонид, который имел просто-таки бешеную страсть к переодеваниям и перевоплощениям, с сегодняшнего дня стал доктором, напялил белый халат, повесил на шею фонендоскоп и углубился в свой новый сценический образ. В тот день я посетила Склиф с целью подарить цветы и конфеты своим врачам и просто обалдела, когда встретила Леонида в коридоре токсикологического отделения. Ну, натурально Склифосовский, один в один, хотя, должна признаться, старика Склифосовского я не имела чести знать.

— Не позорь меня, — сердито зашептал он, когда я сделала попытку подкрасться к нему сзади и сорвать шапочку. — Не вздумай меня рассекречивать. Я — доктор, и тебе приказываю относиться ко мне, как к доктору. Итак, — Леонид оглянулся и спросил громко, чтоб все слышали: — На что жалуетесь, голубушка?

— Жалуюсь? На Васю, — призналась я.

Леонид покачал головой:

— Вот это напрасно. На него что жалуйся, что не жалуйся, — толку никакого. Вася — это, голубушка, хроническое неизлечимое

заболевание, и, боюсь, медицина здесь бессильна, остается только терпеть.

— Лён, а тебе не кажется, что оставлять меня без охраны — легкомысленно? Вдруг все-таки...

— Нет, не думаю. Но дверь незнакомым людям не открывай.

По части бесценных советов, как то: не кури, не гуляй по ночам в мини-юбке, не приставай к пьяным хулиганам, — и Леонид, и Вася были большие мастера.

Дверь я, конечно, закрыла. Но как только наступил вечер, мне стало не по себе. А уж когда я услышала, как кто-то ковыряется в этой закрытой двери ключом, мне и вовсе поплохело. Не справившись с замками, которых, слава Богу, на моей двери было целых три, вечерний гость требовательно нажал на звонок.

— Кто там? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. Получилось не очень.

— Я! — рявкнул из-за двери мой “приятель” Синявский, тот самый, от кого я так старательно уходила весь последний месяц. В более спокойной обстановке я бы ни за что не стала открывать, но на фоне грозящей мне смертельной опасности появление Синявского меня почти обрадовало. Во всяком случае, дверь я открыла.

Синявский, что удивительно, был без цветов, без шампанского и без тени доброжелательности на лице. Увидев его перекошенную от злости физиономию, а также выпученные глаза и сжатые кулаки, я поняла, что дверь открывать не стоило.

— Ну? — спросил Синявский. — И что это все значит?

— Только не шуми. Зайдешь?

— Зайду! — сказал Синявский таким тоном, каким обычно говорят: “Удавлю”.

Он протянул ко мне руки, но я вовремя успела отскочить. Кто его знает, чего он хватал этими руками? Там, может, микробов полно. Мы прошли на кухню и сели по разные стороны стола, что, согласитесь, вполне нормально для непримиримых оппонентов.

Синявский сидел напротив и скрежетал зубами. Ждал объяснений, демонстрируя, что объяснить мне все равно ничего не удастся.

— Отпусти меня, Синявский, — жалобно попросила я. — Ну, отпусти, будь человеком.

— Ты меня не любишь? Скажи. Если нет, я сам уйду. Скажи честно, и без этих: “мне не нравится, как ты ко мне относишься, как ты со мной разговариваешь, как ты на меня кричишь”.

— Но мне, действительно, не нравится, как ты со мной разговариваешь.

— Ты меня не любишь? — Синявский шарахнул кулаком по стене.

— А ты просто уйдешь, или опять будешь вешаться?

— И ты еще обвиняешь меня в цинизме! — театрально воскликнул он.

— Я тебя ни в чем не обвиняю. Я просто прошу, чтобы ты оставил меня в покое.

— Чего ты добиваешься? — Он схватил чашку со стола и бросил ее в угол. Чашка, почему-то, не разбилась. Тогда он схватил вторую и бросил ее туда же. На этот раз разбились обе.

— Начинается.

— У тебя завелся новый воздыхатель?!

— Синявский, ты же понимаешь, даже если бы и завелся, я бы тебе сроду не сказала. Ты же начнешь разборки устраивать, тебе же на приличия плевать.

— Так, значит, завелся?! Кто?

В этот момент раздался звонок в дверь. Я бросилась открывать, совершенно забыв о предостережениях Леонида. Не потому, что склероз, а потому, что воевать с Синявским — удовольствие сомнительное, и любая передышка в такой ситуации — радость.

Открыв дверь, я, уже второй раз за сегодняшний вечер, горько пожалела, что сделала это. В квартиру вошли, нет — ввалились три амбала абсолютно бандитского вида. Бритые, с цепями, с мордами — в общем, типические. Единственное, что доставило мне удовольствие в этот непростой момент, — выражение лица Синявского. Он весь как-то сжался, сдуся, из грозного Отелло превратился в маленького и склизкого сморчка. К тому же его, как мне показалось, парализовало. Он как сидел в очень неудобной позе, криво и боком, так и замер, не делая никаких попыток сесть поудобнее.

— Значить, так, — сказал первый амбал, отбросив меня профессиональным движением на диван, — слушай, киска. Если ты о пансионе что-то куда-то брякнешь, я тебе сам глотку перегрызу. Поняла?

Я кивнула.

— А если ты, сука, к ментам сунешься, то не только тебе, но и твоим родственничкам перегрызу, поняла?

Я кивнула еще раз.

Он огляделся по сторонам, и, видимо, для пущей убедительности, одним движением смахнул со стола остатки посуды. Ну что за вечер сегодня? Если так пойдет, с чего я буду есть в дальнейшем?

Амбалы ушли, хлопнув дверью, а я бросилась к окну в надежде разглядеть, на какой машине они приехали. Через пять секунд я уже звонила Васе.

— Приходили трое, слышишь? Да, с угрозами. Да, про пансион.

И вдруг Синявский, о котором я, честно говоря, забыла, бросился к телефону и нажал на рычаг.

— Ты что? — зашипел он. — Тебе же русским языком сказали — в милицию не звони! Ты с ума сошла!

— Это ты с ума сошел. — Я сделала попытку набрать Васин номер еще раз. — Отстань, Синявский.

Не тут-то было. Он вцепился в трубку мертвой хваткой и отдавать не собирался. Я представила, что там думает Вася и как он пытается сейчас мне дозвониться.

— Синявский, не паникуй, — попробовала я его успокоить. — Это все специально было придумано, мы так и рассчитывали, что бандиты появятся. Это план такой, понимаешь?

— План?! — У Синявского глаза вылезли на лоб. — Да ты соображаешь, куда лезешь? И в какие игры играешь? Совсем обалдела?

В последующие десять минут мы молчаливо сражались из-за телефонной трубки — я ее вырывала, а Синявский не давал, так что Вася появился как нельзя более кстати. Он налетел на Синявского, вывернул ему руку и повалил на пол. Синявский тихо взвыл, а я с криком “нет, это не он, это не бандит” бросилась к Васе и попыталась выволить правую, практически, рабочую руку бедного Синявского, ту самую, посредством которой он доносил свои глубокие мысли до читателей газеты “Дело”.

Надо знать Васю — просто так, с бухты-барахты, он хватку не ослабит. Поэтому пока я тянула руку Синявского в одну сторону, а Вася мертво держал ее на прежнем месте и методично расспрашивал меня: “кто такой? что здесь делает?”, Синявский успел заметно позеленеть. Пытаясь как-то скрасить некомфортность его положения, а также памятуя, что смех продлевает жизнь, я решила развлечь своего приятеля веселой шуткой.

— Слушай, — сказала я, стоя на четвереньках около него и заглядывая ему в лицо, — а твоя фамилия, случайно, не Зеленавский? А то ты почему-то не синеешь, а зеленеешь.

Синявский шутку не оценил и смеяться не захотел.

Согласившись, наконец, что пойманный гражданин опасности не представляет, Вася переключился на меня.

— Ну, как ты, девочка? Испугалась? — В его голосе явственно прослушивались тревога и забота. — Все, теперь без меня шагу не сделаешь.

Синявский изумленно смотрел на Васю.

— Скажу больше, Санечка, — продолжал Вася, — здесь тебе оставаться опасно, и ты сейчас же переезжаешь ко мне.

— Я возражаю, — вдруг подал голос Синявский. — Никуда она не поедет.

— Что-о?! — Теперь уже Вася смотрел на Синявского с изумлением. — Ты возражаешь? Да кто тебя спрашивает? — И, повернувшись ко мне,скомандовал: — Собирайся! Быстренько.

Квартиру мы покидали все вместе, то есть втроем. Синявский выразительно молчал, Вася без умолку тараторил, расспрашивал, как выглядели бандиты, как друг к другу обращались, на чем приехали.

Когда мы выезжали из двора на Васиной машине, Синявский стоял у подъезда с видом человека, который никуда не собирается идти. И я была абсолютно уверена, что в ближайшее время мы с ним не увидимся. И даже не созвонимся. То есть я была абсолютно уверена, что моя мечта прекратить, наконец, наш дурацкий роман, сбылась. Но смотреть на него мне было больно, и хотелось только одного: выскочить из машины, подойти, погладить по голове — он

очень любит, когда я его глажу по голове, — и попросить прощения. Еще хотелось дать Васе в ухо. Ну почему он такой грубый? Нельзя же так с людьми.

Саня посидела в холостяцкой квартире старшего оперуполномоченного часок и поехала домой. Правда, не удалось убедить Василия, что ей уже ничто не угрожает и что снаряд в одну воронку два раза не падает. Старший оперуполномоченный деликатно напомнил своей юной помощнице, что в эту воронку снаряд в виде трех злодеев падал как раз два раза. Но Саня твердила, что раз уж они проверяют Рэне на вшивость, то не стоит бросать эксперимент на полпути. К тому же она была так печальна и так раздражена, что Василий счел за благо не связываться с ней и отпустить. Единственное, что он заставил ее сделать в качестве меры предосторожности, — это позвонить Рэне. Саня позвонила:

— Рэне Ивановна? Это Митина из “Городского курьера”. Имейте в виду, что я немедленно отправляюсь в милицию с тем, чтобы все рассказать о ваших бандитах.

— О моих бандитах? — Рэне изо всех сил старалась казаться возмущенной. — Я не понимаю вас.

— Все вы прекрасно понимаете! Ко мне в дом вломились три мерзейших типа, угрожали, перебили всю посуду.

Рэне по-прежнему шла в несознанку:

— Я тут ни при чем! По какому праву вы бесконечно предъявляете мне претензии. Мало ли кто и зачем вам угрожает. У людей с таким скандальным характером действительно бывает много врагов.

— Они объяснили “зачем”: требовали ничего не публиковать о вашем пансионе. Как вам это?

— Я ничего не должна вам объяснять, — заорала Рэне и бросила трубку.

— Ну как? — спросила Саня у Василия. — Достаточно?

— Достаточно. Но дверь никому не открывай.

Саня страдальчески закатила глаза:

— Знаю, знаю. Если я спрошу: “Кто там?”, а мне ответят: “Грабители и убийцы”, — в квартиру их не пускать, а если и пускать, то ужином не кормить. Зато если придете вы с Леонидом, вынести холодильник на лестницу и скормить вам все содержимое.

— Зачем же на лестницу? — Василий смутился. — Мы и в кухне поедим.

Целый день капитан Коновалов крутился в МУРе, а вечером решил Саню навестить, не столько в смысле холодильника, сколько в смысле душевного беспокойства. Однако дома ее не оказалось. В редакции, куда он тут же позвонил, ему сказали, что она уехала часа два назад. Василий разозлился — ведь умолял же ее не шляться, а сидеть на месте. Оставив на двери записку угрожающего содержания, старший оперуполномоченный поехал домой и весь ве-

чер угрожал на то, чтобы ей дозвониться. Глухо. Трубку никто не брал. Во втором часу ночи Василий навестил ее с твердым намерением взломать дверь. Увы, этого делать не пришлось — дверь оказалась незапертой. Сыщик обругал себя за то, что не заметил этого, когда был здесь в прошлый раз.

Войдя в квартиру, он убедился в том, что неприятности продолжаются. Если бы на месте капитана Коновалова оказался лейтенант Зосимов, который имеет дурную привычку в каждой гадости видеть что-то хорошее, он бы сказал: “Саня, наконец, затеяла генеральную уборку”. Двери шкафов были открыты, вещи валялись на полу, письменный стол и вовсе перевернут, посуда перебита с тщательностью, достойной лучшего применения.

Капитан пулей выскочил на улицу и рванул в поселок “Николиха”, где располагался не милый его сердцу санаторий “Лес”. Никакой уверенности в том, что он застанет там президентшу пансиона, у него не было, но шанс был.

Глава 10

Вопреки Васиным запретам, после работы я отправилась по магазинам. Не умирать же с голоду из-за того, что Вася к старости стал излишне подозрителен и пуглив. Домой я притадилась с полными сумками, умирая от голода. Да, еды у меня было много, но я совершенно не планировала сегодня вечером принимать гостей, поэтому когда я на этих самых гостей наткнулась, радости никакой не выказала.

— Ага! — сказал один из них, зловеще вращая глазами. — Наконец-то. Тебя только за смертью посылать.

Интересное дело, можно подумать, им было назначено на определенное время. Поэтому я тут же попыталась восстановить справедливость и отместить необоснованные нападки:

— Кто ж знал, что вы придете сегодня? Предупреждать надо. У меня и ужина нет, и неубрано. — Я огляделась, поморщилась — ну это ж надо устроить такой погром! — Да и посуда как раз кончилась, так что кормить я вас не буду. Что вы здесь искали, варвары?

— Мы не жрать сюда пришли, — любезно отказался от ужина гость, по-видимому, единственный из их бандитской шайки, обладающий правом голоса. — Искали кассету, на которой что-то там записано.

— Что-то там записано? Люблю такие конкретные и точные определения. — Я подошла к холодильнику и начала выкладывать туда продукты. Один из гостей положил тяжелую лапицу мне на плечо:

— Мы за тобой.

— Нет, сегодня я не расположена к визитам. Работы полно, устала, спать хочу и есть. Не уговаривайте, мальчики, не могу, как-нибудь в следующий раз.

Уговаривать они не стали. Но настойчивость проявили. Один вывернул мне руку, другой с размаху шмякнул своей лапицей ме-

ня по лицу. Это было бы слишком противно, если бы не ароматизированная салфетка, которая покрывала всю его ладонь. Собственно, сразу после этого я погрузилась в глубокий сон.

Проснулась в машине. Точно помню, что за рулем была не я, а один из моих вечерних гостей. Другой сидел рядом со мной и развязно обнимал меня за талию.

— Что вы себе позволяете? — попробовала сказать я со всей возможной строгостью, но язык слушался плохо. — Мы едва знакомы, и уже такие вольности.

— Тихо-тихо, — ответил тот, кому я предъявляла претензии, — мы уже приехали.

Машина въехала в большие железные ворота, и мы оказались на территории заброшенного завода. Потом мы долго брели по цехам, маршрут закончился подвалом, где, кроме мокрых труб и куч мусора, не было ничего.

— Располагайся, — гостеприимно предложил один из попутчиков. — Чувствуй себя, как дома. — После чего молодые люди двинулись к выходу.

— Эй, куда это вы? — Мне совершенно не хотелось оставаться здесь одной.

— Ча-ао! — сказал один из них и мерзко хохотнул. — Не скучай.

Обследовав подвал после их ухода, я с горечью убедилась, что сбежать отсюда невозможно. Ни окошка, ни люка, ни подземного хода. Ну что за безобразие? Классическая литература столько лет внушала нам, что во всех приличных подвалах есть подземные ходы. А здесь только железные стены и железная дверь. Значит, этот подвал неприличный. Ничего другого не оставалось — я устроилась на куче мусора и принялась скучать. Просто из вредности, чтобы не выполнять уроков этого наглого бандюги.

Скучала я до двенадцати вечера, скучала самозабвенно, отдаваясь процессу целиком, иногда даже впадая в болезненный сон. Разбудил меня шум, хохот и музыка.

Выбрав из мусора огрызок трубы, я деликатно постучала в дверь со своей стороны. Хохот смолк, через пару секунд вырубил и магнитофон.

— Кто там? — услышала я испуганный голос.

— А-а... там кто?

— Мы тут... А там-то кто?

— Как вам сказать? Меня зовут Александра.

— А что вы там делаете?

— Сажу. Меня здесь заперли.

— Кто?

— Кто-кто! Бандиты, наверное.

Больше вопросов мне не задавали. Прижав ухо к двери, я отдаленно улавливала присутствие там, на воле, людей, они разговаривали, даже спорили, но не около моей двери, а где-то дальше.

— Эй! — Я опять постучала трубой по двери. — Куда вы делись?

Послышались шаги, и тот же голос сказал:

— Мы попробуем тебя вытащить. Но не шуми. Дверь железная, надо сварку искать. Сиди тихо.

Не часто ли за сегодняшний вечер меня призывают быть тихой?

Борьба с дверью продолжалась более двух часов. Когда она наконец открылась, я была уже в полном расстройстве чувств и сил.

— Выходи. — Я увидела мальчика лет пятнадцати, бритого наголо, в майке из рыболовной сетки. — Выходи, чего сидишь.

Щурясь на тусклый свет заводского помещения, я выползла из подвала. Компания подростков четырнадцати-шестнадцатилетнего возраста сидела на полу вокруг станка, переделанного в стол. На столе лежала нарезанная колбаса, вобла и стояла батарея бутылок пива.

— Дайте глоточек, а? — попросила я жалобно.

— Да пожалуйста! — Один из них протянул мне бутылку. — За что тебя туда?

Я пожала плечами.

— Ограбили? — Мальчикам явно хотелось приключений. Разочаровывать их было бы не по-человечески.

— Да, — кивнула я. — Но им оказалось мало. Хотят выкуп. Потому и заперли здесь.

— Ух ты! — восторженно присвистнул самый маленький из них. — И сколько они хотят?

— Много им бы не дали, у меня родители не миллионеры. Но, ребятки, за мной должок, вы — мои спасители, потому следующий банкет я вам устраиваю, ладно?

Они смущенно потупились, но отказываться не стали.

— Надо уходить, вам здесь оставаться тоже опасно. Пошли?

— Пошли. — Они сразу согласились. Приключения их будоражили, но инстинкт самосохранения тоже брался в расчет. — Мы тебя до автобусной остановки проводим.

Я благодарно кивнула, и вдруг, в наступившей тишине, мы услышали гулкие шаги. Где-то там, в глубине завода, шли люди. Металлическая стружка хрустела и пицала под их башмаками, звук был противным и вместе с тем жалобным, и я думала о том, что и мне, и моим случайным избавителям уготована участь ничуть не лучше, чем бедной стружке.

Из трусливого оцепенения меня вывел жаркий шепот в ухо: "Прячемся". Мальчик в сетчатой майке схватил меня за руку и потащил к груде ветоши. В нее мы и зарылись. "Дырку, дырку для носа проткни, — шептал мне в ухо мальчик, — а то задохнешься". Дышать, действительно, хотелось, но хотелось также и зрелищ, поэтому прежде всего я прокрутила дырочку для глаза. Вовремя — мои вечерние гости как раз вышли из-за поворота и приближались к темнице, где они меня заперли. То, что дверь покорежена, они заметили только тогда, когда практически уперлись в нее лбом.

— Ни хрена себе, — протянул главный. — Чё то я... а?

— Во-па, — тоже задумчиво и протяжно возразил ему тот, который давеча обнимал меня в машине. Третий молчал, но вид имел идиотский, как будто вместо обещанной водки он глотнул воды.

— Что будем делать? — спросил главный.

Двое других пожали плечами.

— Я звоню Юрику, — принял решение главный, уселся на пол, прислонившись к нашей ветоши, и достал мобильный телефон. Мальчишки рядом со мной перестали дышать.

— Юрок? — Голос бандита удивительным образом изменился — стал тихим и робким. — Юрок, ее нет здесь. А так. Дверь порезали, вроде сваркой, и все. Так чего ж теперь? А? А? Так мы ж не того... Нет, Витек здесь был, у ворот. Никто не выезжал. Мимо Витька не проедешь. Ну что ты... Так где ж искать-то? Ну, понял. Понял. Понял.

Бандюга выключил телефон и сказал редкостную гадость, во всяком случае ничего противнее мне слышать не доводилось:

— Юрик высылает ребят, будем прочесывать завод, искать эту суку. Уж я ее когда найду... — Фразу он не закончил, но легче мне от этого не стало.

Бандиты ушли — вероятно, к заводским воротам встречать “ребят”. Мы вылезли из ветоши.

— Что будем делать? — спросил младший мальчик.

Подвергать смертельной опасности ни в чем не повинных детей, которые и так сделали для меня много хорошего, я права не имела. А потому, гордо подняв голову, как учила меня сестра Даша, голосом трагическим, но твердым сказала:

— Вам надо спрятаться там же, а я пойду сдаваться. Не хватало еще, чтобы они вас перестреляли.

Дети молчали, но было видно, что мое предложение их не очень устраивает.

— Другого выхода нет, и закончим на этом.

Я повернулась к ним спиной и пошла по следам бандитов. Но с каждым шагом мне становилось все хуже и хуже, и, честно говоря, шла я все медленнее и медленнее. И вдруг меня как током ударило.

— Мальчишки! Мальчишки, милые, а как вы-то сюда попали?

— Здесь наше место, — сказал один из них. — Мы всегда здесь собираемся.

— Я не о том! Этот тип сказал, что Витек караулил у ворот, и никто не выезжал. Он что же — вас впустил?

— Не-а, — замотала головой сетчатая майка. — Мы ж не через ворота ходим. Через коллектор.

— Здесь есть спуск в коллектор? — еще не веря своему счастью, спросила я.

— Но он там, у дверей, — мальчик махнул рукой в темноту. — Там, куда они пошли.

— Можно попробовать, — нерешительно сказал кто-то из ребят.

Надо отдать должное моим спасителям — почти все вызвались ассистировать мне в этом безнадежном деле. Бросили жребий, и операцию по моему очередному спасению возглавил самый маленький. Они называли его Никус, мне он представился как Колян.

Мы с Коляном тихо, стараясь не скрипеть заводским мусором, дошли до места дислокации бандитов. Увы, они поджидали подкрепления не на улице, как мы надеялись, а при выходе из цеха, метрах в трех от входа в коллектор. На полу перед ними стоял ящик, на нем горела свечка. Мы, однако, не рискнули заглянуть к ним на огонек и перебрались в противоположный от коллектора конец цеха. Там я распустила свою любимую шерстяную жилетку и привязала к одному концу шерстяной нитки пустую банку из-под краски. Колян напихал в банку мелких железочек, собранных на полу, и установил ее на нечто вроде станка. После чего мы вернулись обратно, поближе к люку, который служил входом в коллектор. Последний этап операции стоил нам колоссального нервного напряжения, но отважный Колян, которого была крупная дрожь, собравшись с духом, дернул-таки что есть силы за нитку, и банка с грохотом ударилась о железный пол. Звук получился что надо.

Бандиты бросились на звук. Колян метнулся к свечке и задул ее, после чего, под оглушительный мат и проклятья, доносившиеся из темноты, мы в два прыжка достигли люка, открыли его и прыгнули вниз. Колян закрыл люк, и, согнувшись в три погибели, мы побежали. Вы пробовали когда-нибудь бегать на полусогнутых ногах, держа голову на уровне коленок? Впечатлений масса! Нам приходилось время от времени прерывать бег и спускаться по каким-то лесенкам.

Первую передышку мы сделали в метро. Не успели остановиться и перевести дух, как перед нами возникли трое мужчин в рабочих спецовках, которые направили на нас мощный фонарь.

— Не светите, дяденька, — жалобно захныкал Колян, — глазам больно.

“Дяденька” переключил фонарь на менее интенсивный режим, и мы смогли оглядеться. Один из троих, окинув нас недобрый придирчивым взглядом, сказал, обращаясь явно не к нам:

— Достали меня эти диггеры. Нашли развлечение! Гоняешь их, гоняешь. На этот раз вам, вредители, удрать не удастся. Сейчас прямехонько в отделение, пусть милиция вами занимается.

И тогда я подошла к нему, обняла за шею и принялась осыпать его лицо поцелуями. Так что ночь для этого простого и милого человека не пропала даром.

Рэне Ивановна была в пансионе.

— Почивают, — заверил Василия сторож, к старорежимной внешности которого очень подходила именно такая манера изъясняться.

— Спит, что ли? — уточнил сыщик, и сторож послушно закивал. — Будите.

— Потревожить ее в такой час? — Сторож в ужасе схватился за голову. — Никак невозможно!

— Возможно. И даже неизбежно. Будите немедленно, а то я сам.

Сторож выбрал из двух зол меньшее и побрел к зданию санатория. Через пару минут между колонн парадного входа появилась Рэне Ивановна. Цветом лица она мало отличалась от серых мраморных колонн, да и изгибами фигуры тоже.

— Да как вы... — она попыталась, было, разораться, но у капитана Коновалова совершенно не было на это времени.

— Значит так, уважаемая, — твердо сказал он, глядя ей в глаза. — Если в течение трех часов Александры Митиной не будет дома, я гарантирую вам все возможные и невозможные неприятности. Во-первых, о ваших милых связях с криминальным миром напишут все газеты и покажут все телеканалы, так что ни один здравомыслящий родитель никогда даже не плюнет в сторону вашего пансиона; во-вторых, вашу фирму будет трясти налоговая полиция, да так, что всю и вытрясет, даже клочки по закоулочкам не полетят; и в-третьих, на ваших бандитов найдутся наши, которые тоже неплохо умеют похищать людей. Мне неприятно говорить об этом, но вы не оставили мне другого выхода: у вас, кажется, сын подрастает?

— Что?! Милиция грозит похищением ребенка? — Рэне, хотя и старалась быть грозной, выглядела достаточно жалко и испуганно.

— Еще одно возражение, и я сокращу время, отведенное вам на возвращение девушки. Три часа! Я ясно выразился?

Рэне скорбно удалилась. Больше Василию в санатории делать было нечего.

Через час он усердно сгребал посуду, точнее, то, что от нее осталось, на Саниной кухне. Комнату Василий убирать не стал, просто запахнул вещи в шкаф, вскипятил чайник и уселся у окошка ждать.

Саня появилась около пяти утра. Вид имела усталый и бледный, но, увидев старшего оперуполномоченного, немедленно попыталась прикинуться бодрой и беспечной:

— Васька! Ты здесь? Как это мило. А со мной такое было, такое... Представляешь, Васька, прямо как в боевиках! Знаешь, бывают такие большие-большие заводские цеха, пыльные, грязные, но очень хорошо приспособленные для житья.

— Где бывают?

— В кино, конечно. — Саня закрыла глаза, привалилась затылком к стене и заплакала.

Старший оперуполномоченный женских слез не боялся и переносил их легко. Но сейчас, глядя на маленькую, измотанную, плачущую Саню, он расстроился. Достав из кармана свой огромный носовой платок, больше похожий на пеленку, он принялся вытирать ей лицо и успокаивать:

— Все, все, девочка, все уже позади. Все, Санечка, все, девочка, больше тебя никто не обидит. А этих — да я им все повыдергиваю, они еще сто раз пожалеют, что тебя тронули.

Потом Василий напустил полную ванну горячей воды и, пока Саня приходила в себя и предавалась водным процедурам, занялся приготовлением завтрака, который впоследствии сам и съел, поскольку у Сани не было аппетита.

— А теперь — прятаться. Одевайся, дружок, и поедем ко мне. — Василий произнес это более чем доброжелательно, вместе с тем его тон не допускал возражений.

— Я вчера уже была у тебя, — попробовала возразить Саня.

— Это ничего, я тебе всегда рад. Так и мне будет спокойнее, и обидчикам твоим отомстим. Подружку твою Рэне я пуганул, она, наверняка, уже велела своим бандитам, чтобы они тебя вернули. И они тебя ищут, поверь. А тебя нигде нет. Исчезла, испарилась. Но я-то буду требовать: “Вынь мне Саню и положи!”. Вот пусть и крутятся.

— А как же я спрячусь? Мне же на работу.

— С работой мы договоримся.

Саня повздыхала, посопела, но вещи собрала, и через двадцать минут Василий уже укладывал ее спать на своем диване. Сам он ложиться не стал, глуповато в семь утра.

Мать Ирины и теща Ивана Неля Павловна давно желала смерти своему бывшему зятю. И не просто желала, но и надеялась. С особым чувством она относилась к многочисленным фактам гибели бизнесменов, не пропускала ни одного выпуска телепередачи “Дорожный патруль” и внимательно прочитывала все криминальные хроники в газетах. По всему получалось, что Ивана убить могут, потому что профессия у него опасная. К тому же ей очень нравилось, что бывший зять гоняет на своей машине с большой скоростью — сводки дорожно-транспортных происшествий она тоже изучала внимательно.

Неля Павловна панически боялась генетической экспертизы, причем боялась не только за дочь, не только за ее материальное благополучие, которое грозило рухнуть после того, как “все раскроется”; она боялась, и куда больше, чем безденежья, что Иван настроит детей против Ирины, а Ирина будет винить в этом ее, Нелю Павловну, которая любезно подсказала Ивану идею проведения экспертизы. Она не сомневалась в том, что внуки, узнав правду о рождении Павлика, перестанут верить матери, которая на протяжении двух лет не только убеждала их в том, что отец Павлика и их отец — одно и то же лицо, но еще и всеми силами убеждала их в непорядочности Ивана. Кроме того, Неля Павловна твердо знала, что пока Иван жив, Ирише покоя не будет. Ведь давно уже вместе не живут, а она все страдает, и все хуже ей и хуже. А так — нет человека, и не о чем переживать. Детей не с кем делить. И детям лучше, а то до чего их можно довести, если мать с отцом — враги, и каждый их к себе тянет.

Но Ивана никто не убивал, в аварии он тоже не пострадал, и Неля Павловна совсем отчаялась.

Однажды, разбирая свои укромные уголки, она наткнулась на пузырек с ядом, который когда-то давно подарила ей соседка-фармацевт. Соседка уже второй год как умерла, так что никто не знал, каким оружием владела Неля Павловна. Яд предназначался для крыс, которые года три назад страшно расплодились в их доме, и соседка умоляла быть "очень-очень осторожной, потому что одной капли достаточно, чтобы отравить лошадь". Прибегнуть к столь сильному средству ей вынудила крысиная хитрость и разборчивость: крысы наотрез отказывались потреблять продукты, отравленные обычными препаратами для грызунов, а этот яд был без запаха и вкуса, и крысы с удовольствием его ели. С тех пор Неля Павловна бережно, на случай нового крысиного нашествия, хранила пузырек, на дне которого осталось еще дозы три-четыре. То есть, подумала она, более чем достаточно, чтобы Ириша стала счастлива.

Пусть выходит замуж на своего Гену и живет, как ей нравится. Ведь почему она сейчас этого не делает? Потому что Гена не умеет зарабатывать деньги. А так — им денег Ивана хватит на долго.

Неля Павловна очень хотела, чтобы Иван умер, но одно дело — хотеть, а совсем другое — убить. Ей было страшно отважиться на такое. Она знала, что зятя днем дома не бывает, и несколько раз, собравшись с духом, она приезжала в свою бывшую квартиру, но все же не решилась отравить воду или еду. В тот самый день — 12 сентября — решиться на убийство ей помогли Рома и Оля.

Она открыла дверь своим ключом и ужасно испугалась, поняв, что в квартире кто-то есть. Хотя, что значит "кто-то"? Кто здесь может быть, как ни Иван? Неля Павловна была в этом уверена — ей даже в голову не могло прийти, что ее квартира используется, как дом свиданий. Из передней была видна кухня, а там на столе стояла бутылка шампанского, два бокала и фрукты. Она не разбиралась в марках вина, но с первого взгляда было понятно, что шампанское очень дорогое — фигурная бутылка, огромная, литра на три, в деревянном подрамнике. Ее это возмутило. Ириша там извела вся, страдает, мучается, деньги у него вынуждена выпрашивать, а он в ее, Нели Павловны, дом баб водит, кучу денег на них тратит.

Когда она вошла в комнату и увидела его на балконе в той шляпе, которую она же ему подарила, ярость всколыхнулась еще пуще. Так что камень, которым она придавливала соленья, попался ей на глаза как нельзя более кстати. Вот он — камень, вот Иван, стоит к ней спиной, не видит ее.

Подвело солнце. Закатное солнце, которое светило прямо в глаза, и отличить Романа от Ивана, так на него похожего, она не смогла даже тогда, когда подошла к нему вплотную. Да еще эта шляпа...

А потом встреча у лифта с девушкой, к которой Иван ушел от Ириши. Неля Павловна и так-то ее не жаловала, Ириша всегда говорила, что именно она, Марина, разбила их семью, и надо же было ей здесь оказаться! Так они по-прежнему встречаются? А Ириша говорила, что она собирается замуж за Романа.

Неля Павловна видела Марину всего один раз, здесь, в своей же квартире, куда Иван приезжал якобы работать. Она застала их случайно и долго думала, говорить об этом Ирише или нет. "Я Ире ничего не скажу, если ты пообещаешь мне, что больше этого не повторится", — сказала она тогда зятю. "Нет, теща, этого я тебе пообещать не могу", — ответил он. Наглец! Что ему стоило обмануть ее, притвориться?

...Она подошла к нему тихо, не дыша, и не столько ударила по голове, сколько выронила тяжелый камень из дрожащих рук ему на голову. Он сразу обмяк и мешком стал валиться назад, на нее. Она инстинктивно вытянула руки вперед, оттолкнула его от себя, и он упал грудью на балконные перила. Тогда она принялась яростно толкать его, толкать, толкать... Он медленно, сантиметр за сантиметром, как будто сопротивляясь, как будто цепляясь за жизнь, переваливался через перила. Но почувствовав, что его уже тянет вниз, она испугалась и даже попыталась удержать, схватить за край пиджака. Шелковая ткань выскользнула из ее руки, и она поняла, что осталась на балконе одна. Смотреть вниз она не стала. Ушла, так и не узнав, кого же убила.

Весь вечер 12 сентября Неля Павловна ждала, что придут ее арестовывать. Вместо этого появилась девушка Александра — милицейская помощница. Из ее слов явствовало, что Неля Павловна ошиблась и убила не Ивана, а его компаньона, а Марина в больнице в бессознательном состоянии. Неле Павловне было жаль Романа, но, как бы кощунственно это ни звучало, она говорила себе: "Бог так распорядился". Она рассуждала так: теперь Иван станет самым главным на фирме, а если он умрет, то Ирише и детям достанется больше денег. Все просто. Но как это организовать до того, как Марина придет в себя? Неля Павловна не боялась ареста, она боялась опоздать. Пусть арестовывают, но только после того, как Иван будет мертв.

По словам Ирины, главным подозреваемым был сам Иван, потому что все считали Романа его соперником. Получалось, что Неля Павловна, убив Романа, оказала зятю неоценимую услугу, за которую ей придется несколько лет провести в тюрьме. Ничего себе финал! Ириша будет по-прежнему мучиться, глядя на то, как Иван наслаждается жизнью со своей Мариной, и некому будет ей помочь, поддержать, утешить.

Никакого счастья Ивана и Марины быть не может!

Несколько белых халатов у Нели Павловны остались со времен работы медсестрой, и, надев один из них, она отправилась в больницу. Получится у нее или нет отравить соперницу дочери, она не знала, но была убеждена, что сидеть и дожидаться конца никак

нельзя, надо попробовать спасти себя и репутацию семьи. Для того, чтобы Марина ее не узнала и не испугалась, Неля Павловна купила себе парик и большие дымчатые очки, однако эти предосторожности оказались напрасными: Марина ее не увидела, лежала лицом к стене и не оглянулась, когда Неля Павловна вошла. Время было обеденное, и Маринины соседки по палате отправились в столовую. стакан с водой стоял на тумбочке, и капнуть в него яду не составило никакого труда.

У Нели Павловны даже возникла надежда, что после смерти своей зазнобы Иван вернется в семью, но буквально через пару дней она с этой надеждой рассталась. Он не вернется, тем более, что Павлик — не его, и он это вот-вот узнает. А даже если и вернется, как он будет к Павлику относиться? Подумать страшно. Мальчик такой ранимый, такой слабенький, что с ним будет, если рядом будет жить человек, который никогда его не полюбит, не примет?

Не надо, чтобы он возвращался! И не надо, чтобы Лиза и Алеша узнали о результатах экспертизы.

Она приехала в свою бывшую квартиру, когда Ивана вызвали к следователю. Дети помогли — обо всех передвижениях родного папочки они рассказывали дома. Початая бутылка коньяка стояла у Ивана на столике рядом с кроватью. "Горе заливает, — подумала Неля Павловна, — вот пусть и идет вслед за своей зазнобой." Откуда ей было знать, что спирт нейтрализует этот яд?

Вся последующая кутерьма, вызванная решением Ивана все продать и уехать, чуть было не свела все ее старания на нет. И опять она переживала, что сама все испортила, вместо того, чтобы помочь.

Глава 11

Лиза и Алеша должны были пойти к Ивану в больницу вечером. Лиза купила фисташкового мороженого, "папиного любимого". Ирина, понятно, воспринимала детские приготовления к визиту, как личное оскорбление, но ничего не говорила, только злобно курила на кухне. Мама, напротив, приветствовала желание детей навестить отца, она даже так и сказала, не "его", как обычно, а "отца".

Дети, выгрузив мороженое из морозилки и завернув его в десять слоев газет, уехали, пробыли они у отца долго.

— Ну как он? — искренне интересовалась Неля Павловна, — как ему ваши гостинцы? Мороженое все съел?

— Ты что, бабушка, там же целый килограмм. Но съел почти половину, и так обрадовался, сказал, что все эти дни мечтал о фисташковом, — ответил Алеша. — Мы даже бывшего охранника угостили.

— Почему бывшего?

— Он сегодня был последний день. Больше папу охранять не будут.

Значит, половина мороженого осталась. Теперь надо пробраться к холодильнику и влить в него яд. Тогда ни детей, ни Иришу, ни Нелю Павловну никто не заподозрит. Мороженое, привезенное из дома, отравлено не было, Иван его ел, и ничего с ним не случилось. Всем будет ясно, что его отравили позже.

Неля Павловна прекрасно знала от детей и от Ириши, что отделение, в котором лежит Иван, тщательно охраняется. Она знала, что даже у врачей и медсестер при входе в отделение проверяют документы. Но больных-то в отделение по-прежнему привозят — не закрывать же больницу из-за того, что там оказался особо охраняемый Иван Кусяшкин. Значит, надо туда попасть в роли больной.

Смешно, но план последнего решающего отравления Неля Павловна составила «с помощью Сани». Иван рассказал детям, а дети потом рассказали матери и бабушке, как Саня пряталась в той же больнице, что и Иван, под чужим именем.

Идея Неле Павловне понравилась. Поэтому ночью она отправилась к своей двоюродной сестре в Беляево. Самой сестры дома не было, она жила на даче, а Неля Павловна наведывалась в ее квартиру пару раз в неделю поливать цветы.

Доехав до сестры, она съела с отвращением банку испорченных рыбных консервов и вызвала скорую помощь. Консервы самым правильным образом подействовали на застарелый гастрит Нели Павловны, и пятидесяти рублей оказалось достаточно, чтобы бригада «скорой» согласилась отвезти ее не в ближайшую больницу, а в институт Склифосовского. Паспорта у нее с собой не было, впрочем, врачам оказалось достаточно страхового полиса сестры. То, что милиции не придет в голову искать отравителей среди больных, тоже чем-то отравленных, она почти не сомневалась. Но даже если они будут проверять больных, заподозрить в убийстве некую Зинаиду Семеновну Лунину, поступившую с острым пищевым отравлением, им вряд ли придет в голову. Не будут же они проверять родственные связи всех сорока восьми больных. Впрочем, парик она все же надела.

В четыре утра дежурный врач (он же — Леонид) мирно спал, удобно расположившись на дежурном посту отделения, за что снискал вечные любовь и преданность медсестры, которой, вообще-то, положено было сидеть на этом месте всю ночь. Неля Павловна, убедившись, что доктор спит и даже похрапывает, тихонько прокралась к холодильнику, который стоял в конце коридора — один на все отделение, суровые нравы института Склифосовского не допускали наличия персональных холодильников в палатах, даже у таких крутых бизнесменов, как Иван Кусяшкин.

Она вылила яд в остатки мороженого — любимого, фисташкового. Все. Теперь все. Осталось уйти отсюда до того, как зять приступит к трапезе. Только уйти тихо, не привлекая внимания к собственному уходу.

Просьбу отпустить ее домой, с которой она обратилась к врачу во время утреннего обхода, тот воспринял спокойно.

— Вам действительно лучше? Я бы не торопился. Но если вы так настаиваете, пишите расписку, что к нам претензий не имеете, предупреждены о возможных рецидивах и уходите по собственному желанию.

Она написала. И уехала. Дома Неля Павловна появилась с полными сумками, как раз тогда, когда все завтракали.

— Мама! — Ириша была ею недовольна. — Ну зачем ты с самого утра по магазинам? Какая такая спешка — даже не позавтракав.

— Вы спали, чего ж я одна, что ли, буду завтракать. Вот ведь — все успела, — ответила она, про себя порадовалась: ее ночного отсутствия никто не заметил.

Они еще сидели за столом, когда позвонил следователь. Неля Павловна изо всех сил делала вид, что не проявляет к разговору никакого интереса, но, как она поняла, Иван еще жив, мороженого, стало быть, еще не ел.

Ирина, не очень понимая, чем следователь отличается от оперативника, и почему надо беседовать и с тем, и с другим, тем не менее согласилась на его приезд.

— Пусть, — сказала она матери, — они все равно не отстанут. Дети, тем временем, опять засобирались к отцу.

Эксперты нудно проверяли продукты, предназначенные для Ивана, поэтому не вылезали из больничной лаборатории. Леонид с утра пораньше куда-то исчез, оставив через дежурного врача странное распоряжение: проверить еще раз фисташковое мороженое.

— Дурак он, что ли? — чертыхался эксперт Коля. — У меня тут гора продуктов, а он требует повторных проверок. Я вчера мороженое отработал. — И добавил реактива в очередной пирожок. — Все чисто. Нет ничего.

— Сейчас опять посетители придут, новый материал принесут. У тебя реактивов-то хватит? А то ему еду горами носят, — “подбодрил” его лечащий врач Кусяшкина, который частенько заглядывал в лабораторию. — Ты проверяй тщательнее, а то он нас все время угощает, так что наша жизнь на твоей совести.

Эксперт мрачно уставился на врача:

— Кушайте, сэр, вам понравится. Фирма безопасность гарантирует.

— Тогда я — мороженого. А то жарко здесь, — решил врач.

В этот момент в лабораторию влетел Леонид.

— Ты где же это шлялся? — поинтересовался эксперт. — Тебя Василий не убьет за саботаж и отлынивание?

Леонид не слушал:

— Проверили? Мороженое — проверили?

— Лень, надоел ты мне. Мы вчера его уже проверяли, так что отстань.

— Тетка! Толстая блондинка! Ночью копалась в холодильнике. Поэтому давай, все по новой.

— С ума сошел, — констатировал врач, с жалостью глядя на Леонида. — Думаю, от переутомления. А может, всегда был предрасположен, и только сейчас прорезалось.

— Что непонятного? — заорал Леонид. — Русским языком объясняю: ночью толстая тетка рылась в холодильнике!

— Ну и что? — Врач по-прежнему взирал на Леонида с состраданием. — Ну, рылась. Есть захотела.

— Так вот. Она поступила вчера с острым пищевым отравлением, а сегодня уже слиняла. Скажи, часто твои отравленные, только-только спрыгнув с носилок, бегут к холодильнику подкрепляться? Или нет — те, кого привозят на скорой, берут с собой запас еды? Ее же никто не навещал, никто ей гостинцев не приносил. Я подумал — в лучшем случае, она воровала из холодильника чужую еду. В худшем — подсыпала отраву.

Врач чуть не выронил блюдо с мороженым. А Леонид продолжал:

— Я за ней поехал, с утра-то. И — что вы думаете? Она прямоком отправилась в квартиру Кусяшкинской жены, а сама оказалась Кусяшкинской тещей! Но, — Леонид поднял указательный палец вверх, — сюда она проникла под другим именем, и внешность изменила. Ну?

— Ладно, — эксперт зачерпнул чуть-чуть стеклянной ложечкой из блюда, — поехали снова.

Прошло пару минут, и лабораторию огласил, а, точнее, оглушил, пронзительный и радостный вопль эксперта. Эксперт орал так, что сидящая за соседним столиком лаборантка даже выронила пробирку. Врач бросился помогать ей собирать осколки, а Леонид — отплясывать лезгинку.

— Скорей, скорей звони Коновалову! — торопил эксперт. — Где он?

— Журналистку караулит. На нее бандиты наемни наехали, — ответил Леонид, не прерывая победный танец.

— Понимаю. — Эксперт хмыкнул. — Я бы такую тоже покарнул. Позвони и скажи, что убийцу ты нашел, так что он может больше не беспокоиться.

Старшего оперуполномоченного действительно в отделе еще не было, но дежурный пообещал, что он появится с минуты на минуту. Дома его уже не было, зато там была Саня.

Леонид не удержался и рассказал ей об очередном покушении на Кусяшкина. Саня заныла, и Леонид согласился взять ее с собой.

— Но только в МУР. Только на поиски омонивца, — сказал он строго.

На Петровку Леонид и Саня приехали вместе, чем несказанно удивили Василия, который уже был там и злобно “работал с документами”.

— Ох, какая приятная встреча. — Василий с хрустом потянулся. — Что привело вас сюда, дети мои? Да, я не спросил самого главного: как обед, которым она тебя недавно кормила? Качественный? Она тебя не отравила, часом, Леонид? Нет? А то я подумал, что ты приволок ее сюда, как задержанную, за покушение на твое желудочное здоровье.

— Меня — нет, — трескаясь от радости, ответил Леонид. — Но мне нравится ход ваших мыслей.

— Не понял.

— Вась, ты будешь смеяться, но опять чуть не отравили твоего Кусяшкина.

Василий вскочил, потом сел, потом опять вскочил и, из последних сил изображая олимпийское спокойствие, распорядился:

— Докладывай.

— Мороженое принесли дети. Но вчера оно было нормальное, Кусяшкин умял полпачки и прекрасно себя после этого чувствовал. Сегодня ночью одна больная из нашего отделения залезала в холодильник, после чего из больницы сбежала. Угадай, что за тетка? Ну?

— Жена?

— Теща! И я заставил эксперта еще раз продукты проверить. Короче, тот же яд, что и раньше. Успел вовремя, спас врача. Тот уже к мороженому пристраивался, и если бы не я...

— Знаете что, — сказала Саня, — давайте разыграем еще один спектакль. Гоша ведь собирался навестить Ирину по месту жительства? Вот и мы с ним...

Гоша тянул время, старательно делая вид, что пытается получить от Ирины хоть какую-то информацию. Разговор пошел уже по третьему кругу, а толку не было никакого.

— Что вы от меня хотите? — говорила Ирина. — Что? Не знаю я никаких его врагов, никогда он мне ничего такого не рассказывал. Ищите сами, это ваша работа.

Гоша облегченно вздохнул, когда услышал звонок в дверь — наконец-то! Увидев Саню, он нахмурился, делая вид, что недоволен и что ей-то здесь совсем делать нечего. Она в ответ весело ему подмигнула и, обращаясь то ли к Ирине, то ли к ее матери, начала тараторить:

— Ой, а я только что видела ваших детей, они у Ивана Ивановича в больнице. Такие дети трогательные, такие хорошие! Сидят, развлекают больного, вот сейчас все вместе собирались мороженое кушать, идиллия просто.

— Все вместе? — Мать Ирины смертельно побледнела и стала медленно оседать на пол. — И дети?

— Да. — Саня довольно, как кошка на солнышке, зажмурилась. — Уже раскладывают по блюдам. А что, вы им не разрешаете есть мороженое, ангины боитесь? Получается, что я их выдала? Да ладно, там всего одна упаковка, ничего с ними не будет, не ругайте их.

— Ох! — мать Ирины схватилась за бок. — Скорей! Туда можно позвонить? Надо срочно позвонить, срочно!

Она захрипела, закашлялась, и лицо ее свела судорога.

— Да перестаньте. — Саня махнула рукой. — Взрослые уже дети, а вы их за мороженое ругать. Я, собственно, к вам не за этим...

— Позвонить, скорей, — хрипела Неля Павловна.

— Мам, ты что? — Ирина не на шутку встревожилась. — Да они мороженое едят тоннами, что ты вдруг?

— Позвонить, конечно, можно, — беспечно продолжала Саня, — у Ивана Ивановича ведь есть мобильный телефон. Но только стоит ли портить людям удовольствие? А потом, толк-то какой? Если они хотят мороженое, а они хотят, я видела, они могут вам сказать, что не будут его есть, а сами съедят. Вы все равно ничего не добьетесь.

Гоша взял чистый лист бумаги и написал сверху крупными буквами "Протокол допроса".

— Оно отравлено! — закричала Неля Павловна, — они же умрут!

— Отравлено?! — тут к крику матери подключилась Ирина. — Отравлено?! Как? С чего ты взяла?

— Да! Да! Звони скорей, скажи им! Скажи им, чтобы не ели.

— Поздравим капитана Коновалова с тем, что убийство раскрыто, — сказал полковник Зайцев, — хотя никак нельзя вписать это в актив капитана. Насколько я понимаю, ни одна из его версий не была правильной, убийство раскрылось само собой. Так что берите дело по серийному убийству таксистов, на нем уже все управления мозги свихнули, раскрыть не могут, версий никаких. Это как раз то, что нужно для капитана... Мы все очень рассчитываем, что, благодаря вмешательству Кановалова, и здесь все само собой прояснится.

— Товарищ полковник, — Василий встал и вытянул руки по швам, — разрешите доложить.

Зайцев кивнул.

— Наша оперативная группа раскрыла убийство Гарцева и Грушиной потому, что правильно расставила посты, и это помогло задержать убийцу практически с поличным.

— Выставить охрану у лица, на которое покушались, — не надо быть семи пядей во лбу.

— Рад стараться! — рявкнул старший оперуполномоченный, хотя возмущению его не было предела. — И впредь посты будут расставлены правильно.

— В каждом такси?

— Никак нет! Убийцу таксистов мы намерены ловить по совершенно другой схеме. Мы планируем...

Впрочем, как ловили убийцу таксистов капитан Коновалов, лейтенант Зосимов, следователь Малкин, и как им помогала журналистка Александра Митина, будет подробнейшим образом описано в следующей книге.

Сегодня же испортить старшему оперуполномоченному настроение уже не мог никто, даже несправедливый и неблагодарный полковник Зайцев, потому что дома Василия ждала Саня, и не просто ждала, а варила суп — самый вкусный в мире. С бандитами, “защищающими” пансион, предстояло еще разобраться, но Василий совершенно не склонен был форсировать этот процесс. Он планировал подождать, когда они явятся с повинной — бедняги уже третий день разыскивают Саню, и их предводительница Рэне совсем покой и сон потеряла, чего старший оперуполномоченный и добивался. В интересах следствия Сане было запрещено покидать квартиру капитана Коновалова. А это значит, что супы в районе старшего оперуполномоченного в ближайшее время займут постоянное место. Хватит уже сухомятки, хватит бутербродов и сосисок. Да и сама Саня, “ну, как собеседник, разумеется, достойная награда за бесцельно прожитые годы, — доверительно сообщил Василий коллегам. — Пусть отсиживается у меня, совершенствуется в кулинарии, строчит свои нетленки на новом компьютере, который ей подарил Кусяшкин в благодарность за спасение”.

Дело под кодовым названием “Теща” закрыто, так что на работе старшему оперу сегодня задерживаться было не резон. Не забыть бы по дороге, думал он, купить чего-нибудь вкусенького. Что она любит? Мороженое! “Куплю, пожалуй, фисташковое. Сорт проверенный, вкус приятный”.

Усадьба в Воробьевке

На девятую пятницу после Пасхи загудела знаменитая Коренная ярмарка. Событие для жителей средней полосы России самое замечательное, неизменно привлекавшее толпы народа и торгового люда. Съехалась сюда, под Курск, в не менее известную Коренную пустынь и тьма богомольцев, жаждущих испытать силу чудотворной иконы, по преданию, найденной здесь в незапамятные времена на корне старого дерева. Под ним тогда же будто бы открылся ключ с целебной водой. Со временем на обрывистом берегу Тускори вырос монастырь, а на месте явления чудотворного образа поставили каменную церковь Живоносного источника.

Приехал на ярмарку и Афанасий Афанасьевич Фет. К крестному ходу он опоздал и не видел, как местную святыню по ежегодному обычаю торжественно перенесли из Курска, где она хранилась, в Коренную пустынь; тут ей надлежало пребыть до начала сентября, а затем проделать тот же обратный путь в курский Знаменский монастырь и пребывать там до ярмарки следующего года.

Фета сопровождал высокий, немного неуклюжий в движениях обрусевший швейцарец Иван Александрович Иост, для удобства называемый просто Остом, — бритый, моложавого вида управляющий фетовскими имениями, много лет его ближайший помощник во всех экономических начинаниях.

Особой цели у Фета не было. При случае намеревался прикупить пару кровных жеребных маток, а если бы приглянулся племенной жеребец для выведения породы, то и его можно было приобрести. Заодно и кой-какого товару для нужд хозяйства и личного потребления его супруги Марии Петровны.

Как и в прошлый раз, остановился Фет в домике с широким двором и навесом для лошадей и экипажей. Домики эти были специально выстроены вдоль ярмарочной площади и сдавались внайма на время торжища.

Едва устроившись после проделанного десятиверстного пути и наказав кучеру Степану стеречь лошадей, Фет и Иост отправились по ярмарке. Несмотря на нелюбовь к скоплению людей, к шуму и сутолоке, Фет испытывал радостное возбуждение. Объяснялось это, прежде всего, тем, что попал он в милую его сердцу отставного кавалериста стихию. И осмотр ярмарки, естественно, начал с конной площади.

Роман БЕЛОУСОВ
“И нежности былой

Я слышу дуновение...”

Фет с видом знатока похлопывал по лоснящимся крупам, приценивался, сладостно вдыхая запах конского пота. И невольно память переносился в ту пору, когда служил в полку и считался неплохим наездником.

На конной площади главенствовали мужчины, а в галантерейных рядах, куда Афанасию Афанасьевичу пришлось заглянуть по просьбе жены, царили женщины. Разодетые дамы, девицы всех возрастов являли собою пеструю выставку невест. Вокруг них вился рой франтов и кавалерийских офицеров.

При виде бравых кавалеристов, среди которых преобладали гусары, но встречались и кирасиры, память увлекла Фета в его военное прошлое, в пыльный степной южный городок, к одноэтажному домику о пяти окнах со ставнями, тремя чахлыми тополями в палисаднике и скрипучей калиткой. Ниточка воспоминаний потянулась дальше, в глубь той, навсегда прошедшей жизни, когда он мог найти счастье и чуть было не обрел его, но, увы, превозмоз свое чувство и пренебрег чужим.

Сделав закупки, Фет посетил монастырь, отстоял службу и бросил в святой колодец серебряную монету. На третий день заспешил домой. Время было горячее — сенокос, надо присмотреть за работами, да и жене обещал не задерживаться.

Перед отъездом в последний раз обедал в трактире, где оказались вполне приличными стол и вина и на удивление замечательный цыганский хор. Ему вспомнилось, как в молодости в Зубовском трактире он увлекся красивой цыганкой из хора, да так, что растратил, как гуляка-купец, все, какие были, деньги, распродал вещи, от енотовой шубы до фракной пары, бегал к ней тайком от домашних на свидания и вообще наделал глупостей.

Улыбаясь в усы, он рассказал об этом увлечении Иосту, на что тот всерьез заметил, что сословные различия запрещают дворянину жениться на простолюднике, да еще цыганского рода.

Сам того не желая, Иост затронул большую для Фета тему.

Дело в том, что целые сорок лет Афанасий Афанасьевич жил под знаком тайны своего происхождения. До четырнадцати он рос под отцовской фамилией Шеншин, а после неожиданно стал Фетом.

Однажды в частный пансион лифляндского городка Верро, где он тогда обучался, пришло письмо, на котором вместо привычного "Шеншину" стояло "Фету". В нем отец сообщал, что отныне сын должен переменить фамилию. И никаких объяснений — отчего и почему.

Посыпались вопросы однокашников. Бесцеремонные и любопытные, они без стеснения, свойственного их возрасту, выпрашивали: "Почему у него двойная фамилия? Откуда он, и что за человек?" Он и сам недоуменно спрашивал себя, почему вдруг превратился в Фета? Но ни себе, ни тем более другим дать толкового объяснения не мог. Ничего не оставалось, как молчать, скрывая, каким тяжелым потрясением стало для него это известие, какую

оно внесло смуту в его душу. Он все более замыкался, глубоко переживая такую раздвоенность. Начавшись тогда, в юные годы, чувство это преследовало его, наложило отпечаток на склад характера, психику и, в конце концов, на всю судьбу. Ведь вместе с фамилией отца он утратил русское подданство, лишился права на дворянство и наследство, то есть из русского столбового дворянина превратился в немца-разночинца, по тогдашним представлениям чуть ли не голодранца, отвергнутого своей средой, что помимо позора рождало чувство обиды, несправедливости. Даже письма и документы с тех пор он вынужден был подписывать: "К сему иностранец Афанасий Фет руку приложил".

Откуда, однако, взялась немецкая фамилия Фет? И что заставило отца дать ему ее?

Со временем сам Фет, если и не до конца, но все же узнает причину столь странного своего перевоплощения. Связано это было с обстоятельствами его рождения. Он появился на свет поздней осенью 1820 года в доме Афанасия Неофитовича Шеншина. Через пару месяцев после того, как тот вернулся из Германии, где лечился, в свои Новоселки на Орловщину. Вернулся, однако, не один, а с молодой особой, которую представил как свою жену. Она была вдвое моложе и могла показаться взбалмошной, особенно тем, кто был посвящен в их историю. А история эта состояла в том, что Шарлотта — так ее звали — бросила в Дармштадте, где жила, законного супруга Иоганна Фёта и малолетнюю дочь и бежала с русским помещиком, будучи к тому же беременной от мужа.

Это случилось в сентябре, а в конце ноября она разрешилась от бремени, и ребенок был записан в метрическую книгу сыном неженатого Шеншина. Только двумя годами позже состоялась их свадьба по православному обряду. Шарлотта стала Елизаветой Петровной. Но разведена с первым мужем не была. Это означало, что она пошла на уголовно наказуемое двоемужество. Впрочем, тогда все обошлось. К тому же судебный чиновник Иоганн Фёт вскоре умер. Спустя несколько лет кое-что из этих запутанных обстоятельств стало известно духовным властям. Главное, что обнаружили церковники: мальчик, нареченный Афанасием, родился до венчания Шарлотты Фёт с Афанасием Шеншиным. А это значило, что он должен был получить "честную фамилию" и называться по имени отца Фётом. Это было лучше, чем числиться незаконнорожденным. В свидетельстве Орловского губернского правления, предпринявшего разыскания, говорилось, что упомянутый Афанасий имеет происхождение от родителей его Иоганна Петра Карла Вильгельма Фёта и его бывшей жены Шарлотты Фёт.

Не все, конечно, из этого было известно молодому Фету (так для упрощения стали писать его фамилию), но одно он знал хорошо: если бы его спросили, как называются все страдания, все горести его жизни, он ответил бы: имя им Фет. "Честная фамилия" стала для него источником бесчестия и несчастий. Мало того, что он лишился возможности называть себя русским, он потерял пра-

во быть помещиком и наследовать родовое имение Шеншиных, вынужден был унижительно объяснять свое происхождение: если он сын Шеншина, то почему числится иностранцем Фетом; если рожден в Новоселках, крещен в православии и назван Афанасием Афанасьевичем, то почему сын Иоганна Фёта? Он старался не отвечать на подобные вопросы.

Сорок лет с того дня, как в пансион пришло письмо на имя Фета, он жил одной думой — вернуть себе фамилию Шеншин. Это стало для него навязчивой идеей. Ради ее достижения пошел на военную службу (он мог поступить только унтер-офицером), рассчитывая дослужиться до офицерского чина, дающего право на потомственное дворянство. План этот осуществить тогда не удалось. Но хлопоты свои, тем не менее, Фет упорно продолжал. Лишь в самом конце 1873 года они увенчались успехом. Высочайшим указом ему была возвращена фамилия Шеншин «со всеми правами, званию и роду его принадлежащими», — милость, оказанная скорее из снисхождения к известному поэту, каким он к тому времени стал, а не из-за существа дела, которое все еще оставалось не достаточно ясным. Но парадокс состоял в том, что отрешиться до конца от прежней ненавистной фамилии он уже не мог, ибо обрел известность в литературе под именем Фета.

Вот почему слова Иоста о сословных различиях и неравнорном супружестве большим эхом отозвались в душе Фета, напомнили о нравственных страданиях, которые преследовали его долгие годы. Афанасий Афанасьевич разом помрачнел, надолго замолчал.

Иост догадался, чем вызвано такое настроение у его хозяина, и укорил себя в душе за неосторожность. Однако Фет нисколько не был в обиде на него, тем более не думал обвинять в предумышленности. Его скорее грустное, чем сердитое молчание объяснялось не только этим, была еще одна причина, всколыхнувшая в нем воспоминания иного рода.

Дорога домой пролежала полями, пока впереди, на правом крутом берегу Тускори, не показалось Воробьевское гнездо, как называл Фет новое имение, всего полгода как купленное. Место понравилось ему с первого взгляда: рай земной по климату, положению, растительности и удобствам. Не раздумывая, он выложил сто тысяч и расстался со своей Степановкой, где прожил семнадцать лет и которую своими руками превратил из затерянного в глуши скита в «прелестную табакерочку».

Почувяв дом, кони пошли резвее. Проехав аллеей из рослых вязов, тройка подкатила к каменному перрону перед домом в два этажа.

Большой, с балконом и террасой, некогда великолепный, а ныне сильно обветшавший, он все же оставался роскошной барской усадьбой. Место располагалось так высоко над рекой, что в ясную

погоду виднелись колокольни Коренной пустыни, а при ветре в сторону усадьбы доносился их перезвон.

Переехав сюда прошлой осенью, Афанасий Афанасьевич, вопреки заведенному обычаю проводить зимы в Москве, прожил тут один-одинешенек до весны. Только в марте по последнему санному пути приехала Мария Петровна. Жить им пришлось в единственной к тому времени отделанной комнате, а до этого, пока шел ремонт и всюду хозяйничали столяры, оклейщики и маляры, Фет ютился в кухонном флигеле.

Заботы и хлопоты, доставшиеся ему в связи с ремонтом, любого могли привести в уныние, но не его, Фета. Он обладал завидной энергией, умел подчинять волю поставленной цели, был решительным в ее достижении. Его экономические успехи поражали, а богатству, наконец им обретенному, многие завидовали. Никто ранее не предполагал в нем такой практической сметки, такой рачительности, такого умения с выгодой вести полевое хозяйство, управлять мельницей и конским заводом. Ведь он был поэт, а они, как известно, живут иллюзиями.

Когда Афанасий Афанасьевич выбрался из кибитки, встречавшая его Марья Петровна ахнула, всплеснув руками:

— Ну чистый арап.

Он поспешно снял уланскую фуражку с донышком на китовом усе, которую неизменно носил, выйдя в отставку, и вручил ее жене.

— Господи, — продолжала она ахать, — на кого ты похож, страшилище какое-то.

Он устало засмеялся и потребовал скорее умыться.

После трапезы, начавшейся любимым шампанским марки “Редерер” и завершившейся домашнего приготовления мороженым, Фет принялся по обычаю просматривать “Курские губернские новости”, в особенности раздел о коневодстве. В иные дни предпочитал послушать игру жены на фортепьяно или, как тогда говорили, “делал” пасьянс. Неизменно после обеда выкуривал папиросу.

Если случалось оказаться тут же кому-либо из гостей, они вполне могли рассчитывать на интереснейшую беседу. Фет умел увлечь рассуждениями о принципах хозяйствования, но еще больше рассказами о детских годах, когда жил в шеншинских Новоселках, об учебе в частном пансионе на Девичьем поле у знаменитого Погодина, где его мать, скупердяйка Аграфена Михайловна, морила учеников голодом, а милая Елисавета Васильевна — жена историка, добрая душа, рано преставившаяся, тайком подкармливала их чем могла. Любил предаться воспоминаниям о Московском университете, о том, как жилось ему на Малой Полянке в мезонине домика его друга Аполлона Григорьева, о непутевом, разгульном Иринархе Введенском...

Вспоминал Афанасий Афанасьевич и свою военную молодость, те долгие восемь лет, которые, в сущности, пошли, как говорится, коту под хвост, так и не позволив ему достичь желанной цели, ради чего, собственно, и пошел служить.

Прошлое стало тревожить его теперь, в момент, можно сказать, сибаритского довольства и наступившего житейского покоя, оно выстраивалось в цепочку воспоминаний.

Гордиев узел

Когда Фет окончил университет, им уже тогда было решено идти на военную службу, и непременно в кавалерию. Более того, он точно знал, куда именно — в кирасирский Военного ордена полк, расквартированный на севере Херсонской губернии. Почему непременно сюда? Выбор объяснялся просто. Ваня Борисов, корнет этого полка и приятель детских лет, давно приглашал, соблазняя легкостью службы и отличной в этих местах охотой на куропаток. Ну как тут было не согласиться! Отец не возражал и обещал высылать триста рублей ежегодно, а при производстве в офицеры сулил прислать верховую лошадь. Однако не столько легкость службы и уж, конечно, не куропатки побудили Фета принять решение, а все та же заветная мечта, его *idée fixe* о возвращении потомственного дворянского звания. Уже через шесть месяцев на основании университетского диплома он мог рассчитывать на производство в офицеры. Правда, для этого необходимо было принять русское подданство. Ведь его зачислили вольноопределяющимся действительным студентом из иностранцев. Ох уж это проклятое “из иностранцев”!

И вот однажды апрельским днем 1845 года Фет прибыл в Ново-Георгиевск, где тогда размещался штаб, как его еще называли, Орденского полка.

Городок стоял на реке Тясьмин в двух верстах от впадения ее в Днепр. Ранее он назывался Крылов, но с тех пор, как был передан в военное поселение и жизнь его определилась наличием “орденцев”, то есть военнотружущих Орденского полка, его стали называть Ново-Георгиевск (от военного ордена Георгия). Само поселение располагалось вне города, вверх по реке, и постройки его тянулись версты на три.

Фет был зачислен во 2-й взвод 1-го эскадрона. Так началась его служба. Обучение пешему строю на плацу, маршировка с ружьем, стойка и повороты на месте, словом, военная муштра. Много времени забирала верховая езда в манеже, пока не научился крепко держаться на неоседланной лошади без стремян. Ведь он был от природы ленив и несколько мешковат, и потребовалось немало тренировки, чтобы выработать стать кавалериста и выправку бравого наездника.

С упорством человека, стремящегося к намеченной цели, Фет преодолевал тяготы армейской службы. Недаром в аттестации его было сказано: “По службе весьма усерден, способностей ума весь-

ма хороших". Отмечалось также знание наук — математических и словесных, логики и истории, географии и физики. Особо выделялось владение языками: французским, немецким, латинским, греческим и чешским.

Через год с небольшим Фет был произведен в офицеры, о чем ему сообщили пакетом с долгожданным обращением: "Его благородию корнету Фету". А спустя еще некоторое время назначили адъютантом командира полка барона Бюлера — человека общительного и дельного.

В свободные от службы часы Афанасий Афанасьевич играл на бильярде или проводил время за переводом стихов своего любимого Горация. Собственные же стихи, кроме шуточных и на случай, вообще писать перестал. Посещал Казенный сад с оркестром полковых трубачей, принимал участие в офицерских попойках с гитарой и песнями, пробовал убить время за картами.

Это была размеренная, однообразная жизнь среди пошлых и грубых людей узких интересов и малых запросов, являющихся как бы продолжением окружающего пейзажа — одинаковой постройки домишек, серых заборов, грязных, долго не просыхавших после дождя улиц и нескончаемой унылой степью вокруг.

В этом скучном существовании была одна отдушина — посещение окрестных помещиков. Чтобы сменить до пресыщения знакомую обстановку, он готов был ехать за много верст, лишь бы отдохнуть среди привычной роскоши и освежиться общением с людьми иного, не военного круга.

Так он стал бывать у Бржеских в Березовке, где познакомился с их родственниками Петковичами и зачастил к ним в Федоровку. Там и произошло знаменательное событие его жизни, которое наложило на нее неизгладимый отпечаток.

Только тот, кто хлебнул горькой армейской службы и познал ее скуку, мог понять восторг, с которым молодой вольноопределяющийся, будущий кирасир отправился за шестьдесят верст на праздник к уездному предводителю, куда был приглашен как поэт, чьи стихи, публиковавшиеся в столичных журналах, дошли до херсонской глухомани. Как ни странно, но здесь, в деревенской глуши, за тысячу верст от столицы, у него нашлись почитатели.

— Я давно жаждал познакомиться с вами, — сказал Фету двадцатисемилетний Алексей Федорович Бржеский, сам немного поэт и музыкант, влюбленный в литературу, а потому искренне радовавшийся возможности свести знакомство с такой избранной натурой, каким представлялся ему столичный поэт. С восторгом говорил о его стихах, о том, что он давний его почитатель, как, впрочем, и его жена. С этими словами он представил очаровательную Александру Львовну. Молодая женщина, ровесница Фета, несколько смущаясь, просила его всеобязательно пожаловать к ним в Березовку, где он будет желанным гостем.

С этого момента Бржеские на долгие годы стали его друзьями. Причем Александра Львовна была не только добрым другом, но и вдохновительницей многих его стихов.

Сестра Бржеского была замужем за Михаилом Ильичом Петковичем, владельцем Федоровки — имения верстах в пятнадцати от большого села Краснолесье, места тогдашней стоянки их полка. По совету Бржеских Фет стал бывать в Федоровке.

Свояк Бржеского оказался отставным штаб-ротмистром Орденовского полка, так что у них с Фетом была, можно сказать, общая военная alma mater. И это еще больше расположило в его пользу и без того радушного Михаила Ильича. Пошли расспросы, воспоминания, анекдоты армейской жизни.

В следующий раз Фет застал у Петковичей большое общество.

На ступенях парадного входа его встречали все обитатели федоровского гнезда и их гости, словно прибыл сам губернатор или какая другая знатная персона.

Несколько смутившись от такого неожиданного приема, Фет начал знакомиться, сразу выделив племянниц хозяина, двух сестер Префацких. В глаза бросилась внешность старшей — Камиллы, брюнетки среднего роста с золотистым загаром и ярким румянцем, уступавшей, однако, младшей Юлии в резвости и грации.

Были здесь и две другие племянницы, дочери отставного генерала Лазича. Истинная красавица Надежда пребывала уже замужем за бравым ротмистром, но, несмотря на это, каждый, кто встречался с нею, влюблялся в нее. Не избежал общего увлечения и Фет. Скоро, однако, понял, что его ухаживания напоминают пустые “риторические упражнения”. Тем не менее все праздники, будь то Рождество, святки или Пасха, не говоря о семейных торжествах, именинах и днях рождения, Фет неизменно проводил в Федоровке, ставшей главным центром тогдашней его задушевной жизни. Ему было здесь тепло и уютно: добрые, радушные хозяева, их милые родственники, приятные гости. В ту пору ему трудно было представить кого-либо гостеприимнее федоровской четы Петковичей, и оставалось только удивляться вместительности их небольшой усадьбы.

Жизнь, однако, не стояла на месте. Камилла вскоре вышла замуж за одного из офицеров, завсегдатаев дома. Юлия увлеклась другим постоянным гостем. И тогда Фет обратил взор на младшую дочь генерала Лазича. И не потому, что раньше не замечал ее, — нет, а просто не было, как это ни странно, случая сойтись с ней в разговоре, узнать поближе. Она редко участвовала в общем веселье, предпочитая играть для танцующих на рояле.

Звали ее Мария, и была она на шесть лет моложе Фета. Жила с отцом, вечно брюзжащим вдовцом Козьмой Лазичем, сербом по рождению, потомком тех своих соплеменников, которые веком ранее поселились на русском юге. Он безвыездно проживал в небольшом имении, энергично хозяйствовал, делал ставку на земледелие и пчеловодство, благодаря чему сводил концы с концами

и даже умудрялся выполнить завет своей покойной супруги — дать дочкам блестящее образование.

Высокая, стройная брюнетка, сдержанная, чтобы не сказать строгая, Мария уступала сестре в красоте, зато превосходила ее роскошью черных густых волос. Уж не это ли побудило его, всю жизнь неравнодушного к женским волосам, обратить на нее внимание?

Заговорив с Марией, Фет изумился, насколько обширны ее познания в литературе, особенно в поэзии. К тому же она оказалась давней поклонницей его собственного творчества. Это было неожиданно и, что говорить, приятно. Но главное, на чем они сблизились, была Жорж Санд. Обоим нравились ее романы, особенно героини, борющиеся за человеческое достоинство, за свободу чувств. Мария горячо отстаивала право женщин на эмансипацию, на равные отношения в любви, и ее оскорбляло подчиненное положение слабого пола. Фет соглашаясь с ней, напоминал, однако, что у героинь Жорж Санд борьба за личное счастье большей частью завершается трагически.

Мария замечательно играла на рояле. Ее талант, виртуозность исполнения и поэтическое настроение, свойственное, надо сказать, вообще ее натуре, оценил сам Ференц Лист. Это было осенью 1847 года, когда великий музыкант гастролировал в Одессе и отсюда приезжал в Елизаветград, где дал концерт в местном собрании. Услышав игру юной Марии Лазич, он был восхищен и перед отъездом написал ей в альбом прекрасную музыкальную фразу. Фет часто просил Марию повторить эту удивительную фразу, и она охотно играла для него.

Скоро Афанасий Афанасьевич заметил, что с нетерпением ждет той минуты, когда послышится шорох ее темно-зеленого платья, и, склонив иглы ресниц, войдет она, присядет на диван, поправит рукой чуть растрепавшиеся в танце пряди своих чудесных волос и улыбнется. Простые слова, робкое дыхание, душевная теплота — все источало волшебные флюиды, и он оказывался в плену женского очарования.

“Не подлежит сомнению, — будет вспоминать он на склоне жизни, — что она давно поняла задушевный трепет, с каким я вступал в симпатичную ее атмосферу”.

Внешне Фет оставался таким, как всегда, — уравновешенным, несколько медлительным, сосредоточенным на данной минуте. И только в стихах прорывалась глубина чувств:

*Я болен, я влюблен; но, мучась и любя —
О слушай! о пойми! — я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!*

В те дни он пишет Ване Борисову, к тому времени оставившему полк: “Я встретил девушку — прекрасного дома и образования, я не искал ее — она меня, но судьба — и мы узнали, что были бы очень счастливы после разных житейских бурь, если бы могли

жить мирно без всяких претензий на что-либо. Это мы сказали друг другу, но для этого надобно как-либо и где-либо. Мои средства тебе известны — она ничего тоже не имеет...”

Материальный вопрос стал главным камнем преткновения на их пути к счастью. Если бы у него хоть что-то было, ну хоть полторы тысячи дохода, сокрушался Фет, он мог бы надеяться устроить свою судьбу, не задумываясь бросил бы шататься черт знает где и нашел бы себе, быть может, покой. А без этого все идет прахом. “Эх, Ваня!.. себя не жаль, а жаль прекрасного создания”. Эта же мысль звучит и в стихах, тогда же написанных:

*Постигнув чудную гармонию твою —
И нежной слабости и силы сочетанье,
Я что-то грустное душой предузнаю,
И жалко мне тебя, прекрасное созданье!*

— Завтра утром, — сказал он ей как-то, когда они по обыкновению засиделись за полночь, — я решительно поблагодарю добрейших хозяев, дружески пожму вам руку и окончательно уеду. Так продолжать нельзя.

В то время как раз пришел приказ их полку выступать. Поход намечался на запад, к австрийской границе. И раньше, бывало, они расставались, не виделись неделями, когда дела службы задерживали Фета в полку и ему трудно было вырываться в Федоровку. Теперь их ждала более долгая разлука.

Он уехал, так и не простившись, возможно, надеясь, что сумеет перед выступлением еще раз навеститься. Но не получилось.

До границы полк не дошел, был остановлен в Ново-Миргороде — приблизительно в ста верстах от Красноселья — места прежней стоянки. Расположились на постой, ожидая нового приказа.

Суэта походной жизни отвлекала от мыслей о Марии. На душе, казалось, стало спокойнее. Даже внешне было заметно, Фет переменился. Подтянулся, поздоровел. Взгляд стал веселее, лицо покрылось ровным загаром (чтобы не сгореть под палящим степным солнцем, он регулярно умывался сывороткой или отваром из петрушки).

Все лето полк простоял под Ново-Миргородом. Только в сентябре пришел, наконец, приказ возвращаться. Но не в Красноселье, откуда до Федоровки было рукой подать, а в Ново-Георгиевск. Фет и Мария по-прежнему переписывались. Он сознавал, что продолжение их романа, пусть даже в форме “почтовой прозы”, только бередит рану. Чем больше он пытался распутать этот гордиев узел, тем сильнее его затягивал.

В декабре Фет поехал в Москву устраивать издание сборника своих стихотворений. На обратном пути заехал в родные Новоселки и в самом начале нового года вернулся в полк.

В Федоровке, где Мария теперь постоянно гостила, он не показывался. У него было на это оправдание: в одном из писем она сама дозволила ему не являться сюда более.

И все же встреча состоялась.

Это было восторженное свидание, отозвавшееся тяжелой и безнадежной болью, последний всплеск их взаимного чувства.

Возвращался Фет после этой встречи в мрачном расположении духа. По пути заехал к приятелю по полку и пытался вином заглушить гнетущую тоску.

*Среди людей так часто двое
Равно постигнули земное,
Затем что стали высоко,
И оба сердца пышут страстью,
И оба сердца рвутся к счастью,
И счастье вечно далеко.*

Спустя некоторое время ему сообщили ужасную весть. Мария трагически погибла. Она умерла страшной смертью, тайна которой до сих пор не раскрыта. Кое-кто склонен был думать, что девушка покончила жизнь самоубийством.

По официальной версии, дело обстояло будто бы так.

Мария лежала на диване и читала. Закурив папироску, бросила на пол спичку, полагая, что та потухла. Внезапно подол ее летнего кисейного платья загорелся. Испугавшись, она бросилась по ступеням террасы в сад, где пламя факелом объяло ее с еще большей силой. Закрыв лицо руками, она успела крикнуть, чтобы сохранили письма Фета к ней, и упала вся обгоревшая. Спасти ее уже не было возможности, она скончалась на четвертые сутки в страшных мучениях.

“Можно ли на кресте страдать более, чем она?” — в отчаянии повторял Фет. Мыслимо ли в здравом уме уйти из жизни таким способом — путем самоожжения, если думать, что было самоубийство. Невероятно! Нет, конечно, это несчастный случай, ужасный, трагический. И он тут ни при чем, успокаивал себя Фет. Так распорядилась судьба, безжалостно вмешавшись и разрубив гордиев узел их отношений. И какой страшной ценой!

Фет тяжело переживал безвременную кончину Марии Лазич. Чуть позже к нему придет сознание того, что он утратил, чего лишился. Поймет, что Бог посылает такое только раз — ту, с которой мог бы пройти по жизни. Но судьба распорядилась иначе. Да и сам он, можно сказать, упустил выпавший бы ему шанс.

*Судьба меня опять уж не сведет с тобою,
И ярких глаз твоих нигде я не найду.*

Так был разрушен его идеальный мир. “Что же дальше? — спрашивал себя Фет. — Что делать, как жить? Оставаться вечным кирасиром — хуже самого худого”. Выход, по его мнению, один — искать богатую невесту. “Может быть, это еще худшее худо — но выбора нет. Если бы удалось найти такую, послал бы к черту службу да и засел бы в деревне стричь овец и доживать век. Ей-бо-

гу, гораздо умней приморозить хвост здесь в глуши, чем добиваться Бог знает чего”.

Тут как раз подвернулась богатая барышня, свояченица торговца лошадьми, ремонтера их полка. За ней давали более двадцати тысяч серебром. Чем не партия для бедного офицера? “Вот тебе и любовь, и стремления, и прочее, и прочее”, — иронизирует он сам над собой, но не отменяет намерения ехать свататься, “если не очень будет противно”.

Видно, дело тогда расстроилось, но мысль, однажды поселившаяся в нем, продолжала жить. Прозаичный расчет брал верх над романтическими порывами, и он не стеснялся выставлять себя человеком меркантильным, пекущимся о достатке, открыто заявляя, что вне денег ничего нет и быть не может.

Это означало, что сердце покорилось разуму, а разум подчинился воле.

Летом 1857 года здравый смысл одержал окончательную победу — Фет женился.

Он был уже в отставке и навсегда оставил мысль о военной карьере, с помощью которой думал вернуть себе дворянство. Когда, вскоре после гибели Марии, Фет получил чин штаб-ротмистра, и оставалась последняя ступень — чин ротмистра, поднявшись на которую он достиг бы желанного, вышел манифест: право на потомственное дворянство дает только чин полковника.

К тому времени Фет года три как сменил белый кирасирский колет на синий мундир лейб-улана — перешел в гвардию и переехал на север, место новой службы, но дослужиться до полковника не было никакой надежды.

Жена его, Мария Петровна Боткина — из известной семьи чаеоторговцев, на шесть лет моложе, некрасивая, но девица с приданым, в придачу, правда, с каким-то в прошлом печальным романом. Она призналась ему в этом накануне свадьбы; он в ответ поведал ей тайну своего рождения. Такая взаимная искренность сразу же помогла установить между ними отношения доверия и дружества. И хотя она была существом прозаическим и бескрылым, но отличалась добротой и преданностью, а главное, умела прилаживаться к нелегкому характеру мужа.

Быт налаживался. Денег жены как раз хватило на покупку Степановки. Теперь Фет мог рассчитывать только на себя, на умелое ведение хозяйства. Это ему удалось. У него открылся истинный талант агрария, а о литературе он и слышать не хотел. И действительно, за годы, прожитые в Степановке, Фет не написал и трех стихотворений — Музу “прогнал взашею”.

Дом на Плющихе

Началось это в первую зиму его жизни в Воробьевке. Коротая ночь в неустроенном флигеле, Фет снова вернулся к поэзии.

На дворе бушевала вьюга, со злостью бросала в окна хлопья снега, в печной трубе бесился залетевший туда ветер. Комната сла-

бо освещалась керосиновой лампой под круглым белым плафоном. Было грустно и одиноко.

*В уединении забудусь ли порою,
Ресницы ли мечта смежает мне, как сон, —
Ты, ты опять в дали стоишь передо мною,
Моих весенних дней сияньем окружен.*

Зима выдалась студеной, весна оказалась гнилой. Едва стаял снег, Тускорь разлилась небывало, отрезав Воробьевку от всего мира.

Лето Фет провел в воспоминаниях, осенью, в ноябре, написал одно из самых откровенных и, как говорил, невыдуманных стихотворений, посвященных Марии Лазич, названное им первоначально "Отошедшей" и прозвучавшее как лакримоза (часть рекевиема — песнь скорби и печали).

*Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять.
А был рассвет! Я помню, вспоминаю
Язык любви, цветов, ночных лучей —
Как не цвести всевидящему маю
При отблеске родном твоих очей!
Очей тех нет — и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорей, скорей в твое небытие!*

Чувство невозвратимой потери угнетало его и сделалось теперь постоянным спутником, чаще всего проявляясь в стихах. Будто вскрылась долгие годы сидевшая в нем болезнь, порождавшая хандру.

*...ты вот тут — со мною,
Со мной! — и молодость, и суетную честь,
И все, чем я дышал — блаженною мечтою
Лечу к твоим ногам младенческим принести.*

Образ Марии возникал, порой почти физически ощутимо, и он все отчетливее сознавал: счастья, которое тогда пережил, было так много, что грешно просить у Бога большего.

Фет стал настолько чувствителен к теме утраченного счастья, что достаточно было самого ничтожного повода, вызывавшего в памяти былое, чтобы разразиться стихами.

*Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей...*

И тема эта все сильнее звучит в его стихах.

"Все любовь и любовь", — делится впечатлением от них Софья Андреевна Толстая, прослушав однажды в Ясной Поляне новые сочинения старца Фета.

Фет завидовал Ване Борисову. Надо уметь любить так, как тот любил сестру его, Надю. Милый, симпатичный Ваня, вызывав-

ший сострадание у всех, кто знал его историю. Внешне он производил впечатление робкого, нерешительного, а на деле был человеком твердым и непоколебимым. И вот этот, с виду загнанный, с добрыми глазами юноша влюбился в младшую его, Фета, сестру и сделал предложение. Ему отказали. С горя подался он служить на Кавказ, воевал, не жалел себя, но, к счастью, уцелел. Десять лет он сохранял верность своему чувству. Вернувшись, снова сделал предложение. Она вновь отказала ему — любила другого. В тот же день он выстрелил себе в голову, но произошла осечка. И снова уехал на войну. Через три года — новая попытка сватовства, и снова отказ. И тут не было бы счастья, да несчастье помогло. Надя заболела психически, и доктора надеялись, что замужество поможет ей излечиться. То ли следуя предписанию врачей, то ли оценив, наконец, постоянство Борисова, она согласилась стать его женой. Через год у них родился ребенок. Те, кто знал их тогда, уверяли, что это единственное счастливое супружество, которое когда-либо они видели в жизни. Жаль только, что брак этот был недолгим. Здоровье Нади окончательно подорвалось, болезнь становилась все ужаснее и безнадежнее. Десять лет спустя она умерла. А через три года скончался и Ваня Борисов.

С тех пор минуло немало лет. За эти годы ушли многие — сестры: страдавшая манией преследования Каролина — его немецкая родня, и здравомыслящая Люба; братья Василий и Петр, сгинувший безвестно где-то в Америке и тоже подверженный своего рода мании бегства. Умер шурин, близкий ему по духу Василий Петрович Боткин. Еще раньше удар сразил беднягу Аполлошу Григорьеву, незадолго до того в очередной раз выкупленного из долговой тюрьмы. А совсем недавно скончалась его вдова Лидия Федоровна. Ее трагическая смерть с новой силой всколыхнула собственные болезненные воспоминания — она погибла ужасно, как и Мария Лазич, заснув с горящей пахитоской в руке.

Вообще эти годы оказались особенно печальными. Распадалась интеллектуальная связь со своим поколением. Давно перестало биться сердце Гоголя, в свое время благословившего его поэтический талант, умолкли навсегда Тургенев и Дружинин, Некрасов и Тютчев.

Конечно, были и радостные события. После долгих хлопот возвращено, наконец, долгожданное право называться русским дворянином Шеншиним, присвоено звание камергера, “за литературные заслуги” получен орден Анны II степени, присуждена Пушкинская премия и отпразднован торжественным обедом 50-летний юбилей поэтической деятельности.

Возраст, между тем, брал свое, обострились болезни, мучила застарелая астма, болели глаза — так, что трудно стало писать, и пришлось завести литературного секретаря. Теперь он диктовал свои стихи, письма и ответы на них, переводы, а позже и мемуары. Эту работу выполняла Екатерина Владимировна Федорова. Она вошла однажды погожим днем в его кабинет на Плющихе и

предъявила рекомендации. С этого дня на долгие шесть лет Екатерина Федорова стала его неизменной помощницей.

Дом на Плющихе был куплен сразу, как только Фет прочел в "Московских ведомостях" объявление о продаже. Двухэтажный, деревянный, он понравился и удобными помещениями, и местом расположения — неподалеку от обиталища Льва Николаевича Толстого в Хамовниках, — это будет способствовать их частым встречам, радовался Фет. С чувством удовлетворенной гордости брал он в руки письма, на которых отныне значился адрес: Москва, Плющиха, собственный дом.

Зимы Фет проводил здесь, наслаждаясь комфортом и уютом. Частые гости у него — Толстой, друг юности поэт Полонский, критик Страхов, философы Соловьев и Грот, художники Репин и Остроухов. Дом славился хлебосольством, и где, как не у Фета, можно было отведать свежей ботвиньи в январе.

Круг друзей узок, но Фет и не стремился его расширять, хотя любил, чтобы вокруг него собирались, беседовали, спорили.

Он и раньше не переносил передвижений с места на место, теперь и вовсе стал завзятым домоседом, еще более упрямым и капризным. По утрам за кофеем бранил тупость и ругал газеты, раздражался сверх меры от пустых разговоров, от того, что доктора категорически запретили употребление табака — ему, смолоду курившему, с трудом пришлось отвыкнуть от папирос. Чаше стали проявляться странности и всякие прихоти, присущие и прежде: не мог жить в комнате с двумя дверями и даже в летнюю пору работал взаперти с двойными рамами на окнах; не терпел, когда его к чему бы то ни было обязывали, скажем, по чьему-либо предложению смотреть пейзаж или восхищаться музыкой.

В пять Фет обедал, час-другой отдыхал, после чего, бывало, уединялся в мастерской — всегда имел склонность что-то вырезать, сооружать, выпиливать. Сам чинил часы, вытачивал шахматы на станке собственного изготовления.

По-прежнему удручало здоровье. Мучила одышка, временами переходившая в приступы удушья. По всему дому слышен был его залиvistый, частый как дробь, кашель, доводивший до одурения. Продышавшись и утерев платком невольные слезы, он находил силы еще шутить: "Опять слон наступил мне на грудь".

Ужасно страдал глазами и продолжал катастрофически терять зрение. И ничего так не боялся, даже смерти, как слепоты. Почерк стал ужасным, рука с пером ковыляла по листу, и выходили какие-то несусветные каракули.

Так и текли дни между Плющихой и Воробьевкой, да что там дни — годы! Нагрянула старость, с ней, казалось, должны были остыть и желания.

Марья Петровна, как усердная нянька, пеклась о нем, поправляла подушку в кресле за его спиной, укрывала колени пледом, следила, чтобы вовремя принимал лекарства, и на столе в кабине-

те всегда был бы стакан горячего чаю. С утра хлопотала по дому, вела хозяйство. Лучшего друга, преданного и заботливого, не сыскать — он понимал это. Она была истинной *femme du foyer* — женщиной очага.

Весной, как обычно, переехали в Воробьевку. Еще издали, подъезжая к имению, Фет заметил, что крыша у дома заново выкрашена, освежены стены, оштукатурена ограда парка. Его встретили милые, простые кисейные занавески на окнах, запах прошлогодних яблок в комнатах и знакомый скрип половиц.

По утрам он спешил к кофейнику, затем сразу же садился за работу. Рядом неизменно находилась Екатерина Владимировна. Фет был очень доволен ею, полностью доверял ей, полагался на ее вкус и не мыслил без нее своего существования. Она была необходима ему как поводырь, как неизменный помощник и друг.

В тот год Екатерина Владимировна помогала готовить пятый выпуск его "Вечерних огней", вместе с ним отбирала стихи для полного издания сочинений, записывала под диктовку его воспоминания.

"Моя старуха Муза, — писал Фет весной 1892 года, — спит, спит, да вдруг во сне и забредит, а Екатерина Владимировна запишет ее кошмар".

Иногда во время занятий он вдруг засыпал — возраст давал себя знать, и Екатерина Владимировна терпеливо ждала его пробуждения, чтобы продолжить работу. Но вообще движения и походка оставались достаточно энергичными, удивляя иногда, как может человек, подверженный таким хворям, быть столь подвижным.

По вечерам, когда начинало смеркаться, Фет садился в кресло возле лампы, и Екатерина Владимировна читала ему вслух по-французски роман "Мадам Бовари". Он слушал и думал о трагедии женщины, мечтавшей об иной жизни, грезившей о любви. Какой тонкий анализ чувств и поступков своей героини дает автор, дивился Фет, как глубоко сумел проникнуть в ее душу и как ярко показать трагедию чувств в этом мире. Что ни говори, Флобер — мастер, и, надо думать, сам немало перечувствовал и пережил.

Украдкой Фет следил за Екатериной Владимировной во время чтения. Словно сластолюбивый Пан, из чащи подсматривающий за нимфой, он любовался фигурой молодой женщины, ее тонким станом, крепкой, поднятой корсетом грудью, очертаниями стройных ног. Умилялся ее тихой улыбкой, открытым взором синих глаз, миловидным личиком и страдал от того, что не осмеливался высказать свое восхищение.

Временами в нем вспыхивал бунт против собственного благоразумия, того самого здравомыслия, которое когда-то так подвело его, и на бумагу выплескивалось:

Рассуждать сегодня — стыдно.

А безумствовать — разумно.

И однажды у него вырывается признание:

Я слышу — и судьбе я покоряюсь грозной,

Давно я сам себе сказал: не прекословь;

Но перед жертвою покорною и слезной

Зачем же замолчать должна совсем любовь?

Пусть радость хоть на миг не слышит порицанья,

Пусть завтра — строгий чин, все тот же, как вчера, —

Но ныне страсть в глазах, и долгие лобзанья,

И пламенных надежд отважная игра!

Но мог ли он, больной и немощный, питать надежду, мог ли помышлять об ответном чувстве? Нет, что ни говори, сколько ни убеждай себя, — он старик, и никакой Гёте с его любовью в восемьдесят лет не может служить утешением. Молодая помощница своим обликом напоминала ту, ушедшую навсегда, она пробуждала в нем жгучие, мучительные воспоминания. При виде ее прямого пробора, рассекавшего густые волосы, наблюдая движения рук, походку, он переносился в ту даль, что несла муку, но была так дорога ему. И, глядя на нее, он вновь переживал счастье далеких дней, и виделись “в устах живых — уста давно немые, в глазах — огонь угаснувших очей”.

Нет, я не изменил. До старости глубокой

Я тот же преданный, я раб твоей любви,

И старый яд цепей, отрадный и жестокий,

Еще горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,

Хоть каждый день бреду томительно к другой, —

Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,

Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнет ли красота иная на мгновенье,

Мне чудится, вот-вот, тебя я узнаю;

И нежности былой я слышу дуновенье,

И, содрогаясь, я пою.

Многие стихи этих лет доносят до нас не только радость давнего свидания, миг восторга от подаренной когда-то улыбки, но и горькие вздохи о минувшем, сожаление об ушедшем, скорбь и печаль. В жизни все, и красота в том числе, подвластно времени. Лишь художник может победить время и смерть, силой таланта способен остановить прекрасное мгновение, запечатлеть его.

Как-то вместе с Марьей Петровной Фет осматривал цветник, и ему пришла на память одна народная примета.

— Посмотри, как расцвели наши розы, как полыхают алыми красками, словно кровь разлилась по ним, — раздумчиво произнес он. И, глядя куда-то вдаль, помолчав, продолжил: — Дурной

знак. Уж не предсказывает ли их буйное цветение мой скорый конец?

— Полно, — встревожилась Марья Петровна, — у тебя сегодня дурное настроение.

Продолжая смотреть все в ту же точку, Фет с усмешкой добавил:

— Не беспокойся, мамочка, ты никогда не увидишь, как я умру.

Она суетливо перекрестила его, как бы спасая от дурного глаза, запричитала:

— И не гневи Всевышнего, не гневи. Мы еще, друг мой, повоюем. Незачем нам спешить, успеем предстать перед ним.

Незаметно пролетело лето. Сентябрь выдался холодным, шли непрерывные дожди. Впору было уезжать. Фета охватило нетерпение, и он заспешил в Москву, пока дороги не размыло окончательно.

В начале октября выехали. Только в поезде Фет немного успокоился. Марья Петровна и Екатерина Владимировна сидели напротив, обложенные картонками и саквояжами. За окном мелькал унылый осенний пейзаж.

Над Москвой висело тяжелое свинцовое небо, наступили ранние холода, а в доме на Плющихе было тепло и уютно. Два раза в день — утром и вечером — дворник Тарас приносил охапки дров и топил печи, чтобы не успели остыть.

Первое, что сделал Фет, — нанес визит Толстым. Взял извозчика и отправился к ним обедать. Ехать-то всего с полверсты. И то ли оделся недостаточно тщательно, то ли вышел разгоряченным на улицу, но, как на грех, не уберется и по дороге простудился, а любая простуда при его больных легких была для него губительна. В ту же ночь начался такой сильнейший приступ одышки, насморк и кашель, что он решил — это конец. Лечащий его доктор Остроумов, специалист по болезням сердца и легких, прописал строгий домашний режим, категорически запретив выходить.

Отныне халат стал постоянным нарядом, а кресло неизменным пристанищем. Поначалу Фет еще работал, не прерывал литературных занятий, а в часы отдыха развлекался тем, что наблюдал, как Марья Петровна раскладывает пасьянс, или кормил с руки скворца, привезенного Екатериной Владимировной из Воробьевки, — он прижился у них и, на удивление всем, довольно отчетливо произносил: “скворочка-душечка”.

Однако силы Фета слабели с каждым днем. Навестившая его Софья Андреевна Толстая застала Фета за столом обедающим, но говорить он уже почти не мог, тяжело дышал, кашлял и стонал. Если же и произносил что-либо, то почти шепотом, одно-два слова, и снова замолкал. “Тяжело и слушать, и смотреть”, — записала она в своем дневнике после визита.

Слабость настолько усилилась, что обеспокоенный доктор посоветовал Марье Петровне причастить больного. Она ответила, что

Афанасий Афанасьевич не признает никаких обрядов, и что грех этот — остаться без причастия — она берет на себя. Но тут внезапно наступило улучшение.

Утром, 21 ноября, накануне своего дня рождения, Фет пожелал шампанского. Жена возражала: доктор, мол, не позволит такого излишества. Фет настаивал, потребовал немедленно съездить к нему на Страстной бульвар за разрешением и ужасно нервничал, пока возились с лошадьми.

— Ну, отправляйся же, мамочка, да возвращайся скорее, — торопил он.

Марья Петровна уехала, а Фет остался вдвоем с Екатериной Владимировной, со слов которой и стало известно, что произошло дальше.

— Пойдемте, я вам продиктую, — сказал он и пошел в кабинет.

— Письмо?

— Нет.

Екатерина Владимировна приготовилась записывать.

“Не понимаю сознательного приумножения неизбежных страданий. Добровольно иду к неизбежному”, — продиктовал он и собственноручно подписался: “21 ноября Фет (Шеншин)”.

В тот же миг схватил со стола стальной, наподобие стилета, нож для разрезания бумаги. Только тогда до Екатерины Владимировны дошел смысл записанных слов, она стала отнимать нож, поранив при этом себе руку. Фет бросился в столовую. Она звонила, звала на помощь, но никто не откликнулся. Вбежав вслед за ним в столовую, Екатерина Владимировна застала такую картину: Афанасий Афанасьевич пытался открыть дверцу шифоньерки, где лежали ножи. Вдруг, часто задышав, он упал на стул, с уст сорвалось: “Черт!” Глаза широко раскрылись, будто увидели нечто страшное: правая рука приподнялась, как бы для крестного знамения, и тут же резко опустилась.

Года за четыре до этого Фету довелось отвечать на вопросы “Альбома признаний” (модного тогда развлечения), принадлежавшего старшей дочери Толстого. В этих записях, сделанных очень обдуманно и со свойственной ему откровенностью, он признался, в частности, что счастье видит в том, чтобы исполнить что-либо значительное; что любил он дважды в жизни, и что хорошо, когда любовь бывает взаимной. Что касается брака, то это естественная тягота, которую все-таки нужно терпеть, а жить хотел бы как можно короче и умереть желает смертью мгновенной.

Смерть его оказалась легкой и наступила в одночасье. Но предшествовали ей годы страданий, сожаление об утраченном, сознание одиночества. Внутренняя, временами нестерпимая боль души усугублялась болезнями, терзавшими тело. И он искренне желал удалиться туда, где вечное молчание, где пребывала ОНА.

Скорей, скорей в твоё небытие!

Было ли это обдуманное, преднамеренное самоубийство, вернее, попытка его, — так и осталось неизвестным. ■

РЕВЕНТОВА

Фриц ЛЕЙБЕР-младший

— Возможна ли встреча с мертвецом? — озадаченно повторил доктор Баллард. — Какое отношение это имеет к вашей лодыжке?

— Ничего такого я вам не говорила, — резко ответила Нэнси Сойер. — Я сказала: “Я приложила пузырь со льдом”. Вы, должно быть, ослышались.

— Но... — начал было врач, затем быстро поправился. — Конечно, ослышался. Продолжайте, мисс Сойер.

Девушка помедлила. Она перевела взгляд на большое светлое окно и на сереющее небо за ним. Это была молодая женщина с выпуклыми глазами, узким подбородком, крепкими белыми зубами, рыжеватыми волосами и женственно-красивой, как у крольчихи, фигурой, включавшей длинные изящные ноги, одна из которых без чулка лежала сейчас на стуле. Вокруг лодыжки образовалась твердая белая припухлость.

Доктор Баллард представлял собой человека среднего роста и возраста, с сильными, но мягкими руками. Он казался умным и неуспевающим, насколько можно было судить по его модно обставленному кабинету.

— Больше и добавить-то нечего, — наконец прервала молчание девушка. — Я приложила пузырь со льдом, но опухоль не ушла. Поэтому Мардж заставила позвонить вам.

— Понимаю. Скажите, мисс Сойер, до этого лодыжка вас не беспокоила?

— Нет, я просто проснулась в испуге, потому что во сне что-то схватило меня за ногу; я протянула руку, коснулась лодыжки — и обнаружила эту опухоль.

— А днем до этого лодыжка не болела? Или, может, она выглядела не совсем обычно?

— Нет.

— Тем не менее, когда вы проснулись, опухоль была?

— Именно такая, как сейчас.

— Не думаете ли вы, что могли подвернуть ногу во сне?

— Нет.

— И сейчас не ощущаете никакой боли?

— Нет, если не считать того, что я чувствую, как меня что-то плотно обхватило и, время от времени, сжимает сильнее.

— Вы когда-нибудь ходили во сне?

— Нет.

— Какие-нибудь аллергии?

— Нет.

— Нет ли у вас предположений — абсолютно любых — относительно того, с чем это может быть связано?

Нэнси снова стала смотреть в окно.

— У меня есть сестра-близнец, — сказала она через некоторое время изменившимся голосом. — Вернее, была. Она умерла больше года назад. — Нэнси быстро перевела взгляд на доктора Балларда. — Зачем об этом упоминаю? Это не может иметь никакого отношения к моей лодыжке. Бет умерла от апоплексического удара. — Возникла пауза. — Надеюсь, рентген покажет, в чем тут дело?

Доктор Баллард кивнул.

— Снимок скоро будет готов. Мисс Снайдер проявляет его.

— Мне можно пройти по комнате? — спросила Нэнси, вставая.

— Конечно.

Нэнси подошла к окну, слегка хромя, и выглянула.

— У вас прекрасный вид из окна, видно полгорода, — заметила она. — А под нашим домом течет река. Хотя, мне кажется, что мы выше.

— Это двадцатый этаж, — сказал врач.

— А мы живем на двадцать третьем. Мне нравятся высокие здания. Будто летишь на самолете. Река проходит прямо под окнами, и я представляю, что лечу над водой.

Раздался тихий стук в дверь. Нэнси обернулась.

— Это снимок?

Врач, подойдя к двери, открыл ее.

— Это ваша подруга мисс Хадсон.

— Привет, Мардж, — окликнула ее Нэнси. — Входи.

В дверях стояла плотная девица с волосами песочного цвета.

— Подожду здесь, — ответила она. — Я подумала, что мы можем вместе пойти домой.

— Дорогая, как любезно с твоей стороны. Но, боюсь, мне надо будет еще немного задержаться.

— Это ничего. Как ты себя чувствуешь?

— Чудесно, дорогуша. Доктор только что сделал рентгеновский снимок, чтобы посмотреть, что там в моей шишке.

— Ну, я подожду в приемной. — Выходя, девушка чуть не столкнулась с женщиной в белом халате, которая и вручила доктору большой коричневый конверт.

Доктор Баллард обратился к Нэнси.

— Я только взгляну на снимок и сразу же вернусь.

— Вам звонил доктор Майерс, — сказала ему сестра, когда они двинулись к выходу. — Интересуется насчет сегодняшнего вечера. Не мог бы он подъехать сюда и отправиться вместе с вами?

— Когда он сможет сюда добраться?

— Говорит, примерно через полчаса.

— Передайте ему, что это будет великолепно, мисс Снайдер.

Дверь за ними закрылась. Минуты две Нэнси сидела спокойно. Затем резко дернулась и посмотрела на свою здоровую лодыжку. Нагнувшись, Нэнси обхватила ее рукой и сжала в порядке эксперимента. Стало больно.

Дверь с шумом распахнулась. Доктор Баллард, поспешно вбежав в кабинет, начал снова исследовать опухоль, мягко оцупывая ее контуры и одновременно засыпая Нэнси вопросами.

— Вы совершенно уверены, мисс Сойер, что до сегодняшней ночи не замечали здесь ничего особенного? Может быть, легкое изменение формы, или неприятные ощущения, стремление потереть лодыжку, или просто нежелание на нее смотреть? Припомните, пожалуйста.

Нэнси тревожно задумалась, но когда она заговорила, голос звучал уверенно.

— Нет, ничего такого.

Доктор покачал головой.

— Очень хорошо. А теперь, мисс Сойер, насчет вашей сестры. Она была похожа на вас?

Нэнси взглянула на него.

— Почему вас это интересует? Скажите лучше, что видно на рентгеновском снимке?

— У меня есть серьезные причины спрашивать, я вам потом это объясню. Тогда же расскажу и о снимке. Хотя, если вас это тревожит, то в одном вы можете быть уверены: опухоль ни в какой мере не является злокачественной.

— Слава Богу, доктор.

— Но теперь о сестре.

— Вы действительно хотите знать?

— Да.

В голосе и поведении Нэнси стало заметно какое-то возбуждение.

— Что же, да, мы были одинаковыми. Нас всегда путали друг с другом. Внешне очень похожи, но внутренне... — Ее голос прервался.

В атмосфере кабинета произошла какая-то неуловимая перемена. Внезапно Нэнси продолжила:

— Доктор Баллард, мне хотелось бы рассказать вам о ней, рассказать такое, что я практически никому не рассказывала. Вы знаете, этой ночью мне снилась именно она. По сути дела, показалось, что Бет меня и схватила, когда снился этот кошмар. Что с вами, доктор Баллард?

Доктор, казалось, действительно переменялся в лице, хотя в сумеречном свете это трудно было утверждать, и ответил, слегка запинаясь:

— Ничего, мисс Сойер. Пожалуйста, продолжайте.

Он слегка наклонился вперед и смотрел на нее, поставив локти на стол.

— Вы знаете, — медленно начала девушка, — обычно считается, что близнецы очень привязаны друг к другу. Если же люди слышат о близнецах, которые ненавидят друг друга, они полагают, что это выдумка писателей, стремящихся создать зловещий образ. Но в моем случае суцая правда и состояла в этом. Бет тиранила меня, ненавидела и... не стеснялась выражать свою ненависть физически. — Нэнси глубоко вздохнула. — Это началось, когда мы были детьми. Насколько я помню, она всегда была госпожой, а я — рабыней. И если я досконально не выполняла ее приказаний — а в некоторых случаях если и выполняла, — я всегда достаивалась шлепка или щипка. Причем щипалась она далеко не как маленькая девочка. У Бет были необычайно сильные пальцы. Я их очень боялась.

Есть что-то ужасное, доктор Баллард, как одно человеческое существо может подчинить себе другое, сломать его волю, уничтожить его способность давать сдачу. Вы думаете, что жертве совсем нетрудно было бы спастись — вокруг столько людей, учителя и друзья, которым можно довериться, отец и мать, но вы будто скованы невидимыми цепями, и во рту у вас невидимая затычка. И весь этот ужас растет и растет, как в концлагере. Целый внутренний мир боли и страха. А на поверхности — что же, с виду все в порядке.

Потому что никто, естественно, не имел ни малейшего представления о том, что происходило между нами. Все думали, что мы очень любим друг друга. Особенно хвалили Бет за ее “солнечную веселость”. А я, как полагали, была слегка “заторможена”. О, как она вертелась и суетилась около меня, когда вокруг были люди! Хотя и тогда ухитрялась меня щипать украдкой — причем очень сильно, но я даже не моргала при этом. Более того... — Внезапно прервавшись, Нэнси сказала: — Мне кажется, что я не должна злоупотреблять вашим временем, доктор, рассказывая обо всех этих детских стычках. К тому же, насколько я знаю, у вас сегодня вечером встреча...

— Просто неофициальный обед с несколькими старыми приятелями. У меня куча времени. Продолжайте, очень интересно.

— Самое странное, — продолжала Нэнси, — что я так и не поняла, почему Бет меня ненавидела. Она как будто испытывала ко мне сильную зависть, хотя для этого не было никаких причин. Из нас двоих удачливей была именно она. Получала призы, играла первые роли в школьных спектаклях, ей дарили прекрасные подарки, все мальчики бегали именно за ней. Но от успеха она почему-то стала еще хуже. Я иногда думаю, что удачливыми могут быть только жестокие люди, что успех — это на самом деле награда за жестокость... по отношению к кому-либо.

Доктор Баллард, сдвинув брови, чуть было не кивнул.

— Единственное, что мне помогло хоть немного понять ее поведение, — я прочитала что-то по психоанализу. Каждый из нас обладает равными количествами как любви, так и ненависти, и мы должны их уравновешивать и действовать таким образом, чтобы каждое из этих чувств получало свое выражение, но тем не менее так, чтобы ненависть всегда находилась под контролем любви.

Вероятно, когда два человека близки между собой, как это бывает с близнецами, это равновесие действует по-другому. Может быть, вся любовь и мягкость начинает собираться в одном человеке, а жестокость и ненависть — в другом. А затем ненависть берет верх, потому что выражение жестокости, силы и действия — это сконцентрированная эмоция, она не так туманно выражается, как любовь. И ненависть все действует и действует, пока не окрепнет настолько, что человека ничто не может остановить, даже смерть. Все это продолжалось, и действительно, чем дальше, тем хуже. — Нэнси внимательно посмотрела на врача. — Да, я понимаю, то, что я рассказываю, не так уж редко происходит между детьми. Знаете, большинству людей очень трудно ассоциировать фактическую жестокость с девочкой-подростком. Тем не менее я могла бы написать вам целую главу по этому вопросу. Конечно, большая часть того, что имело место в моем случае, было психическим насилием. Я стеснительная, а у Бет были тысячи способов привести меня в замешательство. И если мною интересовался мальчик, она всегда его отбивала.

— Никогда бы не подумал, что ей это удавалось, — заметил доктор Баллард.

— Вы думаете, я красивая? Я по-своему миловидна, но тогда это не имело никакого значения. Действительно, пару раз мальчики не отреагировали на ее приглашение, и оба раза Бет сыграла со мной шутку, которую могла сыграть только она, потому что мы были очень похожи. Бет выдавала себя за меня — а она в точности могла копировать мои манеры и голос, даже мои реакции, хотя лично я не смогла бы выдать себя за нее. Потом... она делала что-нибудь такое, что мальчики никогда после этого уже не подходили ко мне.

— Делала что?

Нэнси опустила глаза.

— Ну, выдавая себя за меня, жестоко оскорбляла его. Или делала какое-нибудь отвратительное, хвастливое признание. Если бы вы знали, с каким отвращением ко мне потом относились эти мальчики. Но, как я уже говорила, ее жестокость проявлялась не только в виде психического давления или нечестных выходов. Помню, бывали вечера, когда я сделаю что-нибудь такое, что ей не понравится, и лягу в кровать раньше нее. Когда Бет входила, я притворялась спящей, и через некоторое время она говорила... Я понимаю, что все это похоже на глупые детские шалости, но тогда это звучало по-другому, когда я, накрывшись одеялом с голо-

вой, вжимаясь в подушку, слушала, как Бет медленно ходит вокруг кровати и говорит: "Я думаю о том, как тебя наказать". И потом долгое ожидание, в то время как я еще притворяюсь, что сплю, и затем ее прикосновение... ох, доктор Баллард, ее руки! Я так боялась ее рук! Но... Что такое, доктор?

— Ничего, продолжайте.

— Больше и говорить-то почти нечего, кроме того, что ее жестокость и мой страх прекратились около года назад, когда Бет внезапно умерла от сгустка крови в мозгу. Я часто думаю с тех пор, не имела ли к этому какое-либо отношение ее ненависть ко мне, так долго и тщательно скрываемая. Те, кто ненавидят, всегда умирают от атиплексического удара, не так ли, доктор?

Помню, я склонилась над кроватью сестры в тот день, когда она умерла. Бет лежала парализованная, ее красивое лицо было белым и неподвижным как у рыбы, и один глаз больше другого. Мне было ее жаль (вы понимаете, доктор, не правда ли, что я всегда любила Бет?), но в этот момент ее рука, слегка передвинувшись по одеялу, коснулась моей, хотя она была полностью парализована, большой глаз немного шевельнулся, так что стал смотреть почти на меня, и губы шевельнулись. Мне показалось, что я слышу ее слова: "Я вернусь, и накажу тебя за это", и я ощутила, как ее пальцы задрожали, совсем чуть-чуть, как будто она хотела схватить меня за запястье, и я с криком отстранилась.

Мать очень рассердилась на меня за это. Она сочла, что я просто эгоистична и бездумна, боюсь смерти и неспособна подавить страх даже ради умирающей сестры. Я, конечно, не рассказывала ей об истинной причине. По сути дела, я никому, кроме вас, об этом не рассказывала. А теперь, когда рассказала, даже не понимаю, зачем. — Девушка нервно улыбнулась.

— Имеет ли это отношение ко сну, который вы видели сегодня ночью? — мягко поинтересовался доктор Баллард.

— О да! Мне снилось, что я иду по старому кладбищу, там росли кривые серые деревья, и небо над головой было серым, низко нависшим, угрожающим, и все там казалось странным и страшным. Но я почему-то чувствовала себя очень счастливой. Затем я ощутила слабое движение под ногами, посмотрела вниз на могилу, мимо которой проходила, и увидела, как в нее сыплется земля. Сначала это была небольшая коническая ямка, темная песчаная почва осыпалась по краям и проваливалась в маленькую черную дыру на дне. Я знала, что нужно быстрее бежать отсюда, но не могла сдвинуться с места. Яма все увеличивалась, земля сыпалась в нее кусками, а я будто приросла к месту. Я взглянула на могильный камень, там было написано: "Элизабет Сойер, 1926-1948". Из дыры показалась кисть, затем и вся рука, хотя на костях у нее оставались только клочки потемневшей плоти, она с судорожной, наводящей ужас быстротой стала ощупывать все вокруг. Внезапно земля вздулась и раскрылась, и из отверстия быстро выбралась фигура. Хотя

плоть ее позеленела и ссохлась, и вместо глаз была зияющая пустота, я узнала Бет, красивые рыжеватые волосы все еще сохранились. Потом иссохшая рука, коснувшись моей лодыжки, сразу же сомкнулась на ней, а другая рука стала тянуться вверх и вверх. Я закричала и проснулась.

Нэнси, склонившись вперед, в упор посмотрела на врача:

— Доктор, я боюсь.

— Мне жаль, что вы так расстроились из-за моих расспросов, — сказал врач, но в тоне его не было той уверенности, которая выражалась словами. Внезапно он взял ее за руку, и некоторое время они сидели молча. Затем, улыбнувшись, девушка пошевелилась и проговорила:

— Теперь все прошло. Глупо с моей стороны. Не знаю, зачем я вам рассказала. Это ведь не поможет вылечить мою лодыжку.

— Нет, конечно, нет, — слегка помедлив, ответил врач.

— Почему вы спросили, были ли мы с ней похожи?

Доктор откинулся в кресле. Голос его снова оживился:

— Я вам объясню, а также расскажу о том, что видно на снимке. Думаю, что здесь есть определенная связь. Как вы, вероятно, знаете, мисс Сойер, близнецы потому так похожи друг на друга, что происходят из одной клетки. Перед тем, как начать развиваться, она делится на две. Вместо одного индивидуума развиваются два. — Он сделал паузу, потом продолжил: — Но иногда, особенно если в семье есть наследственная склонность к рождению двойняшек, деление на этом не останавливается. Одна из этих клеток делится снова. В результате — тройняшки. Полагаю, так и произошло в вашем случае.

Нэнси смотрела на него озадаченно.

— Но что же случилось с третьим ребенком?

— С третьей сестрой, — уточнил врач. — В подобных случаях пол определяется первоначальной клеткой. Теперь, мисс Сойер, мы подошли ко второму пункту. Не все близнецы, развившись, рождаются. Бывает так, что развитие прекращается.

— И что с ними происходит?

— Иногда то, что от них остается, поглощается ребенком, который развивается полностью, — небольшие фрагменты тела, те или иные части оказываются в организме ребенка, который рождается. Думаю, так и произошло в вашем случае.

Нэнси странно посмотрела на него.

— Вы имеете в виду, что в моем теле есть частицы третьей сестры, которая не родилась?

— Именно так.

— И это имеет отношение к моей лодыжке?

— Да.

— Но как же тогда?..

— Иногда с поглощенными фрагментами не происходит ничего. Но иногда, возможно, многие годы спустя, они начинают расти — не злокачественно, но естественным образом. Есть достовер-

ные факты — в 1890 году мексиканский мальчик “родил” таким образом своего собственного брата-близнеца, полностью развившегося, хотя, конечно, мертвого. В вашем случае ничего подобного нет, но я уверен, что вокруг вашей лодыжки существует область поглощенного материала, который рос так медленно, что вы не замечали этого.

Нэнси внимательно его слушала.

— Что же это за материал? Я имею в виду поглощенные фрагменты.

Врач поколебался.

— Я не совсем уверен, — сказал он. — Снимок был... э-э... такие вещи всегда необычны, хотя и безобидны — зубы, ногти, волосы; никогда нельзя сказать точно. Мы это узнаем позднее.

— Можно мне посмотреть снимок?

Он снова заколебался.

— Боюсь, что вы ничего не поймете. Это просто путаница из теней.

— А могут ли быть... другие области поглощенных фрагментов?

— Сомнительно. А если и есть, то они вряд ли когда-нибудь вас беспокоят.

Наступило молчание.

— Мне это не нравится, — наконец сказала Нэнси. — Мне это не нравится, — повторила она. — Как будто вернулась Бет, оказавшись внутри меня.

— Фрагменты не имеют к вашей усопшей сестре никакого отношения, — заверил доктор Баллард. — Это части не Бет, а третьей сестры, если их вообще можно назвать человеческим существом.

— Но они стали расти только после того, как Бет умерла. Как будто бы душа Бет... И та ли это клетка разделилась, из которой развилась я? Или это была клетка Бет? И если я поглотила фрагменты второй половинки ее клетки, тогда... — Нэнси остановилась, — по-моему, я опять говорю глупости.

Доктор Баллард смотрел на девушку некоторое время, затем, с видом человека, поспешно принимающего стойку “смирно”, быстро кивнул.

— Но, доктор, — спросила девушка, как будто тоже резко возвращаясь к реальности, — что же теперь?

— Ну, — ответил он, — чтобы избавиться от этой деформации лодыжки, вам потребуется незначительная операция... Видите ли, подобное новообразование невозможно устранить при помощи прогреваний или инъекции. Здесь необходимо хирургическое вмешательство, хотя, вероятно, не более, чем под местным наркозом. Вы сможете лечь в больницу завтра? Тогда на следующее утро я мог бы вас прооперировать. Вы пробудете в больнице дня четыре.

Подумав, Нэнси кивнула:

— Да, думаю, что смогу. — И с отвращением посмотрела на свою лодыжку. — Честно говоря, я хотела бы отделаться от этого как можно быстрее.

— Отлично, тогда мы попросим мисс Снайдер все устроить. — И он вызвал в кабинет медсестру.

Войдя, сестра доложила:

— Вас ждет доктор Майерс.

— Передайте ему, что я сейчас иду, — ответил доктор Баллард. — И позвоните, пожалуйста, в центральную больницу. Мисс Сойер займет место, которое мы зарезервировали для миссис Фипс, но собирались отменить заказ.

И они занялись обсуждением деталей, в то время как Нэнси надевала чулок и туфлю.

Нэнси попрощалась и, оберегая больную ногу, направилась в приемную. Доктор Баллард смотрел ей вслед. Медсестра открыла девушке дверь. Приятельница Нэнси, сидевшая в приемной, с улыбкой встала ей навстречу.

— Мисс Сойер, — окликнул Нэнси доктор Баллард, когда сестра собиралась уже было закрыть дверь.

— Да?

— Если ваша лодыжка будет вас беспокоить, или что-нибудь еще, пожалуйста, звоните.

— Спасибо, доктор, я так и сделаю.

Дверь закрылась. Доктор вернулся к столу, достал из коричневого конверта рентгеновский снимок, и, включив лампу, стал недоверчиво его рассматривать. Засунув снимок обратно, положил конверт на стол. Из стенового шкафа достал шляпу и плащ. Выключил свет. Затем вернулся, взял конверт, сунул в карман и вышел.

Обед с доктором Майерсом и с еще тремя коллегами оказался для доктора Балларда даже более приятным, чем он ожидал. Болтовня, неспешная прогулка вечером, пересказ всяческих небылиц. Был момент, когда доктору захотелось достать из кармана рентгеновский снимок, показать его друзьям и рассказать собственную небылицу, но что-то его остановило, а потом он забыл об этом. Ведя машину, около полуночи, доктор Баллард ощущал приятную легкость, он даже что-то напевал себе под нос. Однако это настроение улетучилось, когда он увидел лицо мисс Уиллис, своей постоянной секретарши.

— Что такое? — бодро осведомился Баллард.

— Мисс Нэнси Сойер, она... — обычно невозмутимая, сидящая блондинка, казалось, с трудом подыскивала слова.

— Да?

— В первый раз она позвонила часа полтора назад.

— Ее лодыжка стала болеть?

— Она ничего не говорила про лодыжку. Мисс Сойер сказала, что у нее начинает болеть горло.

— Что?!

— Я тоже сначала решила, что это не так серьезно, хотя, конечно, сказала ей, что сообщу вам, когда вы вернетесь. Но она казалась очень напуганной и все время жаловалась на стеснение в горле... Поэтому я согласилась связаться с вами немедленно. Она повесила трубку, я позвонила в ресторан, но вы только что оттуда ушли. Затем я позвонила доктору Майерсу домой. Никто не отвечал. Я сказала оператору, чтобы он продолжал дозваниваться. Примерно полчаса назад звонила подруга мисс Сойер, Мардж Хадсон. Она сказала, что мисс Сойер легла в кровать и, очевидно, спит, но ее тревожит то, что мисс Сойер мечется во сне. И особенно ей не понравились звуки, которые производила мисс Сойер горлом, как будто бы ей трудно дышать. Мардж внимательно осмотрела горло мисс Сойер, пока та спала, и оно показалось ей опухшим. Я пообещала, что предприму все усилия, чтобы связаться с вами, и на этом мы закончили.

— Но это еще не все?

— Нет. — Мисс Уиллис снова разволновалась. — Не более чем за две минуты до того, как вы вошли, телефон снова зазвонил. Сначала было тихо, и я уже хотела повесить трубку, но затем услышала какой-то булькающий звук. Сначала тихий, потом громче. Как мне показалось, голос мисс Сойер. Она сказала всего два слова, хотя я в этом не совсем уверена, потому что она кричала так громко, что сработала защита телефона, и после этого голос пропал, хотя я слушала и все время повторяла "алло". Но, доктор Баллард, этот клокочущий звук! Вы будто слышите человека, которого душат, очень медленно, очень-очень...

Доктор Баллард, схватив хирургическую сумку, уже несся к машине. Для врача он хорошо водил машину, а этой ночью вел ее к тому же очень быстро. Будучи в трех кварталах от реки, доктор Баллард услышал впереди сирену.

Дом, в котором жила Нэнси Сойер, располагался в конце короткой улочки, завершавшейся высокой бетонной тумбой и металлической решеткой, а прямо впереди, внизу, была река. У решетки стояла пожарная машина, прожектор которой направлялся через забор вниз, прямо в слегка затуманенный воздух. Рядом с прожектором доктор Баллард заметил две фигуры в блестящих черных плащах. Выскочив из машины, он услышал крики и, как ему показалось, шум лодочного мотора. Мгновение помедлив, врач бросился к входу в дом.

Вестибюль был пуст. За прилавком бюро регистрации тоже никого не оказалось. Он побежал к лифту и хлопнул по кнопке двадцать третьего этажа.

В коротком коридоре была открыта только одна дверь. Там его встретила Мардж Хадсон.

— Она прыгнула?

Девушка кивнула.

— Сейчас ищут ее тело. Проходите.

Она провела его в темную спальню. Там стоял большой диван с беспорядочно разбросанной постелью. Рядом лежал телефон. Большое окно распахнуто настежь, через него волной шел речной воздух. Подойдя к нему, они выглянули... Кружившаяся на месте моторная лодка казалась игрушечной, прожекторы лодки и пожарной машины шарили по темной воде. Слабо доносились крики и тархатень мотора.

— Как это произошло?

— Я смотрела за ней, когда она лежала, — не оборачиваясь, ответила Мардж Хадсон. — Минут через двадцать после того, как я позвонила вам домой, ей, казалось, стало хуже. Я попыталась ее разбудить, но мне это не удалось. Я пошла на кухню, чтобы приготовить пузырь со льдом, и услышав какой-то звук, вначале не связала его с Нэнси. Затем поняла, что она задыхается. Я бросилась назад. Именно в этот момент она ужасно закричала. Я услышала, как что-то упало, думаю, телефон, — затем шаги и звук открываемого окна. Когда я вошла, Нэнси стояла на подоконнике в ночной рубашке и держалась за горло. Не успела я до нее добраться, как она прыгнула...

— Вечером до этого она жаловалась на горло?

— Да. Она сказала в шутку, что ее проблема с лодыжкой, должно быть, распространилась уже до горла. После этого она позвонила вам домой, но вас не было. Нэнси приняла аспирин и легла в постель.

Доктор Баллард включил лампу у кровати, достал коричневый конверт, вынул из него рентгеновский снимок и поднес его к свету.

— Вы говорили, что она кричала что-то, — произнес он, поколебавшись. — Вы поняли что-нибудь?

Девушка поколебалась.

— Я не совсем уверена, — медленно произнесла она. — Ее крик прервался внезапно, будто чья-то рука сжалась вокруг ее горла. Но, думаю, что я расслышала два слова: "рука" и "Бет".

Взгляд доктора на мгновение остановился на фотографии, стоявшей на комодe, — на него смотрело насмешливое лицо. Затем он снова занялся снимком с призрачными черно-белыми тенями. Руки у него тряслись.

— Ее еще не нашли, — заметила Мардж, смотревшая на реку и на ходившую кругами моторную лодку.

Доктор Баллард, не веря своим глазам, изучал рентгеновский снимок, как будто от его взгляда то, что на нем изображено, могло исчезнуть. Но изображение было четким и недвусмысленным.

Там, в черно-белом изображении рентгеновского снимка, он ясно видел кости лодыжки Нэнси Сойер, и, глубоко под кожей и плотью, крепко обхватившие их тонкие пальцы человеческой руки.

Перевод с английского
Анатолия ФЛОТСКОГО.

Многие из вас наверняка слышали одну из самых замечательных оперетт знаменитого французского композитора Жака Оффенбаха "Перикола". Но авторы либретто Мейлах и Алеви исказили историческую правду, придумав, по существу, новый сюжет, больше похожий на политическую сатиру. В этом нет ничего удивительного, они просто высмеяли нравы своего времени, царившие во Второй империи.

Однако, на самом деле, в XVIII веке в латиноамериканской стране Перу жила такая женщина, великолепная актриса и танцовщица, куртизанка, сумевшая не только обольстить, но и поднять на смех вице-короля, всемогущего правителя страны, лишив его высокого поста. Вот какова сила колдовских чар прекрасных женщин!

Среди застывших Анд

В 1740 году в небольшой перуанской деревушке Гуануко, в Перу, красивейшей горной стране, у испанского плантатора дона Бартоломе Вильегаса, родилась дочь, которую назвали Микаэла. Мать ее была из местных слуг, крещеная индианка.

Гордый испанский помещик-"колон", конечно же, не собирался брать в жены простую индианку, по сути, свою рабыню, но, будучи человеком порядочным, культурным и воспитанным, он не отказался от ребенка и даже лично крестил девочку в церкви. Она оказалась такой же красивой, как и мать — смуглая кожа метиски, черные волосы, орлиный, как у всех инков, профиль, но европейская кровь со временем брала свое. Ее кожа стала почти белой,

внешность приобрела изящество, свойственное светским девушкам из знатных семей. Природа наградила ее не только ослепительной красотой, но и феноменальной памятью. В пятилетнем возрасте она цитировала длинные монологи из

**Лев
КАНЕВСКИЙ**

Перикола

пес испанского драматурга Лопе де Вега, и почему-то ей больше всего нравилась драма "Доротея". Словно сама судьба послала ей грозное предостережение, ибо этой пьесе предстояло сыграть важную, если не решающую, роль в ее жизни.

Отец, очень гордившийся подвижной, бойкой и смышленной девчонкой, решил дать ей приличное образование. Когда Микаэле ис-

полнилось двенадцать, он привез ее в один из лучших пансионатов для молодых девиц в столице Перу — Лиме.

В пансионе она провела шесть лет. Отец довольно часто приезжал к ней, и каждый его приезд в столицу становился для девочки праздником. В своем экипаже он возил дочку на прогулку или ярмарку, а главное — к большому драматическому театру Лимы, который Микаэла просто обожала.

Вечерами в своей скромной келье она, набросив на себя простыню, устраивала театральные спектакли для себя, играя сразу за всех актеров.

Когда ей исполнилось восемнадцать, в год ее выпуска, школа организовала прощальный вечер с театральным представлением, в котором в роли певицы и комедиантки участвовала и Микаэла. После представления к ней за кулисы пришел красивый, элегантно одетый молодой человек.

— Мигель Эчарри, — отрекомендовался он, — директор и владелец большого драматического театра Лимы. Мне очень хотелось бы пригласить вас в мою труппу. Могу ли я поговорить по этому поводу с вашими родителями? Контракт можно подписать хоть завтра.

Микаэла мечтала о театре, но не допускала и мысли, что когда-нибудь сама выйдет на подмостки.

Не чуя под собой ног, она сбежала вниз, в зал, чтобы среди зрителей найти отца. Она представила его сеньору Эчарри. Когда до донна Бартоломе, наконец, дошло, о чем идет речь, он чуть не задохнулся от негодования. Придя в себя, заорал:

— Да вы в своем уме? Неужели не понимаете, что таким предложением наносите оскорбление моей дочери?

Дон Бартоломе спешно покинул стены пансиона, увлекая за собой упиравшуюся дочь.

Перемены судьбы

У донна Бартоломе были совершенно иные соображения в отношении будущего дочери. Он вез ее домой, в Гуануко, чтобы сосватать за сына своего приятеля, тоже, как и он, богатого плантатора.

Подъезжая к имению, они заметили над горизонтом шлейф дыма. Горел их дом, конюшни, амбары, подсобные строения. Огонь перебросился на сухую траву пастбища, и ошалевшее от страха стадо бросилось наутек.

Наутро, когда пожар погасили, стало ясно, что от имения ничего не осталось. Дон Бартоломе в одночасье разорился. Его поставщики и кредиторы потребовали возврата денег. Для этого несчастному погорельцу пришлось продать и жалкие остатки некогда тучного стада. Богатый сосед, ранее согласный на брак сына с Микаэлой, как водится, пошел на попятную, и очень скоро отыскал для сына другую невесту, побогаче, причем, абсолютно белокожую.

А вскоре среди местных крестьян разразилась эпидемия оспы, которая не обошла стороной ни старика, ни Микаэлу. Дон Бартоломе умер. Микаэла два дня тряслась в ужасной лихорадке. За ней уха-

живала одна старуха-индианка из того же племени, что и мать. Она знала чудодейственные целебные травы, настой из них и позволил девушке выкарабкаться...

Когда через неделю она посмотрела на себя в зеркало, то ее от ужаса прошиб холодный пот. Прекрасное лицо оказалось изуродовано отвратительными оспинами. С такой физиономией — да на сцену? Но что теперь делать? Она осталась одна-одинешенька без средств к существованию.

...В индейском национальном костюме она, как и полагается крестьянкам, отправилась в далекую Лиму пешком. После утомительного двухдневного перехода, добравшись, наконец, до Лимы, она — усталая, взлохмаченная, вся в пыли — сразу направилась к театру и попросила привратника вызвать сеньора Эчарри. Близилось время представления, и к ярко освещенному фонарями зданию театра то и дело подкатывали роскошные кареты. На крыльце уже собралась толпа самых нетерпеливых зрителей в смокингах и нарядных платьях. Свет фонарей отражался в драгоценных украшениях дам. Их тонкие духи щекотали ноздри Микаэлы.

Услышав ее имя, сеньор Эчарри поспешил навстречу, через кулисы провел в свой кабинет. Стараясь быть как можно спокойнее, сохраняя достоинство, она рассказала ему о несчастьях, свалившихся на ее бедную голову.

Выслушав Микаэлу, Мигель бросил на нее уважительный взгляд.

— Хорошо, синьорина Вильегас, вы приняты. Сейчас, по-видимому, вам негде жить в Лиме. Могу предложить разделить комнату с моими сестрами. Обе они дебютантки в труппе.

Жизнь на подмостках

Наконец исполнилась ее давняя мечта. Микаэла могла играть все. Играла даже самые неблагоприятные и невыигрышные роли, не отказывалась быть и простым статистом, играть на выходах, произносить хотя бы одну жалкую фразу по ходу всего спектакля. Сама подгоняла себе костюмы, не отказывала в просьбе загримировать подругу, а иногда, если возникала необходимость, вооружась кистью, помогала работникам сцены разрисовывать "задник".

В 1760 году директор театра решил доверить двадцатилетней Микаэле главную роль в пьесе "La Gitanilla" ("Маленькая цыганка"). Уже вскоре ее имя украшало верхнюю строку всех афиш. Микаэлу все чаще приглашали в салоны богатых домов, где она в более свободной обстановке демонстрировала свои распалющиеся танцы. Появились поклонники из молодых аристократов, но в своих взаимоотношениях с ними она не заходила слишком далеко. Ее время стать куртизанкой еще не подошло, и Микаэла только добродушно посмеивалась над их ухаживаниями. Для нее был важен только театр, безраздельно царивший в ее душе, а в театре столь же безраздельно царил молодой красавец, директор Мигель Эчарри.

Нельзя сказать, что Мигель Эчарри был безразличен к своей юной примадонне. Откуда в таком случае букеты цветов, постоянно появляющиеся на столике в ее грим-уборной? А она, подчиняясь его невысказанному желанию, была готова играть, играть для него одного...

Микаэла чувствовала, что скоро, очень скоро состоится долгожданное объяснение. Новые подруги, сестры Мигеля, постоянно ее поддразнивали, убеждая, что их брат от нее просто без ума, что он все время твердит — она самая лучшая, самая талантливая, самая элегантная и самая красивая актриса его театра!

Все в театре жили волнующим предчувствием откровенных признаний в любви. Вот-вот должно произойти знаменательное событие, и у директора театра появится официальная примадонна, его дорогая жена.

Но, как часто бывает в жизни, неожиданный случай надолго оттянул долгожданную развязку, сделав их обоих глубоко несчастными людьми.

Театральные интриги

В октябре 1761 года в столицу Перу — Лиму прибыл новый вице-король Мануэль де Амад, назначенный самим королем Испании Альфонсом XII. В его честь организовали пышные торжества, длившиеся почти всю зиму. Большой драматический театр Лимы тоже не остался в стороне от общественной жизни, поставив по этому поводу драму Лопе де Вега “Доротея”. Заглавную роль, вполне естественно, отдали Микаэле. Но вскоре после начала репетиций возникло непредвиденное обстоятельство, круто изменившее привычную жизнь театра. В Перу из Мадрида приехала когда-то знаменитая, но уже постаревшая актриса Лола Перон, знакомая вице-короля еще по тем временам, когда тот был простым студентом в Мадриде и только готовился к дипломатической службе.

Кто-то по недосмотру пригласил вице-короля на репетицию “Доротеи”, полагая, что его особое внимание к пьесе вызовет интерес публики и, соответственно, принесет театру большие сборы. Вице-король появился в театре под ручку с сияющей Лолой. Узнав, какую пьесу репетируют, Лола, подпрыгнув от радости, вцепилась обеими руками в лацканы сюртука Эчарри.

— Это — великолепная пьеса, сколько раз я играла в ней в Мадриде!

Вице-король тут же поддержал свою пассию.

— Сеньор, подумайте только, какая вам привалила удача! Знаменитая Лола Перон в главной роли “Доротеи”. Каково?

Эчарри стало дурно. Неужели старая карга не понимает, что эту роль должна играть молодая, красивая актриса? Если доверить ей главную роль — спектаклю грозит полный провал. Пока он раздумывал, как ему поступить в такой сложной ситуации, вице-король приказным тоном произнес:

— Завтра утром прошу пожаловать ко мне во дворец. Проведете первую репетицию с сеньорой Перон...

К великому удивлению Мигеля, Микаэла не возмутилась, лишь побледила, услышав эту поразительную новость.

— Надеюсь, вы оставите меня ее дублершей?

— Само собой, Микаэла. С прежним жалованием. К тому же, когда эта авантюристка покинет нас, в следующем сезоне роль ваша!

Новое положение Микаэлы, как дублерши заезжей “дивы”, заставляло ее присутствовать на всех репетициях. Она не поднималась на сцену, предпочитая сидеть в затемненном зале — мрачная, злая, готовая взорваться от любой реплики в ее адрес.

Обе примадонны, заезжая и местная, люто ненавидели друг друга. Постоянное присутствие в зале этой “зазнавшейся, дерзкой девчонки” сильно конфузило Перон, мешало играть. Да и вся труппа весьма прохладно относилась к мадридской “звезде”. Тогда на помощь мегере поспешил сам Мануэль де Абат. Он постоянно приезжал в театр на репетиции, словно у него не было дел поважнее, и, сидя в своей ложе, то и дело громко нахвалявал игру Перон. Чувствуя, как накаляется атмосфера в театре, все только и ожидали, каким же образом Микаэла отомстит противной выскочке за свое унижение.

Однажды утром, за два дня до генеральной репетиции, Берта, актриса, игравшая в пьесе сводню Герарду, оступившись на лестнице, сломала ногу. В театре начался жуткий переполох. Актеры, как известно, люди суеверные, и от их внимания не ускользнул тот факт, что с актрисой случилось то, что предусмотрел для своего персонажа Лопе де Вега. В последнем акте сводня, падая с лестницы, разбивает себе голову. Требовалось срочно заменить пострадавшую. Но кем? Перепуганные актрисы дружно отказывались.

— Я готова сыграть эту роль, — послышался раздраженный голос Микаэлы с ее привычного наблюдательного пункта в зрительном зале.

Как ни странно, но Микаэла в новой для себя роли Герарды явно не блистала — все было серо, обычно и пресно. А Перон, обрадовавшись неудаче главной соперницы, подливала масла в огонь.

— Что же происходит с вашим “восьмым чудом света”, о котором мне прожужжали все уши? — ехидничала она.

Микаэла не отвечала на ее уколы. На премьере она словно очнулась ото сна. Перед зрителями предстала обворожительная Герарда, затмевавшая других актрис своей красотой, талантом, комическим даром. Посрамленной Перон достались жиденькие ленивые хлопки. Сам вице-король теперь по-другому воспринял очаровательную молодую актрису. Лично пришел к ней в уборную поздравить с успехом и пригласил во дворец на ужин. Такие же приглашения получили директор, режиссер и две сестрички Мигеля. А вот “звезду” обошли вниманием, и во дворец не пригласили. Такого подлого удара со стороны своего друга и любовника она явно не ожидала. Но ее еще рано списывать с театрального корабля, решила Перон, она сумеет отомстить всем обидчикам. Перед очередным спектаклем, за час до

поднятия занавеса, Перон через свою камеристку передала директору, что ей нездоровится, и она сегодня не сможет, к великому сожалению, выйти на сцену.

Раздосадованный Эчарри, отлично понимая, что кроется за таким неожиданным "недомоганием", побежал в грим-уборную Микаэлы.

Вскоре новость о неожиданной замене "Доротеи" с быстротой молнии облетела истинных поклонников театра в городе. Всем не терпелось сравнить игру двух актрис, своей, местной, и заезжей, из далекого Мадрида. Вызывая всеобщее удивление в театре, появилась Берта, сломавшая ногу. Но что удивительно: она шла, не хромя. Спектакль начался. Микаэла одержала полный триумф. Зрители устроили ей продолжительную овацию. Небольшая группа преданных поклонников неслась, сломя голову, по коридору к ее уборной, а впереди всех — кто бы мог подумать! — сам вице-король! Когда героиня дня осталась одна, возмущенный Мигель, ворвался к ней, распахнув ногой дверь.

— Вы меня убеждали в том, что Берта сломала на репетиции ногу. Но она только что отыграла спектакль, бегая по сцене, как угорелая. Что скажете по поводу такой странной метаморфозы?

— Ничего. Просто я попросила ее немного посимулировать. Обычная уловка, больше ничего. Я ей заплатила.

— В таком случае я вынужден вас уволить вместе с вашей сообщницей Бертой, разумеется. Не забывайте, Микаэла, здесь команду только я! Ни вам, ни Перон не придется устанавливать в моем театре свои законы.

Через пару часов Микаэла, забрав свои вещи из комнаты, которую делила с сестрами директора, переехала в лучший номер роскошного столичного отеля.

Когда стало известно об увольнении Микаэлы, возмущенные действиями администрации толпы поклонников актрисы потребовали возврата денег. Эчарри в отчаянии вернул на подмостки Перон. Но с ее участием прошло всего три спектакля, на которых побывало несколько десятков равнодушных зрителей. Театр пришлось закрыть. Лола Перон, чувствуя, что в далекой испанской провинции ей не сыскать славы, без особого шума отправилась на родину.

А Микаэла тем временем предавалась новому развлечению — все время проводила в кругу многочисленных пылких поклонников. Старательно осваивала новую для себя профессию, профессию куртизанки. Она очень быстро поняла, какое это прибыльное, не лишенное определенного удовольствия и соблазнов дело. Ее осыпали деньгами, дорогими подарками, драгоценностями. Прежде всего, Микаэла усвоила самое главное правило уважающей себя куртизанки — никогда не дарить своих прелестей одному и тому же мужчине дважды. Каждому из них она выделяла один вечерок, не больше. Насладившись ее объятиями, наутро они уходили навсегда, чтобы на досуге подсчитать понесенные убытки. Всего за несколько недель беспредельного распутства Микаэла сколотила целое состояние. Она съехала из отеля, приобретя большой дом, выдержанный в стиле ба-

рокко, купила дорогую мебель из красного дерева — главный атрибут домашней обстановки любой уважающей себя гетеры.

Теперь у нее было все: дом, деньги, любовники, состояние. Но она утратила театральное ремесло, которым всегда гордилась, потеряла и человека, которого искренне любила. Эчарри избегал встреч с ней, выражая полное презрение, а когда видел ее в карете, торопливо скрывался в ближайшем узком дворике.

Двери театра были по-прежнему закрыты. Микаэла, время от времени встречая в модном галантерейном магазине сестер Мигеля, узнавала, что тот несет большие убытки. Но несмотря на бедственное положение, лишь упрямылся, отказываясь возобновить спектакли.

Непомерной гордыней он добьется только одного — полного разорения, — печально раздумывала она. Какое глупое геройство! Что же она может для него сделать, чем помочь? Предложить денег? Но он их не возьмет. Вдруг она вспомнила о похотливых глазках вице-короля. Может, испробовать на нем силу своих чар ради спасения любимого? Но Мануэлю де Амату уже шестьдесят, он невзрачный толстячок с красноватым, отечным лицом, обожает охоту, не дурак выпить, любит карточную игру и никогда не отказывает себе в удовольствии потискать визгливых служанок. Нездоровый образ жизни стоил ему подагры, и когда начинался очередной приступ, он впадал в злейшую меланхолию, и все в ужасе разбегались по комнатам дворца.

Именно в такой день, явно неблагоприятный для посетителей, вице-королю доложили о приезде знаменитой актрисы, требовавшей у него аудиенции. При виде красивой женщины со стройным, несколько полноватым телом, зовущим к наслаждениям, ему стало легче.

Узнав о ее просьбе, он пошел ей навстречу. Без особых церемоний он отправил в театр двух высших полицейских чинов, которые потребовали от имени вице-короля немедленно открыть двери и уже вечером дать первый спектакль — драму Лопе де Вега «Доротея» с синьориной Микаэлой Вильегас в главной роли. Мигель пришел в ярость. Он был уверен, что обиженной им актрисе пришла в голову мысль оскорбить его и унижить. Но что он мог поделать? Против королевской воли не попрешь. Сжав зубы, Мигель сдался.

С каким нетерпением, предвкушая долгожданную встречу с любимым человеком, ехала Микаэла в театр... Радость оказалась, однако, скоротечной. К ее удивлению, репетицию проводила Камилла Эчарри, а ее братец заперся в своем кабинете. Его никто не видел весь вечер, не появился он, как обычно, и на сцене перед поднятием занавеса, чтобы воодушевить актеров.

После спектакля вице-король пригласил актеров к себе во дворец на дружеский ужин. Поехали все, кроме Мигеля. Счастливый Мануэль де Амата не спускал вожделенных глаз с Микаэлы. Он флиртовал с ней направо и налево, не стесняясь отпуская грубоватые двусмысленные шуточки, давал всем присутствующим понять, что намерен кое-что получить от красотицы за оказанную услугу...

Микаэлу же занимала только одна мысль, как поскорее выбраться из дворца и поехать к Мигелю, чтобы объясниться. Попросив Бертю передать вице-королю, что ей стало плохо, Микаэла помчалась к дому Мигеля, но там его не оказалось. Тогда она приехала в театр. Эчарри сидел в своем кабинете у окна. Она подошла к нему вплотную.

— Неужели вы до сих пор не понимаете, что я вас люблю?

Он долго, словно ничего не соображая, глядел на нее. Потом легко поднял на руки. Через мгновение она очутилась на кушетке из красного бархата...

На рассвете, проснувшись, Микаэла увидела, что его нет рядом. На ее обнаженное тело он набросил костюм Доротеи. Потянув его на себя, Микаэла услышала странный звук. Опустив взгляд, увидела, как рассыпались по полу золотые монетки. Она уже натянула на себя безвкусное аляповатое платье комедиантки, когда в кабинет вошел Мигель. Он долго молча разглядывал золотые кружочки на полу.

— Собери пиастры. Это плата за ночь.

Микаэла долго блуждала по еще сонным утренним улицам Лимы, пока наконец не оказалась перед дворцом вице-короля.

Подойдя к стражнику, потребовала, чтобы ее немедленно пропустили. Но тот грубо оттолкнул ее.

Возмущенная, она бросилась на обидчика, пытаясь добраться ногтями до его глаз. Шум на улице разбудил Мануэля де Амата. Он открыл окно. Микаэла, стоя на площади, подняла на него заплаканные глаза и никого не стесняясь, громко закричала:

— Если вы хотите меня, берите, отныне я ваша!

Так Микаэла стала любовницей самого высокопоставленного в стране вельможи — вице-короля...

Под каблуком куртизанки

Микаэла и прежде никогда не мечтала о вершине социальной лестницы и только смеялась в ответ, когда высшее общество откровенно унижало ее, называя "актриской" и "полукровкой". Теперь светские скандалы стали ее любимым развлечением. Потерявший от любви голову вице-король прощал Микаэле все выходки, послушно, словно преданный слуга, исполнял ее прихоти, капризы. Для этого, правда, пришлось запустить довольно глубоко руку в государственную казну, что, конечно, не возвышало его в глазах народа.

Не скупясь, он оплачивал коробки с дорогими платьями, привозимыми на специальном корабле из далекой Европы, парики, драгоценные украшения, модную мебель и многое-многое другое... Выстроил для нее великолепную виллу в центре столицы, на самой большой улице Лимы. И когда понял, что не может выносить даже короткой разлуки с возлюбленной, заставил ее переехать в свою резиденцию. А Микаэла только этого и ждала. Чтобы добавить себе скандальной популярности, во дворце все поставила на широкую ногу. Деньги теперь текли рекой, и она купалась в умопомрачительной роскоши. От праздности и безделья выдумывала все новые проделки.

Завела входивший тогда у богачей в моду зоосад, в котором содержала породистых собак, лис, обезьянок и попугаев. Одного, самого смышленного, терпеливо дрессировала сама, научив ругательствам и обидным фразам. В дни аудиенций она сажала пернатого хулигана на карниз галереи, и тот с удовольствием осыпал оскорблениями знатных придворных дам. Когда среди них появлялась маркиза Альтамирано, которую Микаэла больше других ненавидела, попугай принимался повторять: "Сколько локтей др-р-ра-па?" Очень обидная шутка. Дело в том, что маркиза была не знатного происхождения, и в детстве в лавке отца измеряла отрезы драпа. Возмущенная маркиза подала на озорную птичку в суд, потребовав в качестве компенсации за моральный ущерб оторвать ей голову. Именно такой приговор и вынес судья. Но не тут-то было! Вмешался сам вице-король, потребовавший изменить птице меру наказания, так как Микаэла откровенно заявила ему: "Если оторвут голову моему попугаю, я оторву башку маркизе!"

Фанфаронство, провокации, проделки и причуды, скандальное поведение, однако, не могли заполнить вакуума в душе.

Вице-король, конечно, отлично понимал, что Микаэла его не любит, а лишь трижды в день исправно выполняет обязанности неофициальной жены. Но все равно не отпускал от себя ни на шаг, и она, по сути дела, стала пленницей в его дворце. Он говорил с ней только о лошадях, охоте и... лекарствах. Целая туча придворных медиков лечила вице-короля от различных заболеваний, а чтобы продлить мужскую потенцию, он постоянно пользовался снадобьями колдунов древних инков.

Однажды, когда его особенно сильно мучила подагра, и он, как обычно, впал в жуткую меланхолию, Микаэла взорвалась от нудного нытья. Она заявила, что ей все надоело, что она скучает во дворце, и, вообще, жизнь ее невыносима. По-видимому, пытаясь определить силу его привязанности к ней, Микаэла потребовала, чтобы он выкупил для нее у владельца большой драматический театр Лимы, которому собиралась присвоить свое имя. Она была прекрасно осведомлена, как худо там идут дела, и Эчарри не смог бы отказаться от такого завидного предложения.

Мануэль де Аамат как всегда исполнил ее очередной каприз. Так Микаэла Вильегас стала патронессой человека, которого не переставала любить. Получив в подарок театр, она вновь начала выступать на его сцене, и публика с ликованием воспринимала ее талантливую игру. Однако время страстного увлечения театром миновало, теперь он не доставлял ей прежнего удовольствия. И Микаэла вновь отдалась любимому теперь развлечению — развлечению в своем роскошном будуаре. Первым счастливымчиком стал знаменитый тореадор Рамон, в жилах которого, как и у нее, текла индейская кровь.

В один прекрасный день Микаэла, бросая безрассудный вызов всему городу, отправилась к Рамону домой в открытой карете. Теперь об их любовной связи стало известно в Лиме всем, до последнего нищего.

Пылая гневом, рискуя получить апоплексический удар, грозный правитель вызвал к себе неверную наложницу, брызгая слюной, потребовал объяснений.

— Никаких объяснений не будет, — хладнокровно заявила она. — Я тебе на самом деле изменила!

Вице-король чуть не задохнулся от неслыханной наглости.

— Шлюха! Индейская сучка! *Perra chosa!* — В гневе он немного переврал индейское ругательство.

— Что ты сказал? — насмешливо спросила она. — Перри кола? Что это, дружеская кличка, которую ты мне подобрал? Пе-ри-ко-ла. Клянусь Богом, это забавно. Я сохраню ее. Эти слова станут моим сценическим псевдонимом. Перикола! Отныне меня все будут звать только так!

Она торопливо покинула дворец, повторяя понравившееся ей оскорбление. А вице-король настолько разволновался после бурной сцены, что слег с сердечным приступом.

Наутро на всех площадях Лимы и на улицах, ведущих к театру, красовались новые афиши, сообщавшие театрам, что Перикола, бывшая синьорина Вильегас, даст тридцать представлений "Селестины" в своем большом драматическом театре.

Влюбленный вице-король сердился недолго. Очень скоро он заскучал. Принялся посылать ей дорогие подарки, направлял эмиссаров для переговоров. Эти демарши закончились тем, что он лично приехал в театр и силой увез строптивую любовницу во дворец. Микаэла твердо заявила ему, что отныне она — только Перикола, и не намерена отречься от своего нового имени.

Мануэль де Амад не стал перечить, правда, на всякий случай прогнал из страны тореадора, нанесшего ему личное оскорбление.

Теперь у нее не было другого любовника, кроме престарелого, облаченного высокой властью, по-прежнему обожающего ее толстяка. И она вознамерилась добить постылого ей королевского вельможу, окончательно сбросить его с седла. Перикола придумала смертельный удар...

В то время в Перу все важные сановники передвигались по городу верхом, либо на носилках, либо на двуколках. Только епископ и вице-король имели в своем распоряжении роскошные золотые кареты. Новую, с иголки, ослепительной красоты и элегантности, доставили для вице-короля на корабле из Испании, когда он вступал в должность. В карете он никогда не выезжал, приберегая экипаж к какой-нибудь весьма торжественной дате или событию. Вскоре такой случай представился. В лимском соборе проходило торжество по случаю крещения одного отважного индейского вождя, который долго, но безуспешно вел борьбу с испанцами, кровожадными завоевателями его родины. В конце концов его силы все же иссякли, и он решил покориться, для чего принял христианскую веру.

За несколько часов до торжественно-помпезного выезда к вице-королю заявила Микаэла. Без обиняков она заявила, что желает ехать в собор в его золотой карете. Тот опешил. Где это видано? Ко-

медиантка, куртизанка в золотой карете, символе власти? Позор! Никогда!

Перикола забрала вещи и вернулась в свой дом. Вновь она вступила в глухую борьбу с любовником и правителем страны, ожидая, кто же возьмет верх. Но военные действия продолжались недолго. Вице-король капитулировал на третий день. Перикола поставила еще одно условие — в карете она поедет одна. Как будет добираться до собора вице-король, ее не интересовало. Она все превосходно рассчитала. Народного бунта не предвиделось. Знала, как любит, как обожает ее простой люд, и как ненавидит испанского ставленника, презирает его за полную никчемность, за любовь к наслаждениям, праздности, за растрату казны. А Микаэла, напротив, снискала у него популярность, несмотря на положение официальной куртизанки. Перикола часто раздавала простым людям полученные от богатых поклонников подарки, а по воскресеньям, в выходной для “пеонов” день, приглашала в театр всех желающих, не имеющих денег, чтобы заплатить за билет, бесплатно. К тому же она, как и большинство жителей, была метиской, полукровкой, и рабы только радовались, что золото из кармана ненавистного вице-короля перекочевывает в сумочку его любовницы.

В день торжественного съезда в лимском кафедральном соборе местные жители наблюдали невиданную прежде картину. Микаэла, разодетая во все европейское, поблескивая драгоценностями, с важным видом сошла с мраморного крыльца дворца к ожидавшей ее золотой карете. За ней вышел хмурый вице-король и с каменным лицом направился к своему простенькому, будничному экипажу.

Неподалеку от собора лошади Микаэлы рванули вперед, обгоняя экипаж вице-короля, и вызвали панику среди почетного конного эскорта. Хитрость ее снова удалась. Она подкатила к церкви первой! Народ приветствовал ее оглушительной овацией. Перикола грациозно — вылитая королева — не спеша спустилась по откидной лесенке на землю. Вскинула в приветствии обе руки. Громким, театральным голосом, перекрывая добродушный гул толпы, начала:

— Мое тщеславие удовлетворено. Мне не нужна эта золотая карета. Выражая свою признательность Небу за прощение всех наших тяжких грехов, хочу передать этот благородный дар, преподнесенный мне вице-королем Перу, нашей Церкви. Я называю эту карету — каретой Святых Даров, и отныне она будет служить для доставки священника и запасных Святых Даров для причащения на дому больных, немощных и умирающих.

Под восторженный рев толпы Перикола в сопровождении епископа в золоченой парадной ризе взшла по ступеням в храм.

Когда церемония крещения инкского вождя закончилась, Перикола села в простую наемную двуколку и под пристальным, полным ненависти взглядом придворных дам медленно тронулась к себе домой. Ее уже не сопровождал почетный эскорт. Ее царствование подошло к концу. Оставались одни зыбкие, не греющие душу воспоминания.

Проезжая мимо театра, ей вдруг захотелось переночевать в нем, в своей грим-уборной, что она часто делала после затянувшегося спектакля. Она вошла в пустое гулкое здание, в сумерках осторожно дошла до двери своей уборной, с наслаждением вдыхая запах воска и пыли. Обрядившись в костюм Доротеи, Микаэла вышла на сцену и зажгла свечи рампы. Просто так, для собственного удовольствия начала читать отрывок из любимой пьесы.

Мигель Эчарри просматривал счета, сидя в своем кабинете главного распорядителя. Внезапно до него донесся чей-то глухой, взволнованный голос. Заинтригованный, он пошел через лабиринт кулис к сцене. Увидев знакомый силуэт Перикола, Мигель замер, стараясь не шевелиться, вслушиваясь в ее дивный, размеренный голос.

Когда она подошла к отрывку, в котором героиня сожалеет об утраченном любимом человеке, то громко, не сдерживая слез, разрыдалась. Закрыв лицо ладонями, Микаэла не заметила, как предательский язычок пламени свечи лизнул край ее марлевой юбки. Еще мгновение, и она бы вспыхнула, как факел. Мигель, сорвав тяжелую занавеску, кинулся на выручку. Набросив на Периколу плотную ткань, повалил на сцену, прижался к ней всем телом. После того, как опасность миновала, она долго лежала в его объятиях, вдыхая запах горелой материи, а из глаз ее уже катились счастливые, умиротворенные слезы.

В Мадриде стало известно о бесчинствах всемогущего наместника испанской короны. Через несколько дней после случая с золотой каретой Святых Даров корабль увозил на родину, в Мадрид, опального вице-короля.

Периколе, простой женщине неблагородного происхождения, да еще и метиске, за ее проделки тоже угрожала королевская кара. Не ожидая, когда ее выселят из дворца, она сама покинула его вместе со своим зверинцем. А ночью, тайком, на ручной тележке вывезла из дворца всю дорожную мебель. Теперь она перебралась на постоянное жительство в театр, а через несколько месяцев состоялась ее свадьба с Мигелем Эчарри.

Вместе с Мигелем они долго руководили своим театром, приглашая играть в нем европейских знаменитостей. В театре от зрителей не было отбоя — всем хотелось хотя бы краем глаза взглянуть на знаменитую Периколу, давно ставшую национальной героиней Перу.

После смерти мужа она в последний раз выступила на сцене в роли "Доротеи", после чего поступила в монастырь кармелиток, передав сестрам Господним все свое состояние.

Столетие спустя капитан английской армии, оказавшись в Лиме, из окна своего номера в отеле наблюдал такую странную картину. После печального колокольного звона, к паперти собора на Пласа Майор из ворот дворца вице-короля подкатила золотая карета Святых Даров. В нее сел священник, держа в руках дароносицу. По завету Перикола он ехал причащать умирающего... ■

НЕТ НЕТ НЕТ ЛЮБОВНОМУ БЕЗУМИЮ

Виктория МУРАШОВА

С Днем 8 марта, дорогие читательницы!

Смею утверждать: любовь — это разновидность помешательства. Настоящая любовь, разумеется.

А где проходит граница между этой самой большой любовью и откровенным безумием, когда зависимость от человека становится просто манией и не позволяет ни жить, ни даже нормально дышать? Когда при беспокойном сне ощущается и присутствие "предмета" во всех сновидениях. Когда ни работа, ни другие люди не вызывают ни малейшего интереса, настроение колеблется от депрессии ("Он [она] меня никогда не полюбит") до эйфории ("Разве мож-

но не ответить взаимностью на такую любовь?"). Наконец, когда даже собственная внешность теряет значение: любовь, как вы считаете, столь велика и одухотворенна, что не обязательно униматься до банальных уловок, чтобы обратить на себя внимание.

Каждый из наших читателей может добавить к этому списку что-то свое, но главное — от всего этого есть "противоядие": спасительные советы психиатров тем, кто страдает от любовного помешательства. Некоторые из этих советов столь просты и необременительны, что мы рекомендуем с ними познакомиться.

- 1** Следует организовать свое время так, чтобы не оставалось ни минуты для любовных грез.
- 2** Если мысли о возлюбленном или возлюбленной приходят в постели, не следует принимать в течение дня горизонтального положения. Если задумываешься о любви, стоя у окна, лучше вообще не приближаться к окну.
- 3** Необходимо избегать мест и людей, вызывающих воспоминания о любви. Не смотреть фильмы, на которые вы ходили вместе, не слушать когда-то любимых записей музыки.
- 4** Постарайтесь вспоминать о "предмете" только плохое. Не мешайте другим ругать его в вашем присутствии. Так можно приучить себя к мысли, что он не стоит ваших страданий.

В конце концов, если ничего не получается, клин можно выбить клином — новой любовью.

Еще следует знать, что зависимость от любви или любовное помешательство имеют те же источники и симптомы, что и наркомания. За этим болезненным чувством, как правило, скрывается неуверенность в себе, низкая оценка собственной личности, страх перед тем, что тебя отвергают и склонность к мазохизму и мученичеству.

Именно поэтому объект неконтролируемого чувства часто недосягаем, а иногда он просто не стоит никакого внимания. Впрочем, важен не он сам, а сопутствующие эмоции, потребность в сильных впечатлениях. Чтобы уметь любить, не попадая в зависимость от другой osoby и от своей любви, научитесь быть независимой и счастливой личностью.

Для этого, разумеется, необходимо прежде всего находиться в гармонии с самим собой. Советы астрологов, которые связывают звезды с темпераментом и внешним видом, на наш взгляд, тут как раз могут пригодиться.

Овен Человек действия. Цвета Овна — яркие, подчас излишне резкие, даже кричащие. Главным образом это — ярко-красный цвет. Женщина, родившаяся под знаком Овна, любит одежду, не стесняющую движение. Она не утруждает себя долгим макияжем, а коротко остриженные волосы причесывает в один миг. С удовольствием носит одежду из кожи. При макияже основное внимание уделяет глазам и щекам. Ее любимые духи — всегда фирмы "Ив Сен-Лоран".

Телец Щедрая натура Тельца и особенно глубокий взгляд подчер-

киваются теплыми тонами. Любимые цвета — природы и роз. Тельцы любят одеваться в дорогие ткани: шелк, бархат, твид. При макияже желательно использовать тени коричнево-золотистого цвета. Духи Тельца — "Шанель".

Близнецы Странствующая и вечная юная душа, где нет места скуке. Предпочитает спортивную одежду и обязательно постарается смешать стили и ткани — шубу с джинсами, шерстяной свитер с кожаной юбкой. Легкий макияж должен подчеркивать живое выражение лица. Духи выбирает всегда фирмы "Кристиан Диор".

Рак Нежная, чувственная и легко ранимая натура. Альтруист, любит посвящать себя семье. Мечтательница, предпочитает вышедшие из моды одежды, которые подчеркивают ее женственность. Ее любимая ткань — шелк, цвета — нежные и спокойные, лунный камень и перламутр. Бледному цвету лица подходит перламутровый макияж. Любимые духи — фирмы "Роша".

Лев Яркая натура, чтобы существовать, ей нужно привлечь к себе внимание окружающих. Однако за маской сильной и уверенной в себе женщины может скрываться уязвимость и даже наивность. Импульсивная, страстная, она любит гармонию оранжевых, золотистых и рыжих оттенков, обожает все, что блестит и часто слишком увлекается украшениями. Ее макияж всегда эффектен, а духи — самые дорогие, независимо от фирмы.

Дева Скрытной Деве скромность запрещает выделяться, отсюда ее вкус к белому и бледным цветам. Стремящаяся к совершенству, она строго следит за своим туале-

том. Деве идут классические одежды. Любит классические украшения, а при макияже пользуется нежными и бледными цветами. Любимые духи — от "Герлен".

Весы Это гармония пастельных тонов, чтобы подчеркнуть природное благородство души. Секрет успеха часто заключается в причёске Весов. Им как воздух необходимо внимание окружающих. Весам свойственно тонкое чувство красоты, поэтому каждый элемент туалета продуман до мелочей и женщины-Весы из тех, кто может часами просиживать перед зеркалом. Макияж, выполненный в пастельных тонах, всегда удачно гармонирует с туалетом. Любимые духи — от "Термеса".

Скорпион Предпочитает красное и черное, чтобы бросить вызов окружающим, оригинальные украшения, чтобы удивить, и дерзкие одежды, чтобы шокировать. Ревнивая и властная, женщина-Скорпион предпочитает яркий, вызывающий макияж, ей особенно важно выделить свой выразительный рот. Любит кожу, громоздкие украшения и духи фирмы "Эсте Лаудер".

Стрелец Стрельцу как нельзя лучше подходят фиолетовые тона, практичная одежда и аметист. Оптимист, подкупает своей дружелюбностью. Эта амазонка постоянно находится в движении, отлично чувствует себя в спортивной одежде, предпочитает брюки и длинные удобные свитера. Макияж вполне соответствует спортивной натуре Стрельца — натуральные тона с доминирующим розовым и персиковым. Любимые духи — "Кензо".

Козерог Свойственна естественная элегантность. Цвет — чер-

ный, подчеркивающий строгие формы Козерога. На первый взгляд холодная натура карьериста — это настоящий вулкан под айсбергом: влюбляется без ума и никогда не подведет друга. Довольно строгая манера одеваться в темные цвета удачно подчеркивает элегантность. Макияж — плод долгих раздумий, игра света и теней. Любимые духи — "Пуазон".

Водолей Мода будущего. Авангардистка, бросающая вызов всему миру, она не может представить себя похожей на других. Это — женщина двадцать первого века, ее мир — Космос, ее матери — синтетика и искусственный мех. Водолеи обожают смелые тона — серебряный и бирюзовый. Макияж Водолея попирает все правила, цвета могут смешивать совершенно произвольно, причем губы могут быть синими, а ногти — зелеными или фиолетовыми. Любимые духи — от "Нардена".

Рыбы В одежде — шум прибоя, морская волна и перелив всех цветов радуги. Перед их таинственным обаянием невозможно устоять. Рыбы стараются перенестись из реальности в мир мечты, поэзии, музыки. Меняется настроение — меняется и наряд, который часто кажется окружающим необычным. Фарфоровый оттенок кожи не терпит густого макияжа и яркого солнца. Любимые духи — "Клима".

Покупаем ПК

Рубрику ведет
главный редактор журнала "Компьютер и мы"
Андрей БОРЗЕНКО

Конечно, не хотелось бы, приобретя персональный компьютер, уже вскоре разочароваться в нем. Как избежать ошибки при выборе модели? Для простоты рассуждений попробуем провести такую аналогию. Допустим, вы решили стать владельцем автомобиля. Понятно, что останавливая выбор на скромных "Жигулях" или роскошном "Мерседесе", юркой "Газели" или вместительном "КамАЗе", вы прежде всего учтете вполне конкретные задачи (например, перевозка грузов), которые собираетесь решать, и, во-вторых, будете исходить из вполне конкретной суммы (цены на "Мерседес" и "Жигули" отличаются весьма существенно). Нечто подобное можно сказать и о покупке компьютера. Именно от имеющейся суммы и от предполагаемых задач, которые решать с его помощью, зависит, какой конкретно компьютер вы можете себе позволить.

В рекламных объявлениях и прайс-листах компьютерных фирм каждая модель компьютера сопровождается цепочкой "загадочных" букв и цифр. Именно они определяют тип основных компонентов ПК и некоторые технические характеристики (микропроцессор, тактовая частота, объем оперативной памя-

ти, емкость винчестера и т.д.). Иными словами, вкратце определяется так называемая конфигурация компьютера.

Вот, например, строка одного реального объявления: Intel Celeron 300 MHz, SDRAM 32 MB, SVGA 4MB AGP, HDD 3,2GB UDMA, CD-ROM 24x, Sound 16 bit Yamaha, mini-tower ATX. Можно догадаться, что рекламируемый компьютер выполнен на базе микропроцессора Celeron фирмы Intel, который работает на тактовой частоте 300 МГц. Объем памяти составляет 32 мегабайта, а емкость жесткого диска — 3,2 гигабайта. Имеется танец синтезатор звука и привод CD-ROM. Корпус системного блока компьютера выполнен в виде "мини-башни". А вот аббревиатуры AGP, UDMA и ATX понятны только тем, кто уже более или менее разбирается в компьютерных технологиях. Но об этом чуть позже.

Вы можете абсолютно ничего не понимать во внутреннем устройстве компьютера, но одно должны запомнить: не бывает "стандартной" конфигурации компьютера, а есть только базовые, иначе говоря, минимально допустимые конфигурации для решения той или иной задачи. Существует, например, расхо-

нее заблуждение, что для компьютерных игр требуется "несерьезный" компьютер. Это не так: именно в игровых персональных компьютерах, как правило, реализованы самые современные технологии, требующие сложных электронных компонентов. Так, компьютер, вполне пригодный для набора текстов и несложных бухгалтерских расчетов, обычно не годится для современных компьютерных игр.

Если вы определились с областью применения компьютера, считайте, что вы уже примерно наметили его базовую конфигурацию, и каждый из основных компонентов компьютера теперь может характеризоваться определенным буквенным или цифровым обозначением. Как же узнать о конкретном содержании "алфавитно-цифровой" цепочки? Для этого, вообще говоря, есть два пути.

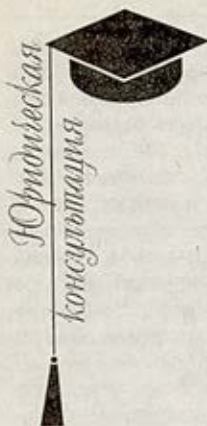
Первый из них — самый простой. Вы приходите в фирму, торгующую компьютерами и обращаетесь к консультанту. Вкратце рассказав ему о проблемах, которые вы собираетесь решать с помощью ПЧ, не забудьте назвать примерную денежную сумму, которой располагаете. Консультант должен подсказать, а по сути, подобрать необходимую конфигурацию требуемого компьютера. Кроме этого, он может предложить вам одну или несколько подходящих программ, имеющих в продаже. В ряде фирм такая услуга, как установка приобретенных программ на компьютер, может выполняться бесплатно.

Второй путь при определении базовой конфигурации компьютера предполагает, что вы уже имеете некоторое представление об "анатомии" персонального компьютера, и вас не пугают такие слова, как тип

процессора, емкость жесткого диска, размер оперативной памяти и т.д. Кстати, если есть возможность уговорить родственника или знакомого, разбирающегося в компьютерной технике, посетить магазин вместе с вами, не надо его пренебрегать.

Как мы уже отмечали, "оживляют" компьютер, конечно же, программы. Зная, какие требования предъявляют необходимые вам программы к электронной "начинке" компьютера, довольно легко определить нужную вам базовую конфигурацию. На упаковке программного продукта, как правило, указываются минимальные требования к компьютеру, который необходим для нормальной работы соответствующей программы. Правда, здесь нужно иметь в виду следующее. Фирма-производитель программного обеспечения указывает на коробке самую минимальную конфигурацию компьютера из всех возможных, так что ориентироваться на нее можно только как на некую пограничную черту. Например, процессор указанного типа может уже не выпускаться, однако данной программой можно пользоваться и на давно купленных (морально устаревших) компьютерах.

Где же приобрести компьютер? Указать конкретный адрес здесь, разумеется, невозможно. Начать следует с просмотра рекламы. Ее количество в прессе и на телевидении, как правило, связано с объемами продаж фирмы. Особое внимание стоит обратить на возможность дальнейшего обслуживания и ремонта приобретаемого компьютера, то есть на наличие консультационных и сервис-центров. Немалое значение имеет и срок гарантийного обслуживания техники. ■

Огород — не сад

☒ *“В прошлом году получили небольшой земельный участок под огород. Когда захотели построить на нем небольшой домик-временку, чтоб было где инструмент хранить, да и самим укрыться от непогоды, председатель товарищества запретил — мол, нельзя без разрешения поселковых властей. К тому же велел выкорчевать и несколько яблонь, которые мы посадили. Я считаю, что это — типичное самоуправство, тем более что неподалеку, в садоводческом товариществе — и яблони, и груши, и сливы, и картофель, и овощи выращивают, да и дома стоят двух-трехэтажные, а к ним еще и сарайчики всякие... Чем же мы-то хуже?”*

Вера Жеребцова,

Пенза

Вы, конечно, ничем не хуже, но, как говорится, закон есть закон. В данном случае речь идет о ст. 1 федерального закона “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан” и ст. 68 Земель-

ного кодекса РСФСР. Последний принят еще в 1991 году, и в нем, конечно, много анахронизмов. Тем не менее, он (с изменениями и дополнениями) продолжает действовать, поскольку новый кодекс наши думцы никак принять не могут.

Так вот, согласно первому закону (для удобства будем называть его в дальнейшем по дате принятия — законом от 15.04.98), на огородном земельном участке, в отличие от садового, не разрешается выращивать многолетние плодовые деревья и строить жилые дома. А согласно второму — для возведения “временных построек индивидуально-го или общего пользования для отдыха, хозяйственных строений и сооружений для хранения огородного инвентаря или укрытия от непогоды” огороднику необходимо получить разрешение органа местного самоуправления.

Есть ограничения

☒ *“Долго ждал очереди на получение участка для строительства дачи, но, когда она подошла, сказали, что больше 10 соток не дадут. А знакомые в соседней области (это всего в десятке километров от нас) получили 16 соток. Разве не все равны у нас перед законом?”*

Михаил Осипов,

Московская обл.

Перед законом, разумеется, все равны. Но дело в том, что законы бывают разные: федеральный действует на всей территории страны, “местный” — лишь на территории конкретного субъекта Федерации. В соответствии с федеральным законом от 15.04.98 г. размер садового, огородного

или дачного земельного участка "определяется законами и иными нормативными правовыми актами субъекта РФ..." Например, в Московской области он составляет для садоводов и дачников до 0,12 га, для огородников — до 0,15 га. В соседней области, где получили участок ваши знакомые, должно быть, свободных земель больше, а нуждающихся в них меньше, поэтому и размеры участков увеличены. Кстати говоря, местные органы самоуправления вправе, с учетом имеющихся возможностей, устанавливать на своих территориях даже конкретные размеры выделяемых участков.

Загляните в устав

☒ "Недавно на собрании нашего объединения садоводов разгорелся спор о том, можно ли платить (и сколько) председателю правления, или он должен работать на общественных началах: одни утверждают — платить нельзя, потому что законом это не предусмотрено, другие — платить можно, потому что закон не запрещает".

Игорь Мартынов

Удмуртия

Закон действительно не дает прямого ответа на этот вопрос, поэтому все зависит от того, что записано в уставе вашего объединения. Если в нем предусмотрена оплата работы председателя правления, то правление должно заключить с ним трудовой договор сроком до двух лет, в котором должны быть оговорены права и обязанности председателя (примерный перечень его полномочий приводится в ст. 23 федерального закона от 15.04.98 г.) и условия оплаты его труда.

Только общее собрание

☒ "Недавно мы случайно узнали, что члены правления, а вместе с ними и члены ревизионной комиссии нашего дачного объединения получили премии якобы за хорошую работу. Поскольку общих собраний у нас давно не было, получается, что руководство само себя поощрило. Разве это законно?"

Иван Колесниченко,

Тверская обл.

Конечно, незаконно. Согласно ст. 21 закона от 15.04.98 г., члены правления, ревизионной комиссии и некоторых других органов управления садоводческого, огороднического или дачного объединения могут быть премированы, но... лишь по решению общего собрания. На нем же устанавливаются порядок и условия поощрения. Но поскольку на собраниях не всегда бывает 100-процентная явка, о подобном решении обязательно должны быть в семидневный срок оповещены все члены объединения. И любой из них вправе обжаловать в суде решение общего собрания, если считает, что оно нарушает его права или законные интересы. ■

Владимир Михайлов,

консультант "Смены"

по юридическим вопросам.

Слыхали ли вы, уважаемый читатель, о том, что рубашку или платье можно подкрахмалить... куриным яйцом? Все ли рецепты бабушек, помогающие избежать гриппа, вам известны? Умеете ли правильно обрезать ветви на любимой яблоне, чтобы она могла радовать вас еще большими урожаями?

Нет?

Тогда читайте советы нашего "Практикума".

Зачем кипятить прищепки

Чтобы выстирать перьевую или пуховую подушку, нужно в большую посуду налить кипятка, поместить перо или пух в сетку или корзину, погрузить их в кипяток, затем вынуть. Повторять эту операцию до тех пор, пока из корзины или сетки не начнет вытекать чистая вода. Воду в посуде менять по мере загрязнения, примерно 2-3 раза.

Сильно загрязненные перья стирают в большом тазу в теплой мыльной воде с небольшим добавлением нашатырного спирта. Перья предварительно замачивают в этом растворе на 2-3 часа, затем вынимают порциями из таза или ванны и отжимают. Отжатые перья помещают в корзину или марлю и прополаскивают горячей водой. Сушат перья на сильном солнце, расстелив их на простыне и покрыв тонкой тканью.

Ватные одеяла стирают в мыльной воде жесткой щеткой. Нельзя крутить одеяло при выжимании, его надо развесить и дать стечь воде. Сушить на солнце,

прикрыв старой простыней от выгорания и время от времени поколачивать гладной палкой, чтобы придать вате прежнюю мягкость.

Отвар, в котором варились макаронные изделия, процеженный через марлю, может служить хорошим средством для крахмаления вязаных и вышитых вещей, нижних юбок, летних платьев и т.д.

Новые деревянные прищепки следует прокипятить в воде, иначе на белье могут остаться смоляные пятна.

Хлопчатобумажное платье можно крахмалить взбитым яичным белком при окончательном

полоскании (на одно платье один белок).

Если в воду, приготовленную для кипячения белья, опустить обмылки туалетного мыла, выстиранное белье будет приятно пахнуть.

Посудные полотенца и носовые платки лучше отстираются, если предварительно замочить их в соленой воде.

Черный шелк сохраняет свой блеск, если его полоскать в отваре грузинского или индийского чая.

Домашний доктор

Нередко бронхит, астма, другие серьезные болезни появляются как осложнение после гриппа, поэтому крайне важна его профилактика.

Чтобы "устоять" при эпидемии, одну столовую ложку цветков календулы залить стаканом кипятка и несколько минут кипятить. Настоять в течение часа, потом процедить и принимать по 1-2 столовой ложке до еды 3 раза в день.

Свежую луковицу натереть на терке. Полученную массу выложить на два слоя марли. Компресс накладывается на 10 минут на нижнюю часть носа, предварительно смазанную подсолнечным маслом (во избежание раздражения). Троекратное повторение процедуры в течение суток помогает предотвратить грипп.

При начинающемся насморке достаточно смазать слизистую оболочку носа соком каланхоэ (в просторечии "доктор") 1-3 раза.

Его используют также в смеси с кипяченой водой для полоскания горла.

При эпидемии гриппа нужно ежедневно в каждую ноздрю закапывать по 3 капли растительного масла.

Наждые 2-3 часа при насморке или начавшемся гриппе нужно принимать столовую ложку лукового сока (для детей можно в смеси с медом).

Для целенаправленного и длительного предохранения от гриппа 2 лимона (косточки предварительно удалить) натереть на обыкновенной терке. Потом так же измельчить 2 головки чеснока. Полученную кашицу перемешать и залить литром кипяченой воды. Выдержать 3 дня в темном месте при комнатной температуре. Настой процедить, поставить в холодильник и принимать по столовой ложке натощак. Профилактику продолжать с ранней осени до поздней весны.

При ночном кашле как детям, так и взрослым рекомендуется следующий состав:

яйцо свежее — 1 штука;
сахарный песок — 1 столовая ложка;
сода питьевая — на кончике ножа;
сливочное масло — 1 чайная ложка;
мед — 1 чайная ложка.

Все хорошо и тщательно размешать. Залить эту смесь 1 стаканом горячего кипяченого молока и хорошо размешать. Выпить этот состав, пока он тепло-горячий, не спеша, глотками. Принимать этот коктейль нужно по 1 стакану 3 раза в день.

При начинающейся ангине нужно в течение нескольких часов жевать сотовый мед, а для лечения ангины можно пососать гвоздику, которую используют для солений, и через некоторое время ядрышко раскусить.

Весенние хлопоты садовода

Любое плодовое дерево, будь то молодое, плодоносящее или старое, нуждается в периодической обрезке.

В большинстве районов, кроме южных, обрезку начинают примерно в конце марта — начале апреля, с наступлением теплых дней, и заканчивают в начале сонодвижения, но можно обрезать плодовые деревья, особенно пострадавшие от морозов, и во время цветения.

Чтобы правильно выполнить эту ответственную работу, садоводу-любителю прежде всего необходимо хорошо знать характер плодоношения различных сортов яблони и виды обрезки для определенного возрастного периода.

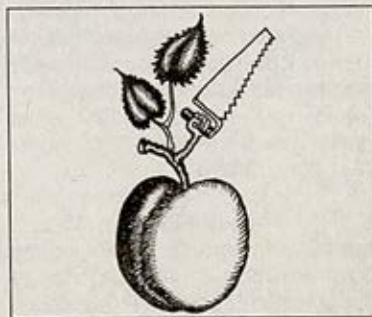
Прореживание улучшает условия воздушно-светового питания,

повышает долговечность плодовых веточек в кроне. Кроме того, прореживание, как и укорачивание, способствует утолщению оставшихся ветвей, хотя на длину побегов и силу их ветвления оно влияет меньше.

При прореживании вырезают "на кольцо" в первую очередь все побеги и ветви, растущие внутрь кроны, волчки (вертикальные приросты длиной до 2 м), переплетающиеся, трущиеся, свисающие вниз и больные ветви. Только помните: слишком сильная обрезка отрицательно влияет на общее развитие молодого дерева. Поэтому прореживание проводят один раз в 2-3 года.

У деревьев различных пород и сортов плодовые образования размещаются неодинаково. Это обязательно следует учитывать при обрезке, когда дерево вступает в период плодоношения: иначе можно лишиться части урожая. В период усиленного роста (до начала плодоношения) обрезать следует возможно меньше. Во время же плодоношения, когда деревья дают высокий урожай, обрезка должна быть более значительной. Обрезка яблони зависит от характера плодоношения.

Деревья сортов, плодоносящих в основном на кольчатках,

ветвистые, у них небольшие, но долговечные плодовые ветви. Слабые обрастающие веточки, возникающие из нижних почек прошлогоднего прироста, укорачивают. К этой группе деревьев в центральной полосе России относят Грушовку московскую, Папировку, Боровинку и другие. С началом плодоношения ветвление яблонь ослабевает, поэтому необходимо укорачивать их однолетние приросты, чтобы обеспечить образование на побегах одного-двух боковых разветвлений.

А вот обрезка сортов, плодоносящих в основном на копьецах, имеет свои особенности. Яблони этих сортов отличаются легкой пробуждаемостью почек и хорошей ветвистостью. Их плодовые почки формируются на верхушках приростов. Сложные плодовые ветви у них сравнительно мало разветвлены, средней силы и долговечности; кроны деревьев склонны к загущению. Наиболее типичны для данной группы сорта Бабушкино, Бельфлер-китайка, Мельба, Китайка санинская, Суйслепское. Укорачивать приросты у яблонь таких сортов следует по возможности меньше. Большую часть сильных побегов необходимо вырезать целиком, а меньшую — превратить в небольшие обрастающие веточки.

Имеются особенности и у обрезки сортов, плодоносящих в основном на концах удлиненных при-

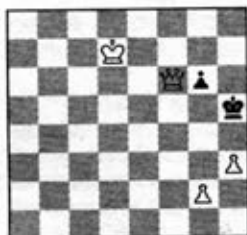
ростов. Эти яблони отличаются плохой пробуждаемостью почек, поэтому ветви у них вырастают голенастыми; плодоношение сохраняется только на концах ветвей; побегов образуется мало. У деревьев данной группы необходимо укорачивать однолетние приросты, чтобы предотвратить образование развилки. Чтобы улучшить обрастание скелетных ветвей плодовыми веточками, обрезку проводят над боковыми разветвлениями двухлетней древесины, то есть над боковой веткой, выросшей на приросте позапрошлого года.

И наконец, как грамотно производить обрезку сортов со смешанным типом плодоношения. Яблони этих сортов отличаются хорошей пробуждаемостью почек и средним ветвлением. Плодовые почки формируются на ветках различного типа (от кольчаток до веток сильного прироста). Плодовые ветки у них средней силы, многолетние, хорошо разветвленные. К ним относятся Антоновка обыкновенная, Анис полосатый, Славянка, Пепин ранний, Осеннее полосатое. Прирост яблонь названных сортов нуждается в сравнительно небольшом укорачивании и прореживании. ■

Практикум вели
Елена ЕВДОКИМОВА,
Елена КОХРЕИДЗЕ
и Александр КУЛЕНКАМП.
Рисунок Виктора Новалы

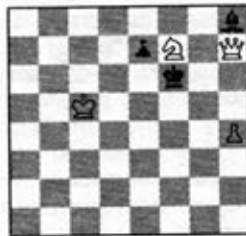
Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
VIII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

25. С. РАДЧЕНКО*Ростов-на-Дону*

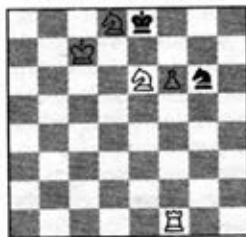
2

26. А. СЛЕСАРЕНКО*Дубна, Московская обл.*

2

27 В. ГРЕБЕШКОВ*п. Середка, Псковская обл.*

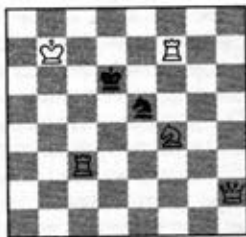
2

28. В. КЛИПАЧЕВ*Приморско-Ахтарск*

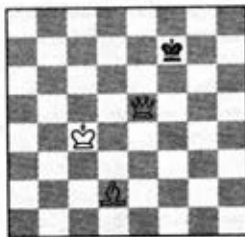
2

29. В. МАРНОВЦЫЙ*пос. Ильница*

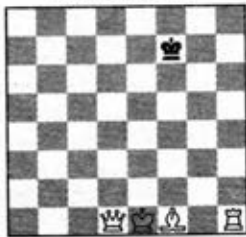
2

30. Г. МОСИШВИЛИ*г. Рустави, Грузия*

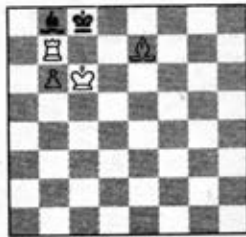
2

31. В. ЛУКАШЕВ*Таганрог*

3

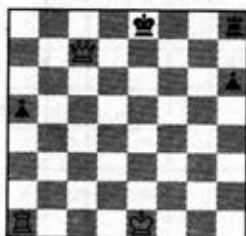
32. И. СОРОНА, Ю. КОСТИВ*Львов, Украина*

3

33. М. НАЛГИН*Воронеж*

3

34. Л. ЛЕБЕДЕВ
Бобруйск, Беларусь

3

35. М. ЧЕРНУШКО
Уссурийск

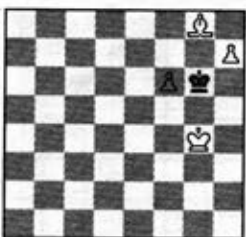
3

36. В. СИМОНОВ
Самара

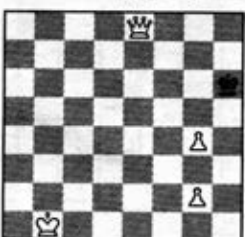
3

37. А. КУДРЯВЦЕВ
Абакан

4

**38. М. МАРАНДЮК,
Н. НАГНИБИДА,** Украина

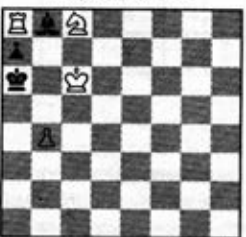
4

39. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

4

40. М. СОРОКА
Львов, Украина

4

41. Ю. СУШКОВ
Санкт-Петербург

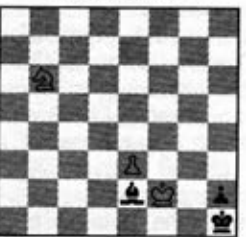
5

42. З. ГНАТ
г. Стрый, Украина

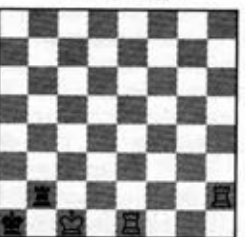
6

43. Ю. ЛЯЛЮШКИН
Екатеринбург

б) + черн.пе4 # 6

44. М. КОРМИЛЬЦЕВ
Екатеринбург

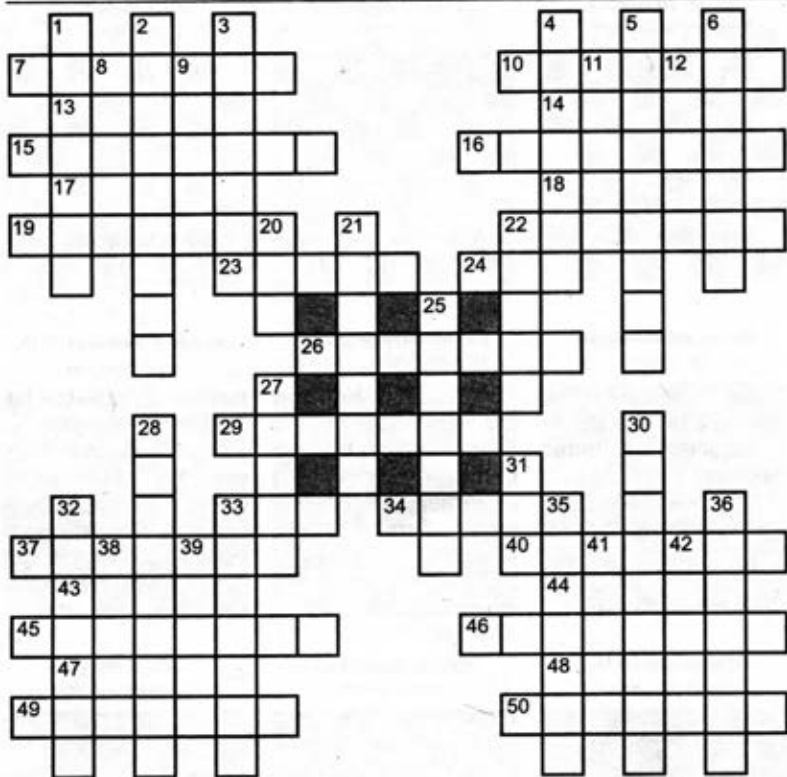

7

45. В. МОРОЗОВ
Москва

8

ЭРУДИТ

По горизонтали. 3. Труженица шпионской почты, впервые использованная немцами. 9. Шест в руках наюра. 10. Месяц, в который турки, по наблюдению Ж. де Нерваля, спят весь день, чтобы не мучиться от голода. 11. Основатель научной гигиены в России. 12. Панцирь черепахи с точки зрения статики. 14. "Собирайте, собирайте..., чтобы получить идею" (слова Бюффона, которые любил Гете). 15. Тайное движение вольных каменщиков. 16. Самая северная летучая мышь. 18. Хищник, бывший в Древнем Египте домашним животным. 21. Пустынный вопль. 24. Зеленый химический элемент. 25. Обрезанный с двух сторон, но ничего не потерявший жаргон. 26. "Глубиннейший русский поэт" (А. Белый). 27. Низ, ставший в русском названии ада изнанкой жизни. 28. Любовный диалог Платона. 30. Импрессионист, друг Бодлера, а позже - Малларме. 32. Забег на колесах. 33. Самый "натуральный" французский писатель. 34. Административно-территориальная единица в стране дядюшки Сэма. 35. Национальность Карлсона, живущего на краше. 36. Дешевка, свойственная массовой культуре. 39. Японская

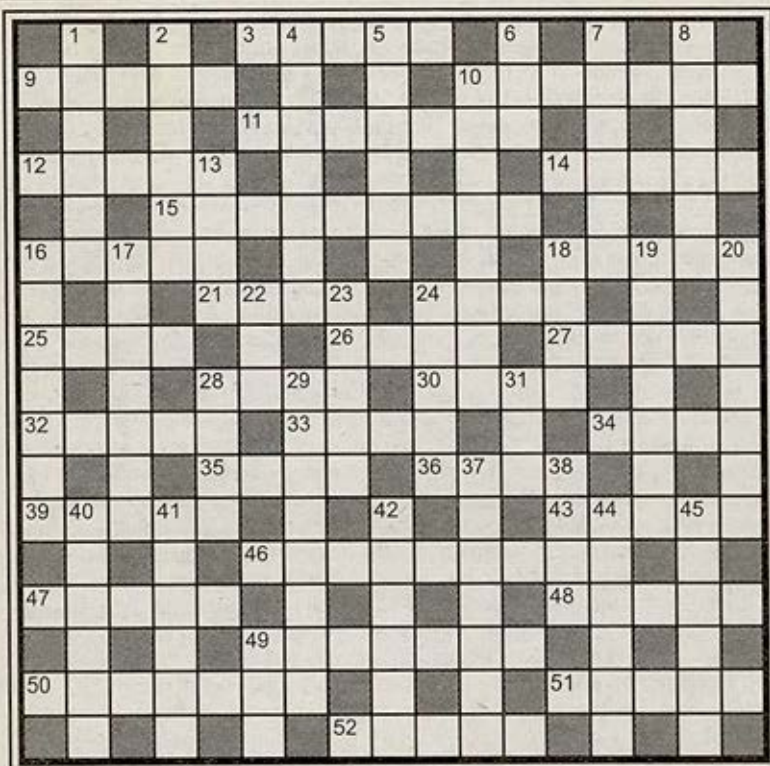
чайная церемония. 43. Французский художник, ходивший, как М. Пруст, на поиски утраченного времени, но не достигший такой же ясности изображения. 46. Трон для чемпиона и призеров. 47. Колотун. 48. Рена, на которой в 1445 году был разбит и пленен князь Василий Темный. 49. Третий наряду с Лютером и Кальвином великий деятель Реформации. 50. Комический номер коверного. 51. След от удара лбом о стену. 52. Родной город Гутенберга.

По вертикали. 1. Предшественник испанской песеты. 2. Кровельный материал в стиле ретро. 4. "Азартен ты, Парамоша!" (автор слов в исполнении М. Ульянова). 5. Морская рыба, догоняющая добычу. 6. Нандый из дерущихся, когда у холопов чубы трещат. 7. "Самая чудесная флотилия островов из всех стоящих на якорю на всех океанах" (М. Твен). 8. Якобинец, "Сарданапал террора". 10. Участок незнакомой дороги, ставящий путника в тупик. 13. Немецкий режиссер, дважды поставивший фильм "Индийская гробница". 16. Форма испанского геральдического щита. 17. Поэт, прошедший сталинские концлагеря и уцелевший после побега. 18. Литературный кавалер, чья любовь к вертихвостке возмущала М. Цветаеву. 19. Рязанский богатырь, прославившийся отчаянной храбростью в битве с Батыем. 20. Должностное лицо в русской армии, наблюдавшее, чтобы нандый подсудимый "был судим по точной силе законов". 22. Единица, из-за которой роман Ж. Верн по-русски правильнее назвать "111 тысяч километров под водой". 23. Отбросы человеческого общества. 24. Обитатель живого уголка в школе. 28. Нашейная косынка, популярная у русских модниц. 29. Ильм-долгожитель. 31. "Потускневшая" единица яркости. 37. Гормон, чья нехватка в организме вызывает диабет. 38. В басне В. Жуковского "Мартышки и лев" царь зверей говорит обезьянам: "Я, детушки, не ... Вы знатности моей не трусьте!" 40. Птица, принятая португальцами на Азорских островах за грифа, по которому их и называли. 41. Служитель мамоны, какими, по средневековому присловью, Рейнланд мог снабжать всю Германию. 42. Навказка, входившая в дом жениха под скрещенными кинжалами. 44. Влияние хвостом или языком. 45. Самый "политический" фрукт. 49. Последний представитель династии Ся, олицетворение безнравственности в Китае. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали. 3. ...смазь. 9. Воила. 10. Белорус. 11. Плебс. 12. Дебил. 14. Февраль. 15. Палатин. 16. Гаусс. 19. Сопна. 22. ...квит. 25. Диск. 26. Роль. 27. Овод. 29. Извет. 30. Хронограф. 33. Ломов. 34. Сион. 35. Язык. 36. Анта. 37. Шлиф. 39. Дюрер. 43. Авача. 47. Церковь. 48. Ленивец. 49. Негры. 50. Треть. 51. Жалейка. 52. Навык. 53. Индри.

По вертикали. 1. Монета. 2. Эллипс. 4. Молчаливость. 5. Зяблин. 6. Терем. 7. Боярдо. 8. Пухляк. 13. Ласк. 16. Герольд. 17. Угломер. 18. Гидролонатор. 19. Сниф. 20. Повозка. 21. Антинва. 23. Вор. 24. ...тон ... 28. Дос. 30. Хвар. 31. Гиш. 32. Ани. 38. Фавн. 40. Ювенал. 41. Енисей. 42. Щедрин. 44. Вьетан. 45. Черный. 46. Нерка.

КРОССВОРД

По горизонтали. 7. Нисточна на рыцарском шлеме. 10. Блюдо еврейской кухни, "еда за едой". 13. Представитель народа, живущего в Индии и Шри-Ланке. 14. Славянский дух, умеющий петь без слов, хлопая при этом в ладоши. 15. Сибирское название гадюки и просто змеи. 16. Мини-холм. 17. Церновный закон. 18. Город на рене Ия в Ирнгутской области. 19. Самая похожая на человека птица. 22. Немецкий историк культуры и философ, предтеча экзистенциализма. 23. Горячий напиток. 24. Боновой удар в бонсе. 26. Основной инструмент в белорусском оркестре народных инструментов. 29. Австралийский "водяной крот", роющий нору с двумя выходами. 33. Зеленая игольница. 34. Пугливый жираф, любитель ядовитых растений. 37. Манера, повадка. 40. Математическая "уравниловна". 43. Нынче - звен, а раньше - ... 44. Один из организаторов Ирландской конфедерации. 45. Сорт конфет. 46. Причина роста мужских рогов. 47. Подвиг Н. Гастелло. 48. Небесный антипод надира. 49. Книжное занятие, до которого в романе С. Скитальца "Нан-

далы" охотница, по словам Лавра, "образованная барышня" Саша. 50. Древняя страна, знаменитая пурпурной краской.

По вертикали. 1. Порт в Сирии. 2. Мировой змей, главный противник Тора в скандинавских мифах. 3. Мужчина на Руси, продавший себя в рекруты. 4. Общественный деятель. 5. Калифорнийский мак, чьи молодые листья можно есть как салат. 6. Французский соус. 8. Голубой... — драчливая рыба, способная выпрыгнуть из аквариума. 9. Помещик в рассказе А. Чехова "Волк", голыми руками одолевший зверя. 11. Сердце созвездия Льва, символ мужества и силы. 12. Одно из названий самого близкого к Дели города. 20. "Царь змей" в Индии. 21. Актер, сыгравший роль лейтенанта Гальцева в фильме "Иваново детство". 22. Поединок чести. 25. Танец, какой Гога в "Республике Шнид" исполнял на "зубарях". 27. Вертикальная плита с надписью, рисунком. 28. Судно с двумя корпусами. 30. Русские щи из "английского салата". 31. Старинное название теплого нафтана, тулупа. 32. Один из семи холмов, на которых возник Рим. 33. Совокупность молитв, читаемых священником от имени верующих, с просьбами к Богу. 35. "Первая из всех утех" (Вольтер). 36. Механический фиксатор в точных приборах. 38. Якобинец, которого противники считали "бешеным". 39. Немецкий композитор, первым заявивший о гениальности Шопена. 41. Последний крупный медик античности. 42. Самое известное судно Петра Первого. ■

*Составил А. ЯДЫКИН,
Климовск Московской обл.*

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали. 4. Эфрон. 10. Выброс. 12. Начало. 13. Терновник. 14. Скопас. 17. Газель. 20. Тина. 21. Траулер. 24. Улит. 25. Ядран. 27. "Ллойд". 29. Марциал. 32. Олеандр. 35. Облик. 38. Мастан. 39. Аут. 40. Червяк. 41. Креол. 43. Ящерица. 47. Арнадия. 51. Итана. 53. Бриан. 54. Юкна. 56. Дорлиак. 57. Идол. 60. Нарлин. 62. Касыда. 64. Ширпотреб. 65. Лавсан. 66. Раскат. 67. Жаров.

По вертикали. 1. Хвост. 2. Обгон. 3. Нота. 5. Фонтан. 6. Орвилл. 7. Пана. 8. Фанел. 9. Вольт. 11. Сестра. 12. Нигрол. 15. Ниса. 16. Паец. 18. Зуда. 19. Линд. 22. Рало. 23. Елок. 26. Динамит. 28. Йеменка. 29. Мумия. 30. Распе. 31. Флуер. 33. Невод. 34. Рания. 36. Бар. 37. Ито. 41. Нано. 42. Лара. 44. Цена. 45. Риал. 46. Цаднин. 48. Риннер. 49. Анис. 50. Ирод. 52. Арапка. 53. Бистро. 54. Юкола. 55. Кровь. 58. Дырна. 59. Ласты. 61. Ишан. 63. Абан.

В юности Олег Бурмистров мечтал стать музыкантом или спортсменом: в Кемерово любители музыки хорошо его знали как бас-гитариста в популярном местном ансамбле, а поклонники бонса часто могли видеть Олега на ринге. А вот рисовать начал... в 30 лет, когда оказался в Москве. Почему-то именно в первопрестольной он почувствовал тягу к живописи. И так как всегда напористо и основательно шел к поставленной цели, решил поступить в Народный университет искусств на отделение живописи и графики, не бросая работу в Моссовете оформителем. В 1991 году Олег впервые выехал за границу — в Германию. В Берлине художник рисует Бранденбургские ворота и Александерплац, пишет портреты друзей и делает зарисовки прохожих на улицах.

После Германии Олег отправился в Париж, где целыми днями пропадал в музее импрессионистов, изучал их подход к цвету и свету, совершающиеся на глазах превращения вечно меняющейся природы. Но настоящий переворот в его душе произошел, когда через год оказался в Италии, в Вероне. Каждый выходной ездил в Венецию — город, поразивший Олега своим великолепием, красками, многоцветными деталями.

"Когда вышел на площадь Сан-Марко, — вспоминает художник, — то пережил неизъяснимую радость. И понял — больше никогда не буду писать мрачными красками. Ощутил настоящий открытый цвет и необыкновенную дымку — плотность воздуха".

Именно в Италии рождается художественная манера, которую Олег разрабатывает в последующие годы. Появляются принципиально новые работы — большие станковые картины, купленные галереями Вероны. В 1996 году такие картины были представлены на выставке в Милане. Картины, посвященные Италии, — нежные и лирические, это мир камерных чувств. Художник передает особую дымку, особый воздух Италии, "сфумато", которое так любили старые мастера.

И совсем другие работы появились у Олега, когда он приехал в Латинскую Америку, в Эквадор — яркие контрастные краски, чистый открытый цвет, декоративность. Художник пишет бразильские маснарады, праздничные фиесты. В этих полотнах цвет — непосредственный выразитель содержания, он способен внушать определенные образные представления, нести смысловую нагрузку. "Для меня главное — эмоции, мое внутреннее состояние, — говорит художник. — Чувства, которые переполняют меня, выглесниваю на холст. Во всех моих работах — мое душевное состояние, настроение". ■

Людмила КАНДАЛОВА

Венеция.

Дворин в Нито.

ВЫ
НИКОГДА НЕ БЫЛИ
В РАЮ?
ЭТО НЕДАЛЕКО —
ОСТРОВ
ИСКЬЯ В НЕАПОЛИТАНСКОМ
ЗАЛИВЕ (ИТАЛИЯ)

Один из **самых красивых и известных** островов Средиземноморья. **Кристально чистое море, великолепные пляжи, 300 гостиниц с термальными бассейнами. Непревзойденный эффект** при лечении **ревматизма и артрита, остеохондроза, астмы, гинекологических и кожных заболеваний** (в т. ч. псориаза).

ФЛЕГРЕАН ТУРИСТ СЕРВИС

Тел.: (095) 246-71-26, 246-71-32, 246-89-80